РУБИН УДЛЕР

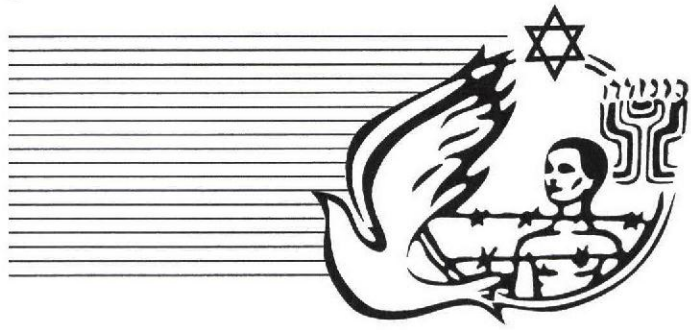

Годы бедствий

РУБИН УДЛЕР

Годы бедствий

Воспоминания узника гетто

RUBIN UDLER

Cursed Years

Reminiscences of a Holocaust Survivor

Pittsburgh
Chișinău
2003

Digitized by Project Zikaron
Touro University-NY Libraries
www.zikaron.tourolib.org
2026

CZU 94 (=411.16)"1941/1945"
U 16

Книга доктора филологических наук, члена-корреспондента АН Молдовы Рубина Удлера «Годы бедствий» – это правдивый рассказ о пережитом им, его семьей и близкими им людьми в годы второй мировой войны и Катастрофы на оккупированной немецкими и румынскими фашистами территории Советского Союза. Он не понаслышке знает о кровавой бойне в Одессе в октябрьские дни 1941 года, был узником гетто.

О Катастрофе написано много произведений различного жанра, есть и исследования, посвященные трагедии евреев в Транснистрии. Однако сравнительно мало издано мемуаров бывших узников фашистских лагерей и гетто Транснистрии, переживших Холокост. Большинство этих людей ушло из жизни, так и не оставив своих воспоминаний о пережитом. Тем ценнее для нас появление книги Р.Удлера. Дневниковые записи, привлечение документальных материалов, богатый жизненный опыт позволили автору глубоко осмыслить и нарисовать правдивую картину событий тех лет.

Мемуары Рубина Удлера будут интересны не только людям, пережившим Холокост и годы кровопролитной войны, но и молодому поколению, особенно в нынешней обстановке разгула антисемитизма и террора.

The book by Doctor of Philological Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Moldova Rubin Udler titled „Cursed Years" is a true account of what his family and relatives suffered during the years of World War II and the Catastrophe on the territory of the Soviet Union occupied by German and Romanian fascists. He knows by experience about the bloodshed in Odessa in October 1941, was a prisoner in ghettos.

Many literary works of different genres were written about the Catastrophe; there are also research works devoted to the tragic fate of Transnistrian Jews who survived the Holocaust. However, the memoirs written by the former prisoners of fascist concentration camps and ghettos in Transnistria are relatively few. Most of these people passed away without leaving any memoirs about what they had been through. This is why the publication of Rubin Udler's book is all the more precious. The author's diaries, usage of documents, wide life experience allowed him to understand deeply and to create a true-to-life picture of the events of those years.

Rubin Udler's memoirs are of great interest not only to those who survived the Holocaust and horrors of the war, but also to the younger generation, especially in the present-day atmosphere of raging of anti-Semitism and terror.

ISBN 9975-78-246-9

© Удлер Р.Я., 2003

ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

ДИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ
И ЯКОВА АРОНОВИЧА УДЛЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тех, кто отчетливо помнит большую войну, осталось немного. Встретившие ее в зрелом возрасте почти все ушли из жизни, и память о ней хранят более молодые поколения. Что помним мы, родившиеся накануне войны? Конечно, кое-что помним. Бомбежки, эвакуацию, постоянный голод, ожидание весточек от близких, страшные похоронки, возвращение на родину, радость Победы и торжественный парад. В Кишиневе в 1945-м тоже был парад, который мы, мальчишки-дошкольники, запомнили на всю жизнь. Почти полностью разрушенный Кишинев веселился, и везде были слышны песни. Тогда было принято петь в гостях, дома, в детских и взрослых компаниях. Это тоже помнит мое поколение.

Но есть и поколение постарше, участь которого была более тяжелой. К нему принадлежит и автор настоящих воспоминаний Рубин Яковлевич Удлер. Волею судьбы он оказался теперь в далеком Питсбурге – крупном университетском городе Западной Пенсильвании (США). Последний раз я видел его в 1989 году, а потом говорил с ним по телефону, будучи в Америке в 2001-м. Когда я вспоминаю этого человека, передо мной сразу возникают его глаза: живые, лучистые, источающие неуемную энергию. Он мне всегда казался безбрежным оптимистом, человеком решительным и предприимчивым. О его личной жизни я почти ничего не знал и вообразить себе не мог, через какие ужасные испытания прошел этот человек.

Р.Я. Удлер – один из крупнейших молдавских языковедов, представитель особой области диалектологии – лингвистической географии. И даже если бы он ничего не издал, кроме многотомного «Молдавского лингвистического атласа», этого было бы достаточно, чтобы навсегда войти в историю не только молдавской, но и вообще романской филологии. Для составления такого атласа надо много знать, изучить говоры сотен молдавских поселений.

Рубин Яковлевич Удлер – один из тех, кто опроверг довольно распространенное мнение о филологах как о кабинетных ученых. Конечно, ничего постыдного в кабинетности научных работников нет, это их повседневная работа, их цех, станок. Но Удлера в кабинете как-то трудно представить. За его спиной многочисленные экспедиции, беседы и огромная заслуга сохранения живой, простонародной речи молдаван, заброшенных в разные уголки огромного Советского Союза. Большинства этих людей сегодня уже нет в живых, но благодаря ученому-подвижнику Р.Я. Удлеру

сохранились записи бесед с ними, все особенности их речи, унаследованные от предков. За выдающиеся научные заслуги он был избран членом-корреспондентом АН МССР.

Оказавшись в Америке, Р.Я. Удлер посвятил себя прежде всего написанию воспоминаний. Мемуары пишут по разным причинам. Эти воспоминания – исполнение святой обязанности: живой должен рассказать о тех, кого уже нет в живых, напомнить молодым об иных временах, о людях, безвинно страдавших и погибших.

Рубин Удлер родился в румынском городе Брэила, где долгое время находилась Турецкая райя и который по Адрианопольскому миру 1829 года был передан Валашскому княжеству после русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Этот город отошел к княжеству благодаря России. Именно в нем, как и в другом перешедшем к княжеству городе Дмурджу, создается новое городское управление, которое затем было взято за основу по всей Валахии. В Брэиле и поселилась небольшая семья выходцев из Бессарабии, главой которой был Яков Удлер – шорник и кожевник, большой труженик. Он сумел добиться заметных успехов в своем ремесле, стать предпринимателем и занять заметное положение в городе. Дочь получила хорошее образование, сын учился в престижном лицее. Но сгустились политические тучи, и фашизм стал угрожать и этой семье. Тема «фашизм и семья Удлеров» – главная в воспоминаниях автора. Небольшая по тем временам семья – отец, мать, дочь и сын – столкнулась с угрозой национализма и антисемитизма и была вынуждена решать задачу жизни и смерти. Р.Я.Удлер пишет о семейных советах, как взвешивали все «за» и «против» и, наконец, все-таки решили покинуть Румынию.

Об оккупации Одессы и установившемся в ней режиме сохранилось немало воспоминаний. Но перед нами мемуары человека, смотревшего на развертывавшиеся события глазами еврейского парня, недавно переселившегося в СССР, а таких воспоминаний об Одессе конца 1941 года мне читать не приходилось. Они интересны и личными наблюдениями, ибо один замечает неведомые другому нюансы, и как важный исторический источник.

Но мемуары Р.Я.Удлера – не просто воспоминания свидетеля тех лет. Их писал уже зрелый ученый, прибегавший и к своим дневникам, и к литературе, изданной в разных странах. Это усиливает достоверность его мемуаров и вплетает личные впечатления в общий фон событий того времени, когда решалась судьба всего мира.

Прежде всего Р.Я.Удлер опровергает мнение о неком «мягком» румынском фашизме. Он прямо пишет: «Жестокость румынских органов власти, возглавляемых правительством Антонеску, превзошла зверства и кровожадность хортистов, тисовцев, усташей и фашистов других европейских стран – Польши, Греции. Румынские фашисты не были гуманнее немецких». Это признания человека, не только видевшего, что творилось вокруг (грабежи, издевательства, избиения, последовательное физическое уничтожение людей), но и на себе ощутившего все ужасы фашистского произвола. Однако даже среди офицеров и солдат румынской армии, чиновников

румынской администрации Р.Я.Удлер выделяет людей, стремившихся хоть как-то помешать произволу. Он называет их порядочными людьми. Это капитан Раду М. Бадиу, совестливый, религиозный и добропорядочный человек, мэр города Черновиц д-р Траян Попович и другие. Но они представляли редкое исключение.

Автор гневно клеймит диктатора Иона Антонеску и осуждает тех, кто сегодня пытается его обелить и представить как национального героя. Он поименно называет идеологов румынского фашизма и тех, кто проводил эти идеи в жизнь, уничтожая сотни тысяч ни в чем не повинных людей. «Только от Красной Армии, – пишет Р.Я.Удлер, – мы ждали освобождения из гетто, спасения наших жизней. Больше не от кого было ждать».

Для Р.Я.Удлера Красная Армия – это его армия, и он видит ее принципиальное отличие от армии фашистов. Он описывает радость освобождения из фашистского гетто весной 1944 года и то, как вели себя советские солдаты. «Как отличались эти люди от тех, которых прогнали, – убийц, душегубов, насильников! Как много значат идеология, мировоззрение, воспитание. Перед нами проходили пожилые люди, многие уже седые, и безбородые юноши, русские и грузины, таджики и армяне, люди разных национальностей, интеллигентного вида и простые рабочие и крестьяне, общее у них было одно – они защищали свою родину, свою землю, свою семью. Они никого не порабощали, не измывались над иноверцами».

Именно в эту армию пошел Р.Я.Удлер добровольцем. Но его направили не на фронт, а в трудовую армию, в составе которой он проработал больше года на далеком Севере, в Коми АССР, где на его долю выпали новые испытания.

Книга Р.Я.Удлера интересна зарисовками с натуры, отражением человеческих характеров. Он показал, как война стала проверкой на прочность. Даже в оккупации среди предательства, коллаборационизма, малодушия, безразличия он встречает достойных людей. Это жена кадрового офицера обыкновенная русская женщина Таня, которая, как пишет автор, «спасла нам всем жизнь». Это дядько Андрий, руководивший работой евреев в гетто, это Ваня Жук, открыто демонстрировавший свою ненависть к румынам, молдаванин-коммунист Антон Блануцэ, Сергей Петрович Мезиновский, прятавший семью беглых евреев. Свидетельства автора тем более ценны, что рассказывает он не о литературных персонажах, а о реальных людях, с которыми ему пришлось столкнуться в труднейших условиях военной поры.

Воспоминания Р.Я.Удлера – это не только своеобразная семейная сага. Это ценнейший исторический документ. Автор рассуждает о политике Румынии на разных этапах войны, пишет, как победа советских войск под Сталинградом отразилась на положении оставшихся в живых евреев Транснистрии. Как отмечается в книге, стали меньше убивать, но больше грабить. Привлекают внимание сопоставительные материалы об отношении к евреям в рядах

Красной Армии, где автор не ощущал никакого антисемитизма, и в странах фашистского блока. И, конечно, особый интерес вызывает рассказ о положении в различных гетто. Различались и судьбы евреев: одни поплатились своими жизнями, другие перенесли все муки ада, но остались живы.

Автор пишет о взятках, которые брали румынские власти для оформления выезда в Палестину. При всей приверженности своему народу, Р.Я.Удлер выделяет добрых и порядочных людей разных национальностей. Он останавливается и на репрессиях в СССР, дает им свою оценку, пытаясь разобраться в их причинах и следствиях.

По-своему он трактует и советско-германский договор от 23 августа 1939 года, оценивая его как крупнейший просчет руководства Советского Союза. Да, по поводу этого договора идут непрекращающиеся дискуссии. Он был заключен в период Халхин-Гола, то есть самой настоящей советско-японской войны. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов. Нельзя не принимать во внимание и желание оттянуть войну с Германией в сложившихся условиях.

По другому довольно спорному вопросу, а именно о присутствии советских войск в Восточной Европе, автор пишет вполне определенно: «Присутствие армии в освобожденных странах Восточной Европы было необходимо».

Р.Я.Удлер, таким образом, отнюдь не ограничивается описанием того, что видел, но со своих позиций, исходя из понимания мировых процессов, дает им свои оценки.

Рубину Яковлевичу повезло. Его небольшая семья осталась жива. Большего счастья не может быть. Но двенадцать членов его большой семьи – дедушка и бабушка, дяди и тети, двоюродные братья и сестры – были варварски уничтожены румынами. Он же сам буквально вернулся из ада. Вернулся и поведал о нем тем, кто этого не знал, чтобы исполнить свой долг и предостеречь молодые поколения от повторения тех ужасов, которые он пережил.

Со страниц своих мемуаров Р.Я.Удлер предстает как последовательный антифашист и гуманист. Этими принципами пронизана вся его книга, которую он посвятил тем людям, которые дали ему жизнь – отцу Якову Ароновичу Удлеру и матери Дине Владимировне.

Читая воспоминания Р.Я.Удлера, я постепенно как бы вошел в его семью, мне жалко расставаться с ней. Я чувствую потребность продолжить общение и надеюсь, что Рубин Яковлевич продолжит свои мемуары. Ему есть еще что рассказать, и есть люди, которые с интересом ознакомятся со следующей книгой его воспоминаний.

Владислав Якимович ГРОСУЛ,
доктор исторических наук, профессор

ОДЕССА, 1941 ГОД

Из местечка Арциз, что в южной Бессарабии, бежали, гонимые страхом перед наступающими румынскими и немецкими войсками, все мамины родные – мать и отец, сестра и братья с их семьями. Их было 16 человек, и все они застряли в окруженной Одессе.

В октябре 1941 года фашисты заняли город. С первого дня оккупации начались страдания. Издевательствам, унижениям и лишениям не было конца. Румынские солдаты и местные мародеры забрали у них все вещи, которые представляли хоть какую-то ценность. Многое они сами отдали за кусок хлеба, за миску чорбы (фасолевой похлебки), а также за то, чтобы их оставили на время, не отдавали румынским жандармам или немцам-эсэсовцам на растерзание.

Дядя Нухим Глейзер, самый безобидный, самый скромный брат моей мамы, повесился в печально известной одесской тюрьме ДОПР. Его отделили от Хайки, его жены, такой же спокойной, уравновешенной женщины, и от сына Юзи, доброго и послушного мальчика лет 12. Нухима избивали, над ним глумились, и он, потеряв душевный покой и последние надежды, рано утром, как нам потом рассказали, произнес положенные молитвы Шахарит, крепко призадумался над словами: «Обрати взор свой с небес и посмотри: терпим мы насмешки и издевательства от других народов; нас, словно скот, ведут на убой; [нас ведут] на смерть, на уничтожение, на избиение и на поругание, но, несмотря на все это, мы не забыли имя твое... Господь, Бог Израиля! Не гневайся на нас более...» – и повесился на собственном брючном ремне. Можно себе представить до какого отчаяния его довели румынские изверги, что он, мужчина лет сорока, в самом зрелом возрасте, наложил на себя руки, он, еврей, вопреки иудейскому закону, покончил жизнь самоубийством.

Старший брат мамы, дядя Ицик, был женат на Хоне Куза, родом из Штефанешт, местечка около румынского города Ботошаны. У них было двое детей: Миша, мой ровесник, и Рита, младше года на два. Прекрасные дети, одаренные, отлично учились. Хона, женщина умная, проницательная и решительная, убедила Ицика, что нужно самим явиться в полицию. Она по-румынски объяснит комиссару полиции,

de Asistență
09252 30 MAR 1944

Ref.J.Nr.15266/1683

C ă t r e
Oficiul Județean Brăila
al Centralei Evreilor din România

574

B r ă i l a

Privește "Mforia Copilului"

Revenim la adresa Dvs.Nr.1199 din 23 Martie a.c.și vă arătăm că sunt în curs demersuri către Ministerul Afacerilor Interne pentru a se autoriza ca unii din orfani așezați în orașele din Moldova să poată pleca în alte orașe ale Țării pentru a fi crescuți și îngrijiți pe socoteala familiilor ce au solicitat aceasta.

De îndată ce vom avea rezultatul, vom reveni.

Vă rugăm deci a face cunoscut aceasta și d-lui Schwartz Jancu din orașul Dvs., Str.Ștefan cel Mare Nr.254, care a cerut ca orfanul repatriat Mișu Gleizer, aflător actualmente într'un orfelinat din Iași să-i fie dat pentru a-l crește și îngriji.

Șeful Secțiunii,

Dr.A.Radovici

Secretar,

IR

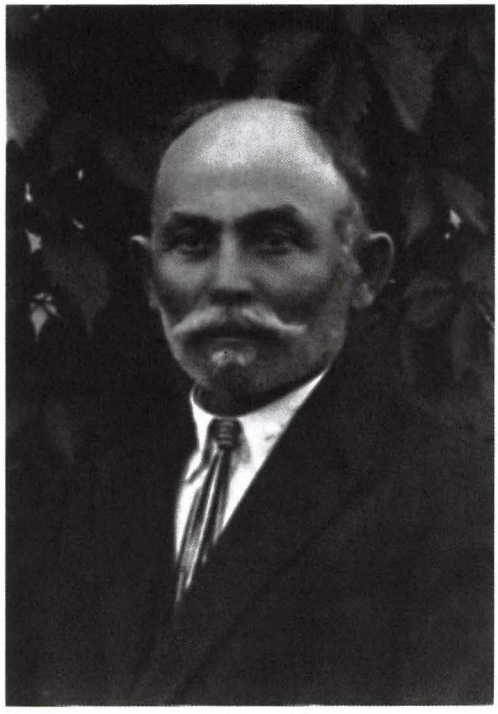
Dr.E.Costiner

de Asistență
Comisiunea de Ajutorare

Справка о поисках Миши Глейзера от 30 марта 1944 года (из D, VII)

Бабушка Удл Глейзер
(Арциз, 1939)

Дедушка Вольф Глейзер
(Арциз, 1939)

Дяди Ицик, Нухим и Мотя Глейзер (Арциз, 1937)

Фира и Рубин Удлер (Брэила, 1928)

Фира и Рубин Удлер (Брэила, 1930)

Двоюродные братья и сестры: Фира, Юзя, Рита, Миша, Эзя, Рубин (Арциз, 1935)

Двоюродные братья и сестры: Рубин, Фира, Рита, Юна, Нюма, Эзя, Юзя, Миша (Арциз, 1936)

кто они и откуда. И румыны, среди которых она жила до замужества и которых считала людьми добрыми и богобоязненными, их отпустят домой, в Арциз. Все четверо ушли и канули в Лету. Хона допустила роковую ошибку: это уже были другие румыны – легионеры, пропитанные духом национализма и звериного антисемитизма.

После войны, много лет спустя, моей маме кто-то сказал, что Миша жив, что он, среди других детей, благодаря содействию какого-то еврейского благотворительного международного общества, был вывезен в Палестину. Наши письма, запросы и мольбы ни к чему не привели. Пропал и он.

Младший брат мамы, дядя Мотя, вместе с женой Дорой и двумя малышами, Юной шести лет и Фирочкой одного года, делал отчаянные попытки оттянуть время ухода в гетто. При нем были бабушка Удл и дедушка Вольф, вдова Нухима Хайка с сыном Юзей, а также опекаемая Мотей младшая сестра Соня с мужем Велвелом и сыном Эзей.

Дядя Мотя был человек умный, здоровый, смелый и энергичный. Он неплохо говорил по-румынски и по-немецки, не раз удачно и ловко откупался от насильников. Но однажды при очередной облаве всю его семью, от грудного ребенка до семидесятишестилетнего старика, угнали.

Губернатором Транснистрии Джеордже Алексиану[1] были подписаны многие приказы и постановления, касающиеся

еврейского населения Одессы и всего края. Все они преследовали одну цель – уничтожить евреев.

В январе 1942 года из наших родных уже никого не осталось в Одессе.

* * *

После войны, когда мы добились разрешения органов милиции поехать из Белгорода-Днестровского в Бельцы, то есть из Украины в Молдавию, со специальным пропуском, дядя Мотя рассказал моей маме и мне следующее.

Схваченные в Одессе во время облавы евреи были доставлены под конвоем, кто пешком, а кто на открытых грузовиках, на Слободку, в пересыльное гетто. Несколько дней и ночей все мамины родные находились вместе в неотапливаемой хибаре. Стоял жуткий мороз. Насмерть перепуганные, замерзшие и голодные дети и старики сидели и лежали на глиняном полу. Сбившись в угол, они согревали друг друга.

Мотя и Велвел выходили, чтобы достать какую-то еду и узнать, что их ждет. После одного такого выхода Велвел не вернулся. Пропал. Страху и плачу не было конца. Его могли схватить и отправить с группой мужчин на разбор развалин или на другую работу, откуда никто не возвращался. Его мог застрелить какой-то жандарм, которому он не понравился. Да мало ли что могло в то страшное время случиться с евреем!

Потом стали сортировать людей. Стариков направляли в одну сторону, одиноких детей в другую, больных в третью и т.д. Постоянно, неизвестно куда, отправляли этапы. Так разлучили бабушку и дедушку, тетю Хайку и Юзю, тетю Соню и Эзю. Чудом удалось дяде Моте оказаться в одном эшелоне вместе с Дорой и детьми.

Почти два с половиной года они неописуемо страдали в гетто села Сухая Балка Березовского уезда. Смерть шла с ними рядом все это тягостное время. Весной 1944 года дядя Мотя вышел из гетто настоящим скелетом. Его жена и дети тоже были истощены до предела.

Долго и горько плакали тогда мама и дядя Мотя по своим утраченным отцу и матери, братьям и невесткам, сестре и зятю, племянникам. В местной разграбленной и чуть восстановленной синагоге дядя Мотя скорбно сказал Кадиш: «Исгадал веискадаш шмей рабо, беолмо ди вро хирусей, веямлих малхусей, веяцмах пурконей викорейв мешихей, бехаейхон увееймейхойн увехаей дхол бейс исроэйл, бааголо увизман корив веимру Омейн...», при котором мама и тетя Дора безудержно рыдали, а я, Юна и Фирочка с болью в душе вспоминали любимых безвозвратно пропавших.

На разрушенном и поруганном бельцком еврейском кладбище возложили цветы к братской могиле расстрелянных и замученных невинных жертв озверевших румынских легионеров, немцев-фашистов и местных извергов.

Можем ли мы и должны ли мы забыть эти ужасные преступления и простить злодеев? Нет, мы не можем и, главное, не должны! Пролитая кровь вопиет!

Имена всех двенадцати убитых родных высечены в граните памятника, который стоит на могиле дяди Моти, умершего в 1975 году[2].

* * *

Немецкие и румынские войска приблизились к Одессе в первых числах августа 1941 года. 19 августа по приказу Ставки Верховного главнокомандующего был создан Одесский оборонительный район. Командовать им назначили вице-адмирала Гавриила Васильевича Жукова.

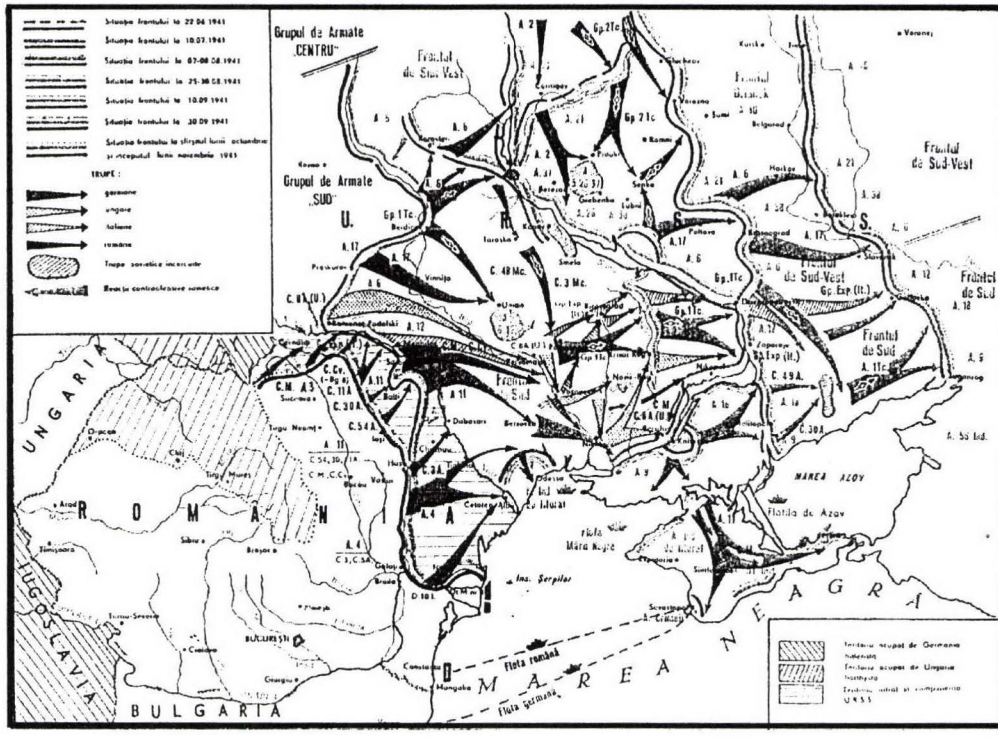
Сентябрь и первая половина октября 1941 года были для нас, как и для многих других бессарабцев, оказавшихся в Одессе, очень сложными месяцами. Кольцо фронта все больше и больше сужалось. Передовая долгое время удерживалась в Чабанке, Дофиновке, на Тираспольской дороге, на окраинах города. Мы постоянно слышали грохот артиллерийских орудий. Мужчин направляли на передовые позиции, а женщины и подростки строили баррикады.

Через весь город к порту шли легкораненые. Тех, кто не мог двигаться, везли на повозках или в машинах. На набережной помимо раненых бойцов скопилось много гражданских лиц. Это были родные подготовленных к эвакуации воинов, которые каким-то образом узнали, что их раненые сыновья, братья, отцы находятся здесь в ожидании отправки. Были тут и члены семей ответственных работников и военных чинов, подлежащие вывозу в первую очередь. Были и такие, которым удалось за большие деньги купить талоны, дающие право на срочную эвакуацию.

Я с отцом часто ходил в эвакопункты и в порт. Мы надеялись получить, как бессарабские беженцы, бесплатно талоны на любой пароход или приобрести за деньги такие талоны у тех, которые по разным причинам не могли уехать.

В толпе, в порту, мы наслышались разных историй и своими глазами видели много человеческого горя. Одни надеялись уговорить мать оставить Одессу, но она в последние часы отказалась, потому что еще верила, что сын жив и вернется к ней, домой. Другие не могли решиться оставить на добрых соседей парализованного отца или умирающую от рака сестру. У третьих накануне разбомбили дом

ACȚIUNI MILITARE LA FLANGUL DE SUD AL FRONTULUI
GERMANO-SOVIETIC. 9 IULIE – NOIEMBRIE 1941

Карта из RDRM, pl. 17

и из-под руин еще не достали одного из их детей. Здесь же рядом на носилках стонали тяжелораненые бойцы, которым никто не мог помочь. Тут же накрытые простынями, да и просто шинелями, лежали только что скончавшиеся чьи-то сыновья или отцы.

Из порта мы всегда возвращались расстроенными, надежд оставалось все меньше. Были случаи, когда нам предлагали один или два талона на пароход, но мать и отец не допускали и мысли разъединить в такое время семью. Моя сестра Фира, тогда ей было почти 20 лет, после одной ночной бомбежки пыталась уговорить родителей отпустить нас двоих, но они и слушать не хотели. Мама упрямо твердила: или выживем все вместе, или погибнем все вместе. Впоследствии оказалось, что она была права.

С каждым днем фашисты все больше и больше наглели. Осажденная Одесса превратилась в крепость. Помощь извне почти прекратилась. Фронт ушел далеко на восток, еще в августе был занят Николаев. Нового снаряжения не поступало. Убитых и раненых кадровых военных заменяли ополченцы, необученные подростки или мужчины, ранее признанные негодными к строевой службе. Истощались продовольственные запасы города. Пайки стали

минимальными. Лекарств не было. Немцы и румыны перекрыли подачу воды со станции «Днестр» из Беляевки. Выдавали воду по карточкам – на человека полведра воды в день. С чайниками или кастрюлями в руках выстраивались длинные очереди у колонок или у колодцев, которые долгие годы не использовались. Они теперь срочно расчищались. Многие люди после долгих часов ожидания, совсем обессиленные, возвращались без капли воды.

Прямые обстрелы из дальнебойных орудий и воздушные налеты участились. Мишенями стали жилые районы города. Бывали дни, когда с немецкой точностью налеты начинались в один и тот же час. Воздушные тревоги загоняли всех жильцов в подъезды или в подвалы. Напротив нашего дома номер 73 по улице Карла Маркса были подвалы, где когда-то хранился картофель. В пустые отсеки переселились жители верхних этажей с детьми, больными и стариками. Им было трудно все время бегом подыматься и спускаться по лестницам, по которым обезумевшие от страха люди заталкивали друг друга. Ночью в подвалах было темно (свет выключали в целях маскировки), сыро (вентиляция не работала), голодные крысы, противные и дерзкие, шныряли по людям. Их появление сопровождалось вскриками омерзения и ужаса. Опасались за маленьких детей и лежачих больных и стариков.

Дневные обстрелы и бомбежки мы, мальчишки, пережидали в подъездах. Из приоткрытых ворот мы наблюдали за воздушными боями и остро переживали за наших летчиков. Мы всей душой жаждали их успеха, хотели, чтобы они прогнали немецких стервятников. Мы верили в их победу. В те редкие случаи, когда зенитчики поражали вражеский самолет и он со шлейфом густого дыма стремительно уходил вниз в сторону моря, мы выбегали на середину улицы с криками: «Ура!» Мы ликовали. Нам хотелось верить в победу, которая принесла бы всем конец страданий и горя. Мы забывали о страхе и осторожности. Цокот осколков, сыпавшихся, как град, на асфальт улицы, радовал нас. Мы собирали горячие куски зенитных снарядов как дорогую память пусть о скромной, но важной для нашего духа победе.

Но часто горели наши истребители, и тогда мы горестно грустили. Однажды, это было 29 августа, мы наблюдали, как обстреливали с нескольких «мессершмиттов» со зверским упорством нашего летчика, спускавшегося на парашюте, и как он перестал двигаться, обмяк, запрокинул голову и опустил стропы. Опечаленные, мы провожали его глазами, пока он не скрылся за высокими зданиями. Мальчики сняли шапки, а девушки горько плакали. Позже мы узнали имя этого героя. Его звали Семен Куница.

Ночные бомбежки наводили ужас на нас. Бомбы падали с таким

резким специфическим свистом, что люди инстинктивно прижимались к стене или опускались, беспомощные, обреченно на землю. Дежурные, в основном женщины, часто неуклюжие и пугливые, бегали по крышам и чердакам и едва успевали сбрасывать зажигательные бомбы, которые внизу засыпали песком.

Когда фугасные авиабомбы и снаряды падали недалеко от нас, земля гудела и вздрагивала под нашими ногами. Обклеенные бумажными лентами стекла окон вылетали и с режущим ухо звоном разбивались об асфальт. Грохот падающих стен домов и скрежет арматуры усиливали панику. Все, казалось, ждали очередного удара, более прицельного, по нашему дому, над нашей головой. Матери прижимали к своей груди детей, в обнимку стояли старые люди. Никто не хотел пережить смерть дорогого ему человека.

Два снаряда упали за полквартала от нас, на улице Чкалова. Один угодил в стенку второго этажа углового дома и пробил дыру величиной в широкую дверь, а второй наполовину зарылся неподалеку в тротуар и не взорвался. Мы его осматривали со всех сторон с опаской, а потом наблюдали, как саперы его извлекли из земли и увезли.

Так шли день за днем, ночь за ночью. Люди жили надеждой на лучшие времена, на успехи на фронтах войны. Их мечтой было вернуться домой всей семьей, заняться мирными делами.

Люди, оторванные от остального мира, жили слухами, а они были тревожными. В открытом море немцы потопили несколько кораблей. Все раненые солдаты и эвакуировавшиеся женщины, дети и старики утонули.

Родственники и друзья шли в порт, чтобы уточнить правдивость слухов, и слабо надеялись, что они не подтвердятся. Но, ко всеобщему разочарованию, портовики подтверждали эти трагические известия.

Было время, когда боялись идти в порт. Вражеские самолеты бомбили пароходы с опознавательными знаками Красного Креста, стоящие под погрузкой, и на бреющем полете строчили из пулеметов по безоружным и раненым. Разбегаясь в панике и оставляя свои чемоданы и сумки, ошалевшие люди топтали упавших. Стонам, крикам и воплям не было конца. Горящие судна и строения густо дымились, и запах гари распространялся по всему городу.

* * *

Гитлеровцы бросили на Одессу 300-тысячную армию. Полегло здесь более 160 тысяч солдат и офицеров. Большие потери, более 130 тысяч солдат и офицеров (в том числе 71 585 убитых), понесли

румынские части, входящие в состав 4-й армии под командованием генерала Николае Чуперкэ.

Ожесточенные были бои в окрестностях сел Карпово, Выгода, Вакаряны, Октябрь и особенно у Дальника и Татарки[3].

Признавая огромные потери румынской армии под Одессой, Ион Антонеску на заседании Совета Министров 3 сентября 1941 года утверждал, что евреи-комиссары «с дьявольским упорством», угрожая револьвером, удерживали русских на позициях. Война в целом и бои под Одессой в частности с избытком доказали, что «Сатана – это еврей». «Это он и только он ведет славян как стадо быков и заставляет их умирать, стреляя до последнего патрона... Без евреев-комиссаров мы давно бы были в Одессе».

На заседании Совета Министров 5 сентября 1941 года Ион Антонеску свидетельствует, что русские были очень хорошо подготовлены и материально, и тактически. Поэтому ожесточенные бои продолжались дольше, чем румыны ожидали, и они понесли очень большие потери.

И на этом заседании Ион Антонеску одержимо повторял, что борьба идет не против славян, а против евреев, что это борьба не на жизнь, а на смерть, что из-за евреев-комиссаров советские воины гибнут с оружием в руках, но не сдают позиции[4].

Оборона города продолжалась 73 дня (с 5 августа по 16 октября 1941 г.). Обороняющими Одессу войсками командовали талантливейшие полководцы вице-адмирал Г.В. Жуков, генерал Е.И. Петров, полковник Я.И. Осипов, майоры Н.В. Богданов, А.А. Маловский, капитан А.И. Кузнецов и другие.

Последним погрузился на корабли полк морской пехоты, которым командовал полковник Яков Иванович Осипов.

* * *

13 октября внезапно город тревожно затих. Не было слышно рева и свиста самолетов и бомб, грохота и шума повозок и грузовиков, не слышны были орудийные раскаты. На улицах военных и милиционеров не было видно. Люди с опаской выходили из квартир и подвалов, собирались группками, озабоченно обсуждали происходящее. Не хотелось верить, как предполагали некоторые, что наши оставили город, что нас бросили на произвол судьбы. Было нечто жуткое в этой неопределенности.

Позже по радио было передано краткое сообщение о том, что по военным соображениям советские войска оставляют на время Одессу.

На следующий день улицы оживились. Я видел, как мужчины, женщины и даже подростки торопливо тащат откуда-то мешки с

мукой, кульки с табаком или махоркой, пачки соли и спичек и еще какие-то товары. Узнав, что в городе власти нет, народ опустошал государственные склады.

Хищения продолжались три дня. Разбивали замки и витрины универмагов, продуктовых и промтоварных магазинов. Ворованное вывозили на детских колясках, на импровизированных тачках, на чем только могли. Был какой-то нездоровый ажиотаж. Вспотевшие лица людей выражали неведомые доселе инстинкты – озлобленность, враждебность, жадность. Одесские люмпены, хапуги, мародеры и пьяницы наводнили улицы. Они вдруг высыпали откуда-то.

Три дня затишья без выстрелов и бомбежек были настолько непривычными, что мы не находили себе места. Чего-то ждали, чего-то боялись. Взрослые о чем-то очень озабоченно рассуждали и как-то ежились. Часто повторяли слово «погром». Нас, мальчишек, не пускали дальше ворот. Ужасно давила неопределенность.

Утро 16 октября 1941 года оказалось непривычно тихим. Было трудно понять, что происходит. Накануне ведь улица была запружена толпой! Мы не уходили из подъезда, о чем-то толковали, время от времени кто-то из нас выглядывал на улицу. И вдруг один из ребят испуганно, тихим голосом позвал нас. Сгрудившись у приоткрытой калитки, мы увидели, что со стороны вокзала под самой стенкой домов по одному на расстоянии примерно шесть метров друг от друга медленно и осторожно продвигаются заросшие солдаты в странной грязной форме. Мы плотно закрыли ворота и разбежались по квартирам. Всей семьей мы опасливо, из-за штор, стали наблюдать за происходящим на улице. По форме мы узнали румын. Лица были строгие, глаза их выражали сосредоточенное напряжение. Винтовки держали наготове. Шли они долго, все в том же порядке. Мы не могли оторваться от окон. Что нас ждет? Как они отнесутся к нам? Наконец, к вечеру это шествие закончилось. Улица снова опустела.

Заняв весь город и убедившись в том, что регулярных советских войск в городе нет, захватчики осмелели и предались бесчинствам. Они поверили в то, что они, победители, имеют право творить, что хотят.

Террор начался с первых же часов. Группами и в одиночку они врывались в квартиры якобы в поисках скрывающихся советских солдат, коммунистов и евреев. Удары прикладами и зверское избиение всех, независимо от возраста и пола, сопровождались угрозами немедленной казни. В карманы и ранцы запихивалось спешно все, что видели их алчные глаза. Особым спросом пользовались часы, браслеты, кольца, серьги, деньги. И тут же, будто кто-то их подгонял, они вторгались в соседние квартиры, где повторялись их мерзкие действия. Окрики возбужденных

жадностью и вседозволенностью румынских солдат и вопли насмерть перепуганных людей, совсем не понимавших румынскую речь, заполняли весь дом, всю улицу. Осатаневшие солдаты гнались за молодыми женщинами, насиловали их группами, часто на глазах у окаменевших от ужаса членов семьи.

Но в таком городе, как Одесса, были и другого рода индивидуумы. Это блатные, всевозможные мошенники, воры и воришки, пьяницы и проститутки, обыватели, которые считали, что настал их час. Они всюду тащились за румынами, на заплетающемся языке ужасной русско-украинско-немецко-молдавской смеси, с помощью жестов и мимики, скорее гримас, они предлагали свои услуги «покорителям». Водили румын по богатым квартирам, оставленным эвакуировавшимися семьями одесских профессоров, врачей, артистов, военных и др., указывали подвальные помещения, где таились евреи, закутки, убежища лиц, у которых были причины не показываться на глаза оккупантам и т.д.

Дни солдатского мародерства вскоре закончились. Вероятно, одни ушли на фронт, куда-то в Крым, других загнали в казармы. Лишь небольшие части остались в городе.

Место армейских подразделений заняли жандармерия и полиция. Появились жандармские инспектораты, жандармские посты, полицейские комиссариаты, преторальные службы и многие другие. По всему городу ими были расклеены распоряжения, постановления, инструкции и предписания, за несоблюдение которых полагалась только одна мера наказания – смерть через расстрел или повешение. Все требования румын должны были быть выполнены в кратчайшие сроки.

Началась регистрация мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Одних загнали в лагеря для военнопленных. Евреи были заключены в тюрьмы. Затем заявили о регистрации специалистов. Евреев снова отправили в тюрьмы. Последовали требования, чтобы евреи носили на груди на уровне сердца и сзади шестиконечные желтые звезды, было запрещено выходить в город после определенного часа и др.

* * *

22 октября 1941 года, на шестой день румынской оккупации Одессы, было взорвано здание, в котором разместилась румынская военная комендатура. Это случилось в 17.35. Погибло 60 человек, среди них комендант города генерал Ионел Глогожану, часть его аппарата (16 офицеров, в том числе 2–3 немецких офицера, 9 унтер-офицеров и служащих и 35 солдат). Румыны обвинили в этом партизан.

В действительности здание НКВД, в котором разместилась румынская комендатура, было заминировано саперами перед отступлением Красной Армии. Взрывное устройство было установлено в сейфе. Как показал на суде военных преступников свидетель майор Алексе Мэнгуцэ, румыны были предупреждены какой-то пожилой женщиной, что в здании заложена мина[5]. Однако они не обратили на это внимания.

Это событие послужило предлогом для начала разнузданного террора. Новым комендантом города и руководителем 10-й пехотной дивизии, расквартированной в Одессе, стал генерал Константин Трестиоряну, бывший заместитель И. Глогожану. В эту же ночь срочно из Тирасполя для сохранения порядка и проведения репрессий прибыли генерал Николае Мачич, командир 2-го армейского корпуса, а также полковники Ион Стэнчулеску, Вирджил Стэнеску и Ион Чокан[6].

Утром 23 октября по приказу К. Трестиоряну и под личным наблюдением Н.Мачича приступили к жесточайшему уничтожению невинных людей. На улицах и площадях Одессы спешно сооружались виселицы. Мужчин хватали на улицах, вытаскивали из квартир, их избивали и издевались над ними. Одних расстреливали на месте, других увозили в тюрьмы.

В это утро мы с друзьями снова собрались в подъезде. И, как обычно, более смелые вышли на разведку, чтобы узнать, что делается в городе. На этот раз все быстро вернулись и плотно закрыли ворота. Вскоре мы услышали выстрелы, крики и стоны.

Любопытство пересилило страх. Мы приоткрыли калитку и выглянули на улицу. Через два дома, на углу улиц К. Маркса и Кирова, была сооружена виселица, похожая на карусель: столб, перекладины и четыре петли. Рядом стоял румынский часовой. По улице Карла Маркса со стороны вокзала от другой виселицы, на которой уже висели четыре трупа, под охраной румынских солдат медленно двигалась колонна из 20–25 человек. Было видно, что над ними жестоко надругались. Одежда была изодрана, некоторые были босыми или в рваных носках, с непокрытой головой. Лица в синяках и крови. Когда они поравнялись с нами, нас поразили их глаза: пустые, бездумные, безразличные. Увидев, как повесили других, может быть, близких им людей, и зная, что то же самое ждет их на этом углу улицы или через несколько кварталов, они, ошарашенные бесчеловечной жестокостью, смирились со своей судьбой, а, может быть, и жаждали смерти. Они плелись, понурив головы, механически, как сомнамбулы.

У виселицы обреченные и их палачи остановились. Часовой и конвоиры заговорили между собой и закурили. Потом что-то сказали

первому обреченному. Тот подошел к виселице, поставил табуретку, которую нес в руке, влез на нее, надел сам себе на шею петлю и тихо ждал. Румыны что-то строго приказали следующему в цепочке. Он покорно подошел и выбил ногой табуретку. Так же тихо несчастный повис. Румыны, переговариваясь, подождали несколько минут и потом велели второму сделать то же самое. И этот отрешенно, как будто речь не шла об его жизни, просунул голову в петлю. Он ничего не говорил, ничего не просил. Стоял и ждал. По команде третий толкнул его, и через несколько мгновений он висел недвижимый.

И вдруг один из обреченных, внезапно осознавший свое трагическое положение, подчиняясь инстинктивному стремлению к жизни, резко выступил из цепочки и бросился бежать. Он успел только перейти улицу. Его настигли пули конвоиров. К нему никто не подошел. Он остался лежать в луже крови.

Мы отпрянули от ворот и плотно их закрыли. Никто не вымолвил ни слова. Мы были потрясены увиденным. Сели на ступеньку в подъезде, прижались друг к другу и долго молчали. Впервые в жизни мы были свидетелями казни, непосредственно столкнулись с ужасами войны, поняли, на что способны фашисты.

Тогда я еще не знал, что вместе с моими родными пройду через все ужасы пересыльного гетто на Слободке, выживу в пути до Березовки в тесноте товарного вагона, где живые и мертвые стояли рядом, пройду пешим этапом через Мостовое до Доманевки, где немцы-колонисты из ближайших сел снимали с нас последнее – ботинки, пальтишки, шали (а морозы стояли лютые!), и, наконец, пройду через лагерь-гетто на берегу Буга, чуть южнее печально известной Богдановки, где было убито и сожжено более 50 000 евреев.

Я и теперь не знаю, где были убиты мои дедушка и бабушка, мои дяди и тети, мои двоюродные братья и сестры, где покоятся их останки. Мир их праху![7]

В это кровавое утро за несколько часов без суда и следствия было казнено примерно 5600 человек. Население было парализовано, оглушено. К середине дня казни в основном прекратились, но жандармы и полиция, согнавшие многие тысячи людей, заключили их в страшную одесскую тюрьму ДОПР, выпустив на свободу всех уголовников, ставших пособниками оккупантов. Они понимали «новый порядок» по-своему – как свободу грабить, сводить личные счеты, насиловать. И они старались вовсю, просто изощрялись.

* * *

На следующий день, 24 октября, 2-я рота десятого пулеметного батальона вывела из тюрьмы всех задержанных накануне мужчин, женщин, стариков, даже детей и больных, построила их в колонны и под конвоем повела из города на Дальник. Дорога длиной в несколько километров была устлана трупами людей, отставших от остальных из-за бессилия, болезней или голода и расстрелянных безжалостно жандармами и солдатами. Об этом свидетельствуют и показания на суде румын майора Василе Селтя, капитана Алексе Някшу, лейтенанта М. Корня и мл. лейтенанта Эустацию Мэркулеску.

Первая группа доставленных евреев состояла из 40–50 человек. Их привязали друг к другу канатами, загнали в противотанковый ров и под личным командованием подполковника Николае Деляну прицельно расстреляли. Приказ был экономить пули и время.

Затем началось массовое уничтожение людей. Мужчин заперли в три сарая длиной 20–30 м и шириной 10–15 м, а в четвертый такой же сарай втолкнули женщин, детей и стариков. Всего их было более 5000 человек. По команде упомянутого выше подполковника Николае Деляну и подполковника Никулеску Михаила, по прозвищу Кока, через пробитые в стенах сараев щели начался расстрел из пулеметов. Душераздирающие крики были громче пулеметных очередей. Потом, чтобы уничтожить случайно уцелевших и раненых и замести следы этой ужасной бойни, румыны принесли на чердаки солому, облили стены бензином и подожгли сараи. Многие евреи сгорели заживо. 25 октября в 17.35 один из сараев, в котором были мужчины, был демонстративно взорван, для устрашения населения Одессы[8].

* * *

Многих извергов – военных преступников судили в 1945 году. Некоторых уже не было в живых. Но кара, постигшая их, была слишком мягка. Румынские злодеи, среди них легионеры и кузисты, уничтожали невинных и беззащитных людей лишь потому, что они были другой национальности и веры. Они совершали тягчайшие преступления ради грабежа и наживы. Они отправляли в Румынию своим семьям чемоданы с выбитыми кастетами золотыми зубами, вырванными с мясом сережками с бриллиантами, срезанными с пальцев кольцами и обручалками, содранными с плеч перед казнью шубами и пальто, снятыми с ног сапогами и ботами. А те с несказанной гордостью и радостью принимали эти «трофеи», щеголяли в них[9].

Акад. Дж. Кэлинеску, ученый-литературовед, историк литературы

и талантливый писатель, со свойственной ему правдивостью описал события этого тревожного и смутного времени, поведение представителей разных слоев румынского общества, их отношение к генералу И. Антонеску, вождю нации, к легионерскому движению, к евреям и к войне.

Внезапное обогащение главарей легионеров в результате убийств и грабежей открыло им доступ в круги высшей аристократии, промышленников, военных, политиков и дипломатов.

Один из героев романа «Scrinul negru», необразованный, грубый и бессовестный легионер Гаврилча, который отдавал приказы о разграблении и поджоге еврейских магазинов, о нападении в поездах на евреев-пассажиров и других варварских акциях, купил настоящий дворец в самом центре Бухареста и украсил его невообразимой коллекцией картин, роскошными восточными коврами и великолепной мебелью. Приданое для его невесты Меме, молодой оскудевшей аристократки, которая из снобизма надела коричневую рубаху и щеголяла пистолетом, собрали подчиненные ему декурионы от владельцев больших магазинов, контор по обмену валюты, ювелиров, мануфактуристов и других состоятельных евреев. Гаврилча обменял эту значительную сумму денег на иностранную валюту и перевел в один из банков Швейцарии[10].

Майор от кавалерии Ремус Гаврилча, двоюродный брат преуспевающего легионера, ставший за несколько месяцев подполковником и полковником, благодаря связям с высшим военным начальством, женился на вдове дипломата, богатой женщине, Каталине Алдя Зэноагэ де Чокырлан.

Вскоре курьером из Транснистрии Ремус Гаврилча послал своей жене «коробку, полную сережек, браслетов и колец, которые он получил в подарок за услуги, оказанные каким-то несчастным евреям, находящимся здесь на ферме». Каталина напялила на себя кольца с бриллиантами, браслеты и другие ювелирные изделия, «великолепные и очень ценные», привлекая внимание и вызывая зависть всех завсегдатаев «Капши», великосветского ресторана Бухареста.

В действительности драгоценности – подарки от евреев – вымогались капитаном Петришором Хаджиенушем у 200 депортированных евреев, размещенных румынскими властями на государственной ферме. Под угрозой их передачи немцам евреи отдавали оставшиеся у них ценности.

В другой раз тот же капитан Хаджиенуш вынудил евреев отдать ему три каракулевые шубы.

Затем с разными оказиями Ремус Гаврилча пересылал Каталине золотые часы, кольца, браслеты, ожерелья из настоящего жемчуга, чрезвычайно дорогие, отнятые насильно или обманным путем у

несчастных евреев, страдающих и умирающих от голода, холода, насилия и болезней[11].

Таких офицеров – грабителей и убийц было много. Их родственников, которые пользовались награбленным у евреев добром, было еще больше. Не все они получили заслуженную кару!

* * *

В бывшие артиллерийские склады на Люстдорфской дороге, примерно в 6 км от города, были согнаны евреи, захваченные при облавах, находившиеся в тюрьмах, а также евреи, объявленные военнопленными. Облитые бензином склады горели несколько дней. В огромные ямы длиной в 100 м, шириной в 5–6 м и глубиной в 3 м румынские солдаты закопали примерно 28 000 трупов.

Всего в дни террора 23–25 октября 1941 года погибло свыше 40 000 евреев, а в издаваемой оккупантами «Одесской газете» от 26 октября 1941 года сообщалось, что в ответ на террористический акт 22 октября за каждого офицера и чиновника комендатуры было расстреляно 200 коммунистов, а за каждого солдата – 100. На самом деле румыны убивали не столько коммунистов, сколько евреев.

В обвинительном документе Народного трибунала от 3 мая 1945 года сказано, что 22 октября 1941 года никакого террористического акта, совершенного партизанами, не было. Террор, устроенный румынами, не имел оснований. Уничтожение еврейского населения Одессы было задумано заранее.

Виновниками этих преступлений были И. Антонеску, Дж. Алексиану, генералы К. Трестиоряну и Н. Мачич. Исполнителями были подполковники Николае Деляну, Михаил Никулеску, капитаны Раду Ионеску, Эуджен Бэлэчану и руководимые ими солдаты и жандармы[12].

Вскоре после изложенных выше трагических событий, унесших десятки тысяч жизней, 3 ноября 1941 года румыны издали приказ об освобождении из тюрем всех евреев, кроме мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Морально и физически сломленные люди, вернувшись домой, не находили своих родителей, жен и детей. Часто их квартиры были уже заняты, а имущество разграблено.

Как одесские, так и бессарабские евреи, бежавшие сюда, чтобы спастись от гнева вернувшихся всего через год националистически настроенных румынских жандармов и чиновников, были одинаково несчастны. Все они находились в совершенно бесправном положении, по сути, вне закона. Их мог избить, оскорбить, ограбить любой хулиганствующий антисемит.

Судьбу всех евреев в Транснистрии вершил губернатор этой

территории, университетский профессор Джеордже Алексиану. Следует отметить, что Дж. Алексиану, отъявленный антисемит, еще в 1938 году, будучи королевским резидентом Ţinutul Suceava (Края Сучава), то есть Буковины, постановлением от 1 декабря запретил употребление языка идиш во всех сферах деятельности во вверенном ему крае. Этот военный преступник был казнен слишком поздно, 1 июня 1946 года, после того как он лишил жизни сотни тысяч евреев[13].

Дж. Алексиану были подписаны приказы, направленные на интернирование и уничтожение евреев на управляемой им территории Транснистрии. При помощи бича и пуль, как ему наказывал Антонеску, он выгонял на работу подневольное население. Кроме расправ он руководил грабежом и вывозом в Румынию культурных и исторических ценностей, государственного и личного имущества граждан. Вывозили все, вплоть до трамвайных линий Одессы и надгробий с еврейского кладбища[14].

В обвинительном акте Народного трибунала дана следующая характеристика этому военному преступнику: «... Алексиану находится среди самых зловещих персонажей антонесчианского режима», он развил «...неутомимую деятельность для ограбления Транснистрии и последовательного истребления коренных жителей...», он активно участвовал в одесской бойне и депортировании евреев из Одессы.

Показателен диалог двух государственных преступников. На предложение Антонеску «жидов Одессы загони в катакомбы, брось в море, прогони, куда хочешь, но кончай с ними» Алексиану ответил: «Прошу Вас быть уверенным, что, если кто-то из них шевельнется, ни один не останется в Одессе»[15].

Главный раввин Румынии того времени Ал. Шафран свидетельствует: «Я слыхал о губернаторе Транснистрии, неком «профессоре» Алексиану, известном своей жестокостью. Он сопротивлялся любой попытке с нашей стороны помочь депортированным»[16].

В 1993 году Оливиан Веренка, бывший директор кабинета губернатора Транснистрии Дж. Алексиану, издал (почему-то не в Румынии, а в Кишиневе) брошюру, в которой пытается оправдать действия его бывшего начальника Алексиану и представить его современному читателю как компетентного и благонамеренного администратора, крупного ученого, патриота Румынии, понесшего незаслуженную кару[17]. Как можно реабилитировать губернатора, высшего чиновника территории, где ежедневно в течение двух с половиной лет варварски убивали сотни тысяч невинных людей?

8 ноября 1941 года «Одесская газета» напечатала приказ военного командования следующего содержания: «Ст. 1. Все мужчины

еврейского происхождения в возрасте от 18 до 50 лет обязаны в течение 48 часов с момента опубликования настоящего приказа явиться в городскую тюрьму, имея при себе самое необходимое для существования. Их семьи обязаны доставить им пищу в тюрьму. Не подчиняющиеся этому приказу и обнаруженные после истечения 48-часового срока будут расстреляны на месте.

Ст. 2. Все жители города Одессы и его предместий обязаны сообщить в соответствующие полицейские части о каждом еврее вышеуказанной категории, который не выполнил этого приказа».

Смертная казнь грозила и тем, кто укрывал или знал об укрывающихся евреях.

Большинство евреев, подчинившихся этому приказу, погибло в тюрьмах, на принудительных работах или в созданных позже гетто.

17 ноября 1941 года в упомянутой выше газете был обнародован приказ, в котором писалось: «Все лица еврейского происхождения, проживающие в Одессе, обязаны до 12 часов 19 ноября 1941 г. заявить о всех имеющихся у них драгоценных предметах, камнях и металлах (платина, золото, серебро) в любой форме». И здесь грозили смертной казнью[18].

Следует учесть, что перед этим были и другие приказы, касающиеся всех жителей города: немедленно сдать радиоприемники и даже радиоточки, сдать противогазы, сдать оружие всех видов и др. На углу улиц К. Маркса и Кирова образовалась гора радиоприемников. Охранял ее солдат. Потом стали подъезжать военные машины и все куда-то увезли. Эшелонами это добро отправлялось в Румынию.

Румыны вели себя как настоящие временщики. Мародеров-солдат заменили такие же грабители, но более высокого уровня – офицеры, чиновники администрации, партийные деятели и воротилы-дельцы. Они занимали полностью обставленные квартиры, свозили добро из разных квартир, опустошали частные коллекции и музеи. Их женам особо пришлись по вкусу каракулевые, норковые и котиковые шубы, жакеты и пелерины, рояли и пианино, картины, скульптуры и другие произведения искусства, украшения из платины, золота и серебра с бриллиантами, рубинами, аметистами, сапфирами, превосходного качества и отличных рисунков среднеазиатские и кавказские ковры, хрусталь и мебель. Эти дамочки, пустые и чванливые, которым и во сне не снились такие богатства, стали соревноваться между собой, напяливая по две шубы, подпоясывались меховыми перевязями, шарфами, на всех пальцах сверкали кольца с дорогими камнями несусветного сочетания.

А потом началось массовое курсирование офицерских жен по маршруту Одесса–Бухарест. Сопровождавшие их денщики, робкие и

безропотные крестьянские парни, изматывались, угождая их прихотям и причудам. Бухарестским обывателям оккупированная Одесса представлялась каким-то большевистским Эльдорадо.

Вскоре стали демонтироваться заводы. Военная и административная власть Транснистрии, опьяненная неожиданным богатством, вывозила вагонами в разные уезды Румынии оборудование, станки, машины, строительные материалы, даже скот и зерно[17]. Все как один они поддерживали правительство Антонеску в его походе на стороне фашистов против Советского Союза. Они были довольны кровавыми антисемитскими мерами вождя румынской нации. Какое им было дело до того, что десятки тысяч румынских солдат уже лежали в украинской земле, что стало столько вдов и сирот! Их совсем не волновало безжалостное уничтожение невинных еврейских детей, женщин, стариков и мужчин.

Но более сведущие, рассудительные и дальновидные из них понимали, что румынам не удержаться в Одессе и в Транснистрии. Поэтому они лихорадочно проявляли заботу только о своем личном благополучии. Пусть все награбленное добро будет поскорее отправлено в свое имение или к родителям и родственникам, куда-то в Крайову, Питешты или Констанцу. Транснистрию называли «Калифорнией румын»[20].

* * *

В эти недели евреи дошли до края безысходности. Полное неведение о завтрашнем дне, лишение всех прав, абсолютная беззащитность, удручающая нищета и постоянный голод.

Наша семья поселилась в маленькой двухкомнатной квартире на втором этаже, в здании с правой стороны двора. В другую такую же квартиру на одной лестничной площадке с нами перебралась русская женщина лет тридцати с двумя маленькими детьми. Звали ее Таней. Их дом немцы разбомбили. Пришли они только с небольшими котомками. Ее муж, кадровый офицер, с первого дня войны был на фронте. Таня не знала, где он и что с ним. Она никому не говорила, что муж ее служит в рядах Красной Армии.

Мы с ней подружились. Когда ей нужно было уходить, она оставляла у нас своих детей. Мама ей давала вещи, которые она обменивала на продукты. Мы старались не выходить на улицу, чтобы не схватили при облавах и не упрятали в тюрьму. Таня связывала нас с внешним миром.

Больше всего мы опасались сына дворничихи Петьки. Ему было лет двадцать, и он хромал на правую ногу. В первые дни оккупации он вел себя осторожно, сторонился румын и немцев. Потом, по их

настоянию, стал водить их по пустым квартирам эвакуированных евреев и русских. Петька видел, как солдаты грабят, и стал сам таскать. Потом он и его мать переселились в богатую и удобную квартиру. Начались пьяные гулянки. И Петька стал довольно скоро хозяином двора. Начались вымогательства, якобы для рыскающих по двору румын, и требования платить ему за всякие услуги. Отец однажды пришел и сказал, что отдал Петьке золотой перстень с большим рубином, чтобы тот отводил от нас шастающих по дворам румын и немцев. Петька целыми днями был во дворе, встречал и провожал непрошенных гостей, выполнял разные поручения полиции и, нужно признать, не выдавал нас. Время от времени его мать и он заходили к нам, жаловались на сложность их положения, довольно прозрачно намекали, что им приглянулась та или иная вещь, получали ее и уходили, поклявшись, что они всегда уважали и теперь уважают порядочных евреев.

Но однажды, это было часов в одиннадцать ночи, наша жизнь повисла на тоненьком волоске. Спали мы всегда одетыми, и в кухонном столе были сложены наши небольшие самодельные заплечные вещевые мешки, потому что нас в любой час могли согнать и повести в тюрьму или в комиссариат полиции. Мы услышали во дворе громкие голоса немцев и румын и Петькины возражения на русско-украинском жаргоне. Он твердил, что иудов и жиданов в его дворе не осталось.

Поведение Петьки объяснимо. Он упрямо повторял солдатам, что евреев больше нет, потому что об этом он прежде доложил румынским властям. Это входило в его обязанности дворника. Приведи их к нам, он потерял бы доверие оккупантов, свои привиллегии и даже мог бы быть сурово наказан. Нас он старался сохранить, хотя бы на время, ибо он постоянно что-то получал от нас. Петька не был порядочным человеком. Это был трусливый, жадный и хитрый представитель определенной прослойки одесского общества, деклассированных людей.

Солдаты все же потребовали, чтобы Петька повел их по жидовским квартирам. Мы видели, как они при свете карманных фонарей в здании напротив нас переходили из одной квартиры в другую, открывая все двери и заглядывая всюду.

От страха мы оцепенели. Это был конец. Но отец быстро опомнился. Велел нам взять котомки и убрать постели, как будто квартира давно покинута. Он постучался к Тане. Она тоже уже встала и впустила нас. Малыши спали. Вторая комната была перегорожена фанерной стеной, аккуратно оклеенной обоями. Старым хозяевам это узкое помещение служило кладовкой. В длину она имела 3,5–4 метра, а в ширину – меньше метра. Мы отодвинули шкаф, который

прикрывал дверь в кладовку, занесли свои рюкзаки и вошли в нее. Таня подвинула шкаф на место. Мама и сестра были в углу кладовки, отец и я – ближе к двери. На всякий случай. Если, не дай Бог, нас обнаружат, думали мы, может быть, женщины останутся незамеченными.

Мы не шевелились, мы не дышали, мы замерли.

Через какое-то время в дверь громко постучали и в квартиру ворвались солдаты. Дети проснулись и заплакали. Минут пять или десять, а нам это время казалось вечностью, они топтались по квартире, заходили на кухню, в туалет, твердили, что ищут жидов, и, наконец, ушли. Очевидно, плачущие разбуженные дети и вид испуганной и растерянной Тани как-то угомонили их, смутили извергов.

Таня уложила детей, успокоив их, а потом долго сидела в темноте и следила за фашистами. Она была очень взволнована. Она рисковала жизнью детей и своей собственной.

В кладовке, без воздуха, на ногах и без движения, мы простояли еще долгие часы. Мы были чуть живы. Мы смирились с нашей обреченной судьбой, не верили в чудо, а оно свершилось. Найди нас фашисты, мы все были бы изувечены, растерзаны на месте или в подвалах полиции.

Таня, обыкновенная русская женщина, спасла нам всем жизнь. В этой исхудавшей и изнуренной нуждой и тревогами женщине оказалось столько моральной крепости, силы духа, самоотверженности. Мы часто вспоминали ее потом, когда оказались в гетто. Мы мечтали встретиться с ней после освобождения, познакомиться с ее мужем, заявить во весь голос, что эта мать двух маленьких детей – святой человек.

Весной 1944 года, когда мама, сестра и я вернулись в Одессу, мы не нашли Таню и ее детей. Соседи нам рассказали, что Таня очень тяжело пережила зиму 1941–1942 годов и весной уехала с детьми, возможно, к себе на родину. К нашему великому сожалению, мы не узнали, как фамилия Тани и что с ней стало. Да мы и не надеялись выжить в этом аду[21].

* * *

И еще один случай, равный великому чуду, спас нам жизнь.

Однажды отец, возвращаясь домой с принудительной работы на джутовой фабрике, в двух шагах от наших ворот столкнулся лицом к лицу с лейтенантом Раду М. Бадиу, мужем Мариоары Лаповицэ. Подчиненные ему солдаты были расквартированы в соседних домах. Он обещал, что встретится с отцом и попытается нам помочь.

Примечания

[1] В одних книгах Алексиану зовут Джеордже, в других – Георге. Ср. VAT, SBI, IE, PMAD.

[2] UCY, p. 41–417.

[3] БСЭ, т. 18, с. 304–305; PMAD, I, p. 76; HSU, p. 134; MM, p. 69; IS, p. 196. RDRM, p. 377, 381 указывает, что румынская 4-я армия под Одессой потеряла 17 729 убитыми, 63 345 ранеными, 11 471 пропал без вести.

[4] PESCM, p. 290–291, 297–299.

[5] См. Обвинительное заключение по делу 38 военных преступников в Румынии. «Известия» от 17 июня 1945 г.; Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинению ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР; О злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в г. Одессе и районах Одесской области. Москва, 1944; «Одесская газета», № 1 от 26 октября 1941 г.; «Молва» № 45 от 27 января 1943 г.; D, V, p. 113; D, VI, p. 80–83, 113; Rosen Moses. Noi nu suntem asasini, noi am fost asasinați. RCM, Ediție specială din 8 februarie 1994, p. 2; DO, p. 310, 330–332; PMAD, I, p. 207; PESCM, p. 332–333; IE, p. 247.

[6] D, VI, p. 59, 61, 79–83; D, X, p. 83.

[7] Udler Rubin. Face of Terror. F, Spring 1993, p. 23-24.

[8] D, V, p. 113–114; D, VI, p. 60–61, 81; B, p. 337–338; C, III, p. 207; BS, p. 126–127; HAH, p. 71–74; PMAD, I, p. 106-108; IE, p. 248–252.

[9] D, VI, p. 58–59, 90, 132–133, 136, 517.

[10] CSN, p. 396–398, 403–404.

[11] CSN, p. 446–447, 450–452, 454.

[12] Б, с. 7; D, VI, p. 57–61, 79–83, 280–283; LUB, p. 101–103, 216; HAH, p. 74.

[13] D, I, p. 248; IE, p. 25; Б, с. 9.

[14] D, V, p. 73, 176, 177; ППВ, с. 90–93.

[15] PMAD, I, p. 117, 123, 169–172.

[16] ȘTF, p. 86.

[17] VAT.

[18] Б, с. 9.

[19] PMAD, II, p. 142–143.

[20] L, p. 57; LUB, p. 196; DO, p. 375–377; ППВ, с. 90–92.

[21] USP, p. 62–64; UCY, p. 388–391.

БРЭИЛА

Вернемся к концу 30-х годов. Брэила, портовый город на берегу Дуная, где мы жили в то время, был крупным торговым, промышленным и культурным центром Румынии с населением около 70 тыс. человек. В 1939–1940 годах там проживали только 5350 евреев. Среди них выходцев из Бессарабии, Буковины и румынской Молдовы было мало, не больше 250 человек. Основная часть брэильских евреев была зажиточна. Община содержала семь синагог (Хоральная, Сакра, Большая, Бет Якоб, Хасидим, Марпе Ленефеш, Армония) и семь раввинов, дом для престарелых и ритуальную баню, два кладбища и три скотобойни. В Брэиле были еврейская гимназия им. Нети и Л.Х. Шеффера, начальная школа, библиотеки, спортивное общество «Маккаби» и др.[1]

У моего отца был кожевенный магазин и шорная мастерская. Помещение он арендовал у домнула (господина) Георге Лаповицэ и после его смерти в 1936 году у мадам Севастицы Лаповицэ. У нее был квартал домов и ресторан. Место было бойкое, на улице Рошиорь угол улицы Регалэ (главная улица города), номер 159. Рядом находилась площадь, куда в базарные дни приезжали крестьяне из многих сел уезда. Они покупали в магазине отца уздечки, вожжи, поводья, шлеи, седла и другую упряжь из разных сортов кожи и различных фасонов, постолы разнообразной выделки и с особыми украшениями и т.п. У отца на окраине города, в пригородной деревне Неделку Керча была дубильня. Он научил крестьянина Костикэ Цуцуйану этому ремеслу. Костикэ, ровесник моего отца, был высокий и физически сильный человек. Он отличался особым трудолюбием и честностью. Старший сын Петрикэ (у господина Цуцуйану было пятеро детей) пошел по стопам отца и со временем тоже стал отменным специалистом. Накопив деньги, Костикэ Цуцуйану купил около 20 гектаров плодородной бэрэганской земли. По совету моего отца, он не поскупился и дал детям хорошее образование. Его положительные человеческие качества были оценены односельчанами. Его дважды избирали примарем – сельским старостой. Наши семьи дружили.

Мой отец, владелец фирмы «Йанку Басарабяну» (Брэила, 1939)

Мне запомнилась София, одна из дочерей, которая была меньше меня года на три и училась в коммерческом женском лицее.

Отец мой, потомственный шорник, кожевник и дубильщик, отлично знал свое ремесло и любил свое дело. Его фирма «Йанку Басарабяну» была известна потребителям, в основном крестьянам, по крайней мере четырех уездов – Брэила, Рымнику-Сэрат, Бузэу и Йаломица.

У мадам Лаповицэ было два сына, Мишу и Александру (Джиджи), и две дочери, Мариоара и Ленуца. Мать – вдова, серьезная и энергичная женщина, сама вела свое непростое хозяйство. Сыновья и дочери получили, благодаря ее усилиям, отличное образование. Мишу окончил коммерческий лицей, Джиджи учился в лицее им. Н. Бэлческу и маленькая Ленуца – в начальной школе. Но самой прилежной была дочь Мариоара. Она закончила престижный женский лицей «Нотр-Дам».

С солидным приданым, Мариоара удачно вышла замуж за молодого, красивого и умного офицера Раду М. Бадиу. Отец мой и мать, которые были друзьями родителей невесты и знали ее с детства, были приглашены 27 февраля 1938 года на свадьбу. В нашем семейном альбоме были фотографии папы и мамы, веселых и нарядно одетых, невесты в роскошном свадебном уборе и жениха

в парадной офицерской форме, их родственников и друзей. Это было действительно счастливое время.

Раду Бадиу уверенно продвигался по служебной лестнице и, скупив несколько имений, стал помещиком. Для своего хозяйства он заказывал упряжь только у моего отца. Качество товара, выполненного на заказ, было отменное.

Дела папы шли хорошо с самого начала. В 1921 году он женился на маме и вместе со своим отцом Ароном и матерью Малкой приехал в Брэилу. В Четатя Албэ (ныне Белгород-Днестровский) они продали дом и мастерскую. На вырученные деньги дедушка и отец открыли сначала один магазин, дедушкин, а через несколько лет еще один – папин. В Брэилу они переехали потому, что здесь жили и работали инженерами на гвоздильном заводе Давида Гольденберга, впоследствии металлургическом заводе Хереску (новая румынизированная фамилия Гольденберга), папина сестра Геня и ее муж Исидор Гельберг, окончившие Бухарестский политехнический институт. Возможно, другой причиной переезда был экономический кризис, охвативший Бессарабию в 20-м году. Напомню, что этот край только в январе 1918 года был присоединен к Румынии[2].

Дедушка и отец, как и большинство коренных бессарабских жителей аннексированной румынами территории, получили румынское подданство (cetăţenie română), что гарантировало им определенные гражданские (политические и экономические) права.

Моя единственная сестра Фира, 1921 года рождения, училась в коммерческом женском лицее, успешно окончила его в 1939 году и начала работать бухгалтером на заводе Хереску, где дядя Исидор стал главным инженером. Фира была очень красива, с правильными чертами лица, с хорошей фигурой. Она много читала и хорошо владела не только румынским, но и французским, английским и немецким языками. Коммерческий лицей давал основательную подготовку не только в области бухгалтерии и коммерческой корреспонденции на нескольких европейских языках, но и в области других общественных наук. Фира собиралась продолжить учебу в коммерческой академии в Бухаресте. Я во многом подражал ей, старался быть таким же, как она.

Я учился в лицее им. Николае Бэлческу. В 1940 году окончил пятый класс. Я много читал, занимался спортом.

Но положение евреев стало все более и более осложняться после прихода Гитлера к власти в Германии. В Румынии появились профашистские партии и организации, рос государственный антисемитизм, издавались законы, ограничивающие любую деятельность евреев.

Еще в конце 20-х годов изощрялся в антисемитизме

университетский профессор А.К. Куза, председатель «Лиги национальной христианской защиты» («Liga Apărării Naţionale Creştine»).

Широкий размах приняло легионерское движение, руководимое «капитаном» Корнелиу Зеля Кодряну[3].

Националистически настроенная интеллигенция, даже поэт Октавиан Гога, начала активно заниматься политикой. Будучи Председателем Совета Министров, в программной речи от 2 января 1938 года он провозгласил лозунг: «Хотим Румынию для румын»[4]. О. Гога немедленно закрыл ведущие газеты «Adevărul», «Dimineaţa» и «Lupta» либерально-демократического направления, где сотрудничали талантливые журналисты, в том числе евреи Ф. Браунер – Ф. Бруня-Фокс, М.Зельцер – Сэрэцану, Б. Брэништяну, Э.Д. Хонигсман – Фагуре, А. Хонигман, К. Блуменфельд – Скрутатор, А. Бергман – Мунте, В. Скынтее и др.[5] Были лишены права передвижения по железой дороге более 120 известных журналистов-евреев (Б. Майер – Б. Мариан, О. Хольцман – О. Лемнару, Д. Чакыру – Д. Еуленберг, Феликс Адерка, Камил Балтазар, Мариус Мирку – Исраел Маркус, Ана Канараке и др.)[6]. У евреев отняли лицензии на продажу спиртных напитков, табака и спичек, начались экспроприация земель и домовладений, румынизация еврейских предприятий и обществ, удаление евреев из всех министерств и государственных учреждений, пересмотр румынского подданства, полученного многими евреями после образования Великой Румынии в 1918 году, и т.п.[7]

Затем следующими правительствами Мирона Кристя, Иона Джигурту и, главным образом, Иона Антонеску были изданы постановления, согласно которым врачи, аптекари, инженеры и архитекторы не имели права работать по специальности. То же самое случилось с преподавателями, адвокатами, работниками радио, театра и кино, среди которых были такие талантливые люди, как Р.Штейнер, Х. Арати, А. Мендельсон, Х. Жеря, С. Ауриан, М. Илиешу, И.Гольденберг, Д. Кениг, М. Гелертер и др.[8] Были закрыты все еврейские журналы и газеты, издающиеся на румынском или на идиш, в том числе «Adam», «Cultura», «Mântuirea», «Puntea de fildeş», «Egalitatea», «Curierul israelit», «Infrăţirea», «Lumina» и др.[9]

К тяжелым последствиям привел закон о правовом положении евреев в Румынии, изданный королем Каролом II и опубликованный 9 августа 1940 года, деливший евреев на три категории с соответствующими ограничениями. Затем были опубликованы закон, запрещавший браки между румынами и евреями, а также другие законы, предусматривавшие закрытие еврейских школ, училищ, больниц, синагог и даже кладбищ[10].

30 сентября 1940 года Ион Антонеску, недавно назначенный Председателем Совета Министров, руководителем Румынского национал-легионерского государства и вождем легионерского режима, в интервью итальянской газете «Stampa» выразил с солдафонской прямотой свое решение еврейского вопроса: экспроприация имущества, повсеместная замена евреев румынами, в первую очередь легионерами, ограничение в правах евреев многих категорий и даже их изгнание из страны, и т.д.[11]

Положение евреев в Румынии резко ухудшилось в 1938–1940 годах. Участились случаи нападения на еврейские магазины, разбивали витрины и расхищали товары. Из вагонов поездов выбрасывали на ходу пассажиров-евреев. Были осквернены синагоги. В университетах и институтах избивали студентов-евреев, пикеты студентов-железногвардейцев не разрешали им входить в аудитории. В школах и лицеях были созданы юношеские организации «Straja Țării» явно националистического направления. Преподаватели – легионеры и кузисты – в классах позволяли себе выступать с антисемитскими высказываниями, заражая этим духом учащихся.

Во многих городах Румынии появились плакаты следующего содержания: «Жидовский магазин», «Жидовская лавка», «Румыны, ничего не покупайте у жидов». У входа в еврейские магазины стояли легионеры, которые не разрешали покупателям входить. Многих заставляли вернуть купленное[12].

Страницы газет и журналов, особенно «Porunca Vremii», «Calendarul», «Cuvântul», «Cuvântul Studențesc», «Moldova», «Prutul», «Vremii», «Iconar», «Sfarmă Piatră», «Axa», «Gândirea», были заполнены статьями, фельетонами, карикатурами на евреев. Слова «jidan» (жид), «jidănesc» (жидовский), «jidovime» (жидовня) были набраны крупными буквами.

Даже те румыны, которые всю жизнь дружили или вели дела с евреями, стали их сторониться.

Было ясно, что правительство Антонеску решило исключить евреев из всех областей деятельности, заставить около 500 тысяч евреев покинуть страну, избавиться от них любыми средствами. По данным Демографического бюллетеня Румынии за 1936 год, в стране было 758 тысяч евреев, или 4,2% всего населения[13].

Много труда приложили еврейские общины Румынии для защиты прав всех профессиональных групп и социальных сословий евреев. Председатель Федерации союзов еврейских общин, талантливый адвокат д-р Вильгельм Фильдерман активно выступал в защиту своего народа. Газета «Porunca Vremii», самый антисемитский орган в Румынии, в статье «Momentul Filderman» («Случай Фильдермана»)

(14 декабря 1939 г.), злобно шельмуя В. Фильдермана, все же была вынуждена признать его гражданскую смелость, высокую культуру, ораторский талант, умение общаться с людьми, обходительность, находчивость и авторитет. Как защитник интересов евреев Румынии, В. Фильдерман обращался к королю, к премьер-министрам, министрам, губернаторам, генералам, в международные организации, разоблачая клевету антисемитов, ложь их обвинений, требуя соблюдения прав преследуемого народа, его поддержки[14].

* * *

Захват немецкой армией Австрии, Чехословакии и Польши восхвалялся легионерской прессой Румынии на все лады. Он вызвал поток беженцев, среди которых было немало евреев. Они рассказывали о зверствах, творимых фашистами.

26 июня 1940 года Советский Союз предъявил ноту-ультиматум Румынии с требованием вернуть Бессарабию, занятую ею в январе 1918 года. 28 июня советские войска вышли на реку Прут, присоединив к СССР Бессарабию, Северную Буковину и Герцаевский район Запрутской Молдовы[15].

Для обмена населением был назначен срок до 16 декабря 1940 года и установлены пункты перехода границы.

Это событие было в какой-то степени неожиданным. Реакция была очень острой. Недовольные и встревоженные люди были по обе стороны Прута.

Из Бессарабии и Северной Буковины должны были уйти в срочном порядке румынская армия и семьи офицеров, все гражданские службы, обеспечивающие функционирование армии, румынская жандармерия и полиция, размещающиеся во всех городах и селах края, судьи, многие учителя, врачи, священники, помещики, владельцы предприятий, торговый люд и многие другие, которые по разным причинам не могли оставаться здесь. Социальное происхождение, религиозные убеждения, политическая деятельность были решающими факторами, определяющими последующие шаги людей. Выходцы из разных провинций Румынии за два десятилетия успели породниться с местным населением. Трагедия простых людей была очевидна[16].

Из-за сложившейся обстановки в Румынии многие десятки тысяч бессарабцев разных национальностей стремились вернуться на родину. Это были крестьяне, призванные в армию на сборы, рабочие и ремесленники, гонимые безработицей, евреи, русские, гагаузы и болгары, напуганные националистической политикой правящей партии, интеллигенция, лишенная права на профессию, и др.[17]

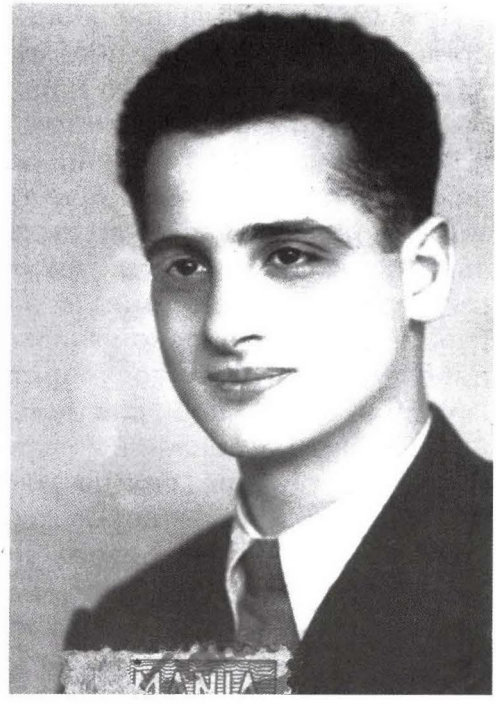
В некоторых городах, местечках и селах Бессарабии и Буковины местное население (молдаване, русские, украинцы, евреи, болгары) поступало неблагоразумно по отношению к отходящим румынским войскам. Люди забрасывали грязью знамена частей, срывали эполеты, выкрикивали оскорбительные слова в адрес офицеров, народа и страны и т.д. Эти неблаговидные действия освещались тенденциозно в румынской прессе и истолковывались как производимые еврейским населением[18].

* * *

В один из дней начала июля, возвращаясь с завода, дядя Исидор подъехал к папиному магазину и попросил моих родителей прийти к ним домой вечером, после работы. По установившейся в нашей большой семье привычке важные вопросы всесторонне обсуждались совместно. На стороне Гени и Исидора были широкий кругозор, знакомства в еврейском и румынском обществах, а на стороне папы и мамы – здравый практицизм.

Тетя Геня и дядя Исидор Гельберг (Париж, 1937)

Двоюродный брат Леня Гельберг (Брэила, 1940)

У тети Гени и дяди Исидора был полутораэтажный особняк в стиле кубизма, построенный года три тому назад по их личным планам, с большой верандой полукруглой формы с мобильным тентом, уютным двориком, обсаженным цветами и кустарниками. Дом был обставлен богато и со вкусом. Геня и Исидор ежегодно ездили за границу, побывали в Германии, Австрии, Чехословакии, Англии, Франции и Италии, многое видели, привезли изящные вещи, украшающие их жилище.

В нижнем этаже одна большая комната была оборудована для спортивных занятий. Дядя Исидор ежедневно по утрам делал зарядку. У него был тренер по боксу. Там же Леня, их сын, и я занимались гимнастикой со Штереншисом, инструктором из городского общества «Маккаби». Другая просторная и светлая комната была отдана бабушке Малке. «Ди олтэ прицэ» (старая барыня) – так ее называли за глаза. Бабушка была родом из Австрии. Она была образованна, всегда красиво причесана, аккуратно одета, с гордой осанкой. Это она настояла на том, чтобы ее дочери, Ида и Геня, закончили гимназию и продолжили образование в институтах. Но об этом расскажу позже.

За чашкой чая они засиделись за полночь. Мы с Фирой не дождались родителей и легли спать.

Тетя Геня, тщательно проанализировав создавшееся положение, пришла к выводу, что необходимо безотлагательно репатриироваться. Она считала, что наша жизнь в опасности. Дядя Исидор был согласен с нею. Дело в том, что меньше года тому назад Исидор и Геня побывали в Германии по делам службы. Их принимали как немцев или румын. Они оба отлично владели этими языками. На заводах их встречали приветствием «Хайль Гитлер!» В полуофициальных, частных беседах им раскрывали планы промышленной интеграции, внедрения в экономику Румынии, подчинения Германии политической жизни страны, ликвидации еврейского населения во всех государствах-сателлитах, в том числе и в Румынии. Они видели, как немцы обращались с евреями Германии, Австрии и Чехословакии, до какого состояния они их довели. После таких откровений Геня по ночам плакала в номерах гостиниц и просила Исидора поскорее закончить дела и вернуться домой.

Мои отец и мать возражали им. Они считали, что румыны человечнее, что они не способны уничтожать людей, расстреливать или вешать лишь потому, что те евреи. Ведь двадцать лет они жили среди румын в Брэиле и все это время хорошо понимали друг друга. Мои родители никак не могли уразуметь, почему они должны бросить все свое состояние, нажитое упорным трудом, сорвать нас, детей, с учебы в престижном лицее и с работы на хорошей должности. И

Бабушка Малка и дедушка Арон Удлер (Брэила, 1929)

что нас ждет в Советском Союзе, где существующие порядки были весьма чужды нам? Газетные сообщения и разговоры о коммунистической действительности пугали их: экспроприация, раскулачивание, ссылки в Сибирь, переполненные тюрьмы, всеобщая нищета.

Но тетя Геня была непреклонна – жизнь важнее всего. Они разошлись с тем, чтобы хорошенько подумать, посоветоваться с верными друзьями, посмотреть, как развернутся события. Кроме того, бабушка Малка была тяжело больна, и ее нельзя было перевозить.

Последовали бессонные ночи и тревожные дни. Все время обсуждался один и тот же вопрос: «Что делать?» И среди близких друзей произошел раскол. Выходцы из Бессарабии, в основной своей части, тянулись к себе на родину – в Кишинев, Бендеры, Бельцы или Аккерман. Регатские, румынские евреи рассматривали другие пути – Палестина, США, Канада или же остаться на месте.

Разные позиции заняли и румыны. Легионеры бандами рыскали по городам и селам, угрожали евреям, обзывали их предателями. Легионеры твердили, что из-за евреев потеряна Бессарабия, потому что все евреи – большевики. Они часто прибегали к насилию и разбою. Антонеску и его сторонники видели решение еврейского

Дина и Яков Удлер (Брэила, 1936)

Фира Удлер (Брэила, 1937)

Рубин Удлер (Брэила, 1939)

вопроса в добровольном выезде всех евреев из Румынии и даже из других стран Европы куда-нибудь подальше, например, на Мадагаскар. В противном случае Антонеску предлагал насильственную депортацию евреев[19]. Умеренные полагали, что это временные неприятности для евреев и что страсти улягутся.

Однако с каждым днем положение ухудшалось. Прибывающие из Бессарабии румыны, военные и гражданские лица, рассказывали об унижениях, перенесенных ими, о потерянном имуществе, об издевательствах бессарабцев (евреев, русских, украинцев и болгар), о придирчивости советских должностных лиц на таможенных пунктах и др.[20] Гнев и бессилие румын привели к созданию в Румынии невыносимых условий для бессарабцев, главным образом для евреев.

* * *

4 июля 1940 года умерла бабушка Малка. Скончалась она тихо, умиротворенно. Перед этим бабушка шепотом простилась с нами всеми. Она наказала папе, ее единственному сыну, и Гене, ее младшей дочери, не расставаться и жить в согласии.

Похоронили бабушку Малку рядом с дедушкой Ароном. Они лежат на еврейском кладбище в Неделку Керча, пригороде Брэилы, в первой аллее справа от ворот, в десятом ряду, ближе к каменной стене. Памятники одинаковые, из серого камня, на них надписи на румынском языке и даты жизни: 1863 – 31.VII.1929, 1868 – 4.VII.1940.

Старшие, согласно нашей вере, отсидели «шиву», скорбя по матери.

Вскоре после этого Геня и Исидор все же убедили моих родителей уехать из Румынии. Было решено, что первыми уедут Геня, Исидор и Леня. Чтобы не вызвать подозрений и злобы недоброжелателей, они взяли отпуск, уволили прислугу, собрали только чемоданы, оставив все вещи в квартире.

Чтобы быть уверенной, что папа не передумает, тетя Геня взяла меня с собой.

Папа проводил нас до города Галац, где был установлен пункт перехода границы для гражданского населения. Чиновник записал нас на очередной транспорт. Столик с реестром стоял на улице, под деревом, во дворе государственного здания. Таможенники смотрели на нас зло, но сдержанно. Не помню, чтобы изъяли что-либо из багажа. Стояла довольно длинная очередь людей разных национальностей и возрастов. Все были сосредоточены на происходящем. Провожающие родственники или друзья удалялись на время, чтобы купить что-то в дорогу, но, главное, чтобы

посмотреть, нет ли поблизости отрядов легионеров или хулиганов. Дело в том, что несколько дней тому назад, точнее 30 июня, вооруженные пулеметами громилы открыли огонь по репатриантам. В погроме участвовали и подразделения румынской армии. 400 человек были убиты или ранены[21]. В создавшейся панике у некоторых украли баулы, чемоданы и деньги. Советское правительство заявило протест и потребовало от румынского правительства обеспечения нормальных условий для выезда бессарабцев на родину. Меры для восстановления порядка были приняты, так как румыны опасались осложнения отношений с советскими властями.

К вечеру 14 июля 1940 года нас отвезли в порт. Мы простились с папой. Он твердо обещал Гене и Исидору, что, как только закончит дела, важные для нас всех, последует за нами.

Нас вызвали по списку, отделили от провожающих и провели на пристань на Дунае. Было уже темно, когда нас переправили небольшим буксирным катером на баржу, которая стояла на якоре на середине реки. Так мы оказались отрезанными от всего нашего прошлого, от жизни в Румынии.

Тетя Геня и дядя Исидор нашли укромный закуток на барже, сложили там наш багаж и что-то постелили, чтобы отдохнуть несколько часов после утомительного дня, проведенного под палящим июльским солнцем на раскаленных улицах Галаца. Сначала прилегли Геня и Исидор. Они долго шептались прежде чем вздремнуть. Особую тревогу проявлял Исидор. Он был смертельно напуган фашизмом и в неменьшей мере опасался большевизма. Первое он видел своими глазами, второе он знал только понаслышке.

Исидор происходил из зажиточной интеллигентной семьи румынских евреев. Получил хорошее техническое образование, владел в совершенстве французским, немецким и английским языками, часто и подолгу ездил на специализацию в страны Западной Европы. Исидор много читал, прекрасно знал современную румынскую и иностранную литературу. Но он никогда не был в Советском Союзе. Всего один или два раза он был в Аккермане, как называли старые бессарабцы город, переименованный румынами в Четатя Албэ, когда ухаживал за Геней. Исидор не говорил по-русски. Согласившись уехать из Румынии, он полностью полагался на Геню.

Когда в 1918 году румыны заняли Бессарабию, Гене было 18 лет. Она закончила русскую гимназию и была воспитана в духе идеалов русской литературы. Геня отличалась самостоятельностью суждений, большим трудолюбием и силой воли. По-моему, в то время она идеализировала многие аспекты преобразования советского общества: записанные в Конституции СССР равенство

наций, право на труд, на бесплатное образование и медицинское обслуживание и т.д. Тогда она была убеждена в том, что принятое ею и Исидором решение единственно верное, и оптимистично смотрела в будущее.

В то лето Гене и Исидору было по 40 лет, у них была отличная специальность, большой и хороший опыт работы, и они надеялись, что в Советском Союзе смогут реализовать свои знания в полной мере.

Леня и я остались нести вахту. Мы разместились рядом и тихо беседовали. Суета на барже унималась. Возбужденные и утомленные за день люди постепенно замолкали. При свете двух тусклых фонарей нам видны были силуэты людей, сбившихся у борта и оживленно, но негромко обсуждавших какой-то волнующий их вопрос. Запомнилась молодая пара, укрывавшаяся одним пиджаком, которая почти безмолвно смотрела в речную даль.

Мы с Леней хорошо понимали друг друга, мы дружили. В то лето, как уже писал, я окончил пятый класс лицея им. Николая Бэлческу, а Леня – четвертый класс еврейской гимназии им. Нети и Л.Х. Шеффера. Мы оба уже успели испытать проявления антисемитизма в свойственной нашей среде форме.

В моем классе из 45–50 школьников было только два еврея – я и Зиссу Вендер. Учитель географии Винтилэ Негряну на своих уроках регулярно твердил, что жиданы высасывают кровь и все соки из румын, что они нещадно эксплуатируют народ, жульническими путями богатеют, предают интересы страны. И при этом испытующе смотрел на меня и на Зиссу. Некоторые наши соученики на переменах приставали к нам под воздействием речей учителя.

Бывало, когда никто в классе не мог ответить на вопросы Негряну по географии Румынии, он спрашивал нас, и мы, выучив, как обычно, урок, правильно отвечали. Тогда он приходил в бешенство и орал, мол, видите, вы, румыны, ленитесь, а они, жиданы, изучают так хорошо нашу страну, чтобы потом, когда вырастут, лучше ее грабить.

Ион Ганя, другой мой учитель, который преподавал румынский язык, командир стрэжерской организации лицея, любил приводить цитаты из румынской литературы, в которых евреи представлялись как трусливый, жадный и глупый народ, создавая в классе враждебную к нам атмосферу. Как сейчас помню цитируемых им героев пьес В. Александри «Пиявки сел», «Нашествие жидов», «Гершку-коробейник», повести Л. Ребряну «Ицик Штрул-дезертир», рассказа И.Л. Караджале «Факел на Пасху», отдельные стихотворения М. Эминеску, высказывания И. Крянги и др. На стрэжерской линейке при всех лицеистах Ион Ганя читал фамилии евреев с особой вопросительно-певучей интонацией.

Леня был застенчивый, впечатлительный и добрый мальчик. Он нередко приходил домой в разодранной фуражке или форме, с синяком или царапинами после драк с подрастающими хулиганами из других школ. Может быть, поэтому мы и стали закаляться, усиленно заниматься спортом.

Вспоминая все это, мы тихо грустили. Мы простились со многими добрыми и умными ребятами (Зиссу Вендер, Василе Филипп, Прометеу Мэргэрит, Василе Трандафир, Виктор Малатеста и др.), с талантливыми учителями (Артур Балланд, Оскар Крейндлер, Георге Нистор, Константин Константинеску и др.), с прогрессивно настроенным директором Василе Гораш. Мы оставляли город, в котором родились, который мы любили, как родные его дети. Мы вспоминали пляж на противоположном берегу Дуная, где каждое лето загорали, реку, где плавали и занимались греблей на тяжелых липованских лодках, каток в городском саду (Grădina Publică), где мы участвовали в соревнованиях под звуки вальсов, кинотеатры, где мы так смеялись над игрой комиков Стана и Брана, Патта и Паташона, Чарли Чаплина, восхищались Тарзаном и ковбоями. Мы вспоминали библиотеки, где нас хорошо знали и оставляли нам без очереди чудесные книги Андерсена, Лондона, Скотта, Верна, Дойля, Дюма, Гюго, Бальзака, Толстого, Сенкевича, Истрати, Садовяну, Петреску, Ребряну и др., которые мы читали взахлеб. Для нашего возраста мы были довольно развиты и стремились к знаниям. Мы вспоминали наши именины и первые вечеринки, где мы неумело танцевали модные тогда танго и вальс-бостон с гимназистками – дочерьми друзей наших родителей.

Всю ночь к барже на моторных лодках подплывали какие-то административные чины, выкрикивали чьи-то фамилии, что-то выясняли, кого-то не находили, то есть кто-то не откликался, кого-то с багажом увозили обратно. Взбудораженные люди с тревогой спрашивали, что могло случиться, почему их вернули в Галац, что они могли натворить, кто они такие, а потом, успокоившись, они снова затихали.

Нас сменил дядя Исидор. Леня и я улеглись на его место.

Встали мы рано. Июльское утро было изумительное. Лучи солнца отражались в беспокойных водах Дуная. Тишину нарушали только птицы, облетающие баржу. Дикий берег, ближе к нам, был безлюден. Галац еще не проснулся. Казалось, природе совершенно безразличны судьбы людей, их передвижения, политические распри и надвигающиеся тучи войны.

К полудню уже было жарко. Люди на барже стали прятаться в тень зонтов и растянутых простыней. Очень хотелось пить. Черпали воду из Дуная детскими ведерками и бутылками. Еда была

у всех, запаслись, так как никто не знал, когда и где мы сможем что-то купить. Липоване подвозили на лодках спелые, сочные арбузы и дыни. Никто их не отгонял. Тогда мы обнаружили, что на барже нет представителей властей. Мы были брошены. Мы были ничьи. Люди встревожились, стали всматриваться в проходящие поблизости катера, моторки, обыкновенные лодки. Устроили своеобразное дежурство. Начали знакомиться. Оказалось, что на барже собрались бессарабцы разных национальностей, которые жили, работали или учились почти по всей Румынии. Возвращались они в свои родные села или города, где у каждого были родственники и близкие друзья. Всех гнали с насиженных мест оголтелый национализм и антисемитизм.

Вскоре буксир притащил вторую баржу и поставил ее на якорь метрах в 300 от нас. Дотемна продолжалась загрузка баржи людьми, которых регистрировали в Галаце в течение всего этого дня. Мы наблюдали за доставкой новых беженцев, пытались что-то уловить, кого-то узнать, но расстояние было слишком большим.

К нашей барже никто не подплывал. Люди стали беспокоиться. Провести сутки под июльским солнцем для многих было нелегко. Нашлись среди нас врачи, которым пришлось оказывать медицинскую помощь больным. Некоторым помогали лекарствами, кое-кому уступали более удобные места. Всех волновали одни и те же вопросы. Сколько времени нас продержат на этом плывучем острове? Не налетят ли на нас обезумевшие легионеры? Мы ведь были безоружны и беззащитны!

Вторая ночь тоже прошла спокойно. Утром обе баржи были взяты на буксир, и в скором времени мы оказались в порту бессарабского городка Рени. На баржах произошли сдача и прием репатриантов. Эта процедура была проведена официально, подчеркнуто корректно.

Советские военные помогли нам выгрузиться. Под открытым небом, а погода была чудесная, на зеленой лужайке, усыпанной полевыми цветами, расположились все беженцы. Напряжение сразу же спало. Мы перестали опасаться налета легионеров и других хулиганов.

Около реки стояли пограничники. Прибывшие из Румынии, владеющие русским языком, о чем-то беседовали с ними. Леня и я переходили от одной группы к другой. Мы не знали ни одного слова по-русски. С трудом отвечали на приветствие, услышанное здесь впервые: «Здрасте!» Среди солдат было немало азиатов с особым разрезом глаз и скуластыми лицами. Таких мы видели впервые. Они как-то странно смотрели на нас, и мы стали их сторониться. Полевые кухни, расположившиеся рядом, раздавали нам пищу. Солдатская каша, которую мы впервые ели, показалась нам очень вкусной. Особо приятный запах имел и свежий хлеб.

Спокойно и организованно разделили прибывших по направлениям дальнейшего следования. Один состав вскоре отправился в Кишинев. Через несколько часов мы заняли места в товарном вагоне эшелона, следовавшего в Аккерман. В вагоне было чисто, мы постелили свежее сено с непривычным для горожан душистым запахом. Сидя у открытых широких дверей, Леня и я любовались буджакскими пейзажами. Мы были в хорошем настроении и думали, что все плохое осталось позади. Будущее нам виделось в радужном свете.

17 июля мы прибыли в Аккерман. Нас по-родственному приняла семья Анбиндер – давние добрые друзья тети Гени и папы. В принадлежащем им двухэтажном доме по Николаевской улице, прямо напротив скверика с водяной помпой, недалеко от старинной крепости, Анбиндеры выделили нам по две комнаты (семье тети Гени и нашей).

Старый Анбиндер владел большим книжным и писчебумажным магазином в центре города, по Михайловской улице. Он был уважаемым членом еврейской общины города, щедрым человеком и многим всячески помогал. Все его дети получили хорошее образование. Сыновья были врачами, старшая дочь была замужем за известным доктором Шварцманом, средняя дочь была замужем за доктором Гольденбергом, они жили в местечке Сарата, а за несколько дней до нашего приезда возвратилась из Румынии младшая дочь Катюша, студентка филологического факультета Бухарестского университета.

* * *

Вернувшись из Галаца, отец стал спешно готовиться к отъезду. Встречи в Галаце с евреями из разных городов Румынии, их рассказы о безобразиях, творимых легионерами, кузистами и другими националистами и антисемитами, окончательно утвердили его решение о срочном выезде.

В нашем доме номер 204 по улице Штефан чел Маре все осталось на месте. Только чемоданы были перенесены ночью к Манечке, младшей сестре моей мамы, которая жила недалеко от нас по той же улице в доме номер 254. Йанку Шварц, ее муж, категорически отказался переехать в Бессарабию. Его братья и сестры со своими семьями и мысли не допускали о выезде в Советский Союз. Они подумывали об эмиграции в Палестину или в Америку. Но и этот проект был весьма абстрактен. Манечке и Йанку отец отдал ключи от нашего дома.

Мадам Лаповицэ, с которой отец и мать дружили долгие годы,

отнеслась с пониманием к принятому решению. Она явно сожалела, что теряет искренних и верных друзей, но сознавала, что наступают тяжелые времена для евреев. Отец передал ей магазин и мастерскую, полные товаров, с машинами, с налаженным производством, и клиентуру.

На прощальном обеде в доме мадам Лаповицэ ее зять Раду Бадиу выразил сожаление по поводу решения отца. Он доказывал, что с помощью Германии Румыния вернет себе Бессарабию и Северную Буковину. Он советовал моему отцу переждать это тяжелое время до восстановления старых отношений. Раду не одобрял политику и действия легионеров, считал, что они хулиганы и отбросы общества, проводники фашистской политики в Румынии[22]. Кадровый офицер Раду М. Бадиу с высоты своего положения ненавидел смутьянов, низких грабителей и воров, требующих экспроприации имущества евреев для собственного обогащения.

Мама и Фира обменялись подарками с мадам Лаповицэ и Мариоарой, выразили друг другу самые добрые пожелания. Прощаясь, господин Бадиу и отец, крепко пожимая руки, обещали сохранить дружбу, ибо в жизни всякое бывает.

Завершив и другие дела, важные для нашей семьи и для Гени и Исидора, отец, мать и сестра 20 июля 1940 года оставили Брэилу.

Пройдя тот же путь через Галац и Рени, мои родители и Фира через несколько дней прибыли в Аккерман.

Примечания

[1] G, p. 231, 248, 282; D, VII, p. 338, 404, 415.

[2] CM, c. 49, 215.

[3] D, I, p. 112–126, 130–182; SH; FS.

[4] Еще раньше ученый-историк Николае Йорга пустил в оборот нашумевший лозунг «Румыния румын, только румын и всех румын», ставший эмблемой румынского национализма. IU, p. 94; PESCM, p. 21.

[5] D, I, p. 183–185, 193; MI, p. 189, 190, 193–195, 197; MTŞ, p. 424–430; SH, p. 242; SBI, p. 10–12; VIN, p. 47; PESCM, p. 21–23; PS, p. 66.

[6] MI, p. 192, 195–199; D, I, p. 557; PESCM, p. 22–23.

[7] D, I, p. 425–426, 535, 567; LA, p. 3–10, 25–45, 65–67, 79–84, 127–135; BS, p. 199–203; VIN, p. 73–74; PESCM, p. 22–23.

[8] D, I, p. 194, 512–513, 518–519, 528–530, 532–534, 544–547, 563–566, 574–577, 589–590; D, VI, p. 1– 3; MI, p. 213–238; LA,p. 63–65, 71–73, 85–88, 91–92, 191–192; IS, p. 181.

[9] Вопрос об упразднении еврейской прессы был поставлен Хорией Сима на заседании Совета Министров 8 октября 1940 года. Он предложил издать декрет, согласно которому жиды могли бы писать только на идиш и, следовательно, только для своих соотечественников. Ион Антонеску на заседании Совета Министров 29 декабря 1940 года приказал: «Все еврейские

газеты должны исчезнуть; оставьте только одну-единственную для всей еврейской общины». PESCM, p. 176–177; MI, p. 189–197; MTŞ, p. 425.

[10] D, I, p. 438–446, 451, 477–485, 493, 499–504, 509–510; LA, p. 25–60; IS, p. 198–201; IE, p. 26–44; Л, с. 173.

[11] D, I, p. 536, 551–552; IS, p. 181–182; RDRM, p. 308, 310.

[12] D, I, p. 491–492, 524–525, 556–557, 569, 592, 594–595; SH, p. 250–255, 341–346; SBI, p. 15, 41. Талантливый журналист и писатель Михаил Себастиан с художественным мастерством описал страдания университетских студентов-евреев в тот мрачный период. SDMA, p. 28–32, 34–45, 54; SMH, p. 293; PESCM, p. 180–181.

[13] D, I, p. 228–229; SH, p. 265–269; VIN, p. 90–92, 127; SMH, p. 271–276.

[14] D, I, p. 241, 250.

[15] СМ, с. 49, 51, 389; БСЭ, т. 16, 1974, с. 429; т. 22, 1975, с. 370; ЛЯМ, с. 101–131; НРМ, с. 12, 146– 149; RDRM, p. 267–269; CAWW II, p. 27.

[16] Evacuarea Basarabiei, 1940. ALA, nr. 274 din 25 iunie 1995, p. 6–7.

[17] Число возвратившихся из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину превысило 220 тысяч человек. Л, с. 284. На заседании Совета Министров 22 октября 1940 года Ион Антонеску выразил беспочвенное опасение, что «жиды, которые уезжают в Бессарабию, будут размещены в румынских селах, а крестьяне будут увезены дальше. Мы окажемся со всей Бессарабией, наполненной жидами... Таким образом мы жиданизируем Бессарабию. Через десять лет мы окажемся с десятью миллионами жидов и без единого румына в Бессарабии». Свое решение вопроса репатриации евреев предложил Михаил Стурдза, министр иностранных дел: «Жиды должны быть остановлены и помещены в концентрационные лагеря». В Румынии осталось всего только 300 000 евреев. PESCM, p. 158.

[18] Şerbănescu Ion. Pentru a respecta adevărul integral... ALA, nr. 276 din 16 iulie 1995, p. 6–7; Evacuarea Basarabiei, 1940. ALA, nr. 274 din 25 iunie 1995, p. 6–7; Stănescu C. Cele mai multe minciuni le spun oamenii emoţionaţi. ALA, nr. 276 din 16 iulie 1995, p. 6–8; SBI, p. 23–24; Lupu Şerban. Românii, mareşalul Antonescu şi evreii. ALA, nr. 280 din 6 august 1995, p. 7.

[19] SAP, p. 81; D, V, p. 178.

[20] Evacuarea Basarabiei, 1940. ALA, nr. 274 din 25 iunie 1995, p. 6–7.

[21] В официальном сообщении, опубликованном в газете «Timpul» 3 июля 1940 года, указывалось, что «количество убитых и раненых людей не может быть установлено». D, X, p. 495; RL, p. 9, 12; PLA, p. 46; IS, p. 203; IE, p. 58; Л, с. 284.

[22] RDRM, p. 313.

АККЕРМАН

23 июля утром тетя Геня, дядя Исидор, Леня и я вместе с мадам Анбиндер и Катюшей пришли на вокзал встречать папу, маму и Фиру.

Станция Аккерман (во время румынской оккупации называлась Четатя Албэ) была тупиковой. Пассажирские поезда шли сюда очень редко. Раз в сутки один скорый поезд шел на Бухарест через Бессарабку и Галац и второй направлялся на Кишинев через Бессарабку и Бендеры. Помещение вокзала, построенное еще в царское время, было небольшое и соответствовало его скромному назначению. На перроне, с правой и с левой сторон здания, были роскошные цветники, где густо росли разноцветные георгины, петуньи, анютины глазки, ромашки, розы, гвоздики и гладиолусы. Они создавали праздничное настроение. На привокзальной площади пассажиров лениво ожидали несколько извозчиков с изношенными пролетками и несколько возчиков с телегами для доставки багажа. С одним из них мы заранее договорились, чтобы не ждать на вокзале их повторного приезда из города.

У ступенек главного входа в помещение вокзала три старые липованки, сидя на низеньких табуретках, торговали крупными семечками подсолнуха. Бойко шла торговля на стаканы. Рядом другие женщины предлагали букеты цветов.

Мы прогуливались по открытому перрону вдоль полотна и оживленно беседовали. Тетя Геня, мадам Анбиндер и Катюша говорили по-русски, а дядя Исидор, Леня и я – по-румынски. Мне не терпелось встретить родителей и Фиру.

Наконец, раздался гудок паровоза, нарушивший царящую тишину, и показался медленно подъезжающий длинный состав товарных вагонов. Я и Леня побежали к тому вагону, в настежь открытых дверях которого стояли мама, папа и Фира и весело размахивали руками, зовя нас. Тетя Геня и Катюша преподнесли маме и Фире цветы, мы все обнимались, целовались и желали друг другу счастья и удачи на родной земле.

Папа, дядя Исидор, возчик, я и Леня перетащили тяжелые чемоданы и ящики на телегу. Багажа было много. На широкой платформе телеги мы его сложили в два ряда. От вокзала

TUTTLEMAN LIBRARY OF GRATZ COLLEGE
Melrose Park, PA

Николаевская улица спускается вниз к центру города и к крепости. Нагруженная телега катилась сравнительно легко. Все мы шли рядом, оживленно беседуя. Папа и дядя Исидор остались немного сзади и вели серьезный разговор. Мама, которая не была в Аккермане почти 20 лет, с радостью узнавала улицы и дома. Здесь она жила в первый год после замужества. Во время летних каникул, примерно раз в два года, мы ездили из Брэилы отдыхать на месяц к маминым родителям в Арциз – местечко в 70 км от Аккермана.

* * *

В двух комнатах, которые нам предоставили Анбиндеры, стало тесно после того, как занесли багаж. Мои родители и Фира помылись, переоделись, и мы все перешли в гостиную хозяев на праздничный обед в честь приезда нашей семьи. За огромным столом, во главе которого величаво сидели старые Анбиндеры, разместились сыновья и невестки, дочери и зятья, внуки и внучки, все мы.

Стол был богато накрыт. Было приятно видеть собравшуюся вместе благополучную традиционную еврейскую большую семью. Женщины обсуждали вопросы воспитания и здоровья детей и внуков, быта, моды и т.п. Мужчины больше внимания уделяли последствиям смены режимов, изменениям, произошедшим в городе после 28 июня.

В спешном порядке покинули город семьи румынских офицеров, государственных служащих, священников, преподавателей лицеев и многих школ, судей, адвокатов, врачей, крупных коммерсантов, землевладельцев и др. Среди них было немало националистов, легионеров, русофобов и антикоммунистов. Были и такие, которые удрали из-за беспричинного страха. Они побросали свои дома, имущество, взяв с собой только несколько чемоданов.

В эти же две – три недели много людей прибыло в Аккерман. Это были в основном аккерманцы, работающие и живущие в разных областях Румынии, военнообязанные мужчины, призванные на сборы, учащаяся молодежь разных уровней, сезонные рабочие и др. В Аккерман приехали тысячи советских граждан – военные, партийные работники, служащие государственных учреждений, учителя и т.д. Перешли жить в город многие жители сел и местечек, побуждаемые разными причинами.

Население Аккермана резко возросло. Новоприбывшие нуждались в квартирах. Цены на них сильно поднялись. Из магазинов исчезли многие продукты питания. Возникли очереди.

Распространились слухи об обмене денег. Позже они подтвердились. Один рубль равнялся 40 леям. И даже такому

грабительскому обмену подлежала только определенная сумма. Прибывшие из Советского Союза, имеющие рубли, скупали в больших количествах абсолютно все: ткани целыми рулонами, обувь десятками пар, готовые костюмы, рубахи и свитеры полдюжинами. В Союзе таких товаров не было, а если и были в больших городах, то стоили очень дорого.

Упорно шли разговоры об экспроприации и конфискации заводов, фабрик, крупных мастерских, предприятий, магазинов, домов, землевладений.

Анбиндеры, как и многие другие жители города, которые добросовестно трудились всю жизнь и создали себе положение, были серьезно встревожены и напуганы. Кроме того, еще говорили об арестах, о высылке в Сибирь, казнях.

Зятья, доктор Шварцман и доктор Гольденберг, старались успокоить тестя и тещу. Они допускали, что могут забрать магазин и дом, но высылать старых людей или казнить их – это казалось им невероятным. Обсудив разные варианты, мужчины посоветовали господину Анбиндеру добровольно сдать магазин, отнести ключи в горком ВКП(б) или в горисполком. Старым Анбиндерам было тогда далеко за 70 лет.

В их большом доме теперь жили кроме них младшая дочь Катюша, семья тети Гени, наша семья, и через несколько дней должна была приехать из Саратова семья средней дочери. Становилось даже тесно.

За обедом обсудили и другие вопросы. Все, что происходило в городе, было ново, странно, непредсказуемо.

* * *

В Аккермане стала выходить газета на русском языке. Ежедневно печатались объявления, инструкции, предписания и приказы, подлежащие выполнению в указанные сроки.

Как беженцы из Румынии мы должны были стать на учет в милиции. Для папы, мамы и Фиры, уроженцев Бессарабии, этого было достаточно. Я же, который родился в Брэиле, обязан был ежемесячно являться в милицию и отмечаться как иностранный подданный. Мне было 15 лет.

Все должны были получить временные паспорта и прописаться. Мужчины должны были стать на военный учет. Этот приказ касался и женщин определенных профессий (врачей, связисток и др.). Все дети школьного возраста должны были учиться. Запрещался выезд из города без пропуска. Запрещались несанкционированные митинги, демонстрации, собрания и др.

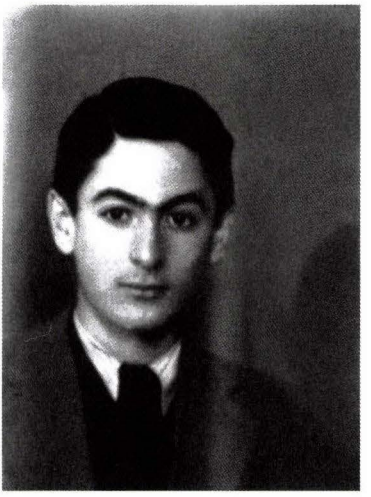
Яков Удлер (Аккерман, 1940)

Дина Удлер (Аккерман, 1940)

Фира Удлер (Аккерман, 1940)

Рубин Удлер (Аккерман, 1940)

* * *

В городе организовалась шорная артель. Каждый будущий член артели должен был сдать инструменты, сырье, деньги для аренды помещения и т.п. Отец отдал безвозмездно новую электрическую швейную машину для кожи, которая в то время стоила очень дорого, наборы инструментов, фурнитуру и дубленую кожу. Отец привез все это из Брэилы, потому что он рассчитывал открыть в Аккермане мастерскую и самому работать. Однако здесь знакомый советский еврей, сотрудник финансового отдела горисполкома, отсоветовал ему это делать. Если бы отец открыл мастерскую, его бы причислили к разряду кустарей-одиночек и обложили бы большим и постоянно возрастающим налогом. Более безопасно для отца было стать рабочим артели. Отец его послушался.

В течение первых же месяцев обнаружилась несостоятельность артели. Произведенная упряжь была продана. Вырученные деньги куда-то разошлись. Новых источников сырья и материалов не было. Перестали выплачивать зарплату. В коллективе начались раздоры. Среди артельщиков оказались плохие люди. Отец оставил свой пай артели и уволился.

Он устроился завскладом строительных материалов в КЭЧ (Квартирно-эксплуатационная часть) – организации, относящейся к Аккерманскому гарнизону. Он работал один, без компаньонов, и получал приличный для того времени месячный оклад.

Фиру приняли на работу в городское отделение Государственного банка. Начальная ставка была невысокая. Фире следовало освоить особенности бухгалтерии банковского дела и русскую терминологию.

Мама нигде не работала. Она вела дом, что в то время было очень сложно.

* * *

В августе по квартирам ходили учителя и записывали всех детей и юношей школьного возраста. Образование было обязательное и бесплатное. На основе бывшего женского лицея была организована средняя школа № 2. Мы жили в микрорайоне этой школы. В последних числах августа меня определили в девятый класс.

1 сентября 1940 года начался новый учебный год. Преподавание велось на русском языке. Все учителя прибыли из Советского Союза. Исключением была учительница французского языка Мария Иосифовна Берман. В классе было 29 учеников. Я знал только Асю Гольденберг, внучку Анбиндеров. Но мы очень быстро познакомились, и с некоторыми я подружился. Школа была смешанная. Я впервые

учился в классе, где были и парни, и девушки. В классе собрались ученики, приехавшие после освобождения Бессарабии из разных мест: из Украины, России, Румынии, из сел и местечек Аккерманского уезда, и местные. Бессарабцы, кто лучше, кто хуже, но владели русским языком. Я же совсем не говорил по-русски.

Первые месяцы мне было очень тяжело. Соученики переводили вопросы учителей и мои ответы. Со мной и с другими ребятами из разных классов занимались дополнительно русским языком. Господин Анбиндер подарил мне русско-румынский и румынско-русский словари. Это был очень ценный подарок для меня. Тираж этих словарей был невелик, и достать их было нелегко. Мне было трудно и по русской литературе. Но я много читал и работал со словарем.

Я хорошо успевал по всем остальным предметам. Уровень преподавания и требования в лицее в Брэиле были очень высокие, и я был подготовлен лучше многих соучеников.

* * *

Прошло больше трех месяцев, но дядя Исидор и тетя Геня не могли найти себе работу по специальности. В Аккермане не было металлургической промышленности. В городе имелись мельницы, маслобойни, пекарни, скотобойня, винокуренный и винодельческий заводы и мастерские. Быть безработными для дяди Исидора и тети Гени, имеющих отличную подготовку, большой опыт и привыкших трудиться, было морально невыносимо. Наконец, после многократных обращений в местные организации и учреждения отдел промышленности обкома партии дал им направление в мастерскую по ремонту сельскохозяйственных машин в местечке Сарата.

Дядя Исидор и тетя Геня не знали, что представляют собой Сарата и упомянутая мастерская, какие условия быта и работы их ждут. Они догадывались, что это ниже их возможностей, но выбора у них пока не было.

В ноябре 1940 года дядя Исидор, тетя Геня и Леня переехали в Сарату. Нам было тяжело расстаться с ними.

* * *

По Николаевской улице, рядом с домом Анбиндеров, освободилась квартира из четырех комнат, кухни, ванной, большой веранды и подвала для топлива и хранения заготовок на зиму. Мои родители сняли ее сравнительно недорого.

Оставаться дальше жить в доме гостеприимных и добрых Анбиндеров мы не могли по ряду причин. Как я уже писал, из Сараты переехала в Аккерман семья их дочери из четырех человек. Доктору Гольденбергу, ее мужу, нужна была комната под кабинет. У них были взрослый сын-студент и дочь – моя ровесница. Они еле размещались в четырех комнатах, освобожденных тетей Геней и нами. Старые Анбиндеры отказались взять с нас деньги за жилье. Приближалась зима, и нужно было запасаться углем, дровами и камышом, которым тогда топили в Аккермане. Да и нам было тесно в двух комнатах.

Домом, в который мы вселились, владели армяне – две сестры, Маруся и Соня, и брат Гарабет. Они были старше 50 лет, и все состарились холостыми. В их поведении было много странного, но они были доброжелательны, услужливы и честны. Они жили в просторном флигеле во дворе.

Огромные ворота с аркой и каменный забор выше человеческого роста закрывали вид с улицы. В теплые осенние дни во дворе можно было находиться в купальнике и загорать. Нежное солнце и слабый ветерок с лимана приятно ласкали тело. В полной тишине было слышно только жужжание пчел и каких-то пролетающих жучков. Я часто занимался за столиком во дворе или читал, сидя в шезлонге.

Маруся, младшая из сестер, любила беседовать со мной. Она восхищалась Аккерманом, городом, в котором она прожила всю свою жизнь и где ее предки поселились несколько столетий тому назад. Армянская община была сплоченная и зажиточная. В городе были армянская школа, армянская церковь и армянское кладбище. Маруся мне много рассказывала о городе, о жизни горожан при царской России и во время румынской оккупации, о взаимоотношениях армян, евреев, греков, русских, украинцев, молдаван и других народов, мирно сожительствующих здесь.

От нее я узнал историю этого старого города, о древнегреческой колонии Тирас, об антах, о тиверцах, уличах, татарах, назвавших город Ак-Либо, о генуэзцах, переименовавших его в Монкастро и Маврокастро, о молдаванах, которые дали ему имя Четатя Албэ (Белая Крепость), о турках, присвоивших городу имя Аккерман или Аккермен (Белый Камень).

Со сменой власти здесь менялись и названия улиц, например, Николаевская – Mihai Viteazul – Дзержинского, Александровская – Carol al II-lea – Пушкинская, Михайловская – Ленина и т.п.

Строителями крепости считались генуэзцы (XIV в.), молдаване (XV в.) и турки (XV в.).

Маруся правильно говорила по-русски. Когда-то она училась в женской гимназии. По-румынски она говорила с явным русским

акцентом. Она не могла произносить типично румынские дифтонги и гласные звуки, например, оа, ый, э, ы, смягчала зубные согласные л, н, т, д. Маруся охотно и терпеливо занималась со мной русским языком. Я, наоборот, твердо произносил эти согласные (малчик, денги, тихий, дерево) и постоянно путал формы винительного, творительного и предложного падежей, глагольные формы совершенного и несовершенного видов, неправильно употреблял предлоги.

У Маруси были сочинения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова и другие старые издания в досоветской орфографии. Мы их читали, и она меня поправляла, переводила незнакомые мне слова, комментировала реалии, свойственные только русской действительности.

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ СДАЛИ ТОЛЬКО НА „ОТЛИЧНО" И „ХОРОШО"

У девятиклассников последнее испытание—русский язык. Уже написан русский диктант и ни один ученик не получил н и ж е хорошей оценки. К устному испытанию по русскому языку все готовились особенно усердно. Повторены были все правила и проделаны упражнения к ним.

Ученица Миссонжник написала письменную работу на „отлично". Устный ответ ее подтверждает твердое усвоение основ русского языка. Она обстоятельно рассказывает о правописании суффиксов, о разрядах местоимений, выполняет синтаксический и морфологический разбор предложения; каждый ответ ее все больше убеждает, что она систематически работала в течение учебного года.

Много работал над материалом и ученик Р. Удлер. В начале учебного года он почти не мог говорить по русски. На устном испытании он отвечал уверенно и точно, и речь его является лучшим фактом, подтверждающим его твердые з н а н и я русского языка. И по устному ответу и по диктанту он имеет хорошие оценки.

Одиннадцать девятиклассников п о р у с с к о м у языку получили отличные оценки. Среди них — Незовибатько, Герценштейн, Бондарь, Штейнберг и другие. Из двадцати четырех учеников двадцать два имеют оценки по этому предмету „отлично" и „хорошо".

9-й класс СШ № 2 завершил испытания по р у с с к о м у языку. Ни один ученик не получил „плохо" по этому важнейшему предмету. Этот факт свидетельствует о том, что ребята много работали в году, и преподаватели русского языка А. И. Шклярук и Е. Д. Барашкова много внимания уделяли практической работе с учениками.

В. САРВАНИДИ.

Статья из аккерманской газеты (июнь 1941 года)

Постепенно, в результате усердного труда, я выучил русский. Забегу немного вперед и скажу, что в конце учебного года я сдал устные и письменные экзамены по русскому языку и литературе на «хорошо». Об этом было написано в статье, опубликованной в местной газете.

Аккерман был тупиковым городом во время румынской оккупации. После освобождения его решили подключить к общесоюзной железнодорожной сети, и осенью 1940 года началось строительство ветки Аккерман – Одесса. Для этого в устье Днестра, где широкий многокилометровый пресноводный лиман впадает узким горлышком, стиснутым полуостровными песочными полосами Бугаза и Каролины-Бугаза, в Черное море, ускоренными темпами был построен железнодорожный и автомобильный мост. В то же время от станции Арциз началось строительство ветки до города Измаила. Таким образом, Аккерман ожил. Он получил выход на северо-восток к Черному морю и к огромному Советскому Союзу и на юго-запад к Дунаю, главной водной артерии Европы. Бывшие Аккерманский и Измаильский уезды объединились в одну область и были присоединены к Украине. Многие сельские и городские жители стали рабочими и техническими специалистами, обслуживающими потребности железной дороги.

* * *

Отход Бессарабии к СССР заставил немцев, живущих в основном в Буджаке, эмигрировать. В сравнительно короткий срок опустели многочисленные немецкие колонии. Из зажиточных и благоустроенных сел и местечек около 100 тысяч человек, оставив добротные дома, пахотные земли, виноградники, скот, только с личными вещами, на подводах, отправились в Польшу или в Германию[1]. Говорили, что они поддались фашистской пропаганде.

Немцы из ближайших к Аккерману колоний на городском базаре продавали по дешевке коров, свиней, мебель и разные другие вещи. Помнится, мама купила тогда настенные часы с торжественным боем и два гарнитура мебели – для спальни и столовой.

Вскоре из Белоруссии и Западной Украины в пустующие села были переселены крестьяне из беднейших слоев. Они были счастливы и растеряны. Они получили каменные дома с пристройками и подвалами, комнаты с паркетными полами, кафельными печами, с коврами, мебелью и утварью, большие приусадебные участки и сельскохозяйственный инвентарь.

Все они стали членами первых колхозов и совхозов в Бессарабии.

Таким образом, советская власть в короткий срок изменила социальный и национальный состав населения края.

* * *

Девятый класс находился на втором этаже школы. Большая классная комната была угловая. Один ряд окон выходил на восток и смотрел на старинную крепость. В 1940 году в крепости размещалась воинская часть. На башнях стояли часовые. На площади между школой и крепостью солдаты часто занимались строевой подготовкой или маршировали под звуки духового оркестра и пели популярные тогда песни «Катюша» и «По долинам и по взгорьям» в ритме марша. Ребята, сидящие ближе к окнам, часто получали замечания учителей, которые требовали быть внимательными, не отвлекаться.

Высокие зубчатые стены пятисотлетней крепости с цитаделью, 26 квадратных и цилиндрических башен в византийском стиле, четверо огромных ворот за широким и глубоким рвом, с трех сторон окружавшим крепость, соединявшимся с лиманом, воды которого когда-то заполняли этот непреодолимый барьер, вызывали в моей памяти боевое величие охранников окраин некогда сильных держав. Я никак не мог понять, каким образом в раннем средневековье с примитивными орудиями труда в этой дикой юго-восточной части Европы была сооружена величественная и грозная крепость. Огромные каменные блоки, принесенные издалека и искусно уложенные крепостными стенами безвестными умельцами из народа, навеки сохранят память о них.

В свободные от занятий часы мы шли к крепости, гуляли вдоль рва, пытались заглянуть через открытые главные ворота вовнутрь. Для меня, в отличие от аккерманских ребят, все было ново и захватывающе интересно. Меня все поражало: глубина и ширина хорошо сохранившегося рва, который осаждавшие могли преодолеть только вплавь под огнем оборонявшихся, и мощные стены, местами усыпанные круглыми каменными пушечными ядрами, которые застыли навсегда в теле крепости, и симметрично расположенные бойницы, откуда в далекие времена метали копья и стрелы, а позже палили из пушек и стреляли храбрые воины. Я себе живо представлял, как из внезапно открытых ворот через спущенный навесной мост вихрем выезжали конники, прорывая осаду.

Однажды вместе с учительницей истории мы были на экскурсии внутри крепости. Мы шли по грубо, но надежно сделанным лестницам, ведущим вверх к башням, толпились вокруг учительницы у высокого, теперь молчаливого минарета, мы пересекли первый

двор и под сводами внутренней стены прошли во второй двор, где в тот день было много военных, палаток, подвод и лошадей. И дальше, ближе к лиману, возвышались стены цитадели, внутри которой сохранились развалины древних строений. Крепостная стена, выходящая к лиману, была очень высокой. Помогая друг другу, мы забрались на самый верх широкой стены и через узкие и высокие бойницы просматривали водные просторы. Вдали виднелась овидиопольская низкая полоса земли. Защитники крепости не раз отражали атаки вражеских флотилий. Со временем воды лимана отошли от подножия крепостной стены. Внизу на каменных глыбах сидели с удочками страстные рыбаки.

Нам не хотелось уходить из крепости. Мы увлеклись ее прошлым. Учительница нам обещала другую экскурсию в краеведческий музей.

* * *

Привлекательным местом встречи учащихся всех школ города стал Дворец пионеров. Трехэтажная вилла с башенками в центре огромного сада, огороженного высоким каменным забором, в верхней части Аккермана, по Николаевской улице, принадлежала до прихода Советов самому богатому человеку в городе господину Авердяну, армянину по национальности. Он владел электростанцией, мельницей, тремя домами, 50 гектарами виноградников и многим другим. Он занимался благотворительностью, особо помогал бедным армянам, был примерным христианином. Авердян хорошо платил своим рабочим. В городе его уважали. Незадолго до освобождения Бессарабии он заболел и умер. Когда советские войска заняли этот край, его жена уехала в Бухарест. Детей у них не было. Все их имущество было национализировано.

Во Дворце пионеров ничего из личных вещей семьи Авердянов не осталось. Все было куда-то вывезено. В больших комнатах и залах разместились столы шахматной секции, секции по настольному теннису, кружков автомоделистов, любителей природы, кройки и шитья и др. Библиотека и читальные залы занимали целый этаж.

Во Дворце пионеров проводились занятия по музыке. Дети учились играть на скрипке, пианино и на других инструментах. Там проходили репетиции духового оркестра, хора, танцевальных кружков, организовывались спортивные соревнования.

Леня и я тренировались по шахматам и пинг-понгу и на первых состязаниях заняли призовые места по городу среди юниоров.

Во Дворце пионеров я подружился с умными и интересными ребятами из железнодорожной средней школы и из средней школы № 1.

* * *

Впервые, кажется, за столь долгую историю Аккермана в ночь на 10 ноября 1940 года произошло довольно сильное землетрясение. Нас разбудил скрежет двигающихся котельцов стен, звон как бы чокающихся хрустальных бокалов, рюмок и ваз, кровати под нами двигались сами по себе. Мы вскочили из постелей и в ночном одеянии вмиг выбежали во двор. Папа велел нам отойти подальше от дома. Земля под нашими ногами ходила волнами. Через несколько секунд к нам присоединились испуганные хозяева. Собаки выли. Справа и слева слышались голоса соседей. Потом земля успокоилась. Из дворов все вышли на улицу. Перебивая друг друга, делились впечатлениями. Женщины и мужчины в ночном белье возбужденно разговаривали и не обращали внимания на свой внешний вид.

Все еще долго стояли на улице. Не знали, что делать: вернуться и лечь или ждать возможного повторения толчков. И спросить совета не у кого было.

Наконец, усталость взяла верх. Мы зашли в квартиру и зажгли свет. Кровати, стол, стулья – все было сдвинуто с места. Дверцы буфета были раскрыты. На кухне на полу валялись осколки разбитых чашки и блюдца.

Мы легли спать, но оставили свет на веранде и двери открытыми.

На следующий день весь город обсуждал ночное стихийное бедствие. Человеческих жертв не было. В стенах многих домов образовались трещины. Как писали в местной газете, эпицентр землетрясения был в 300 километрах от Аккермана у юго-восточного изгиба Карпатских гор, в районе Вранчи. Румынский городок Панчиу был полностью разрушен[2].

Суеверные старые люди толковали это природное явление как знак божий – скоро быть войне. Долгое время не прекращались бабьи разговоры. Одни верили молве и ждали худшего, другие отмахивались от нее. Германия далеко от Бессарабии, а Румыния не посмеет даже пикнуть против Советского Союза.

* * *

Старый Анбиндер послушался совета родных и друзей и добровольно отдал государству свой книжный и писчебумажный магазин, самый большой в городе. Работник горкома партии, которому он дрожащими руками отдал ключ, вежливо побеседовал с ним и даже поблагодарил. Анбиндер вернулся домой довольный, как человек, сбросивший с плеч тяжкую ношу. Семья считала, что

теперь они квиты с советской властью, вполне рассчитались с ней и могут доживать свой век спокойно, без страха. К великому сожалению, Анбиндеры глубоко ошиблись.

Спустя некоторое время, кажется, это был уже декабрь, около четырех часов утра нас разбудили сильные удары в дверь и громкий плач. Это была мадам Гольденберг, средняя дочь Анбиндеров. Папа в пижаме и мама в ночной сорочке вскочили и впустили ее в дом. Они подумали, что кто-то скончался. Мама принесла ей стакан воды. Успокоившись немного, но плача навзрыд, несвязными словами она нам поведала, что только что энкаведисты увезли на грузовой машине поднятых с постели ее родителей и Катюшу. Им зачитали какой-то ордер, но они, сонные и насмерть испуганные, ничего не поняли. Им велели немедленно собираться в дорогу. Доктору Гольденбергу и его жене, разбуженным шумом, чужими голосами, топанием сапог и плачем родных, не разрешили войти в комнаты родителей, помочь им собраться, не дали даже проститься. Мадам Гольденберг не знала, куда их увезли. Она спрашивала у папы совета: куда пойти их искать, к кому обратиться, что делать.

Папа и мама быстро оделись и вместе с Гольденбергами побежали к старшей дочери, к доктору Шварцману, которые жили недалеко, на углу Михайловской. В ночной тьме они разглядели несколько грузовиков с людьми, машины подымались вверх по Николаевской, в сторону вокзала.

Шварцманы были потрясены услышанным. Дочери Анбиндеров рыдали. Они повторяли одни и те же вопросы: «За что их забрали? Куда их увезли? На казнь? В Сибирь? В тюрьму? Как перенесут эти мучения старые родители? Что станет с Катюшей?»

Решили ждать до утра, узнать, что произошло этой ночью в городе, пойти в милицию и в другие государственные учреждения и спросить, за что их арестовали и куда их увели.

* * *

Горожане узнали, что на вокзале стоят эшелоны товарных вагонов, куда свозили поднятых ночью людей, и бросились туда. Одни хотели передать несчастным одежду, другие – еду или деньги, третьи – присоединиться к своим родным и разделить вместе горькую судьбу, четвертые – проститься.

Составы охранялись усиленными нарядами милиции и военных. Никто не смог даже подойти к вагонам. Немногим удалось увидеть у зарешеченных окон затравленные лица родных.

В те трагические дни из Аккермана были сосланы в Западную Сибирь и в Казахстан тысячи семей разных национальностей.

Советская власть рабочих и крестьян расправлялась со своими классовыми врагами – с буржуями, капиталистами и помещиками, и с политическими противниками – националистами, сионистами, руководителями общин, служителями культов и т.д.[3]

В милиции, горисполкоме и горкоме ВКП(б), куда ходили Шварцманы, Гольденберги и многие другие, им коротко отвечали, что выполнен приказ высших инстанций и что он соответствует интересам государства. Каменное выражение лиц чиновников лишало людей всякой надежды на сочувствие, на сострадание и внушало непомерный страх за свое будущее.

* * *

В последующие недели население города жило в сильном напряжении, в ожидании новых репрессивных мер. Произошел какой-то раскол. Более состоятельные подозревали каждого бедняка, бывшего их приказчика или рабочего в доносительстве и клевете, даже мести. Бессарабцы стали сторониться советских, которые смотрели на них как на эксплуататоров, получающих по заслугам. Многие аккерманцы ночевали не у себя дома, а у друзей и знакомых, а утром, прежде чем вернуться, подолгу наблюдали за домом. Люди стали нервными, раздражительными, замкнутыми.

Даже из нашего класса несколько учеников были сосланы в ту ночь вместе с родителями. Учителя не комментировали этот факт, а ученики боялись даже спросить, за что их одноклассники понесли такое суровое наказание.

Прошел месяц – второй, и возбуждение умов улеглось. Ежедневные бытовые трудности вытеснили с первого плана это страшное событие.

* * *

Жизнь шла своим чередом. Люди приспосабливались к новым условиям. Переквалифицировались, приобретали новые профессии, шли на любую работу, чтобы заработать деньги, чтобы не числиться тунеядцами. Зарплаты были очень низкие, но никто не голодал.

Смена власти сняла условности, препятствия социального и национального характера. В том году было справлено много свадеб. Перестали обращать внимание на «ихэс». Молодые люди, мужчины и женщины, любящие друг друга, соединяли свои судьбы, невзирая на материальное положение родителей или на их репутацию в прошлом. Заключались браки между евреями и русскими,

молдаванами и украинцами. Религия и национальность не принимались больше во внимание. Создалось много счастливых супружеских пар.

* * *

Счастье одних шло рядом с несчастьем других. Весной и в начале лета 1941 года продолжалась депортация тех, кого советская власть отнесла к числу своих врагов[4]. Люди терялись в догадках, потому что среди репрессированных были семьи среднего достатка, настоящие труженики, далеко не капиталисты или помещики, которые никогда не занимались политикой или антисоветской деятельностью. Всеми овладел страх. Любой мог быть выслан без предъявления обвинений. Никто не знал, кто составлял списки обреченных и на основании каких материалов.

* * *

В июне занятия в школе закончились. Мы стали готовиться к экзаменам. Я учился дома один. Накануне каждого экзамена после консультации в школе мы собирались по три – четыре соученика у одного из нас и отвечали на вопросы программы. Таким образом мы проверяли свои знания и помогали друг другу.

Весь класс успешно сдал все экзамены. Нас перевели в 10-й класс, последний класс средней школы. Мы были счастливы. После окончания школы одни мечтали стать учителями, врачами, инженерами, другие – профессиональными военными: летчиками, моряками, танкистами. За год до окончания десятилетки мы уже выбирали институт, университет или училище, куда собирались поступать. Ребята договаривались вместе поехать в Москву, Ленинград, Одессу или Омск.

На воскресенье 22 июня был назначен общешкольный вечер. В торжественной обстановке должны были вручить аттестаты зрелости первому выпуску средней школы № 2. Все принимали участие в подготовке этого праздника – и учителя, и ученики, и родители. Украшали большой зал на втором этаже, проводили репетиции участники художественной самодеятельности, в канцелярии заполняли похвальные грамоты и т.д. Выпускницам шили белые платья, а ребятам покупали костюмы. Все ждали с нетерпением этот праздник.

Но нам не было суждено веселиться. Ранним утром 22 июня фашисты вероломно, без объявления войны напали на Советский

Рубин и Фира Удлер (Аккерман, 1941)

Союз. Дирекция школы вызвала нас, старшеклассников, и попросила помочь в подготовке школьного помещения к приему раненых. Мы вынесли во двор школы парты, шкафы, столы, стулья, книги, все приборы из физической и химической лабораторий и т.п. Кое-что спустили в подвал. В пустых классах, по указаниям медработников, складывали железные койки, металлические шкафчики и др.

Несколько последующих дней мы еще заходили в школу. В кабинете директора и в канцелярии десятиклассникам выдавали аттестаты, а окончившим девятый и восьмой классы – справки.

Потом обстановка резко изменилась. Старшие парни были призваны в армию. Советские, как мы их называли, ребята в спешном порядке уехали из города куда-то за Днестр. О школе мы забыли. Наступили тревожные дни и ночи войны.

* * *

По местному радио передавали, что в случае объявления воздушной тревоги все должны спуститься в подвалы или плотно закрыть двери и окна, даже ставни, погасить свет, иметь запас воды и еды. При химическом нападении с воздуха, при отсутствии противогазов, рекомендовали надевать влажные марлевые повязки.

Однажды объявили воздушную тревогу. Вскоре показался кукурузник, который сделал несколько кругов над городом. Мы в лихорадке погасили свет, закрыли двери и ставни, намочили в ведре марлевые повязки и прикрыли ими рот и нос. Шума самолета уже давно не было слышно, но мы все еще дышали через мокрую марлю и сидели в темноте.

Позже, в Одессе, когда немецкие боевые самолеты действительно бомбили город и десятки зениток били по ним, мы с улыбкой вспоминали эти наши мокрые повязки.

* * *

В конце июня началась эвакуация в глубь страны промышленного оборудования, скота, зерна и другого добра, чтобы ничего не попало в руки врага. Эвакуировались госучреждения, другие важные организации, архивы. Было ясно, что город будет оставлен. Численно превосходящие силы противника заставили части Красной Армии отступать.

В городе была проведена мобилизация военнообязанных. Были созданы истребительные батальоны, отряды народного ополчения. Многих послали на строительство оборонительных сооружений и разных объектов военного значения.

Папу призвали в истребительный батальон. Уходя от нас, он строго велел нам, чтобы мы не оставались в Аккермане, который, вероятно, советские оставят. Румыны, от которых мы ушли из Брэилы, жаждующие мести за унизительную, как они считали, потерю Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году, и немцы, их военные союзники, не пощадят евреев. Листовки, которые сбрасывали с самолетов, открыто звали к уничтожению евреев. Об этих призывах легионеров и гитлеровцев писала и местная газета. Отец наказал нам эвакуироваться в Одессу и обратиться за помощью к семье Грабовецких, дальних родственников по папиной линии. Он полагал, что румыны дальше Днестра не пойдут, а советские войска, преодолев последствия внезапного нападения, остановят немцев и прогонят их. Папа считал, что через месяц – другой мы вернемся в Аккерман.

В истребительный батальон были призваны люди старше сорока лет. На весь батальон выдали несколько винтовок. Их военной подготовкой никто не занимался. Конкретные задачи перед ними не были поставлены. Первые ночи отец был дома. Утром уходил к месту сбора батальона. Некоторые не возвращались в батальон. Дисциплина была слабая. Чувствовались растерянность командиров, отсутствие координированности действий.

В эти дни отец помог нам собрать вещи. Фира не ходила на работу – банк тоже эвакуировался. Я был свободен. Все мы вчетвером спешно готовились к уходу. Через лиман к Овидиополю курсировали баржи, перегруженные людьми и их багажом. У пристани стояла длинная очередь. Кто не успевал погрузиться в этот день, ночевал на берегу.

Фира и я несколько дней подряд спускались к пристани. Люди шли нескончаемым потоком. Были не только аккерманцы, но и жители местечек и сел области. Среди беженцев преобладали евреи. Их гнал страх. Шла молва о расстрелах оккупантами невинных людей – мужчин, женщин, стариков, даже детей.

Один пожилой еврей, кажется, из Татарбунар, показал нам листовку, напечатанную по-русски и по-румынски. Мы с ужасом прочли первую строчку: «Братья бессарабцы! Убивайте комиссаров, коммунистов и жидов!...» Дальше мы не стали читать. Нам стало жутко.

5 июля к вечеру прибежал отец и сказал, что их батальон уходит из города. Он надеялся нас найти через Грабовецких или через тетю Иду. Если положение на фронте ухудшится, нам нужно уходить дальше на восток. Папа простился с нами, взял приготовленный заранее вещевой мешок и быстро ушел. Почему-то все отнеслись к этому расставанию легко. Мы были уверены, что оно ненадолго.

* * *

Вести с фронтов войны были плохие. Красная Армия отступала. Румыны и немцы подходили все ближе к Аккерману.

7 июля утром мы отдали ключи от квартиры Марусе и попросили ее присматривать за ней, пока нас не будет в городе. Мы погрузили свои вещи на подводу и спустились к причалу. По узкому шатающемуся трапу мы с трудом перенесли в глубокую баржу свои баулы и тюки. Баржа очень скоро заполнилась беженцами. Небольшой буксирный катер, пыхтя, тяжело тянул нашу перегруженную посудину. Лиманские волны ее сильно раскачивали, и многих тошнило. Маме тоже было плохо. Ее рвало.

В Овидиополе на пристани скопилось очень много народу. Местные жители выносили беженцам хлеб, молоко, овощи. Торговки продавали продукты на рубли или меняли на вещи. Мы попросились переночевать у одного хозяина, который за хорошую плату согласился отвезти нас в Одессу.

Мама и Фира готовили что-то на ужин и в дорогу, а я пошел смотреть город.

Когда мы из Аккермана рассматривали ночью через лиман Овидиополь, три – четыре длинных ряда электрических ламп создавали впечатление большого правильно спланированного города. Теперь я воочию убедился, что это было большое село с параллельно тянущимися вдоль берега немощеными улицами с крестьянского типа домами, крытыми камышом или соломой. У каждого хозяина были огород, фруктовый садик или небольшой

виноградник. Овидиополь не мог сравниться с Аккерманом. Не помню точно, но мне кажется, что часть жителей Овидиополя даже работала в колхозе.

* * *

Около пяти часов утра, погрузив все наше имущество на подводу, мы двинулись к Одессе. Сначала мы продвигались довольно быстро. Лошади были хорошие, отдохнувшие, и шлях был незагружен. На подъемах мы сходили с подводы, чтобы лошадям было легче. Но к девяти часам утра наш ход заметно замедлился. Лошадей и подвод стало много. С проселочных дорог толпы беженцев и подводы, груженные вещами, с сидевшими сверху немощными стариками и женщинами с младенцами на руках, вливались в главный поток. И навстречу нам двигались воинские части на машинах и строем. Июльское солнце стало крепко припекать. Пыль прилепала к человеческим потным телам, забивала глаза и уши, дышать стало трудно. Мы выпили всю воду, которую везли с собой. По дороге колодцев не было, и мы терпели жажду.

В селе Баробой мы сделали первую остановку у знакомого нашего возчика. Кони немного отдохнули, и мы кое-что поели. Хозяину дома было трудно понять, почему так много людей бросили все свое имущество и убегали вместе с большевиками. Он более десяти лет работал в колхозе на трудодни и верил листовкам, что немцы его сделают хозяином, наделят землей.

Между двумя Аккаржами, Малой и Большой, примерно на полдороге к Одессе, над шоссе пролетели немецкие самолеты и на бреющем полете обстреляли прячущихся или разбегающихся в панике беженцев. Наша подвода была на середине шоссейной дороги, и единственное, что мы смогли сделать, – это залезть под нее. Рядом с нами по брусчатке стучали пули и осколки. Мы сжались в единый живой комок. Мы хотели выжить или умереть вместе. Облетев нас несколько раз, самолеты улетели в сторону Одессы. Убитых и раненых уложили на подводы и довезли до ближайшего села. Колонна, теперь все время наблюдающая за небом, медленно двинулась дальше.

В Аккарже жили немцы-колонисты. Котельцовые добротные дома были построены по одному типу. Торцовая сторона с двумя высокими окнами смотрела на улицу. В продолжении длинного дома стояли скотские помещения и сараи. В каждом дворе были каменный погреб и колодец с воротом. Все дома выровнены по одной линии. Каменная широкая ограда, побеленная известью, сплошным рядом тянулась вдоль улицы, прерываемая одинаковыми калитками, рядом с которыми стояли удобные скамейки. Из-за ограды колонисты

смотрели на нас с явной неприязнью. Они, несомненно, ждали гитлеровскую армию – своих соотечественников.

* * *

В ночь на 10 июля мы въехали в Одессу. С Овидиопольской дороги весь народ направился к центру города. Наш возчик бывал в Одессе. Он обещал довезти нас до вокзала, а утром нам будет легко найти улицу Карла Маркса, где жили Грабовецкие, так как она начиналась где-то рядом. Колонна двигалась очень медленно, все устали от долгой ходьбы и нервного напряжения. После полуночи мы подъехали к вокзалу. Было темно. Я видел только контуры, как мне казалось, огромного здания. С правой стороны привокзальной площади было много людей с багажом. Мы нашли свободный пятачок, куда выгрузили наши вещи, рассчитались с возчиком, и он тут же повернул домой, в Овидиополь.

Мама, Фира и я сложили багаж в кучу и сели на него. До рассвета никто из нас не сомкнул глаз.

Около семи часов объявили воздушную тревогу. Мы встрепенулись и не знали, куда бежать, где укрыться. К нашему великому удивлению, соседи справа и слева были спокойны и никуда не собирались уходить. Они посоветовали нам остаться. Они здесь находились второй день и своими глазами видели, как одесская шпана уносила чемоданы и сумки беженцев, которые, под сигналы нападения немецкой авиации, рассыпались в разные стороны. Вскоре мы услышали отбой.

Фира пошла искать Грабовецких, а мама и я остались с багажом.

К привокзальной площади прилегал огромный парк. В этот день он был весь занят беженцами и их вещами. Под открытым небом и палящим солнцем сидели женщины, старики и дети. Мужчины куда-то уходили и приходили. Матери кормили грудью совсем маленьких. Ребята постарше гоняли между тюками, баулами, чемоданами, сундуками, сумками и авоськами, спотыкались, падали и с ревом возвращались к своим. Между беженцами шныряли подозрительного вида люди. Вкрадчивыми голосами и оживленно жестикулируя, они что-то предлагали или уговаривали растерянных и беспомощных людей, изгнанных войной из бессарабских глухих сел и местечек. Я наблюдал за ними. В одних случаях им удавалось уговорить собеседников, и вместе они куда-то уходили. В других – как только возвращались мужчины, они незаметно ретировались. Постоянно прибывающая масса сорвавшихся с мест людей, доверчивых и неопытных, была легкой добычей для одесских аферистов и мошенников.

* * *

Примерно через час Фира вернулась вместе с Олей и Колей, дочкой и сыном старых Грабовецких. Мы познакомились с ними. Они тут же нашли платформу – открытую повозку, вместе погрузили вещи, сами расплатились, и через двадцать минут мы уже были в их квартире.

Нас очень тепло, по-родственному, приняла вся семья. Грабовецкий-отец, ему было лет семьдесят, всю жизнь проработал переплетчиком. Этой профессии он обучил и своих двух сыновей. Мадам Грабовецкая, его жена, занималась хозяйством. Эта очень мудрая женщина держала весь дом. Оля, младшая дочь, и ее муж Матвей Самойлович Любчанский жили вместе с родителями. Старшую дочь и ее семью я не видел. Калинские жили отдельно, в своей квартире, и вскоре эвакуировались.

Мадам Грабовецкая выделила нам комнату и повелительным, не терпящим возражений тоном заявила, что, пока они будут находиться в Одессе, нас никуда не отпустят.

Грабовецкие нам посоветовали обратиться в эвакопункт, где беженцев брали на учет, и добиваться талонов на эвакуацию в глубь страны. Они первые выразили опасение, что война скоро не закончится и что в Одессе нам не отсидеться.

* * *

12 июля к Грабовецким пришел мой отец. Он похудел и выглядел очень усталым. Истребительный батальон, выступив из Аккермана, пешком дошел до Днестра. В районе сел Удобное и Паланка людям было приказано рыть окопы. Работа была физически тяжелая и не спорилась. Не успели выполнить это задание, как пришел приказ переправиться через Днестр. Переночевали в селе Маяки – кто где смог устроиться. Утром их неплохо накормили из походной кухни, им выдали инструменты, вывели к левому берегу Днестра и снова велели рыть укрепления. Командиры указывали, где построить наблюдательные пункты, доты и дзоты. Не закончили и здесь работу, как пришел приказ отступать. Они еще где-то строили траншеи, а потом дошли до Одессы. Здесь аккерманский истребительный батальон был расформирован. Бессарабцам, у которых семьи были эвакуированы в Одессу, выдали справки для дальнейшей эвакуации на восток. Многие из тех, у кого семьи остались в Аккермане, вернулись обратно.

Отец сбросил свою измятую, пропитанную потом и пылью одежду, помылся и лег спать. У него не было сил даже разговаривать.

* * *

Старшего сына Грабовецких и мужа Оли мобилизовали. Старые Грабовецкие вместе с Олей и Колей получили талоны на эвакуацию морем. Им осталась неделя до дня отхода парохода.

Отец и я ходили в эвакопункт, показывали справку, полученную отцом, но нам не удалось достать талонов. Тогда отец и еще один еврей из Аккермана наняли одну подводу на две семьи, чтобы добраться до города Николаева. Это восточнее Одессы километров на 120, и мы надеялись, что оттуда нам посчастливится поездом или пароходом уехать дальше. Нам говорили, что Николаев – город небольшой, нет такого скопления народа, как в Одессе, и гораздо легче отправиться в далекий тыл.

Наша попытка закончилась неудачей. Недалеко от Одессы, по перегруженной беженцами и военными шоссейной дороге нам навстречу со стороны Варваровки и Николаева, что на берегах Бугского лимана, в большой панике двигались люди. Говорили, что немецкие танки отрезали дорогу. Получалось, что мы в окружении. Весь людской поток хлынул обратно.

* * *

Мы вернулись на улицу Карла Маркса, 73, к Грабовецким. Мы были деморализованы. Мы не видели выхода для нас. Выбраться из Одессы было невозможно. Никто из нас не работал. Деньги таяли. Вернуться в Аккерман и ждать пощады от фашистов было немыслимо. На нас ужасно давили слухи – одни хуже других.

Мама особо сокрушалась о своих родителях, братьях, сестре и их семьях. Мы ничего не знали о них. Остались ли они в Арцизе или успели куда-то эвакуироваться? Как перенесут все трудности бабушка и дедушка, старые и немощные люди, и мои двоюродные братья и сестры, маленькие дети? Мы пытались успокоить маму. Мы ей твердили, что с ними мужчины – дяди Ицик, Нухим, Мотя и Велвел, что они энергичные, умные и разберутся в создавшемся положении.

Мама посылала меня и Фиру в эвакопункты, где регистрировались беженцы, проверить, нет ли наших родственников в Одессе. Мы обошли несколько таких пунктов в разных районах города, но их фамилий мы не нашли в списках.

В одном эвакопункте служащая, добрая женщина, нам сказала, что мы как беженцы можем получать ежедневно бесплатное питание по талонам и что изредка у них бывают бесплатные талоны на пароходы для дальнейшей эвакуации беженцев. Она посоветовала нам почаще наведываться.

* * *

На следующее утро Фира и я пошли на вокзал, надеясь, что, может быть, встретим кого-то из Арциза и узнаем что-нибудь о наших. В помещение вокзала было невозможно войти. Он был битком набит военными и гражданскими. Тогда мы направились в парк, прилегающий к привокзальной площади.

Мы долго ходили под палящими лучами июльского солнца в бескрайнем скопище людей и вещей, оглушенные громкой речью взрослых и плачем детей вперемешку с нескончаемым шумом и треском городских радиоточек «тарелок» и транспорта. Мы уже собирались уходить, когда на краю парка увидели наших дядей, с подвод выгружающих тюки. Рядом на чемоданах сидели бабушка, дедушка и тетя Дора с годовалой Фирочкой на руках.

Фира и я побежали к ним. Эта встреча была невероятным чудом. Только Бог нас направил именно в этот день и в этот час навстречу родным.

Мы обнимались, целовались, радовались, что стар и млад – все здоровые выбрались из пекла, ведь фашисты уже наступали им на пятки.

Мы загрузили обратно подводы и поехали к тем же Грабовецким. Нетрудно себе представить радость всех. Ведь всего час тому назад мы не знали, где они, живы ли.

Дорогие наши Грабовецкие были поражены. В их квартиру неожиданно ввалилось столько людей да с огромным багажом. Повернуться негде было.

Женщины ушли на кухню готовить обед, а Оля с Колей, Фира и я, с разрешения мадам Грабовецкой, пошли открывать квартиру Софии Калинской, старшей дочери, которая уже эвакуировалась. Затем Оля поговорила еще с одной соседкой из этого дома, согласившейся принять на квартиру наших родных. Таким образом, пока все остались жить в одном дворе.

* * *

Накануне дня отхода парохода наши мужчины погрузили багаж Грабовецких на подводу и доставили его в порт, ближе к нужному причалу. Люди с талонами заранее занимали очередь на посадку. Говорили, что талонов выдали больше, чем мест на судне. Ночью по нескольку часов мы оставались с багажом. Потом сменялись. Грабовецким дали возможность поспать перед дальней и небезопасной дорогой.

Мы расстались с ними как с самыми близкими и дорогими людьми.

Они обещали сообщить свой адрес, как только где-то осядут. И на этот раз тетя Ида была соединяющим нас всех звеном.

Грабовецкие настойчиво убеждали и настаивали, чтобы мы любой ценой выбрались из Одессы и уехали далеко-далеко от фронта, куда и они стремились попасть.

* * *

Перед нашей большой семьей в 20 человек встал один жизненно важный вопрос: как спастись от фашистов. Одессу стали бомбить почти каждый день. И артиллерия била по городу. Пожилые люди, больные, женщины и малые дети переселились в подвалы. Кольцо окружения стягивалось все больше и больше. Эвакопункты все реже выдавали пайки, а потом совсем перестали. Достать 20 талонов на один пароход было совершенно невозможно. За деньги чудом можно было бы купить один, два, максимум три талона. Но уезжать по одному или семьями никто не соглашался. Так мы и застряли все в Одессе. Судьба!

Примечания

[1] Бессарабские немцы-колонисты оставили 315 000 гектаров пахотной земли, пастбищ, виноградников и др. PESCM, p. 490.

[2] PESCM, p. 165.

[3] ŞTF, p. 18.

[4] Последняя депортация состоялась 14 июня 1941 года. Были высланы из Бессарабии около 4000 еврейских семей и из Северной Буковины – около 2000. SBI, p. 28, 30; см. с. 158, 173. По другим данным, в 1940–1941 гг. из Бессарабии и Северной Буковины были депортированы около 10 000 евреев. PESCM, p. 385–386; IE, p. 228.

И СНОВА ОДЕССА

Наша встреча с Раду М. Бадиу в Одессе в ноябре 1941 года носила уже другой характер. С одной стороны был офицер армии победителей, правда, очень доброжелательный и сочувствующий, а с другой – еврейская семья, прошедшая через массу унижений, чрезмерно напуганная, деморализованная и обездоленная. Он пришел к нам на второй день вечером, как и обещал, когда отец уже вернулся с джутовой фабрики.

Заметно было, Раду не смог это скрыть, что он был поражен увиденным. Вместо преуспевающих, полных личного достоинства людей, хорошо одетых, перед ним стояли истощенные, загнанные, истрадавшиеся евреи. Соответствующий вид имела и наша квартира. Угощать его было нечем, да и не из чего готовить.

Родители рассказали господину Бадиу, что произошло с нами после отъезда из Брэилы, что мы пережили в Одессе, что нам грозит ежедневно, о нашем безысходном положении. Родители также расспрашивали его о Мариоаре, об ее матери, о братьях, о сестре, о том, как развернулись события в Румынии после нашего ухода. Мы еще раз убедились в том, что оставаться нам в Брэиле было нельзя, но в Одессе нам было еще хуже. Мы поняли, к сожалению, поздно, что любой ценой нужно было эвакуироваться в глубь страны, подальше от фашистской чумы.

Разговор затянулся допоздна. Раду решил попытаться нам помочь. Он велел отцу не выходить утром на работу на джутовую фабрику, сказал, что сам пошлет солдата сообщить администрации, что отец задержан при каком-то воинском подразделении для ремонта упряжи.

На наши горячие слова благодарности Раду с благородством ответил, что выполняет свой человеческий долг, что он никогда не изменит своим моральным принципам: армия не может и не должна воевать против безоружного и беззащитного гражданского населения. Преследовать и уничтожать людей лишь потому, что они иной веры, преступно и недопустимо.

Два солдата принесли утром для починки какие-то хомуты, постромки, уздечки, а также буханку хлеба и котелок с солдатской

чорбой с фасолью. Впервые после длительного времени мы поели досыта. Один солдат остался при отце, под видом помощника. Второй показал Петьке документ о том, что отец оставлен для работы при такой-то части и мы, члены семьи, вместе с ним.

Время от времени господин Раду Бадиу заходил к папе. Вместе обсуждали положение в Румынии, в частности то, что происходило в Брэиле, положение в Одессе, события на фронтах и т.п. Петька, встречая Раду М. Бадиу во дворе, с любопытством рассматривал его и подобострастно кланялся ему.

Мы не выходили на улицу. Желтый щит Давида, маген-давид, на черном фоне, пришитый на уровне сердца, резко выделял нас от остальных жителей города. Этот знак предупреждал прохожих, что мы вне закона. Любой антисемит мог нас искалечить или убить. У нас было такое ощущение, что мы получили некоторую отсрочку от неминуемой смерти.

По совету нашего спасителя мы не подчинились приказу местной администрации от 17 ноября 1941 года, согласно которому все евреи, проживающие в Одессе, под угрозой смертной казни должны были до 12 часов 19 ноября заявить и сдать драгоценные предметы, камни и металлы (платина, золото, серебро).

Бывали дни, когда у папы не было никакой работы. Тогда мы слушали рассказы приставленного к папе солдата, жителя одной из окраин города Яссы. Мы абсолютно ничего не знали о том, что творилось в Румынии после нашего отъезда в июле 1940 года. Это был средних лет рабочий, очень религиозный и добропорядочный семьянин. Он не был националистом и не участвовал в акциях легионеров. Видно было, что Р. М. Бадиу ценил эти его качества, доверял ему и именно поэтому его приставил к папе. Он подробно рассказал нам об ясском погроме 29–30 июня 1941 года, очевидцем которого он был. Много лет спустя, уже после окончания войны, читая различные документы о событиях тех дней, я убедился в достоверности его рассказа.

* * *

Яссы были центром еврейской культуры в Румынии. Но Яссы были в течение столетий культурным центром Дунайских княжеств. К несчастью евреев, в этом же городе возник кузизм, а позднее здесь были заложены основы «Железной гвардии».

6 сентября 1940 года, через два месяца после уступки Бессарабии и Северной Буковины, было создано легионерское правительство. Оно издало ряд законов, приведших к трагедии евреев Румынии.

Антисемитские газеты «Moldova», «Prutul», «Cetatea Moldovei»,

«Apărarea națională», «Opinia», вокруг которых объединились отъявленные легионеры и кузисты Атанасие Георгиу, Адриан Паску, Тудор Дэскэлеску, Александру Никита, Антон Гургу, Аурел Леон, Георге Стате, Ион Фр. Ботез, Георге А. К. Куза и др., сеяли ежедневно вражду по отношению к евреям, подготовив общественное мнение румынского населения.

В Яссах все административные посты были заняты легионерами. Так, префектом уезда был Александру Вентоник, отец которого был председателем легионерской организации города Яссы и председателем Торговой палаты. Председателем легионерской организации всей Молдовы был Илие Влад Стурдза. Председателем Палаты труда был Константин Фоишор. Генеральным секретарем Торговой палаты был Мишу Шербэнеску и т.д.[1]

24 и 26 июня 1941 года, на третий и пятый день войны, советские самолеты бомбили Яссы. Газеты «Prutul» и «Moldova» опубликовали провокационные статьи, обвиняющие евреев в оказании помощи врагу, то есть в измене. В ночь на 29 июня румыны (военные, полицейские, жандармы, премилитары – допризывники из числа студентов и лицеистов и гражданские лица – железнодорожники, ремесленники и др.), а также немцы (члены городской организации СС, военные и др.) начали грабить еврейские дома и магазины, сгонять еврейское население к квестуре полиции (уездному полицейскому управлению). Здесь началась настоящая трагедия: мужчин отделяли от женщин, матерей от детей, старых и больных от здоровых. Людей при отборе жестоко избивали толстыми палками с гвоздями на концах. Одни погибли под палками этих извергов, другие были расстреляны на глазах близких им людей. В бойне непосредственно участвовали как обыкновенные хулиганы (извозчики, грузчики, ремесленники, крестьяне, мелкие коммерсанты), так и легионеры, антисемиты – интеллектуалы и офицеры. Например, майоры Георге Балотеску и Эмиль Тулбуре, агенты полиции Григоре Петрович и Георге Кристеску, которые инструктировали и вооружали погромщиков.

Ясская бойня была организована секретной службой информации, при активном участии подполковника Константина Микандру Ионеску и немца майора Германа фон Странски, офицера службы информации «Абвер», и их подчиненных[2].

Оставшихся в живых евреев погрузили в товарные вагоны, по 150–200 человек в один вагон, на дверях были поставлены пломбы. В сопровождении румынских и немецких солдат один эшелон из 36 вагонов был направлен в сторону города Кэлэрашь-Йаломица, а второй из 50 вагонов – в Подул Илоаей. При неимоверной жаре люди в течение нескольких дней не получали ни капли воды.

Естественную нужду справляли в вагонах. Одни сошли с ума или покончили жизнь самоубийством, другие умерли от побоев и ранений.

Вагоны первого эшелона были открыты только через несколько дней на станции Тыргу-Фрумос. В общую могилу было сброшено 654 трупа умерших в пути евреев и тела еще живых, но обессиленных жертв погрома. Ограбление этих несчастных продолжалось и здесь. То же самое произошло и на станциях Мирчешть и Роман. С узниками второго эшелона разделались тем же образом.

В поезде Яссы – Кэлэрашь-Йаломица с 30 июня по 6 июля 1941 года погибло 1384 человека. Большая часть вины лежит на коменданте поезда лейтенанте Ауреле Триандаф, который содержал узников без воды, без пищи и без воздуха.

В поезде Яссы – Подул Илоаей в пути за 8 часов погибло 1194 человека.

Оставшиеся в живых евреи были интернированы в лагеря-гетто в Кэлэрашь-Йаломица и в Подул Илоаей.

Ответственными за эти кровавые преступления являются, в первую очередь, генерал Георге Ставреску, руководитель 14-й дивизии, подразделения которой активно участвовали в обысках, грабежах и убийствах; полковник Константин Лупу, комендант Ясского гарнизона, который натравливал военных против евреев, поощрял убийц и грабителей из числа военных; полковник Думитру Каптару, префект уезда Яссы, ярый антисемит, подготовивший отправление двух поездов с евреями из Ясс; квестор полиции полковник Константин Кирилович, который не принял необходимых мер против погромщиков.

Ясский погром не был стихийным явлением. Он был запланирован заблаговременно антисемитским правительством совместно с немецкими службами в Румынии.

В дни погрома в Яссах было убито 14 850 евреев. Около 4000 было выслано из города[3].

* * *

В декабре, перед Рождеством, в Одессу вместе с другими офицерскими женами приехала Мариоара. Они навещали в больницах раненых солдат, дарили им пакеты с продуктами, шерстяные носки, перчатки, подбадривали их. Спустя несколько дней она пришла к нам и с сочувствием отнеслась к нашему положению. Мариоара не была антисемиткой, но и не осуждала действия правительства, направленные на массовое уничтожение беззащитных людей. Зато со слезами на глазах рассказывала об

увиденном в госпиталях – молодых мужчинах без рук и ног, контуженных, с ожоговыми ранами, с забинтованными головами и т.п. И во всем виноваты, рассуждала она, только коммунисты. Она понимала, что война скоро не кончится, как обещал маршал Ион Антонеску, и очень волновалась за своего супруга, кадрового офицера. Когда Раду пришел за ней, часа через три, они оба снова заверили родителей, что сделают все, что смогут, чтобы облегчить нашу участь. Слез благодарности было много.

Мариоара осмотрела достопримечательности Одессы, накупила много хороших вещей и в сопровождении денщика уехала в Брэилу.

Забегая вперед, скажу, что, к великому сожалению, это была ее последняя встреча с мужем. Он погиб 4 февраля 1943 года у села Озерейка около Новороссийска.

* * *

24 декабря 1941 года в «Одесской газете» был опубликован приказ № 23, подписанный губернатором Транснистрии Дж. Алексиану, о переселении евреев, об образовании колоний, о необходимости обеспечения своего существования собственным трудом и, разумеется, о мере наказания, расстреле, за несоблюдение приказа.

Евреи из Одессы направлялись в основном в уезды Березовка и Голта, а также в Очаковский уезд. К этому времени в Одессе осталось около 60 тысяч евреев[4].

Процесс окончательного уничтожения евреев вступил в свою последнюю фазу. 10 января 1942 года был издан приказ № 7 по армии и гарнизону Одессы, в соответствии с которым в Одессе, на Слободке, создавалось гетто. В этот дальний пригород обязаны были явиться в течение двух дней, начиная с 8 часов утра 10 января 1942 года, все евреи, находящиеся на территории Одессы и ее окрестностей. Разрешалось взять с собой носильные вещи, необходимые предметы хозяйства и инструменты. Неявившимся угрожали смертной казнью, укрывающим евреев грозили от 5 до 10 лет каторги.

Положение нашей семьи резко ухудшилось. Мы не знали, как будет себя вести Петька, наш дворник, не приведет ли он полицию. Мы не знали, что нам скажет Раду Бадиу. Приставленный к папе солдат доверительно сообщил ему, что их часть якобы отправляется из Одессы в Крым, где идут ожесточенные бои.

Петька вел себя осторожно. Он видел, что отец работает и что Бадиу к нему заходит. Он выжидал.

Наш спаситель успокаивал нас, заверяя, что приказ не будет строго соблюдаться, так как гетто на Слободке не может принять

за два дня столько людей. И он оказался прав. Об уходе из Одессы его части мы не спрашивали, и он нам ничего не говорил.

По улице Карла Маркса, как и по другим улицам, шли большими или малыми группами, под конвоем или без него мужчины, женщины и дети. Стариков и больных везли на тачках, несли на носилках. Шли на Слободку.

Мы смотрели им вслед и понимали, что рано или поздно и мы пройдем этот путь.

Ночами отец сшил четыре рюкзака, и мы набили их вещами первой необходимости для лагерной жизни. Каждый предмет внимательно отбирался, все лишнее оставлялось. Но даже в такое страшное время где-то теплилась искорка надежды на сохранение жизни. Фира настояла и родители поддались: она уложила в свой мешок «Petit Larousse» 1939 года издания. С ним мы прошли через гетто. Почти три года мы не видели другой книги. Но об этом потом.

Наши теплые добротные пальто, правда, уже не новые, могли привлечь внимание мародеров. На видных местах мы их разрезали и грубо зашили нитками другого цвета.

Некоторые семейные реликвии (обручальные кольца родителей, золотые карманные швейцарские часы «P. Moser», которые моим дедом были подарены отцу в день женитьбы, золотой медальон с рубинами, подаренный маме моей бабушкой, и другие) отец спрятал в нашей одежде. С одной стороны, родители не хотели расстаться с драгоценностями, дорогими их памяти, а, с другой – они надеялись, что в трудной ситуации эти вещицы спасут нам жизнь.

Мать и сестра заготовили сухари, немного соли и сахара, сложили иголки, нитки и некоторые другие необходимые мелочи.

Военные патрули, жандармы, местные жители усердствовали в выявлении евреев, неповиновавшихся приказу о переселении в гетто. Одними двигало желание присвоить себе чужое добро, другими – жажда свести счеты, третьими – низменные инстинкты и т.д.

* * *

В первых числах февраля Раду М. Бадиу пришел проститься с нами. Его часть уходила на фронт, в Крым. Настроение было такое, будто мы прощаемся с жизнью. И он, видно, знал, что и ему предстоят тяжелые испытания. Последнее, что этот порядочный человек сделал для нас, было то, что он лично поговорил с Петькой и попросил его позаботиться о нас, не выдавать. Господин Бадиу дал ему понять, что вскоре он вернется. Добрым, человечным было

и прощание с солдатом, папиным помощником. На всякий случай он нам оставил свой домашний адрес, ведь в жизни все может случиться. Дома у него остались жена, дети и старые родители.

* * *

Имя Раду М. Бадиу должно быть причислено к тому короткому, к сожалению, списку праведных неевреев, которые бескорыстно, руководствуясь только своими личными этическими и моральными принципами, рискуя положением в обществе и собственной жизнью, спасали евреев от верной гибели.

Я долгое время собирал сведения об этом человеке, принципиальном, честном и добром, которому суждено было прожить только 34 года.

В 1996 году его вдова Мариоара Бадиу из Бухареста прислала мне в Питсбург личные воспоминания о дорогом покойном супруге, семейные фотографии и вырезки из газет 40-х годов.

Раду родился 19 мая 1909 года в живописном селе Гропень на берегу Дуная в 17 километрах к югу от Брэилы. Его родители, Марин и Константина Бадиу, были богатые крестьяне из рэзешей, видные хозяева в той части села, которая называлась Бэженарий Гропенилор. Они вырастили троих сыновей – Раду, Александру и Георге и двух дочерей – Дидину и Кириакицу. Старшему сыну Рэдуку, как его ласково называли, они дали хорошее образование. В родном селе он был одним из лучших учеников. В Брэиле Раду учился в лицее им. Николае Бэлческу. После его окончания восемнадцатилетним юношей поступил в Школу офицеров пехоты в городе Сибиу. В 1931 году в чине младшего лейтенанта Раду М. Бадиу был направлен в 38-й пехотный полк 10-й дивизии, дислоцированной в Брэиле. В 1936 году он был зачислен студентом юридического факультета Бухарестского университета. Раду мечтал стать военным судьей. 15 марта следующего года Раду Бадиу был произведен в чин лейтенанта.

29 мая 1937 года в лицее «Нотр-Дам», где воспитывались в монашеском духе девушки из достойных и состоятельных семей, в честь окончания учебного года проводился спортивный праздник. Среди приглашенных были родители и родственники учащихся, учителя лицея, друзья и знакомые. В группе присутствующих офицеров местного гарнизона находился и Раду Бадиу. Здесь он увидел Мариоару Лаповицэ и с первого взгляда влюбился.

8 сентября 1937 года, в день рождения Мариоары, они обручились. На обручальном кольце Раду выгравировал дату – 29 мая, самый счастливый день в его жизни. Гражданское

Мариоара Лаповицэ и Раду М. Бадиу (Брэила, 1937)

Александру и Джеорджета Василеску, Ленуца Лаповицэ, Раду и Мариоара Бадиу (Брэила, 1938)

венчание состоялось 19 февраля 1938 года, а религиозное – 27 февраля. Свадьбу сыграли в доме родителей Мариоары. Посаженными были полковник Александру Василеску и его жена Джеорджета – давние и преданные друзья семьи.

В любви и в полном согласии Мариоара и Раду прожили два с половиной года, до начала войны.

Как кадровый военный Р.М. Бадиу был на передовой с первого дня. Он участвовал в рукопашных схватках, видел смерть своими глазами. Рядом с ним падали разорванные на части тела его однополчан – офицеров и подчиненных. Он писал Мариоаре письма, полные ужаса и отчаяния. Со страхом в душе они подбадривали друг друга.

В боях под Одессой, у Дальника и Татарки, в Крыму, у Евпатории, Раду М. Бадиу командовал ротой разведки 38-го пехотного полка. 24 января ему присвоили чин капитана.

На Северном Кавказе, на ответственных участках фронта, он руководил ротой саперов, храбро и умело выполнял сложные поручения по минированию полей.

Утром 4 февраля 1943 года советские десантные части

Капитан Раду М. Бадиу
(Евпатория, Крым, 1942)

Могила капитана Раду М. Бадиу
(село Васильевка, Новороссийск,
4 февраля 1943 года)

высадились с 31 танком и артиллерией севернее Новороссийска. Командование поручило провести контратаку подразделению капитана Раду М. Бадиу. В бою в долине Южная, у сел Озерейка и Глебовка, капитан Бадиу и его солдаты одержали дорогой ценой, ценой жизни, важную победу.

Капитан Раду М. Бадиу, кавалер ордена «Coroana României» clasa a V-ea cu Spade și Panglică de «Virtute Militară», был похоронен с воинскими почестями во дворе сельской церквушки в Васильевке, где находился его последний командный пункт.

Именем капитана Раду М. Бадиу была названа рота саперов 38-го пехотного полка, в котором он с безграничной преданностью отслужил одиннадцать лет.

В канун пятилетия свадьбы Мариоара получила извещение о подвиге и геройской смерти ее незабвенного дорогого мужа Раду М. Бадиу. Отшельницей до глубокой старости она переживала свою горькую вдовью участь.

* * *

Когда наши запасы были почти съедены, чтобы не умереть от голода или не попасть в этап совсем обессиленными, мы решили уйти в гетто.

Морозным утром 10 февраля 1942 года мы присоединились к большой группе евреев, направляющейся в гетто на Слободке. Мы шли по мостовой в глубоком снегу. Шли долго. Прохожие останавливались и смотрели на нас, но по-разному. Глаза некоторых выражали жалость и сострадание. Другие провожали нас оскорбительными окликами и угрозами.

Группа немецких офицеров, очень молодых людей, приказала нам остановиться, смотреть в их сторону, в объективы, и улыбаться. Двое направили на нас револьверы, а другие настроили фотоаппараты. Они щелкали ими и хохотали, выбирая нелепые виды на память.

По пути к нам присоединялись евреи, сами вышедшие из укрытий или выгнанные патрулями. Наша уже многочисленная колонна успела вытянуться в дороге. Отставали больные, истощенные, старые люди. Перед входом в гетто нас долго держали на морозе. Затем пересчитали и группами по 10–15 человек направили в какие-то мазанки.

Мы были рады возможности сесть или лечь на глиняный пол неотопленной и совершенно пустой комнатки крестьянского типа. Сказывались напряжение нервов, усталость, холод и голод.

Утром нас вызвали в канцелярию лагеря, где работала комиссия по оценке имущества и обмену денег. Плутониер (чин, соответствующий старшине) задал отцу какие-то вопросы, записал нас в толстую реестровую книгу, а румын, в гражданской одежде, жуликоватого вида, обыскал нас. Воспользовавшись моментом, когда плутониер вышел, он засунул себе в карман найденные у нас марки и тут же выставил нас. Таким образом, к нашему счастью, спрятанные драгоценности не были найдены и остались у нас.

Взволнованные и замерзшие, мы вернулись в ту комнатку, в которой нас разместили накануне. Чтобы как-то согреться, люди семьями сбивались вместе. Мы прижались друг к другу и шепотом успокаивали себя, ведь мы миновали смертельную опасность.

Соседи по комнате откуда-то узнали, что через день-два нас отправят в гетто, к Бугу. Настроение наше еще больше ухудшилось.

Тогда мы еще не знали, что гетто на Слободке – всего лишь пересыльный пункт, что губернатором Транснистрии Дж. Алексиану был подписан приказ № 26 от 2 января 1942 года, в котором конкретно указывались уезды для поселения евреев, начало «эвакуации», пути следования и т.д.

В информационной заметке № 76 от 17 января 1942 года полковник Эмиль Броштяну, инспектор жандармерии Транснистрии, сообщал в Бухарест, что высылка евреев из гетто на Слободке началась 12 января. Преториальная служба г. Одессы, за подписью претора города подполковника М. Никулеску, в ежедневных информационных бюллетенях давала точные сведения: 12 января 1942 года были высланы поездом со станции Одесса-Сортировочная до станции Березовка 856 человек, в основном старики, женщины и дети, 13 января – 986, 14 января – 1201, 15 января – 1090 (в большинстве старики в возрасте 50–80 лет), 16 января – 1746, 17 января – 1104, 18 января – 1293, 19 января – 1010, 20 января – 926, 22 января – 1807, 23 января – 1396, 24 января – 2000, 31 января – 1200, 1 февраля – 2256, 12 февраля – 448, 16 февраля – 53 и 23 февраля – 210. В течение 21, 25–30 января отправлений евреев из Одессы не было из-за того, что поезда не шли. Были снежные заносы и сильные (более 20 градусов) морозы[5].

Примечания

[1] D, VI, p. 33–35, 48, 50, 379–384, 414–416.

[2] D, VI, p. 36–39, 52, 364–406; AJS, p. 40, 42, 43.

[3] D, VI, p. 41–43, 49, 378, 399, 402, 406–407; MPI; B, p. 277–288; BNU, p. 43–54; PMAD, I, p. 106; ŞTF, p. 69; Oișteanu Andrei. Cine să strige că a uita înseamnă repeta? RE, nr. 30–31 din iunie-iulie 1996, p. 10, 11, 13; IS, p. 203; Benjamin Lya. Ne plângem martirii...RE, nr. 9 din 16–31 iulie 1995, p. 7; KC; IE, p. 87–120.

[4] Б, с. 13–14, 18; SBI, p. 480–481; J, p. 15; HSU, p. 141–142.

[5] Б, с. 17–18; D, V, p. 202–215, 222, 231–233; C, III, p. 224–225.

ДОРОГА В ГЕТТО

Ранним утром 12 февраля всех нас согнали перед зданием администрации гетто, сделали перекличку, построили в длинную колонну и под конвоем румынских солдат или жандармов, не помню, направили на станцию Одесса-Сортировочная. Наша колонна имела удручающий вид. Почти четыре месяца жизни в оккупированной румынами Одессе довели людей, когда-то бодрых, жизнерадостных, опрятных, до состояния глубокой апатии, обреченного фатализма. Небритые, заросшие мужчины, немытые и нечесанные женщины, бледные и заплаканные дети, все обессиленные, истощенные, напуганные, с трудом передвигали ноги в глубоком снегу, обреченно шли вперед навстречу новым страданиям и смерти. Румыны все время нас подгоняли нагайками и прикладами. Ругательства, антисемитские высказывания и страшные угрозы не прекращались всю дорогу.

Люди плелись медленно и долго, так как и путь был длинный, более 10 км. Старики, больные и дети преодолевали это расстояние на телегах, за что их родные платили вещами или деньгами. Но не все нуждающиеся могли рассчитаться таким образом, да и подвод было мало.

Чтобы не оказаться в хвосте колонны, в последних ее рядах, где на людей чаще сыпались удары подгоняющих конвоиров и откуда нередко были слышны их выстрелы по изнемогавшим, все из последних сил стремились ускорить шаг, быть подальше от смертельно опасной части колонны.

Наконец, мы дошли до станции Сортировочная, где нас дожидался товарный состав, охраняемый солдатами с овчарками. Очевидно, стражники опасались попыток бегства, так как все евреи были убеждены, что их ждет смерть от холода и голода в вагонах, от пуль жандармов и полицаев в дороге или от болезней, побоев и недоедания в самом гетто.

Наша погрузка в вагоны представляла собой страшную картину. Люди не могли взобраться, двери были высоко. Жандармы их вталкивали, как попало, как баулы, вкатывали. Торбы, рюкзаки, мешки забрасывали вдогонку. Стоял страшный крик. Румыны

ругались, подгоняли людей прикладами, натравляя на них собак. Люди пробирались в ужасной тесноте, звали друг друга, чтобы быть вместе со своей семьей, со своими знакомыми. И тут выяснялось, что кого-то нет, мужа или жены, или ребенка, которых, возможно, загнали в другой вагон, если не убили. Матери протягивали руки и просили, чтобы им передали детей, оставшихся где-то внизу, около вагонов. Люди плакали, рыдали, падали в обморок. До отказа набитые вагоны вскоре были заперты.

Поезд, наконец, тронулся. Было очень холодно. В открытые окна дул сильный ветер. Мы стояли на ногах, тесно прижавшись друг к другу. Никто не сидел, никто не лежал. Неизбежное незамедлительно началось. Стали умирать старики, маленькие дети, сердечнобольные, до предела ослабшие. Люди умирали стоя и оставались стоять, так как некуда было упасть. Многие просили пить, но воды не было. Естественную нужду справляли на месте, и сразу же все замерзало. Совсем упавшие духом плакали беспрестанно. Другие, более крепкие, бранили себя, проклинали большевиков и фашистов.

Рядом с нами сравнительно нестарые мужчины обсуждали случившееся. Почему евреи, в одной Одессе их было более ста тысяч, не оказали никакого сопротивления, когда их только за то, что они родились евреями, стали гнать в тюрьмы, вешать и расстреливать, грабить, сгонять в гетто и выселять из города? Почему безропотно, пугливо и трусливо, как бараны, они шли на смерть? Что это за народ? Умные, талантливые, энергичные, сообразительные, предприимчивые люди во все времена и во всем мире, помогающие друг другу всеми способами, оказались в это страшное время деморализованными, разобщенными, неспособными даже к самообороне, к самозащите. И они же давали ответ, соответствующий, как помнится, и моему мнению. Евреи не верили, что Гитлер и его приверженцы смогут в XX веке, в цивилизованной и демократической Европе пробудить в народах средневековую ненависть к иноверцам, безрассудную жажду крови, возродить расизм, доведенный до пароксизма, до чудовищного безумия.

Многие противники фашизма были как загипнотизированы, парализованы, растеряны и напуганы. Во всех странах континента творилось нечто уму непостижимое: преднамеренные массовые убийства гражданского населения, уничтожение городов и сел, сжигание тор, трактатов и книг, насилие и грабежи.

Евреи не были морально подготовлены к сопротивлению подобному вандализму. И они были безоружны.

Высокий еврей внушительной внешности, которому было за шестьдесят лет, казалось, даже не прислушивавшийся к разговору,

цитируя с благоговением отрывки из наших священных книг, стал уверять нас, что нынешние гонители евреев, как и преследователи нашего народа прошлых времен, будут строго наказаны за их злодеяния Богом, а Его народ возродится, преодолев все трудности. И он продолжил, в традиционном покачивании, тихо напевать молитву. Вид этого человека и неожиданность его выступления вселили в нас надежду.

Состав подолгу стоял на станциях, но двери вагонов не отворялись.

15 февраля мы прибыли в Березовку. Жандармы заставили мужчин выгрузить трупы умерших. Обмороженных и больных на подводах увезли якобы в больницу. Их вещи стали достоянием жандармов. Остальных снова построили и погнали в гетто. Мы переночевали в бараке. Утром мы увидели жителей этого гетто. Зрелище было жуткое. Между полуразрушенными бараками брели, с трудом передвигая ноги, голодные, в лохмотях, грязные тени людей. Их не кормили. Они выменивали за краюшку хлеба все, что у них было. Их ветхая одежда была завшивлена. И эти обреченные души пытались узнать у нас что-нибудь о своих родных, с которыми их разлучили суровые обстоятельства. Они еще на что-то надеялись, о чем-то мечтали.

И тогда я вспомнил того благопристойного вида человека, который в вагоне дал нам искру надежды. Fiat voluntas Tua! (Да будет воля Твоя!).

* * *

Пеший этап от Березовки через Мостовое и Лидиевку до Доманевки представлял собой страшную дорогу смерти. Утро 16 февраля, как и последующие дни, было очень морозное. Мы были настолько утомлены и обессилены, что буквально спали на ходу. Шли очень медленно. Наши рюкзаки стали легче, потому что пищевые запасы сильно сократились и вещей стало меньше – обменяли на хлеб или на картофель.

По бескрайнему полю, покрытому снегом, гулял резкий ветер, пронизывающий до костей. Идти было очень трудно, дороги почти не было видно. Километров за десять от Березовки по обочинам дороги валялись трупы застреленных людей из предыдущих транспортов. Все были раздеты догола, опухшие и какого-то странного оранжевого цвета. Мать нам велела не смотреть на них. Настроение было ужасное.

На ночь колонна остановилась у какой-то деревушки рядом с дорогой. Нас направили к развалинам бывшей конюшни. Поскольку

все не вместились в нее, стража разрешила людям подходить к ближайшим домам, договариваться с хозяевами о ночлеге и пище. Отец и еще один мужчина из колонны, у которого были жена и малыш лет шести, нашли такое место и пришли за нами. Поев горячую похлебку, мы все семь человек легли на голом полу, положили под головы свои рюкзаки и сразу уснули.

Посреди ночи нас разбудили стук в дверь и мужские хриплые голоса. Мы очень испугались. В темноте мы ждали худшего. Заплакал сын наших новых знакомых. В комнату ворвались трое верзил с палками в руках. Наступая на наши тела и шаря во тьме, они схватили несколько рюкзаков и, крепко ругаясь по-украински, выбежали. Опомнившись, мы вышли во двор за ними, но успели только увидеть убегающих от скирды сена или соломы мужиков. Погнаться за ними мы побоялись, да и женщины нас удерживали. Погоревав и поплакав, мы снова улеглись. Сказывалась наша изнуренность. Отец остался на страже. К дверям мы придвинули длинную скамейку.

Когда чуть рассвело, отец, я и новый знакомый (его фамилия была, кажется, Рембус или Резмус) вышли во двор и подошли к скирде. По следам в снегу и по разбросанной соломе мы нашли наши рюкзаки, запрятанные разбойниками. Это было большим счастьем. То немногое, что мы вернули себе, помогло нам выжить.

Через несколько часов мы продолжили наш путь. Та же бесконечная степь и по обочинам дороги опухшие трупы оранжевого цвета. Казалось, я их видел даже тогда, когда закрывал глаза.

К крикам и ругани жандармов мы уже привыкли. Люди шли быстрее, чем накануне. Стрельбы в конце этапа пока не было слышно.

Волей судьбы нам предстояло пройти через еще одно испытание с тяжелыми последствиями. Около середины дня в заснеженной степи появились быстро приближающиеся черные точки. Румыны-конвоиры приостановили нашу растянувшуюся колонну, укоротили ее и впервые проявили заботу о нас. Они предупредили всех, что это налетают немцы-колонисты. Румыны ненавидели немцев, но боялись их. Немцы презирали румын и обзывали их цыганами.

Сани колонистов быстро нагнали нас. Это были молодые мужчины, краснощекие, упитанные, в добротных тулупах и сапогах. На нас они смотрели с отвращением и надменностью. Слово *юден* произносили с нескрываемой злостью. Сани уже сопровождали нас с двух сторон, справа и слева. Немцы с трудом сдерживали своих резвых коней. Румыны находились между нами и немцами, с винтовками наготове, требуя, чтобы они убрались. Немцы нагло хохотали и что-то отвечали по-немецки.

Присмотрев на ком-то более или менее хорошее пальтишко, меховую шапку, зимнюю шаль, шарф или целые перчатки, боты, ботинки или сапоги, с кнутом в руке врывались в колонну и стаскивали их с людей. Тех, кто пытался сопротивляться, хлестали кнутом по лицу, по рукам, куда попало. Набрав то, что им приглянулось, они развернулись и укатили в свою колонию. Было видно, что конвоиры вздохнули облегченно. Им не пришлось применять оружие и вступать в конфликт с обнаглевшими единокровцами старших союзников. Нам было очень жаль тех несчастных, с которых содрали последнее, что как-то спасало их от мороза. Люди плакали, и слезы замерзали на их впалых щеках. И в этой тяжелой обстановке была проявлена человечность. Пострадавшим, раздетым, разутым или с непокрытыми головами, дали кто что мог, делились последними вещами. Люди благодарили Бога, что немцы не отбили нас у румын и не погнали в свою колонию, где всех бы истребили, что никого не убили.

Немцы-колонисты Одесской области, в особенности Березовского района, через который проходили дороги смерти в печально известные гетто Богдановки, Доманевки, Акмечетки и Мостового, были настоящими убийцами. Их не зря выслали потом в Сибирь.

В информационных заметках инспекторов румынской жандармерии Транснистрии указывалось, что 9 марта 1942 года немецкая гражданская полиция из села Завадовка и из местечка Мостовое Березовского района уничтожили 772 еврея из гетто села Чихрин; 13 марта немцы из села Картайка Березовского уезда убили и сожгли трупы 650 евреев из гетто села Халиевка, раздев их до рубашки и отобрав все ценности; 16 марта немцы из села Ново-Канделии того же уезда вывели 120 евреев из гетто села Катоуска, раздели, отобрали все ценные предметы и расстреляли; 18 марта немецкая гражданская полиция села Бернандовка застрелила 483 еврея; в тот же день немцы из села Рейхштадт расстреляли группу евреев в селе Веселый Хутор возле Мостового; 27–30 мая немцы из села Лихтенфельд вывели 1200 евреев из гетто совхоза Суха-Верба и расстреляли их[1]. Этот список далеко не полный. Никто не вел учет евреев, следовавших пешими этапами от станции Березовка до районного центра Доманевка, которые были истреблены – расстреляны, избиты до полусмерти, повешены, зарыты заживо, сожжены – немцами-колонистами. Однако известно, что больше всего пострадали от этих извергов евреи первых этапов. Безвестные мученики!

20 февраля мы прибыли в Доманевку. Конвоиры нас сдали в местное гетто. Нас пересчитали и привели к большому зданию бывшего районного клуба или кинотеатра, в прошлом, кажется,

синагоги. В огромном зале с выбитыми стеклами стоял такой же мороз, как и на дворе. Поломанные рамы окон от порывов ветра все время зловеще стучали. Деревянный пол во многих местах был разобран. Возможно, доски были использованы для отопления или для приготовления пищи на поломанных кирпичах. Пепел и следы огня видны были между торчащими балками.

Новоприбывшие стали устраиваться. Искали место, где сохранился деревянный настил и где не очень сквозило. Мы нашли такой угол, как-то подмели и почистили его от валявшихся лохмотьев, оставленных ушедшими неизвестно куда узниками, от нечистот. Рядом разместилась семья наших новых знакомых.

Мужчины пошли искать пищу. Им удалось выменять какие-то вещи на хлеб и несколько сваренных в мундирах картофелин.

В помещении было много людей, которые все время куда-то выходили, откуда-то возвращались. Было шумно, больные стонали и что-то просили, дети плакали или играли, женщины причитали или ссорились. Рядом кто-то умирал. Родственники оплакивали его, читали положенные молитвы. Потом на руках вынесли труп и оставили его в отведенном месте. К утру там уже было несколько трупов. На подводах или на санках их увозили на кладбище. Земля была замерзшей. Копать могилы было невозможно. Родственники, сопровождающие покойников, не могли даже кирками снять промерзший пласт земли. И сил у них почти что не осталось. Им приходилось сносить окоченевшие трупы в давно вырытую общую могилу.

От жителей гетто, прибывших раньше нас, мы узнали, что в Доманевке в течение января и первой половины февраля была настоящая бойня. По приказу префекта уезда Голта подполковника Модеста Исопеску в гетто Доманевки было уничтожено 18 000 евреев. Сначала их ограбили и раздели догола, а потом расстреляли группами по 300-400 человек с промежутками в 3–4 дня. Руководил расстрелом Василе Мэнеску, претор Доманевского района. Особо усердствовали полицаи Андрушин, Казаков, Прокопенко, Никора и др.[2]

Организованные расстрелы евреев прекратились примерно за неделю до нашего прибытия в Доманевку. 15 февраля 1942 года румынскими военными властями был издан приказ о прекращении массовых расстрелов. Фактически расстрелы и избиения до полусмерти продолжались. Мы были свидетелями этого[3].

Все физически здоровые люди стремились покинуть Доманевское гетто. Приближалась весна, и в селах нуждались в рабочих руках. Дело было в том, что многие мужчины (украинцы, молдаване, русские) были в рядах Красной Армии. Оставшиеся в деревнях

крестьяне были заняты работой на своих участках. Рабский труд евреев вполне устраивал румынскую администрацию, которая управляла бывшими колхозами и совхозами. Особо ценились ремесленники и врачи.

Примечания

[1] D, V, p. 174, 261, 263, 264; Б, с. 21.

[2] D, V, p. 198; D, VI, p. 70; Udler Rubin. In iadul Transnistriei. RE, nr. 5 din mai 1995, p. 7; UCY, p. 393–398; Б, с. 21–25; Ст, с. 42.

[3] Б, с. 21; Ст, с. 38; IE, p. 261–265.

ВИНОГРАДНЫЙ САД

22 февраля утром к Доманевскому гетто съехались представители сел района, вызванные претором для набора евреев на работу. Они отбирали кузнецов, плотников, жестянщиков, печников, портных, меховщиков, сапожников, шорников, мельников, врачей, фельдшеров и других специалистов. Нас выбрал представитель хутора Виноградный Сад Богдановского сельского совета дядько Андрий Захарищук (или Захарчук), как он сам представился. Встреча с этим очень порядочным и справедливым крестьянином лет пятидесяти и направление в названный выше хутор были большой удачей для нас. Благодаря этому стечению обстоятельств, по сути судьбе, при всех трудностях, лишениях, издевательствах, болезнях мы остались живы.

На застланных сеном крестьянских санях дядько Андрия к вечеру того же дня мы прибыли в Виноградный Сад. Он нас подвез к длинному приземистому строению, стоящему метрах в ста пятидесяти в стороне от ближайших хат. Тускло горела лампа. Вокруг печки-румынки сидело несколько человек. Дядько Андрий сказал одному из них, что мы будем жить здесь вместе с ними, что утром он придет и даст всем указания, какую работу выполнять, и расскажет о лагерном режиме.

Гетто хутора Виноградный Сад размещалось в бывшем телятнике: низкий потолок, замазанный глиной, глиняный пол и три узких окна. В центре помещения шириной в пять метров и длиной в девять метров стояла печурка с черной двухколенчатой трубой, чтобы больше тепла оставалось в помещении. По правую и по левую сторону узкого прохода были самодельные деревянные нары, ширина которых зависила от количества членов семьи. Между нарами были тесные пространства. Одни нары были застланы рогожками, другие – матрасами из мешковины, набитыми соломой. В холодное время года люди спали одетыми и укрывались пальто, фуфайками или мешками. Все имущество семьи или одинокого человека хранилось под нарами.

Единственная дверь выходила в маленькую прихожую, которая служила и кухней. В плите было два больших отверстия. В одном

казане варили пищу для всех, в другом – грели воду для разных нужд. Топили лепешками из кизяка, от которых исходил особый запах, пропитавший нашу нищую одежду и, казалось, наши тощие тела. В этой прихожей находился и низенький рабочий столик сапожника. Из прихожей выходила на улицу одинарная плохо сколоченная дверь.

Наш телятник стоял на краю довольно глубокого оврага, который брал свое начало чуть выше, у майдана, и спускался, углубляясь и расширяясь, к Бугу. По оврагу текли, чаще весной и осенью, ручьи от дождей и тающего снега. Овраг служил нам туалетом, шли туда по очереди.

Знакомство с геттовцами не заняло много времени. Одни были переведены румынской администрацией из гетто села Богдановка, где было расстреляно более 50 тысяч человек, другие были приведены дядько Андрием из Доманевки, где, как я упомянул выше, было уничтожено 18 тысяч. И те, и другие, бессарабцы и одесситы, под конвоем шли сюда из Одессы, испытав все муки ада[1].

Старшим по гетто был дядя Филя, Филипп Поляков. Он и по возрасту был старше всех. Ему было лет сорок восемь – пятьдесят. Он был закройщиком и сапожником. Рахиль Каминская, высокая и полная женщина, выполняла обязанности кухарки. Полина Сухорукова (она представилась как Пелагея Федоровна Полищук) была портнихой. Саша Задоин работал помощником сапожника. Рая Александрович была бухгалтером. Нина Грановская была парикмахером. Слесарь Абрам Карачунский был вместе с женой Цилей (бухгалтер), с двухлетней дочкой Майей и со своей сестрой Фридой (портниха). У Миши Беккера были жена Ида и две девочки – Галя и Шура. Он работал жестянщиком. Все эти люди были одесситами. Давид Альтфир был хорошим меховщиком, шапочником и печником. Он был вместе с женой Фаней, сыном Нушке (Нухим) и дочкой Фейгой. Карол Винер и его жена Нина были музыкантами. У них была маленькая дочь Кармен. Эти две семьи эвакуировались из Бессарабии и, как и мы, застряли в Одессе. Этапом они попали в Доманевку, откуда их привел дядько Андрий.

Рахиль налила нам большую миску горячего супа и каждому дала ломоть хлеба. Нам было тепло и, как ни странно, хорошо. Вскоре мы уснули.

Утром явился наш непосредственный начальник дядько Андрий. Он рассказал нам, как мы должны себя вести: никуда не уходить без его разрешения, добросовестно работать там, куда он нас направит, не воровать, не просить милостыню у местных жителей, не ходить в село, соблюдать чистоту и т.д.

Дядько Андрий повел отца и меня в колхозную конюшню, показал

отцу изношенную упряжь и спросил, что нужно для того, чтобы привести ее в порядок. Необходимы были специальные скамейки с головками, закройный стол, станок для обработки кожи и, главное, кожа, а также инструменты: шила, зубила, ножи, косы и др. Договорились о срочном ремонте той упряжи, которая имелась, но которой было явно недостаточно, и об изготовлении новой. Отец назвал меня своим помощником. Поскольку время шло к весне и через несколько недель нужно было выходить в поле и крестьянам, и евреям, мы должны были шить для всех постолы. В гетто, таким образом, мне предстояло освоить профессию шорника.

Мать и сестру вместе с другими женщинами направили в амбар перелопачивать зерно. Работа эта была непривычная и нелегкая. Они наглотались там много пыли. Местные женщины объяснили им, что происходит с пшеницей, и показали, что надо делать. Во время обеденного перерыва женщины, среди них были и солдатки, расспрашивали евреек, откуда они, кто они, каким образом остались живы, кого из родных потеряли, пожалели их, вместе поплакали и как-то стали ближе. Две женщины принесли из дома свежую буханку хлеба и котелок с картошкой и отдали нашим на ужин.

Через несколько дней дядько Андрий привез из Доманевки врача Герша Розенберга с женой Идой. Они были бессарабцами.

В телятнике-гетто жили скученно, в ужасной тесноте, 27 человек (мужчины, женщины и дети) – шесть семей и шесть одиноких людей. Вместе мы ели, как рабы тяжело работали, преодолевали трудности, часто болели и очень редко радовались. Мы были большой семьей, объединенной общим несчастьем.

* * *

Целыми днями все изнурительно работали и в гетто возвращались поздно усталыми и голодными. Утолив голод и отдохнув немного, первые недели мы часами слушали рассказы наших товарищей по беде о прожитом – пройденном, виденном и слышанном.

Те, кто был в Богдановке, рассказывали с болью в сердце о том, что там произошло, что они перенесли.

В ноябре 1941 года в Богдановку, бывший свиноводческий совхоз, находившийся на правом берегу реки Буг, в 25 км к северо-востоку от районного центра Доманевка уезда Голта, начали прибывать евреи, в основном из Одессы, задержанные во время облав и согнанные из тюрем. Многие были из Бессарабии, Буковины и из западной части Транснистрии. Через месяц их было уже больше 55 тысяч. Эти люди, измученные пребыванием в лагерях-гетто,

длительными пешими этапами и издевательствами солдат, жандармов и местных негодяев, голодные, страдающие от холода и болезней, ограбленные и доведенные до предела человеческих сил, были размещены в свинарниках, конюшнях, коровниках и бараках, в неимоверной тесноте и в ужасных санитарных условиях. Без пищи, без медицинской помощи, а уже свирепствовал сыпной тиф, полураздетые при сильном морозе, они по нескольку сотен умирали ежедневно.

Массовое уничтожение евреев в гетто села Богдановка началось утром 21 декабря 1941 года. Десятки тысяч людей были расстреляны и сожжены. Бойня была организована и проведена румынами. Участвовали в ней и местные полицаи. Но рассказы наших геттовцев были неполными, фрагментарными. Они многого не знали.

В одесской газете «Черноморська комуна» от 30 апреля 1944 года цитируется акт, подписанный 27 марта 1944 года жителями Богдановки и несколькими оставшимися в живых евреями, в котором сообщается, что массовые расстрелы длились с 21 декабря 1941 года до 15 февраля 1942 года (с перерывом на дни Рождества). Руководили операцией и немцы Фитер, Рихтер и др. Исполнителями были румынские жандармы и местные полицаи, руководил ими начальник уездной полиции И.С. Силовенко. Особенно старался полицай А.Андрушин.

Обреченных заставляли раздеваться и группами по 20 человек ставили лицом к оврагу, называемому «богдановская яма». Палачи стреляли им в затылок, в спину. Стреляли беспрерывно. В овраг падали как убитые, так и раненые. Внизу горели костры. На детей не тратили пуль. Их живыми бросали в огонь. Пламя не угасало ни днем, ни ночью.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии в Богдановке было убито 54 тысячи человек[2].

В обвинительном документе румынского Народного трибунала от 3 мая 1945 года, подписанном главным общественным обвинителем Аврамом Буначиу и общественным обвинителем Думитру Сэраку, в части, касающейся преступлений, совершенных на территории Транснистрии, справедливо отмечается (перевожу почти дословно), что никакое наказание не будет достаточно большим для искупления совершенных преступлений, так как убийство из-за садизма или ради грабежа, массовое уничтожение людей, дикое мародерство, муки, которым были подвергнуты тысячи и десятки тысяч жертв, не смогут быть никогда полностью искуплены, даже высшей мерой наказания.

Уничтожение евреев в гетто села Богдановка представлено

Народному трибуналу следующим образом. В гетто было согнано 48 тысяч евреев, главным образом из Одессы. Массовой бойней лично руководил подполковник Модест Исопеску, назначенный префектом уезда Голта 6 октября 1941 года. Приказ к исполнению был передан субпрефекту уезда Голта, то есть его заместителю по еврейским вопросам, Аристиде Пэдуре – столь же одиозная личность, известен жителям уезда своей жестокостью. А. Пэдуре также подписал этот приказ. Им были привлечены Василе Мэнеску, претор района Доманевка, и Василе Мелинеску, начальник Богдановского жандармского поста. Из города Голта и из разных сел уезда была прислана вся полиция, люди без совести и без души. Полицаи носили белую нарукавную повязку с надписью «Румынская полиция». Немцы в этой бойне не участвовали[3].

Всю ответственность за содеянное преступление несут только румыны. Какие-то капитаны или даже полковники, пусть трижды легионеры, не могли бы решиться на такое злодеяние без ведома и согласия губернатора Транснистрии Дж. Алексиану и руководителя государства маршала И. Антонеску.

Теперь в Румынии находятся люди, которые пытаются реабилитировать мерзкого преступника Антонеску[4]. Они даже воздвигли ему памятники, как несправедливо казненному по решению суда народа. Эти политиканы стараются доказать всему миру, что румыны в годы войны вели себя по отношению к евреям более гуманно, чем немцы, венгры или другие фашистские приспешники.

Уничтожение евреев началось утром 21 декабря 1941 года, как было сказано выше. В свинарники, конюшни и коровники было загнано около 5000 человек, больные и калеки, старики и дети-сироты. Перед входами, у окон и на чердаках сложили снопы соломы, облили их керосином и подожгли. Через несколько минут эти помещения горели, как факелы. Горящие балки падали на еще живых людей, давили их. Крики обреченных приводили в ужас остальных, которых в это же время жандармы-румыны и полицаи-украинцы гнали на расстрел в небольшой лес недалеко от лагеря. Матери брали малолетних детей на руки, родители поддерживали более старших сыновей и дочерей, мужья шли вместе с женами к месту казни. Партии в 300–400 человек заставляли раздеться догола, сложить все ценное, что у них еще сохранилось, в указанное место, стать на колени на краю тридцатиметрового глубокого оврага. Их расстреливали в упор взрывными пулями. В таком ускоренном темпе бойня продолжалась 22 и 23 декабря. На празднование Рождества и на отдых убийцам был объявлен перерыв до 28 декабря. Массовое истребление евреев было продолжено 28 и 29 декабря.

Чтобы замести следы этой ужасной акции, по приказу Модеста Исопеску в течение двух месяцев, января и февраля 1942 года, сжигались трупы 43 тысяч человек. Для этой работы были отобраны 200 физически здоровых евреев. Сжигали методично: костры имели высоту 2 м и ширину 4–5 м. На слой соломы и дров ставили ряд трупов, потом снова слой соломы и новый ряд трупов и т.д. Тощий труп чередовали с толстым, чтобы лучше горели. Этим подневольным людям, находившимся под надзором жандармов и полицаев, плача и стеная, молясь и проклиная, приходилось сжигать тела и своих родителей, жен, детей, сестер и братьев. 150 человек из этой бригады были также расстреляны за медленную работу по сжиганию трупов.

На суде было доказано, что садист Модест Исопеску 23 декабря лично прибыл к месту казни евреев и, ради развлечения, фотографировал группы идущих на смерть евреев, оголенные трупы мужчин и женщин, пламенеющий овраг, лес.

Грабежом десятков тысяч евреев руководил претор Богдановского района Георге Бобей. Он запретил местному населению продавать продукты питания евреям, конфисковал эти продукты, а потом его люди обменивали их только на золото и драгоценности.

На суде была засвидетельствована подлая роль двух мерзавцев-евреев Изу Ландау и Аврама Крештину, разбогатевших на горе и страданиях своих соплеменников. Они были заслуженно приговорены к смертной казни.

Единственный румын, который отказался участвовать в расстреле евреев, но прежде и он их избивал и грабил, был плутониер Василе Мелинеску, начальник Богдановского жандармского поста. Он был немедленно отстранен от должности.

На суде было 200 свидетелей этой драмы. Среди них евреи Хаим Коган, Йанку Клейман, Герш Рейсиг, Иосиф Брауштейн, Семо Маркович, Аврам Лупеску, румыны Василе Ненеш, Василе Мелинеску и др.[5]

В декабре 1941 года – январе 1942 года румыны расстреляли более 20 тысяч евреев в селах Мареневка, Маренбург, Новоселовка, Владимировка и Молдавка[6].

Во многих местах массовых казней евреев в Транснистрии до сих пор, к сожалению, не установлены памятники или мемориальные доски.

* * *

Хутор Виноградный Сад состоял из двух коротких прямых улиц, идущих параллельно Бугу. Перпендикулярно к ним шли несколько переулков. Хаты были очень похожи друг на друга: беленькие с

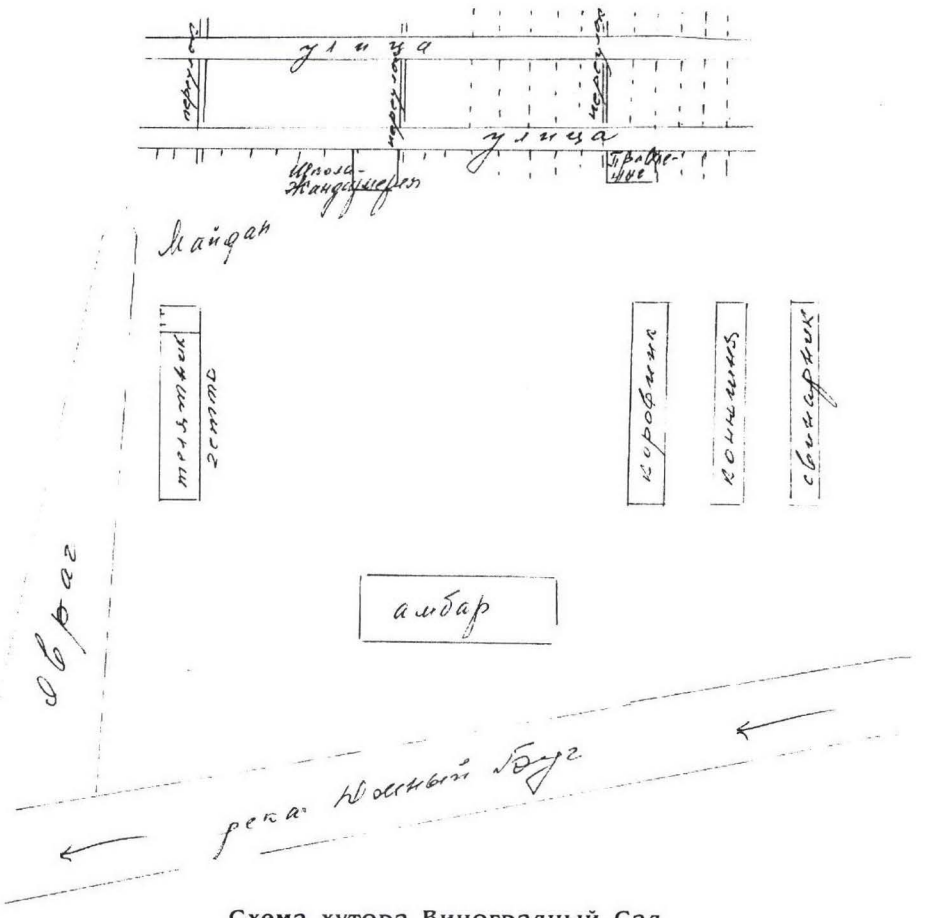

Схема хутора Виноградный Сад

голубой полоской внизу, крытые в основном соломой. На фасаде, смотрящем на восток, были длинные глиняные приспы, заваленки. Около каждого дома имелись хозяйственные постройки, сад и огород. Люди держали коров, овец, коз, свиней и птицу. В центре села находилась начальная школа, построенная по типовому проекту. Правление колхоза было чуть дальше.

Между хутором и гетто был большой майдан, куда рано утром хозяйки выгоняли коров. С другой стороны майдана, напротив огородов крайней улицы, стоял на краю высокого берега большой амбар. Закрывали прямоугольник коровник, конюшня и свинарник.

Хутор был сравнительно молодой, основан в середине 20-х годов безземельными крестьянами, прибывшими из разных мест. В хуторе жили украинцы и молдаване. По-молдавски говорило только старшее поколение.

Виноградный Сад относился к Богдановскому сельсовету. До Богдановки было около 7 км к северу по течению Южного Буга.

Колхозная водяная мельница находилась примерно в 4 км южнее хутора. Название хутора – Виноградный Сад – было нетипичным, придумано каким-то оптимистично настроенным начальником, мечтавшем превратить голые склоны холмов в пышно растущий сад.

После войны нам было неловко говорить и писать в анкетах и автобиографиях, что более двух лет мы были заключены и переносили тяжкие страдания в гетто в Виноградном Саду. Это нередко вызывало недоумение, удивление или улыбку, чаще саркастическую.

По улицам хутора я ни разу не ходил. Нам было запрещено. Поэтому я, и не только я, не знал, где хаты людей, с которыми приходилось работать, не был ни у кого из них дома.

Дядько Андрий привозил продукты на несколько дней. Молодой сапожник Саша заносил их на кухню к Рахили. Паек был скудный – хлеб, суп из картофеля и пшена. Пили кипяток вместо чая. В этой пище почти не было калорий. Мы были всегда голодны.

Ежедневно я шел вместе с отцом на работу. Он научил меня правильно держать шило, нарезать шувальники, аккуратно, на одинаковом расстоянии делать отверстия для зашивания уздечек, кроить и шить постолы. Сначала отец мне давал чинить старые шлейки, нарытники, вожжи. Потом поручал изготовлять отдельные части для новой упряжи.

Дядько Андрий был доволен нашей работой и иногда приносил торбочку кукурузной муки или тобулток с картошкой. Это было большим подспорьем не только для нашей семьи. Мама угощала свежим малаем или картофельными блинами наших товарищей по несчастью.

* * *

Доктор Розенберг любил беседовать с Фирой и со мной, обменяться несколькими французскими или румынскими фразами. Он весьма тактично проверял наши знания в области румынской и западной литературы (с русской мы были мало знакомы), античной (греко-римской) и восточной мифологии, истории и географии. Когда возникали разногласия, мы обращались к «Larousse». Доктор владел хорошо латынью и часто употреблял латинские выражения и изречения. Он объяснял нам их фигуральные значения и многими примерами дополнял краткие комментарии, напечатанные на цикламеновых страницах вкладыша в этом чудесном словаре.

Однажды, пояснив нам изречения «Abyssus abyssum invocat» (беда не приходит одна), «Acta est fabula» (все кончено, конец наступил), «Supremum vale» или «Aeternum vale» (последнее прости или прости

навеки), «Ad vitam aeternam» (во веки веков), «Fatum» (судьба, рок), доктор загрустил и умолк. Он вспомнил, очевидно, свою прошлую жизнь и недавно пережитую трагедию. Фира попыталась его успокоить, отвлечь. Она попросила его рассказать, где он учился медицине.

Доктор Герш Розенберг охотно принялся рассказывать. Он был родом из бессарабского местечка. Отец был богатым коммерсантом. Мальчик хорошо учился, закончил лицей, успешно сдал экзамены и получил диплом бакалавра. Но заниматься в Бухаресте медициной было в то время для еврея невозможно. Существовало процентное ограничение – numerus clausus[7]. Но и тем, кому удалось стать студентом, приходилось терпеть оскорбления националистически настроенных румынских студентов, избиения, недоброжелательное отношение к ним части профессуры.

Посоветовавшись с компетентными людьми, отец направил Герша учиться в Италию, в Милан. Там, будучи уже на последнем курсе, он познакомился с умной и привлекательной студенткой того же института. После получения диплома врача Герш вернулся домой вместе со своей избранницей, и они обручились. Он стал практиковать в Оргееве, где жили родители возлюбленной. Когда лето закончилось, она вернулась на учебу.

Разлука и переписка еще больше скрепили их любовь. Во время следующих каникул они поженились. Молодые врачи, отлично владеющие своими специальностями, умеющие общаться с людьми, вскоре переехали в Кишинев. Со временем они стали пользоваться известностью. Больные шли к ним. У них родилась девочка, удачный и любимый ребенок. Через несколько лет теща, овдовев, переехала к ним. Они жили спокойно и работали нормально.

В 1938 году, когда страной управляло правительство Гоги-Кузы и подняли головы националисты разных мастей и антисемиты, движимые завистью и жадностью, начались придирки, притеснения и преследования. Они усилились в последующие годы, когда при поддержке гитлеровской Германии во всей Румынии укрепились позиции легионеров.

1940 год положил конец фашистским происках. Казалось, что в Бессарабии, отошедшей к Советскому Союзу, воцарятся порядок, нормальный образ жизни. Но вскоре пришло другое горе. Советская власть стала расправляться с имущими любой национальности как со своими классовыми врагами. Родители Герша, старые и больные люди, добровольно отдавшие свой магазин, полный товаров, и собственные дома представителям новой советской администрации, однажды ночью были подняты с постели, насильно погружены в грузовик, потом пересажены в товарный вагон, охраняемый

энкаведистами, и отправлены в Сибирь. Им разрешили взять с собой очень скудный багаж, наспех собранный.

Впоследствии доктор узнал от родственников и друзей-соседей, что в полный добра дом его родителей через несколько дней вселился районный начальник, «порядочный» коммунист. О tempora, o mores! (О времена, о нравы!).

Розенберг побоялся наводить справки, ибо это грозило опасностью и его семье. Власть была сильна и беспощадна.

Однако фашизм был более жестоким. Когда война пришла в наш край, доктор Розенберг решил эвакуироваться в глубь страны. В его душе теплилась надежда найти родителей. Стало известно, что высланные бессарабцы поселены в Актюбинской и Курганской областях. Наняв за крупную сумму подводу, Герш с семьей эвакуировался в Одессу. Путь был сложный и опасный, так как немцы бомбили переправу у Днестра. Дальше Одессы им не удалось уйти. В занятом румынами городе они разделили судьбу всех евреев. Доктора посадили в тюрьму, потом его выпустили за большую взятку. Всей семье приходилось скрываться, чтобы не попасть в этапы. Они голодали, болели, мерзли. Некоторое время оккупанты использовали Розенберга как врача.

Однажды вечером, когда доктор вернулся с работы домой, он не застал ни жены, ни дочки, ни тещи. Комната была пуста. Все разграблено. Доктор хотел покончить с собой. Ему незачем было больше жить. Видно, кто-то привел патруль, кому-то захотелось завладеть их имуществом. Это мог сделать дворник или кто-то из соседей. Доктор Розенберг обошел всех в надежде, что кто-то ему расскажет, что случилось с его семьей. Но все твердили, что ничего не видели и ничего не знают.

Утром, после бессонной ночи, рискуя жизнью, он опросил жильцов соседних домов, пошел в полицейский участок, в жандармскую комендатуру и еще куда-то ходил, но найти родных не удалось. Так он остался один на белом свете.

Герш Розенберг поспешил в гетто, надеясь застать там свою семью. Расспросил кого только мог, но и там их не оказалось. И по установленному румынами маршруту оказался в Доманевке. Администрация гетто относилась к нему неплохо. Больных было много, и он был нужен. Доктор опросил не только геттовцев, но пошел и на печально знаменитую Горку, где в две полуразрушенные конюшни на окраине Доманевки сгонялись больные тифом, дизентерией, умирающие от голода старики, женщины и дети, обреченные на смерть люди. И там их тоже не оказалось. Оставаться дольше в Доманевке не было сил и смысла. Дорогие Гершу жена, дочь и теща могли быть убиты в Одессе, на Слободке, могли быть

расстреляны в пути конвоирами, могли скончаться в каком-то гетто от истощения и издевательств.

* * *

В Доманевке доктор Розенберг обратил внимание на девушку, изнуренную и потерявшую всякий интерес к жизни. Никто за ней не смотрел, не подавал даже кружки воды. Ее отец, мать и брат были казнены в Доманевке. Ей чудом удалось избежать этой участи. Продавать вещи или обменивать их на кусок хлеба она не могла. Да уже ничего и не осталось. Специальности у нее тоже не было. Накануне войны она сдала экзамены на аттестат зрелости.

Доктор решил ее спасти. Когда дядько Андрий отобрал его, он представил эту девушку, ее звали Идой, как жену. Ему было 32 года, ей – около 18. Дядько Андрий догадывался, может быть, что она не жена, но ему нужен был врач.

В Виноградном Саду все больше и больше селян приходили к доктору Розенбергу. Болели дети, простуживались взрослые, страдали старики, мучались возвратившиеся с фронта раненые, рожали женщины. Розенберга стали звать домой, к больным, и днем, и ночью. По настоянию жителей села дядько Андрий разрешил доктору отлучаться из гетто, ходить в село, но только в сопровождении человека, пригласившего его к больному. Люди, признательные за оказанную помощь, благодарили доктора продуктами. Кто приносил десяток яиц, кто – кусок сала, кто – картошку или муку.

Из-за отсутствия лекарств и инструментов доктор лечил народными средствами: отварами, примочками, ставил банки, вправлял кости, делал массажи, перевязки и т.д. Некоторым помогал советами, внушением. И люди выздоравливали. Ида ему помогала: кипятила воду, мыла посуду, стирала полотенца, салфетки и др.

Тиф, свирепствующий в разных селах района, добрался и до Виноградного Сада. Возможно, люди заразились где-то и привезли его сюда, а может быть, вспышка была следствием трудных условий жизни: сказывались истощение, скученность, завшивленность, отсутствие мыла и т.д. Больных нужно было изолировать. Дядько Андрий понял, что положение серьезно, и предоставил под лазарет пустующую мазанку. Большую комнату выделили для больных, в меньшую перешел жить Розенберг с женой. Там было удобней, чем в гетто, принимать больных из села. И в телятнике стало чуть просторней.

* * *

В конце марта 1942 года Полина, мама и Фира заболели сыпным тифом. Их отвезли в лазарет, где уже лежало несколько жителей села. Через несколько дней заболели я и Ида – жена доктора. У нас была высокая температура. Мы бредили. Голова ужасно болела. Спина, руки и ноги ломили. Мы были крайне обессилены, изнеможены. Как нас лечил доктор Герш и чем, не помню, не могу себе даже представить.

Когда кризис прошел и мы стали медленно поправляться, Герш иногда разрешал отцу заходить к нам на несколько минут. Отец сильно похудел, переживал за нас. Румыны опасались эпидемии тифа, хотя было известно, что это болезнь нищих и голодных. В то время румыны запросто могли бы нас прикончить.

У нас был ужасный вид: кожа да кости. Мы были острижены ножницами до корней волос, страшно исхудали. Отец приносил хлеб, молоко, яйца – все, что он мог выменять на вещи. Он был очень благодарен дядько Андрию, который выдавал паек и на нас, хотя мы не работали, а главное, не сообщил в жандармский пост в Богдановке, что мы заболели тифом.

Староста гетто, сапожник дядя Филя, вел себя в эти недели тактично и сочувственно. Он успокаивал отца, подолгу беседовал с ним, справлялся о нашем здоровье. Он отдавал отцу, чтобы подкрепить нас, часть продуктов, заработанных им у крестьян за пошив или ремонт обуви. Отец соглашался принимать эту помощь только тогда, когда у него не было ничего, чтобы отнести нам.

С помощью добрых людей мы выздоровели и окрепли.

* * *

Судьба дяди Фили тоже была нелегкая. Коренной одессит, старший сын в многодетной семье бедного сапожника, он рано начал работать, помогая отцу. Когда отец умер, Филя пошел учеником к хорошему мастеру-закройщику. Освоил эту специальность и неплохо зарабатывал. Отслужил армию, женился, растил сына, продолжал помогать матери и младшим братьям.

В начале 30-х годов Филипп Поляков, как закройщик-кустарь, был обложен государственным финансовым отделом большим налогом. За его неуплату Филе присудили несколько лет тюрьмы. Мучался он ужасно. Всякие воры и мошенники издевались над ним. Тюрьма для него была суровой школой. Он очерствел. Филя вышел из тюрьмы за год до начала войны и устроился сапожником в какую-то артель. Зарабатывал мало, но, как он говорил, ночью спал

спокойно. Он считал, что советские порядки искалечили ему жизнь. Филя трудился только ради содержания семьи. Действия властей его не интересовали.

В первые дни войны его младшие братья были мобилизованы и ушли на фронт. Их семьи и мать эвакуировались. Он не захотел. Этим он выражал свое отношение к Советам. Но в оккупированной Одессе он познал настоящее большое горе. Пропал его единственный сын. Попал в один из конвоев, откуда никто не вернулся. С тяжело заболевшей женой, еле живые, они оказались в Богдановке. Их разделили. Ее увели, и он ее больше никогда не видел. Он не хотел вспоминать и не мог рассказывать, через какие мучения и издевательства ему довелось пройти.

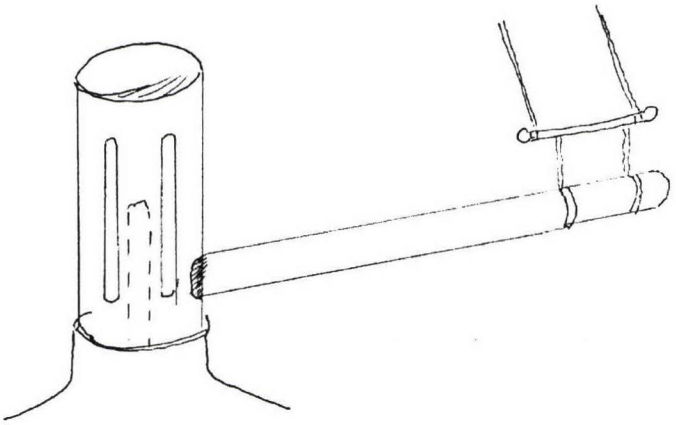
Сапожничество привело его в Виноградный Сад. Он приласкал Сашу и взял к себе в помощники, может быть, потому, что он чем-то был похож на его пропавшего сына. Саше было 22 года. Он остался сиротой, потеряв обоих родителей во время румынского террора в Одессе. Саша попал в Богдановку после прекращения массового расстрела. Взяв его к себе помощником, дядя Филя спас ему жизнь. Саша Задоин был покладистый, воспитанный и умный парень. Дядя Филя и Саша всегда были вместе, даже спали на одних нарах.

Дядя Филя управлял нашим гетто по-хозяйски, умело и заботливо. После прибытия врача были установлены дни и часы, когда по графику геттовцы стирали свою одежду, мылись в жестяных ушатах, изготовленных Мишей, убирали помещение и территорию вокруг лагеря, собирали и приносили топливо и т.д. Филя настоял, чтобы нам выдавали хозяйственное мыло и цыганские гребешки, ибо вши никак не выводились. Из мешковины, выделенной дядько Андрием, геттовцы шили себе юбки, кофты, делали портянки и др.

* * *

Когда мы выздоровели, нас вернули в гетто. Мы выходили на работу, но нас щадили. Нас узнавали по стриженым волосам. Свежий воздух и относительно легкий физический труд укрепили наше здоровье. Мама и Фира работали вместе с другими женщинами в огородном звене на берегу Буга. Там были и парники. Выращивали рассаду, удобряли почву, пересаживали кусты, сажали, поливали, пололи. Они питались ранними свежими овощами – молодым луком и чесноком, редиской, морковью. Когда им разрешали, приносили нам в гетто пучки овощей.

Я работал с отцом. Когда мы закончили ремонт упряжи, нам привезли несколько воловьих шкур. Нужно было их выдубить. По описаниям отца плотники смастерили специальный станок –

Станок, чтобы мять кожу

«выртеж» по-молдавски – для того, чтобы мять кожу. Его установили за селом на ровной площадке. Мы смазывали каждую кожу дегтем, складывали ее в длину несколько раз, протягивали через отверстия в станке и, погоняя старую лошадь, закручивали кожу поочередно вправо и влево. Потом вынимали эту кожу, снова смазывали ее дегтем, складывали ее, протягивали в станок и прокручивали. И так мы ее мяли долгие часы, пока она не становилась мягкой, впитавши смазку. Из этой кожи мы шили новую упряжь.

* * *

Где-то в мае или июне меня определили помощником пастуха. Рано утром я выходил на майдан, куда хозяйки выгоняли коров. Я охранял коров и следил, чтобы они не расходились. Затем приходил пастух. Это был довольно мрачный человек лет 45. Он говорил со мной только по-украински. Мы выходили в поле. Шли несколько километров, сдерживая коров, когда они мчались слишком быстро. Я возвращал коров из посевов. В полдень мы гнали стадо на водопой к Бугу, а потом часа на два останавливались на тырле. Коровы лениво ложились или стояли, пережевывая жвачку. Некоторые женщины приходили сюда с ведрами-подойниками и со стульчиками доить своих коров.

И для нас это было время обеда и недолгого отдыха. Из глубокой торбы, которую пастух носил все утро на плече, он вынимал полотенце, стелил его на землю или на камень и степенно выкладывал хлеб, сало, чеснок, иногда брынзу (сыр из овечьего молока) и ставил глечек (глиняный кувшин) молока. Пока он ел и пил, я смотрел за стадом. Некоторые коровы норовили уйти от стада. Я был настолько

усталым, что с трудом справлялся с ними с помощью дубины, тяжелой пастушеской булавы.

Поев и отдохнув, пастух сменял меня. На чистом полотенце он оставлял мне немного еды. Я жадно съедал все. Свежий воздух и выздоравливающий молодой организм требовали пищи. Потом мы трогались дальше в путь.

В стаде был красивый породистый бугай. Пастух умел с ним обращаться. Я же не знал, как к нему подойти. Иногда он был очень страшным. Копытами разбрасывал землю и, низко опустив голову, угрожающе мычал. Я его боялся. Прошло немало времени, пока я освоился.

Когда солнце начинало клониться к закату, мы поворачивали стадо, направляясь к селу. Подходили к майдану медленно. Сдерживали стадо, чтобы коровы еще доели. Солнце уже садилось, когда мы вступали на майдан.

Некоторые женщины приходили забрать своих коров и приносили мне что-то из съестного. Я все это уносил в гетто.

Так проходили дни. Я усвоил бесхитростные особенности работы пастуха. Дядько Андрий и крестьянки были довольны мною. Я поправился, загорел. Меня уже многие знали, звали по имени или «сын шворныка».

Меньше чем за месяц мои постолы прохудились. Я часто бегал босым по стерне, по колючкам, по камням. После целого дня ходьбы вечером я ног своих не чувствовал. Долго держал их в тазу с холодной водой. Утром все начиналось снова.

* * *

Однажды под вечер, возвращаясь в село, около громадной скалы на высоком берегу Южного Буга я набрел на череп, от которого чуть отставали золотистого цвета богатые волнистые волосы, заплетенные в толстую косу. Я оцепенел. Череп, белый, как известь, с впадиной вместо носа, с двумя рядами ровных белых зубов и с пустыми глазницами, повернутый немного набок, как будто вопрошающе глядел на меня. Это было жуткое зрелище. Тягостное чувство ужаса и страха овладело мною. У меня возник вопрос: «Почему у скалы лежит только один этот череп»? Я обежал все окрестности, осмотрел все скалы, овраги, кустарники, но не нашел ни одной кости, ни лоскутка одежды.

Я вернулся к черепу, сел неподалеку, не отрывая глаз от него. Кто была эта девочка? Кто по ней плачет и надеется еще ее найти? Через какие муки эта невинная детка прошла, в каких страданиях она умерла? Кто ответит перед Богом, перед людьми за погубленную

жизнь? Можно было предположить, что девочке-подростку удалось убежать из-под конвоя или из ближайшего гетто в Акмечетке или в Богдановке. Вдали от села, опасаясь побоев и издевательств, она умерла голодной смертью, от истощения или болезни.

Возможно, мародеры хладнокровно и жадно стянули с трупа одежду, а голодные псы по кускам растаскали тело. А может быть, бездомные собаки притащили сюда голову девочки?

Глубоко расстроенный и потрясенный увиденным, вечером я рассказал геттовцам о найденном черепе. Надеялся, что кто-то из них, может быть, слыхал о пропавшей девочке. Но никто ничего не смог припомнить.

На следующий день я вырыл у скалы неглубокую яму и похоронил в ней череп безвестной мученицы. На скале нацарапал шестиконечную звездочку, чтобы найти эту могилку. Я думал, что кто-то когда-то спросит о ней. Но никто за годы, прожитые в гетто, не разыскивал девочку с волнистыми золотистого цвета волосами[8].

* * *

Бывали случаи, нарушающие нашу однообразную жизнь пастухов. Несколько раз во время водопоя коровы переходили Южный Буг, на немецкую сторону. Местами река была неглубокая. Завернуть коров можно было бы, но и пастух, и я боялись. Для меня это могла быть верная смерть, да и для него было очень опасно. Я оставался один со стадом, а пастух отправлялся в село, чтобы сообщить о случившемся властям и хозяевам. Немцы иногда возвращали коров, а чаще отвечали, что таковых не обнаружено. Колхоз помогал потерпевшим. Выделял им телку или корову из колхозного стада. Для нас, пастухов, это были неприятные случаи. Нас обвиняли в нерасторопности, некоторые нам угрожали.

В дождливые дни мы ужасно страдали. Промокали до нитки. Дрожали от холода и ветра. К ногам прилипала земля или глина, ноги тяжелели. Мы спотыкались и скользили. Надевали пустые торбы на головы, что нас, естественно, не спасало от пронизывающих потоков холодной воды. Мы бросали булавы, чтобы завернуть коров, во всю глотку орали на них и все время бегали, направляя движение расползавшегося стада. Вечером, когда я возвращался в гетто, все тело ныло. От усталости я даже не мог есть.

Случалось, что коровы телились в поле. Новорожденные телята (я их видел впервые) были такие беспомощные, слабенькие, симпатичные, как маленькие дети. Удивленно и растерянно смотрели на мир, дрожали и ежились. Пастух выполнял и функции ветеринара. Хозяйки тут же прибегали, помогали, как могли, и на руках уносили телят. На следующее утро они приносили нам гостинцы.

* * *

Как-то заболел пастух, и мне дали в помощники Нушку Альтфира. Это был шустрый, смекалистый мальчик лет 14, с большими умными зелеными глазами, темными волнистыми волосами и матовой кожей. Он быстро рос, но был очень худой и, казалось, сгорбился. Он был одет, как и я, в старые лохмотья, стиранные и перестиранные, с заплатами на заплатах, разного цвета и вида. У него на голове была остроконечная шапка типа буденовки, неизвестно где добытая. От времени она так полиняла, что казалась грязно-мышиного цвета. Носил он ее набок, лихо.

У нас обоих был очень странный внешний вид. Торбы через плечо, остроносые постолы с длинными ремешками, повязанные накрест до колена, большие тяжелые дубинки в руках резко выделяли нас как от жителей села, так и от остальных геттовцев.

С Нушкалы мне было легче работать. Мы наравне пасли стадо, и я меньше уставал. Мы говорили без утайки, откровенно, обсуждали волнующие нас вопросы, высказывали свои мечты. Далеко от села, в открытом поле, где кроме нас не было ни одной живой души, мы распевали выученные в школе на русском языке песни. «Широка страна моя родная» и «Катюша» укрепляли в нас веру, что мы выживем, будем свободны, сможем учиться, работать и любить. Мы пели и румынские песни из школьного репертуара, бодрые, жизнерадостные.

Когда в полдень коровы стояли на тырле, Нушка пек на костре картошку. Делал он это умело. Разгребал жар, перебрасывал из одной руки в другую горячую картофелину, снимал тщательно кожуру, солил и с гордостью предлагал мне ее. Это был деликатес, барский обед – печеная посоленная картошка! Но мы не позволяли себе вволю наесться. Мы закутывали горячие картофелины в полотенце, чтобы сохранить их теплыми, и приносили их своим.

* * *

Нушка был хорошим сыном и преданным братом. Его мать все время болела, часто лежала. Она страдала от какой-то внутренней болезни, из-за которой вся иссохла. И Нушка вместе с отцом стирали, латали одежду, готовили еду, кормили и ухаживали за матерью и за сестричкой. Нушка одевал и раздевал Фейгалу, мыл ей голову, цыганским гребнем расчесывал ей волосы, вычесывал вшей, укладывал спать, рассказывал ей сказки.

Нушкин язык был очень своеобразен. Он свободно говорил по-еврейски, но часто вставлял румынские и русские слова и

выражения. Дело в том, что дома родители говорили с ним на идиш, а в школе Нушка учился на румынском языке пять лет и на русском год. По-румынски он говорил с сильным еврейским акцентом и со специфической распевной интонацией. Чтобы его понимать, нужно было владеть этими тремя языками. Но он был наблюдательным парнем, с юмором, и слушать его было интересно и взрослым.

Нушка проявлял трогательную заботу о матери. Когда она стала совсем плоха, он терпеливо кормил ее из ложки, поправлял ей соломенную подушку и матрас, укрывал старым пальто.

Случалось, что рано утром, когда собиралось стадо, женщины приносили нам свежего молока, кусочек овечьей брынзы, хлеба или что-нибудь еще. Нушка перекладывал свою долю в торбу и передавал все с маленькой Фейгой своей маме.

* * *

Давид Альтфир, отец Нушкалы, был один из тех бессарабских евреев, которым при всех их стараниях не везло в жизни.

Давид жил сначала в местечке Каушаны, где большинство населения составляли евреи. В хейдере научился немного еврейской грамоте, но религиозным не стал. Подростком его отдали в ученики к печнику, и он освоил эту специальность довольно хорошо. Со временем он открыл свое дело, обслуживая не только жителей Каушан, но и окрестных сел. Он с гордостью рассказывал, что на всех печках Каушан стояла метка – Д. Альтфир.

По характеру работы он бывал в домах разных людей, общался с ними, выслушивал их рассказы, горестные или веселые. Он знал много анекдотов, которые запоминал и умел рассказать к слову. Покладистый и приветливый, он завоевал широкую клиентуру. Молодой, красивый, высокий, красноречивый, преуспевающий, Давид мог стать для многих девушек желанным женихом.

На Давида засматривались и молодые дамочки, скучающие дома в одиночестве, когда их мужья уезжали на неделю на базары в другие местечки. Не называя имен, он рассказывал о своих похождениях, хитром кокетстве своих поклонниц, их темпераментных вспышках... Возможно, он приукрашивал, но все охотно слушали его бахвальство, забывая ненадолго горькую действительность.

Затем он влюбился и женился на скромной, тихой, миловидной дочери хорошо устроенного шапочника, человека с твердым характером, придерживающегося строгих правил. Вскоре появился на свет желанный сын.

В свободное от работы время Давид учился шить кепки, картузы, молдавские кушмы – меховые остроконечные шапки, ушанки и даже

мужские шляпы и дамские шляпки. Тесть ценил его способности и с чисто еврейской расчетливостью предложил ему завести свою шапочную мастерскую наряду со старым печным делом. Давида научили разбираться и в качестве каракулевых смушек, это занятие сулило большие доходы.

Несколько лет, не без помощи тестя, дела у Давида шли хорошо. У него работали мастера и приказчики. Доходы росли. Появились свободные деньги и даже свободные вечера. У Давида завелись дружки, любящие перебрасываться в карты, разумеется, на деньги, пропустить стаканчик-другой вкусного молдавского вина. По старой памяти его влекли уступчивые дамочки.

Давид не устоял перед соблазнами. К работе он стал относиться с меньшим интересом, к жене остыл. Конкуренты переманивали его мастеров и клиентов. Однажды он понял, что дела его плохи, что в Каушанах он уже не станет на ноги. Назидания тестя, по сути справедливые, ему приелись.

Уступив тестю шапочную мастерскую и одному из своих мастеров печное дело, Давид с женой и сыном перебрались в ближайший город – Бендеры. Знакомые, бывшие каушанцы, помогли ему устроиться на работу. Но в этом городе были свои мастера с хорошей репутацией и постоянными клиентами. Выложив определенную сумму денег, Давид стал компаньоном старого шапочника. Работал он много, но дела шли плохо. Было время экономического кризиса, охватившего всю Румынию, но больше всего поразившего Бессарабию. Было время обострения межнациональных отношений, усиления антисемитизма.

С разрывом почти в девять лет Фаня, жена Давида, родила дочку. Отношения в семье улучшились. Тесть, издали следивший за поведением зятя, все же всячески поддерживал его: забирал готовый товар и сбывал его в других местах, ссужал ему деньги, набирал для него заказы и т.д. Но Давид и его семья все равно не имели достатка.

Вскоре после начала войны, в общей суматохе и панике не заехав даже в Каушаны за родителями жены, Альтфиры эвакуировались в Одессу, где застряли, как и многие другие бессарабцы.

В оккупированной румынами Одессе они платили, и их скрывали. Они променяли лучшие свои вещи на продукты питания, а когда уже не на что было подкупать и добывать еду, махнув на все рукой, пошли в гетто на Слободку. Голодные, измотанные и нищие, они попали в Доманевку, пройдя в лютый мороз страшный путь через Березовку, Мостовое и Лидиевку.

Давид, рассказывая о мучениях и издевательствах последних месяцев, всегда благодарил Бога за то, что сохранил всю его семью. Но, как он однажды выразился, когда в мире столько злодеев и несправедливости, и Бог наш не всесилен. Здоровье жены Давида с

каждым днем становилось все хуже и хуже. После одного визита доктор сказал Давиду, что он не может ей помочь, да и лекарства, если бы они и были, не спасут ее. Давид был сражен, он плакал, как ребенок. В глубине души он надеялся на чудо. Он испросил у дядько Андрия разрешения временно не ходить на работу. Днем и ночью сидел возле нее, трогательно нежно вспоминал счастливые дни их жизни, ласкал ее взглядом, внушал ей, что она окрепнет, выздоровеет, вырастит маленькую Фейгу и Нушкалы, что они вернутся домой, ведь это проклятое несчастье – гетто не может быть вечным, Бог этого не допустит. И чудо, казалось Давиду, свершилось. День или два ей было легче, она что-то поела, приподнялась, прижимала к себе и целовала дочку и сына, с любовью смотрела в глаза Давиду, гладила его руки, благодарила за заботу и преданность. Но вечером ей стало хуже. Давид, нарушив геттовский запрет, побежал за доктором. Родители выставили всех детей из телятника. Вместе с ними вышли и некоторые взрослые.

Доктору Розенбергу было ясно, что истекают последние часы ее жизни. Он попросил всех выйти. Остался только Давид. Потом позвали Нушку и Фейгу проститься с матерью. Вскоре и их выпроводили. Все геттовцы, которые стояли на дворе, видевшие совсем недавно массовые расстрелы, замерзшие трупы на обочинах дорог, костры, где горели трупы истерзанных людей и заживо брошенных в огонь детей, были теперь очень расстроены. Это был первый случай смерти близкого человека после бойни, память о которой стала отступать. Человеческая память, как мы тогда убедились, устроена так, что плохое, даже очень плохое, забывается, дабы человек смог выжить.

Доктор вышел, и по его лицу все поняли, что Фаня скончалась. Несмотря на то, что ночь была холодной, люди долго оставались во дворе. Не хотелось мешать Давиду побыть наедине со своей истрадавшейся покойной женой. Фейга и Нушка плакали навзрыд, и никто из женщин не мог их утешить.

Когда Давид раскрыл ее лицо, чтобы мы простились с ней, все были поражены – она была черная, как смола.

На следующий день доктор добился повозки и мешковины для похорон. Досок для гроба не было. Вместо белого савана женщины завернули Фаню в мешковину. Ее положили на солому в скрипящую телегу, и старая, еле переставлявшая ноги лошадь с трудом потащилась к могильнику, где разрешили похоронить Фаню. Сельское кладбище было не для евреев.

Вместе с Давидом и его детьми ее провожали в последний путь Филипп, Саша и Рахиль, которые не ходили на работу вне гетто. На склоне могильника вырыли неглубокую узкую яму, сказали Кадиш

и закопали ее. Скоро все вернулись. Оставаться там долго было запрещено.

Давиду все сочувствовали. К нему и к его детям геттовцы относились внимательно, старались отвлечь от печальных мыслей. За Фейгой присматривала Рахиль, наша кухарка. Она всегда была в гетто. Иногда девочку брал с собой на работу отец.

* * *

Несколько месяцев мы жили относительно спокойно. Мы приспособились к характеру нашего непосредственного начальника дядько Андрия, соблюдали установленные им порядки. Он был, очевидно, доволен нами. Геттовцы трудились добросовестно и потому, что впервые за долгие месяцы оккупации нашли какой-то покой. У нас была крыша над головой (пусть бывший телятник), мы ежедневно ели (пусть еды было мало), и никто за нами не гнался. Мы не видели румынских жандармов и солдат, олицетворяющих для нас издевательства и смерть, хотя постоянно помнили, что они есть и в Богдановке, и в Акмечетке, и в Доманевке и в любой день могут явиться на наше горе.

И действительно, вскоре дядько Андрий прискакал ни свет ни заря взволнованный и даже испуганный. С Богдановского жандармского поста передали, что в Виноградном Саду создается низовой жандармский пост, срочно необходимо выделить соответствующее здание, с подвалом, с большим двором, в центре села, занести нужную мебель, посуду для кухни и т.д., а также найти квартиру для жандармского офицера – начальника поста.

Дядько Андрий строго предупредил нас, чтобы выходили из гетто только на работу, ни в коем случае не появлялись в селе, соблюдали чистоту в помещении. Желтые звезды Давида должны быть крепко пришиты к одежде спереди и сзади. Когда появятся жандармы, учтиво приветствовать их.

Местный Совет принял решение отдать под жандармский пост здание школы, построенное незадолго до начала войны. Классы этой начальной школы были светлые, большие, с высокими потолками. В нескольких комнатах размещались кабинет директора, учительская, библиотека, спортзал и столовая, где дети получали бесплатное питание. Внизу был просторный каменный подвал. Школьный двор был огражден дощатым забором и обсажен деревьями и кустами сирени.

Несколько местных жителей торопливо перевезли в здание старой школы инвентарь: парты, доски, карты, глобусы, чучела птиц и зверей, книги на украинском и на русском языках и т.п. Женщины

спешно убирали комнаты, мыли окна и полы, подметали двор. У крестьян были изъяты кровати и постельные принадлежности, столы, стулья, утварь и другие вещи.

Спустя два дня в Виноградный Сад въехали на двух подводах пять жандармов и младший лейтенант, начальник поста.

По словам дядько Андрия, вид у них был довольно жалкий – грязные, небритые и, главное, голодные. Он говорил о румынах с явным презрением и злостью, ибо он, как и все украинцы, считал, что румыны – это цыгане, вороватые, ленивые, наглые, трусливые и бескультурные. Но их боялись, потому что на их стороне была грубая сила, они были в союзе с немцами, вооружены и успели показать свою жестокость при уничтожении евреев, казнях пленных солдат и командиров, местных активистов – членов партии, комсомольцев, руководителей сельских советов и колхозов.

Как истые завоеватели, жандармы потребовали, чтобы село, то есть колхоз, доставлял им ежедневно свежие продукты (мясо, овощи, хлеб, молоко и др.), чтобы женщины готовили и убирали и чтобы ежедневно в их распоряжении был мужчина-связной. Правление назначило молдаванина, который мог говорить с жандармами.

Начальнику жандармского поста предложили несколько квартир у самых зажиточных хозяев – молдаван, но он предпочел жить близко от школы, в доме учительницы, муж которой был в рядах Красной Армии.

С приходом жандармов жизнь селян, как и геттовцев, стала намного хуже. Для большей важности они прибили над входной дверью в жандармский пост большую вывеску на румынском языке, на котором, однако, никто в селе не умел читать, и повесили трехцветный флаг, при этом они разноголосо спели на своем языке гимн. В куцом строю они вытянулись по стойке смирно, выпятив тощую грудь. Люди, недоумевая, выглядывали из-за заборов своих дворов. Они удивлялись этим странным для них формам проявления национальной гордости и преданности маршалу – руководителю государства.

В очередной свой приход в гетто дядько Андрий дал понять старосте Филиппу, что румыны интересуются нами и вскоре заявятся с проверкой и, возможно, с обыском.

В ту же ночь, около 10 часов, отец и я вышли из телятника и спустились в овраг, как бы по естественной нужде. Я наблюдал, не приближается ли кто, а отец, замотав в сухой платок наши семейные ценности, сложил их в плоский солдатский котелок с крышкой. По этому же оврагу мы спустились ниже, свернули направо, прошли еще метров сто. У подножия небольшой крутой скалы, хорошо отличающейся от других скал, на расстоянии в три ступни, отец и

я двумя ножами вырыли яму, уложили на дно камешки, положили котелок, засыпали его сначала камешками, а потом землей и накрыли большими камнями. Тем же путем мы вернулись обратно. По дороге отец мне сказал, что это место знаем только мы. Всякое может случиться. Даже если румыны будут вымогать и бить, мы должны молчать, где закопаны драгоценности. Маме и Фире можно показать это место только в крайнем случае. В телятник мы вошли тихо. Было темно. Все лежали. Я долго не мог уснуть. Соседи шепотом переговаривались. Кто-то выходил. Может быть, тоже с целью что-то спрятать от румын.

Вечером следующего дня, когда все геттовцы после работы находились в телятнике, дядько Андрий и все жандармы заявились в гетто. Дядько Андрий приказал нам выйти и построиться. Мы впервые встали в одну шеренгу – мужчины, женщины и дети.

Офицер рассматривал нас с нескрываемой брезгливостью, глубокой неприязнью и злостью. Он обошел наш строй спереди и сзади. Вид у нас был действительно неприглядный, очень жалкий. Мы выглядели как настоящие нищие. Солдаты стояли перед нами. Мы начали волноваться, ибо не знали, чем все это закончится.

Офицер приказал дядько Андрию зачитать приказ. Суть его состояла в том, что мы, евреи, – враги румынского народа, предатели, что мы сосланы в Транснистрию, чтобы физическим трудом помочь стране, ведущей священную войну против коммунистов – противников Германии, Румынии и всей цивилизованной Европы. Мы должны строго соблюдать режим, установленный румынской администрацией Транснистрии для евреев в гетто и в трудовых лагерях. За любое нарушение следовало немедленное суровое наказание, вплоть до расстрела. Надзор за нами будут вести жандармы. Потом дядько Андрий зачитал наши имена, назвал профессии и сказал, кто и где работает. Дядько Андрий остался нашим гражданским начальником. На этом наша первая встреча закончилась.

Весь вечер мы обсуждали это событие и строили догадки о нашем ближайшем будущем.

* * *

К нам в гетто иногда заходил 23-летний парень Ванька Жук. Это был стройный, красивый молодой человек с умными черными глазами и богатым чубом черных волос. Образование его ограничивалось восемью классами, но он, одаренный от природы светлым умом, стремился к знаниям. Ванька любил рассуждать, задавать вопросы. Его волновало все, что происходило в мире. Как могло случиться,

спрашивал он, что могучий Советский Союз оказался бессильным перед фашистской армией, которую он люто ненавидел, почему русские и украинцы, да и другие народы, не смогли устоять перед немцами и румынами и теперь покорно, почти безропотно, как рабы, слушаются и подчиняются горстке тыловых крыс? Действительно ли во всем виноваты жиды, которых оккупанты так яростно истребляли? Все ли члены партии и комсомольцы причинили столько зла своему народу, что их следовало, наравне с евреями, уничтожать? Такого рода вопросов было множество.

Ванька Жук был мобилизован в первый день войны и направлен на фронт. Напротив его окопа стояли немцы и румыны. Воевал он преданно, защищал родной край. Дрался храбро, как только славяне умеют, когда за их спиной стоят дорогие матери, любимые жены и милые дети, все их прошлое и будущее. Но его части было приказано отступить. В одном из боев его ранило. В медсанбате ему ампутировали руку, в госпитале подлечили и как инвалида отпустили домой.

В селе его сверстников не осталось. Одни были убиты, другие воевали или пропали без вести. Он себе места не мог найти. Остро переживал. Ванька Жук ненавидел румын и немцев. О работе на них и речи быть не могло. Понимая его настроение, руководители хозяйства дали ему посильную работу ночного сторожа, конюха, ездового.

Встречая жандарма, Ванька не приветствовал его, а отворачивал голову. Начальник поста усмотрел в этом нарушение порядка и вызвал его на пост. Односельчанин, молдаванин, переводил. Ваня отвечал с достоинством, смело, даже резко. Младший лейтенант, храбрый в присутствии жандармов, влепил ему пару пощечин. Ваня ответил ему выразительным взглядом, повернулся и самовольно ушел. Переводчик замер. Он думал, что Ваньку застрелят или повесят, но румыны не погнались за ним, не арестовали его. Но Ваня Жук, инвалид войны, стал первым в списке неблагонадежных.

* * *

Вторым был занесен в этот список коммунист Антон Блануцэ. Молдаванин лет 50, высокий, худощавый, с голубыми глазами и светлыми волосами, не тронутыми сединой, он был спокойным, казалось даже медлительным в движениях и в разговоре, трудолюбивым, исполнительным. Став членом партии, он не занимал руководящих должностей в колхозе. Антон Блануцэ работал с утра до ночи, был хозяйственным крестьянином, любил землю и скотину. Пользовался авторитетом у селян.

Хата, в которой жила семья Блануцэ, была добротная, чистая.

Они держали несколько овец, корову, свинью, имели улья. В небольшом саду за домом росли десяток фруктовых деревьев и столько же виноградных кустов. Антон Блануцэ умел делать молдавскую брынзу и славное вино.

Когда началась война, Антона Блануцэ не взяли в армию по состоянию здоровья. Он продолжал работать в колхозе, никуда не эвакуировался. После прихода румын всех коммунистов и комсомольцев арестовали. Румыны выспрашивали у односельчан об их деятельности при советской власти. На Антона Блануцэ ни один человек не пожаловался. За всю свою жизнь он ничего плохого никому не сделал, никого не обидел. Его выпустили. Он вернулся домой, продолжал трудиться, но стал замкнутым, сторонился людей, избегал встречаться с ними. Он не мог понять, как сосед мог оклеветать соседа-коммуниста, по сути без серьезной причины, и этим подвести человека под расстрел.

Румыны, должно быть, для устрашения остальных, казнили несколько членов партии и комсомольцев, бригадиров, завфермой, секретаря партийной организации села, заведующего агитпунктом и др.

Начальник жандармского поста вызвал к себе Антона Блануцэ и стал убеждать его в том, что он, как молдаванин, то есть как румын, должен помогать жандармам. Он настраивал Блануцэ против украинцев, якобы притеснявших при Советах молдаван, требовал, чтобы он стал их человеком и сообщал им все, о чем говорят односельчане. Этим, утверждал начальник жандармов, Антон Блануцэ искупит свою вину за то, что был большевиком.

Встреча длилась долго, нередко начальник терял самообладание, кричал, ругался, бил кулаком по столу, угрожал, что Антона и его семью выгонят из села или отправят на каторгу. Антон Блануцэ выдержал натиск шефа жандармов и внешне спокойно, хладнокровно и с достоинством отклонил все предложения. Младший лейтенант заключил, что Антон Блануцэ был и остался убежденным большевиком.

* * *

Пособником жандармов стал молдаванин, выполняющий обязанности дежурного. Как местный житель он знал всех в селе. Ему льстило, что он расхаживает по улицам хутора с румынами, что многие ему подобострастно кланяются, что он в жандармерии участвует при всех разборах, сидя рядом с офицером. Некоторые крестьяне считали, что от него что-то зависит, стали его просить помочь в том или ином деле. И он сам поверил в свою важность. В действительности люди его опасались, сторонились.

* * *

Начальник жандармского поста до мобилизации был учителем начальных классов. Он закончил şcoala normală, то есть педагогическое училище, где занимались только румыны, в основном дети состоятельных крестьян. В таких учебных заведениях культивировались национализм, ненависть и презрение к другим народам. В течение восьми лет учащимся внушали, что румыны – прямые потомки римлян, что в юго-восточной части Европы они самые древние жители, оплот европейской цивилизации, что румыны со всех точек зрения превосходят славян (русских, украинцев, болгар, поляков и др.) и венгров, появившихся в Паннонии и Трансильвании почти на 1000 лет позже румын, но угнетавших румын в течение столетий и т.д.

Антисемитизм, ненависть к евреям, им прививался дома с детства, а в училище «научно» обосновывался учителями-кузистами или легионерами. Для них еврей – это кровопийца, пиявка, паук, как любили карикатурно изображать евреев на страницах газет типа «Porunca vremii». Следовательно, евреев нужно уничтожить или изгнать из страны. Получив такую антисемитскую «прививку», выпускники педагогических училищ разъезжались по сельским и городским школам и передавали другим поколениям основы националистического воззрения.

За несколько лет до начала войны, в период безудержного угара шовинизма и антисемитизма, его как убежденного и активного члена румынского профашистского движения, назначили директором начальной школы в местечке в северной части Румынии, где большинство населения составляли евреи и украинцы. Там он применял на практике свои принципы насильственной, грубой румынизации.

Он женился на дочери зажиточного крестьянина, которая принесла ему в приданое значительное состояние. Она была учительницей, закончила женское педагогическое училище, получив сходное с ним образование и воспитание.

В их доме собирались по вечерам работающие в местечке учителя, священник, претор (волостной старшина), ветеринар, начальник жандармского поста, владельцы магазинов и ресторанов, то есть румынское местное высшее общество. Обсуждали политические новости, применяли их к местечковой действительности, улаживали свои дела, вырабатывали программы действия против конкурентов – евреев и украинцев. В этой среде он пользовался авторитетом, завел много знакомых и стал больше внимания уделять политике.

В 1940–1941 годах, когда международное положение резко

обострилось, когда война стала реальностью и его ровесников-резервистов начали призывать в армию, при поддержке друзей-однопартийцев, единомышленников, он определился в жандармы в чине младшего лейтенанта. Этим он, во-первых, избежал отправки на фронт, а, во-вторых, получил возможность где-то в тылу под маской истинного патриота притеснять иноверцев и богатеть за их счет.

В отличие от легионеров-хулиганов, он ни в местечке, где директорствовал, ни позже в Бессарабии и Транснистрии, где служил, никого лично не истязал и не убивал. Он вымогал богатые подарки и крупные взятки якобы за оказанные услуги. Награбленное таким образом он отправлял домой с оказией. Война для жандармов, особенно служба в Бессарабии и Транснистрии, была бездонным колодцем, откуда они днем и ночью черпали все, что им хотелось.

В Виноградном Саду он явно скучал. Со своими подчиненными, простыми мужиками в жандармской форме, ему не о чем было говорить. Украинцев он не понимал и побаивался, евреев ненавидел. Единственный человек, к которому он снисходил, был наш доктор Герш Розенберг. Начальник жандармского поста понимал, что по уму и общему развитию он стоит намного ниже доктора. Он вызывал доктора к себе на пост, затевал разговоры о будущем Румынии, о превращении Бессарабии и Транснистрии в образцовые провинции с научно организованным сельским хозяйством, где только румыны получат большие наделы чудесной земли. Очень дешевой рабочей силой он видел украинцев, цыган и евреев, жизнь которых здесь не могла быть дольше одного-двух поколений. Доктору Розенбергу он рассказывал о своем прошлом, своей семье и больших планах на будущее. Эти откровения позволяли доктору лучше понять его характер и поведение.

Румынские историки, оглядываясь назад, стремились доказать, что огромная территория между Днестром и Южным Бугом, даже до Днепра, была издавна заселена румынами и входила в состав Молдавского княжества. Младший лейтенант читал статьи и книги Василия Нетя («Transnistria»), Иоана Майлат («Transnistria»), И.А. Несторескy («Transnistria noastră»), И. Нистора («Vechimea aşezărilor româneşti dincolo de Nistru» и «Aspecte geografice şi culturale din Transnistria»), Ал. Болдура («Românii şi strămoşii lor în istoria Transnistriei») и др.,[9] поверил в их научную достоверность и еще больше возгордился своим происхождением. Он хотел знать мнение доктора по этим вопросам. Он, разумеется, был уверен, что война скоро закончится полной победой немцев, румын и их союзников.

Доктор Розенберг, обсуждая с ним эти и другие вопросы, получал

информацию о состоянии дел в Румынии, о положении на фронтах, узнавал намерения администрации района и уезда в отношении евреев. Это было полезно для всех нас.

Однажды шеф жандармов занемог, то ли простыл, то ли заразился гриппом. Он срочно вызвал врача. Тот оказал ему первую помощь, но дал понять, что нужны лекарства, и не только для жандармов. Благодаря этому случаю у доктора образовался небольшой запас медикаментов.

Во время одной из встреч начальник поста показался доктору Гершу Розенбергу озабоченным и встревоженным. Он признался, что ему сообщили из района, что партизаны распространяют листовки и слухи о том, что немцы и румыны терпят поражение и отступают по всему фронту под натиском советских войск, призывают жителей оккупированных территорий саботировать выполнение приказов новой администрации, не давать ей возможности угонять скот и отправлять продукты сельского хозяйства в Румынию и Германию, утверждают, что полицаи и другие предатели, сотрудничающие с оккупантами, будут наказаны по законам военного времени и т.д. Районные власти считают, что партизан всячески поддерживают бывшие коммунисты и евреи. В некоторых соседних селах у них при обысках якобы нашли оружие и литературу враждебного оккупантам содержания[10]. Начальник поста сказал, что поэтому ему придется произвести обыски и предупредительные устрашающие меры.

Вечером доктор Герш с женой пришли в гетто. Во дворе Ида обсуждала с женщинами какие-то вопросы и смотрела, не идут ли жандармы, а доктор тем временем предупредил Филиппа, папу и Давида о возможном обыске и ужесточении режима. Фира отдала доктору «Larousse», а Филипп – марки, заработанные у крестьян сапожничеством. Когда доктор и его жена ушли, Филипп, как старший по гетто, попросил всех на работе держать язык за зубами, ничем не интересоваться, с малознакомыми людьми не откровенничать, возвращаться в гетто без промедления.

На следующий день Филиппа вызвали в жандармерию. Ему сказали, что телятник-гетто будет огражден колючей проволокой, вход и выход из него будут контролироваться жандармом. Чужие и подозрительные лица, пытающиеся проникнуть в гетто, будут немедленно задержаны и доставлены на жандармский пост. Все евреи обязаны строго соблюдать лагерный режим. А поскольку колючей проволоки пока нет, гетто будет охраняться круглосуточно жандармом. Нарушители порядка будут строго наказаны, вплоть до расстрела.

По приказу младшего лейтенанта вместе с Филиппом в гетто

пришли три жандарма. Один остался во дворе, а два других в присутствии Филиппа, Рахили и Саши приступили к обыску.

Когда люди вернулись с работы, они увидели страшную картину. На полу валялись разодранные матрасы, вывернутые наизнанку с распоротой подкладкой старые пальто и телогрейки, заношенное нижнее женское и мужское белье, детские платья – одним словом, из вещевых мешков и котомок было вытряхнуто все. Вещи были разбросаны, перепутаны и затоптаны жандармскими грязными ботинками. Даже деревянные ложки и глиняные миски, ничего не могущие скрыть, были брошены на пол. Люди хотели войти, но жандармы их прогнали. Они, дескать, еще не закончили обыск.

Сам обыск нас не возмущал, мы уже привыкли к таким процедурам. Мы были потрясены формой его проведения, диким пренебрежением к нам, к людям. И со стороны кого? В чем заключалось их превосходство?

Жандарм, стоящий во дворе, был настоящий цыган, каких в Румынии было много. Считался он румыном, вероятно, потому, что его род осел в какой-то деревне, перестал кочевать и работал в имении какого-то боера – помещика. Взгляд выдавал его суть – подобострастный прихлебатель, трусливый и пустой, но при оружии храбрый перед жиданами – жидами. Он выслуживался, надо полагать, и из страха. Ведь фашистское правительство Иона Антонеску отнеслось к кочующим цыганам очень жестоко. Несколько десятков тысяч румынских цыган были, как и евреи, высланы в Транснистрию и почти все уничтожены.

Те двое, которые внутри производили обыск, были низкого роста, тощие, со стриженными под машинку узколобыми головами, как у арестантов, с бегающими глазами воришек. Они упивались властью, дозволенностью унижать жиданов. По их говору нетрудно было понять, что это олтяне, малограмотные мужики. Железногвардейцы, рыскающие по селам в предвыборные месяцы в поисках голосов, и жандармские плутониеры – унтер-офицеры забили им головы бредовыми выдумками о вседозволенности по отношению к евреям.

Наконец, довольные тем, что натворили (лица геттовцев выражали боль от бессилия), они нам разрешили войти. В тесном помещении, в проходах между нарами, сталкиваясь друг с другом, мы подымали из-под ног и разбирали свои скудные пожитки. Картина была удручающая. Все были возмущены бесцельностью этого погрома, его бесполезностью, но молчали. Наблюдающие за нами румыны злились, что не нашли не только оружия или листовок, но и ничего ценного, что стоило прикарманить, унести. Их злила и наша упорная сдержанность.

И тут один из них увидел у меня торбу за плечом. Довольный, что

нашел повод придраться и выпустить пар, он грязно выругался, как только румыны умеют, и, сняв винтовку с плеча, стал пробираться между людьми в узком проходе. На его грозно звучащий вопрос, почему я не предъявил для обыска торбу и что в ней прячу, я спокойно ответил ему, что я пастух, только вернулся с пастбища и в торбе у меня несколько картошек, два яйца и ломоть хлеба, которые мне дали женщины, забирающие из стада своих коров. Он вырвал у меня торбу, высыпал все на пол и, убедившись, что в ней ничего не спрятано, обвинил меня в воровстве.

С поднятым прикладом он бросился на меня. Но мама, которая все слышала и видела, чтобы защитить меня, стала между нами. Предназначенный мне удар прикладом тяжело опустился на ее голову. Сразу же брызнула кровь. Мама потеряла сознание и упала на пол. Мы закричали, думая, что этот мерзавец ее убил. Он застыл с окровавленным прикладом в руках. Отец в ярости и отчаянии обхватил убийцу руками, выставил его из комнаты и сильным толчком в спину выбросил на улицу.

Уже было темно. Все три жандарма быстро убрались.

Мама пришла в себя. Мы ее уложили на нары. Голова у нее сильно болела. Мы никак не могли остановить кровотечение. Кто-то побежал за доктором. Он немедленно явился. Попросил нас отойти. Фира принесла таз с водой. Приостановили кровотечение, отмыли кровь с головы, сняли окровавленную одежду. Ножницами обстригли волосы вокруг раны, и доктор забинтовал ей голову.

Когда папе и мне разрешили подойти к ней, она была очень бледна, лицо опухло, вместо глаз узкие щелочки между огромными синими мешками. Мы заплакали. Тихим, еле слышным голосом мама нас успокаивала. Меня она нежно прижала к себе. Мы просили Бога только об одном – дать маме силы выздороветь.

Розенберг оставил какое-то лекарство и сказал Фире, что и как нужно делать. Он попросил всех сохранять тишину, чтобы мама могла поспать. Обещал прийти утром.

На улице Филипп, папа и я подробно рассказали Гершу все, что произошло. Он внимательно выслушал нас и сказал, что дело очень серьезно и может плохо закончиться для отца. Филипп спросил: может быть, отцу скрыться на время, пока гнев жандармов поутихнет? Доктор ответил, что этого делать нельзя, что его очень скоро найдут и тогда сурово накажут. К тому же не следует забывать, что мы остаемся в гетто как заложники. Доктор видел один только выход: он немедленно пойдет к начальнику жандармского поста, расскажет ему, что произошло, попросит понять состояние отца и проявить человечность. Как я уже отмечал, к доктору Розенбергу начальник жандармского поста относился лучше, чем к остальным евреям.

В ту ночь отец, Фира и я глаз не сомкнули. Утром раньше всех уходили на работу я и Нушкалы. У телятника стоял жандарм – тот самый цыган. Теперь это был его постоянный пост. Потом в одиночку или группами ушли остальные, в том числе и Фира. С мамой остался отец. Он выглядел очень плохо из-за перенесенного стресса и бессонной ночи.

Вечером, когда я вернулся с работы, я нашел родителей лежащими на нарах. Папа лежал на животе неподвижно.

* * *

Доктор Розенберг застал шефа жандармов очень сердитым. От него недавно ушли те двое, которые производили, по его указанию, обыск в гетто. На военной форме одного из них были пятна крови. Приклад был тоже в крови. Они представили дело так, будто были вынуждены защищаться, что в гетто произошел бунт и возглавлял его отец, который помешал им исполнить до конца приказ об обыске. Оскорблено достоинство румынского жандарма. Они потребовали строгого наказания отца в назидание остальным жиданам. Начальник жандармов думал арестовать отца и отправить его под стражей в уездный центр, в Голту, а там предать суду.

Узнав от доктора, что произошло на самом деле, и обсудив возможные последствия для евреев гетто и для жандармов, в том числе для его престижа как шефа поста, он пришел к выводу, что отца нужно наказать, чтобы успокоить жандармов, но раздувать дело не стоит.

Было около девяти утра, когда за отцом пришел жандарм. Отец простился с мамой, ведь всякое могло случиться, и обреченно последовал за жандармом. В жандармерии устроили разбирательство происшествия. Жандармы утверждали, что я не предъявил для обыска торбу, а отец оказал им сопротивление и вынудил применить оружие для самозащиты. Ответ отца даже не был выслушан до конца. Пригрозив ему военным трибуналом, если такое еще раз повторится, шеф поста распорядился нанести ему 25 ударов розгами.

Отца вытолкнули из кабинета начальника и во дворе школы, где размещался пост, привязали к широкой скамье лицом вниз. Бил его розгами тот самый жандарм, который ударил маму прикладом. Бил со всего размаха, с дикой, садистской злостью. Другие жандармы с явным удовольствием отсчитывали удары и подзадоривали бьющего. Ругательства в адрес отца и всего еврейства не прекращались. Закончив экзекуцию, жандармы развязали отца и, смеясь, ушли с чувством национального и личного превосходства. Они были отомщены.

Отец весь в крови, не будучи в состоянии двигаться, пролежал там некоторое время. Филипп и Саша помогли ему дойти до гетто и лечь на нары. Отец, сжав губы, молчал, чтобы не тревожить маму. Он молчал и от обиды, и от незаслуженных страданий.

Дядько Андрий и доктор Розенберг, которых оповестили о случившемся, отнеслись к папе и к маме с сочувствием. От румынских жандармов ничего хорошего нельзя было ожидать. Могло быть и хуже. Фиру оставили под каким-то предлогом в гетто. Она должна была выхаживать родителей.

Весь хутор был взбудоражен. Утром и вечером в течение нескольких дней женщины, пригоняющие коров, спрашивали меня о состоянии родителей, приносили больше продуктов, чем обычно, сочувствовали нам.

Прошло немало времени прежде чем мама и папа оправились. На высоком лбу моей мамы на всю жизнь остался глубокий шрам – память о зверском ударе жандарма-легионера.

Много лет спустя, когда кто-нибудь из друзей спрашивал ее, откуда этот страшный шрам, она нежно смотрела на меня, как только мать может смотреть на сына, отвечала покорно, что благодарна Богу за этот шрам, ведь могло быть и хуже.

Раны на спине отца зажили, но в его душе сохранился глубокий след. При словах «жандарм», «легионер» или «фашист» он всегда мрачнел, и его глаза приобретали особый блеск.

Долгие месяцы, годы, проведенные нашей семьей в Транснистрии, в лагерях-гетто, сделали нас по сути другими людьми.

Шрамы не исчезают, они остаются навсегда.

* * *

Цыган-румын, охранявший гетто, принял, видно, свой пост всерьез. Он стоял метрах в пятнадцати от телятника так, чтобы видеть его со всех сторон.

Утром, перед уходом на работу, геттовцы ходили в овраг по нужде. Он с подозрением следил за каждым из нас. Когда вставали из-за кустов, встречались с его взглядом. Некоторые, особенно женщины, стали спускаться подальше, стеснялись. Тогда он, надзирая за ними, подходил к краю оврага. Наши стали даже шутить, мол, нас теперь не украдут, у нас надежный сторож.

Вскоре он к нам и мы к нему привыкли. Филипп выносил ему низенькую сапожную скамейку, и он садился по-бабьи, расставив ноги и держа между ними винтовку. Когда солнце припекало или шел дождь, он укрывался под стрехой телятника. Войти в него он, очевидно, боялся.

Цыган следил глазами за входящими и уходящими из гетто. За это он отвечал в первую очередь. Он внимательно смотрел и за дорогой из жандармерии, как бы его не застигли в неположенном виде.

Его постоянные дежурства (даже еду ему приносили на пост) со временем упростились. Он уходил на пару часов в полдень, на обед, или по вызову начальника. Затем он стал заходить на кухню, чтобы попить воды или набрать в карман жареных семечек. Он жадно грыз их, бросая в рот по нескольку сразу. Вокруг его скамейки трава была густо усеяна скорлупой.

Через некоторое время, отдохнувший на таком привольном посту и наевшийся досыта колхозными даровыми харчами, цыган-победитель принялся ухаживать за одинокой Полиной – Пелагеей Федоровной. Жестами и мимикой, так как они говорили на разных языках, он старался выразить ей свои нахлынувшие чувства. В своем увлечении он даже осмелел. Из жандармской кухни он приносил Полине котелок густой чорбы с мясом или кулек с крупной фасолью – любимый продукт цыган. Она ее варила, и, уединившись за телятником, вдвоем они вмиг опустошали глубокую миску.

Однажды цыган гордо развернул вынутый из глубокого кармана жандармских брюк пакетик. Полина была ошеломлена. В нем были платье городского покроя и головной платок, модный в предвоенное время в Одессе. Не знаю, он их у кого-то купил, обменял или просто конфисковал. С тех пор иногда по вечерам, после ужина, он покидал свой пост и с винтовкой за плечом уходил с Пелагеей Федоровной к скалам, в сторону Буга.

Одни строго осуждали Полину. Это было неподходящее время для ухаживаний, да еще он был жандармом... Другие пытались ее понять. Она пережила страшные месяцы, прошла через все ужасы ада, а этот человек относился к ней с нежностью, казался влюбленным.

* * *

Полина была дважды замужем. С первым мужем евреем она прожила недолго. Брак был неудачным. Работая портнихой, она неплохо зарабатывала и, естественно, отдавала все деньги в дом. Муж ее, молодой и красивый мужчина, был маляром и тоже хорошо зарабатывал. Но он любил выпить со своими товарищами, приходил поздно домой, скандалил. Детей у них не было, и они, по обоюдному согласию, разошлись.

Через некоторое время она полюбила украинского парня, строителя, и вышла за него замуж. Так она стала Пелагеей Федоровной Полищук. Они получили квартиру в новом доме на

окраине, где евреев было очень мало. Она хорошо говорила по-украински, лицом не была похожа на еврейку, и все соседи и заказчицы считали, что она украинка. Очень хорошо отнеслись к ней родители и родственники мужа. За четыре года до войны она родила двух девочек-близнецов. Похожие больше на отца и воспитывавшиеся в семье его родителей, малышки росли настоящими украинками.

В начале войны мужа Полины мобилизовали и отправили на фронт. Полина осталась в городе. Вестей от мужа не было. В окруженной Одессе она жила как все, трудно, но с надеждой.

Когда пришли румыны, установили свои порядки, выяснилось, что она еврейка. Отношение соседей резко изменилось. Чтобы спасти своих дочек, она их отдала родственникам мужа, а сама вернулась к своим, на другой конец большого города. Она голодала, натерпелась всяческих издевательств. Пряталась, где только могла, мерзла.

Этапом Полину погнали в Богдановку. Она пережила все ужасы этого лагеря и еле живая попала в Виноградный Сад. Кроме лохмотьев у нее ничего не было. Шитьем она себя здесь немного подкормила и приоделась. Полина работала, как и другие женщины, физически тяжело. Она часто плакала, не зная ничего о своем муже и девочках. Выглядела очень плохо. Не знаю, что привлекло цыгана в этой несчастной женщине.

* * *

Полинин цыган, как его прозвали геттовцы, отсутствовал два дня. Гетто без вооруженного охранника представляло для нас уже необычную картину. Даже Полина не знала, что с ним случилось. Некоторые тревожно ее расспрашивали, готовые всегда к самому худшему. Не означает ли отсутствие цыгана ухудшение нашего режима? К цыгану уже привыкли, и он оказался по сравнению с другими жандармами неплохим человеком. Возможно, его отношение к геттовцам чуть изменилось к лучшему под влиянием Полины. Но на третий день он вернулся на свой пост.

Оказалось, что он был послан с каким-то поручением в Богдановку. Даже он был потрясен увиденным там. Румынские власти заставили группу евреев искать золото в овраге, где были сожжены и засыпаны землей труппы евреев. Под охраной жандармов и местных полицаев несчастные раскапывали черепа и выдирали золотые коронки, мосты. Румыны завершали таким образом ограбление жертв недавней бойни. Их жадность не знала предела. В поисках колец, сережек и других вещей из драгоценных металлов, случайно не обнаруженных и не отнятых у шедших на

смерть людей, румыны принуждали евреев перекапывать овраг, просеивать через решето землю, перекладывать тела, разжимать сжатые пальцы рук.

В кулачке одной девочки нашли золотой медальончик с цветочком из рубинов и бриллиантов, с фотографиями матери и отца. Слух об этом разошелся мгновенно по всей Богдановке. Местные любители легкой наживы по ночам ходили к оврагу и копошились в поисках золота в пропитанной кровью и слезами земле.

Дошло до того, что румыны, чтобы приостановить золотую лихорадку, выставили вооруженную охрану у оврага. Только они имели право эксплуатировать эту жилу.

Пересказ Полины удручил всех нас. У многих в том овраге лежали трупы родных.

* * *

Тревожные вести приходили, к сожалению, слишком часто. Мы жили в постоянном страхе, в ожидании фатального конца. Начальник жандармского поста в Виноградном Саду оповестил нас, что получил приказ отправить в лагерь-гетто села Акмечетка, расположенного недалеко от нас, всех больных и нетрудоспособных евреев. Он призывал нас стараться изо всех сил и покорно выполнять все указания, соблюдать все предписания.

Об Акмечетке мы знали из рассказов дядько Андрия и некоторых жителей Виноградного Сада, у которых там были родственники и знакомые.

В 12 км от села Акмечетка, вдали от сел, был свиноводческий совхоз «Акмечетские ставки». В полуразрушенных бараках без дверей и окон, окруженных глубокими канавами, под усиленной охраной разместили евреев. Питьевая вода находилась далеко, примерно в двух километрах. Люди голодали, гибли от холода, умирали от болезней. Только в конце 1941 года в Акмечетке было расстреляно 14 тысяч евреев, высланных из Одессы, Бессарабии и Буковины. С мая 1942 года сюда стали направлять обреченных на медленную смерть больных и истощенных людей из всех лагерей Доманевского района. Лагерь в Акмечетке стал подлинным лагерем смерти. По приказу Модеста Исопеску, префекта уезда Голта, на голодную смерть в Акмечетке намеревались отправить 90% евреев этого уезда. Для евреев это был самый страшный лагерь – лагерь уничтожения, истребления голодом.

Исопеску часто приезжал сюда с «инспекциями». По его указу, истощенным узникам, чтобы увеличить их предсмертные мучения, давали по одной картошке и чашечке кукурузной муки, которые

поедались в сыром виде. Садист Исопеску делал снимки умирающих людей и посылал их в Бухарест в редакции антисемитских газет.

Охрана лагеря состояла из отборных головорезов. Около 4900 евреев умерли здесь только от голодной смерти и болезней.

Свидетельские показания дали в 1945 году Народному трибуналу пережившие все ужасы «Акмечетских ставок» чудом оставшиеся в живых бывшие узники Иосуп Вакслер, Хаим Коган, Эдик Ландау, Рожи Фрейбург, Семо Маркович, Сами Мерман, а также Вирджил Ненеш, Михаил Котку и другие. Об этом страшном лагере пишут в своих воспоминаниях Д. Червинский и бывший узник Д.З. Стародинский[11].

* * *

Но рядом со смертью шла жизнь. Ида, жена доктора, была беременна, ребенок должен был родиться в ближайшие месяцы. Это необыкновенное событие в жизни нашей маленькой общины, познавшей столько горя в последнее время, вселяло во всех нас надежду на возрождение жизни, на продолжение существования еврейского рода. Всем хотелось верить, что нынешнему кошмару придет конец.

Доктор Герш и Ида, а вместе с ними и все геттовцы, постоянно думали о том, как пройдут роды, как будет расти ребенок, что его ждет впереди, как поведут себя наши угнетатели, программа которых была направлена на физическое уничтожение евреев.

Все помогали, чем могли, будущей матери, отвлекали ее от тревожных мыслей рассказами о счастье материнства. Женщины советовали ей, как себя вести в последние недели беременности, при родах и т.д.

Доктор нашел подходящее время и форму сообщить начальнику жандармского поста, что его супруга беременна и вскоре он станет отцом. Тот воспринял это известие внешне спокойно и довольно корректно. Он не знал, как отнесутся к этому вышестоящие власти и как ему следовало реагировать.

В селе люди заметили, что жена доктора беременна. Понимая ужас положения евреев, ставших по воле фашистов людьми низшего сорта, поставленными вне законов и совершенно беззащитными от любого произвола, многие жители хутора старались помочь Иде. Они приносили пеленки, чепчики, рубашонки, даже соску, видно оставшуюся от собственных выросших детей, одеяльце и другие предметы, столь необходимые роженице и младенцу. Некоторые, более осторожные, принося старую лоханочку, грелку или что-нибудь другое, отдавали доктору якобы для нужд медпункта. Но были и такие, которые не скрывали свои чувства. Злость и ненависть были написаны на их лицах.

Настал, наконец, день родов. Герш и местная повивальная бабка приняли ребенка, розовенькую девочку с длинными черными волосами. Ее пискливый голосок привел всех в умиление.

Молоденькая мать, стойко перенесшая все муки, устало улыбалась, рассматривая свою куколку. Доктор суетился и, казалось, волновался как юнец, подходя то к матери, то к дочке. Одна только повитуха хладнокровно и деловито завершала свою работу. Рахиль, отнесшая роженице свежеприготовленную еду, видела девочку лишь мельком, но, вернувшись в гетто, рассказывала всем, что малышка просто красавица. У геттовцев чувство радости переплеталось с чувством тревоги. Выживут ли мать и ребенок? Как поведут себя жандармы? Не отправят ли их в Акмечетку? Что станет тогда с доктором?

Дни проходили спокойно, и постепенно страхи улеглись.

* * *

Кончилась осень 1942 года. Стояла пасмурная погода. Часто шли обильные дожди. Чернозем раскис. Грязь была по колено. Бегать или ходить за скотиной было очень трудно. Животные плохо паслись и беспрерывно двигались. Нушка и я ужасно уставали. Вечерами мы возвращались промокшие до нитки, дрожащие от холода, истощенные от голода, ибо кусок хлеба не лез в горло в таком состоянии.

Вскоре скот перестали выгонять.

* * *

Меня послали работать на мельницу. Вниз по течению Буга, у крутого поворота реки, стояла дряхлая водяная мельница. Долгие годы ею не пользовались, так как старого мельника вместе с семьей раскулачили и сослали в Сибирь. В первые месяцы оккупации нужда заставила селян восстановить заброшенную мельницу. Горбылем залатали ее стены, починили крышу. Сельские мастера наладили лопасти, колеса, ковши, желоба, подмостки, пассы. Достроили навес для подвод, ясли для волов и коней. Кое-как привели в порядок почти заросшую и забытую проселочную дорогу. От Виноградного Сада до мельницы было километра четыре. По этой пустынной дороге я ходил ежедневно в течение многих месяцев.

Крестьянин, исполняющий все работы, не был по профессии мельником, но у него были золотые руки и смекалистый ум. Он искусно регулировал зазор между жерновами, выдалбливал в камне какие-то дорожки, устанавливал скорость вращения огромного, как

мне казалось, верхнего мельничного камня, сам чинил все, что выходило из строя. Он же вел учет работы мельницы.

Было ему тогда лет 40–45. У него была большая семья, пятеро или шестеро детей. До войны он работал в колхозе всюду, куда его посылали – строителем, механизатором, звеньевым в бригаде. Почему-то на фронт он не попал. Говорил мало, только по делу.

Меня он принял хорошо. Думаю, потому, что он знал моего отца, видел, как он работает, и уважал его как мастера. На мельнице я трудился с раннего утра до ночи. Выполнял все его указания. Минуты не сидел. Засыпал зерно в ковши, поднимая тяжелые мешки, относил и складывал цухалы с крупой, убирал всю мельницу, помогал выгружать и загружать колхозные телеги, распрягал и запрягал лошадей, заполнял им ясли, поил их и т.д. Бывали дни, когда работы было очень много.

Приезжали крестьяне из ближайших сел и хуторов. В большинстве своем это были украинцы. Люди как люди, обремененные большими семьями, они думали главным образом об еде и одежде. В очень короткое время все вернулись к натуральному хозяйству. Сельские лавки были давно закрыты. Товары ниоткуда не поступали. Рынки-барахолки были только в городах и местечках. У евреев уже нечего было выменять. Крестьяне что-то получали в бывших колхозах и совхозах. По ночам таскали с поля, обменивали и одалживали друг у друга кто что имел. У многих появились самодельные примитивные ручные мельницы для помола кукурузы и зерна на крупу. Этим они питались сами и кормили домашнюю птицу, поросят. Вернулись к обработке конопли и к ткачеству. Застучали трепалки, в домах стали устанавливать ткацкие станки, отыскивать старые веретена и другие давно заброшенные приспособления и инструменты. Но без муки обходиться не могли. Мельнику платили по «четверику» зерна за какой-то объем работы. Как угощение, зная его большую семью, приносили сало, мясо, мед.

* * *

В ожидании своей очереди или работая, крестьяне делились слухами: где находится фронт, что творят немцы в селах на левом берегу Буга (напротив Виноградного Сада и Богдановки были большие села Бугское и Константиновка), как румыны устанавливают свои порядки, кого арестовали или избили, кто умер, кто вернулся домой из плена и т.д. Вести были печальные, тревожные. Люди не знали, что будет с ними завтра, что им готовят новые хозяева, румыны.

Колхозы и совхозы не были распущены. Румыны их сохранили,

назвав соответственно «трудовыми общинами» и «государственными хозяйствами». Администрация имела дело не с каждым двором, а со всей общиной. Ей это было очень удобно. У бывшего колхоза или совхоза забирали зерно, скот, фураж, лес – все, что хотели. Людей заставляли работать фактически бесплатно. Те, кто надеялся, что румыны раздадут им земли, были разочарованы. Бесправие, незнание языка, угроза быть жестоко наказанным за службу в Красной Армии или в органах местной власти держали их в постоянном страхе. Некоторые тихо вспоминали добрым словом довоенные порядки, забывая трудности и личные обиды.

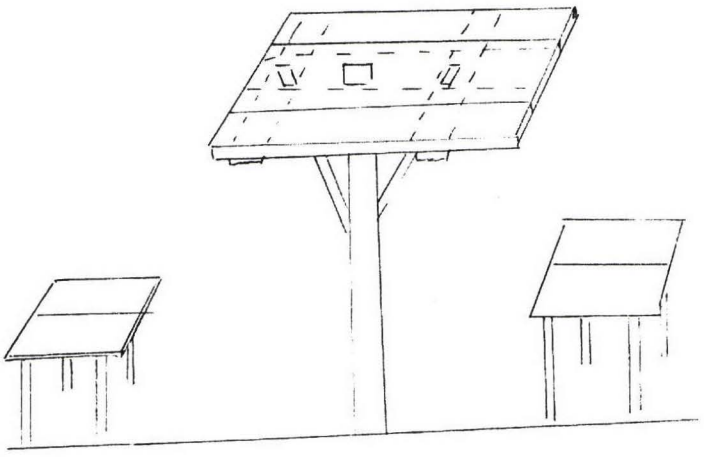
Общение с этими людьми, даже пассивное с моей стороны, было для меня полезным. Я начал разбираться в простых людях, понимать их чаяния, читать выражения их лиц, угадывать невысказанные мысли по их глазам, по скупым жестам.

Когда вечером народ расходился, мельник коротко, как бы между прочим, задавал мне несколько вопросов. Он проверял меня, как я воспринимаю услышанное, как мыслю, совпадают ли наши взгляды, надежен ли я. Я понял, что он тоже прислушивался к разговорам, но, не зная хорошо людей, предпочитал не участвовать в них. Он молчал. Мне теперь кажется, что в какой-то степени у него я научился молчать, взвешивать каждое слово, прежде чем высказать его.

* * *

Но бывали дни, когда работы было мало. То крестьяне отмечали какой-то христианский праздник, то дороги совсем раскисали. Тогда мы приводили в порядок мельницу, убирали вокруг, подбивали итоги работы за какое-то время. Потом садились есть. На грубо сколоченный из досок узкий стол (на одной только ножке в центре) мельник выставлял кусок соленого сала, несколько картофелин в мундирах, пару луковиц, большой кусок хлеба и соль. Карманным ножом, висевшим на длинной металлической цепи у ремня, он медленно и тщательно снимал соль с сала, резал его на аккуратные ломтики, тем же ножом снимал картофельную кожуру, резал на четыре части луковицы, хлеб, разворачивал кулек с солью. Он звал меня к столу, и мы начинали есть. Я всегда был голоден, но старался сохранить часть предложенной пищи, чтобы принести ее в гетто. Мельник это заметил, и очень скоро сам стал кое-что откладывать для наших.

Из немногословных бесед со мной мельник узнал, что я в 1941 году окончил девятый класс (в то время человек с таким образованием считался очень грамотным), что говорю по-румынски и по-французски, прочел много книг и т.д., и стал относиться ко

Сколоченные стол и стулья на мельнице

мне с явным уважением. Он расспрашивал меня о жизни в Румынии и Бессарабии, положении крестьян, причинах войны, об обороне Одессы, отступлении Красной Армии с такими огромными потерями, о нашей судьбе и о многом другом.

Через некоторое время, в свободные от работы часы, я стал помогать ему вести счета. Его поражала скорость, с которой я считал.

* * *

Известия с фронта комментировались с большой заинтересованностью. Любой успех (или поражение) влиял на настроение крестьян. Они редко читали газету, издаваемую оккупантами, и обсуждали сводки с полей сражений с учетом степени достоверности, на которую были способны фашисты. Выравнивание линии фронта на каком-то участке означало отступление, как и формулировки типа «занять оборону для подтягивания сил» и т.д. Но все понимали, что «блиц» закончился. Зима сдерживала натиск захватчиков.

Местное население все больше и больше ненавидело оккупантов. Жестокость и злость немцев и румын вызывали ответную реакцию. Во многих местах появились партизаны, активные боевые действия которых приводили в ужас фашистов. Люди боялись немцев и румын, но помогали партизанам.

В 1943 году действия партизан стали более смелыми. Они нападали на жандармов и полицаев, совершали диверсии и акты саботажа, проводили пропагандистскую работу среди населения. Партизаны наносили румынам и немцам существенный урон. Этим

они оказывали содействие Красной Армии в боевых операциях за освобождение Украины.

Жандармы свирепствовали. За любую провинность, за малейшее нарушение установленных ими порядков людей пороли жердями или жестоко избивали. Нередко наказывали без всяких причин.

В Транснистрии румын ненавидели еще и потому, что они грабили крестьян, насиловали их дочерей и жен. Вымогательство и воровство имели место всюду и постоянно.

Во многих селах и хуторах, где румын было мало, жители стали более смело выражать свое недовольство и оказывать им сопротивление. Непонятный для большинства населения румынский язык усугублял положение.

* * *

Однажды вечером мельник мне сказал, чтобы я утром не приходил, а отсиделся в шалаше на огороде, недалеко от мельницы, пока он меня не позовет. Я так и сделал. Ушел, как обычно, из гетто, спустился к Бугу в плавни и в шалаше, где осенью укрывался сторож огорода и бахчи, стал ждать. Хотя на мне было надето все, что у меня было, я посинел от холода. Я боялся высунуться из шалаша, чтобы согреться. Плавни были на виду и с противоположного немецкого высокого берега реки, и с нашего, более покатого. Когда около трех часов дня мельник, наконец, пришел, у меня зуб на зуб не попадал. Я не мог говорить. На мельнице я выпил кварту кипятка, немного согрелся и поел. Оказалось, мельника предупредили, что утром он будет молоть муку для немцев. Приехали несколько мужиков из соседнего левобережного села Бугское и два немца, сопровождавших их. Мельник уберег меня.

* * *

Зима 1942–1943 годов была очень тяжелой для нас, геттовцев. Сильные холода и морозы, истощение, болезни и беспросветность довели нас до отчаяния. Наш телятник отапливался плохо. Мы несли солому, стебли кукурузы, палки подсолнуха или кизяк вязками и мешками с полей и с ферм, согнувшись под их тяжестью, задыхаясь от резкого ветра, чтобы было на чем греть воду, варить похлебку и чуть согреть помещение. Окна и двери были заложены тряпьем. От кизяка и сушившихся портянок и постолов стоял ужасный запах. Умываться стали еще реже. Мыло, изготовленное на хуторе, было большой редкостью для нас.

В колхозе не было работы для евреев. Наступили те зимние месяцы, когда крестьяне сидят дома и трудятся по личному хозяйству или отдыхают. Естественно, лагерный мизерный паек стал еще меньше. Дядько Андрий, чтобы поддержать нас, направил несколько человек на работу в колхозные амбары, перелопачивать зерно. Они становились в ряд и деревянными широкими лопатами пересыпали зерно с одной стороны амбара в другую, чтобы оно не перегревалось и не прело. Работа была нелегкая, очень пыльная. Вечером дядько Андрий приходил проверять, что сделано. Люди ему жаловались, что голодают, просили разрешения взять немного зерна. Тогда он вставал в дверях, смотрел, нет ли поблизости жандармов или крестьян, и убедившись, что нет, выпускал геттовцев с котомками или ведрами с зерном. И на несколько дней пища становилась обильнее и сытнее.

* * *

За долгие месяцы жизни в тяжелейших условиях гетто люди сдружились, относились друг к другу более внимательно, старались поддерживать друг друга. Нас было немного, и все трудились. Наш начальник дядько Андрий оказался человеком доброй души. Хутор Виноградный Сад, как я уже писал, был невелик, располагался на восточном краю Транснистрии, в стороне от райцентра Доманевки и от сельсовета Богдановки. Румынская администрация была далеко от нас. Все эти обстоятельства способствовали тому, что мы выжили.

* * *

Рано весной мама и Фира вместе с другими женщинами вышли на работу в парники и на огороды. Потом на какое-то время их направили на свиноферму. Они кормили и поили свиней и поросят, убирали свинарники и т.д. Работа была очень тяжелая и грязная. Вечером, когда они возвращались в гетто, от них ужасно разило.

Отец продолжал работать шорником. На прежних местах трудились мужчины-специалисты.

Моя работа на мельнице длилась несколько месяцев. Свежий воздух, физический труд и хорошая пища (спасибо мельнику!) укрепили мой организм. Я вырос и возмужал. Мать, отец и Фира любовались мною. В душе мы молили Бога дать нам всем силы выжить, защитить нас от болезней и ударов судьбы, вывести нас из рабства.

* * *

Весной работы на мельнице стало меньше. Мельник справлялся один.

Когда уже можно было выгонять коров на пастбище, меня снова определили в пастухи.

В ясную погоду с высокого холма, где паслось наше стадо, хорошо была видна немецкая сторона. В лучах солнца блестели, как зеркала, какие-то движущиеся предметы. Пастух мне объяснил, что там проходит шоссейная дорога, ведущая к фронту. По ней постоянно двигались автомашины. Сверкали их стекла. Когда машины часами шли в одном направлении, на юго-восток, мой наставник полагал, что немцы готовят наступление и успешно продвигаются на юго-восточном участке фронта. Когда же машины шли в основном в обратном направлении, немцы, по его мнению, терпели поражение и отступали. Я считал, что такую оценку военных действий не он один придумал. За движением транспорта – автомашин с солдатами и военным грузом, самоходок, танков и т.п.– по этой шоссейной дороге многие наблюдали, строили догадки, делали предположения и выводы.

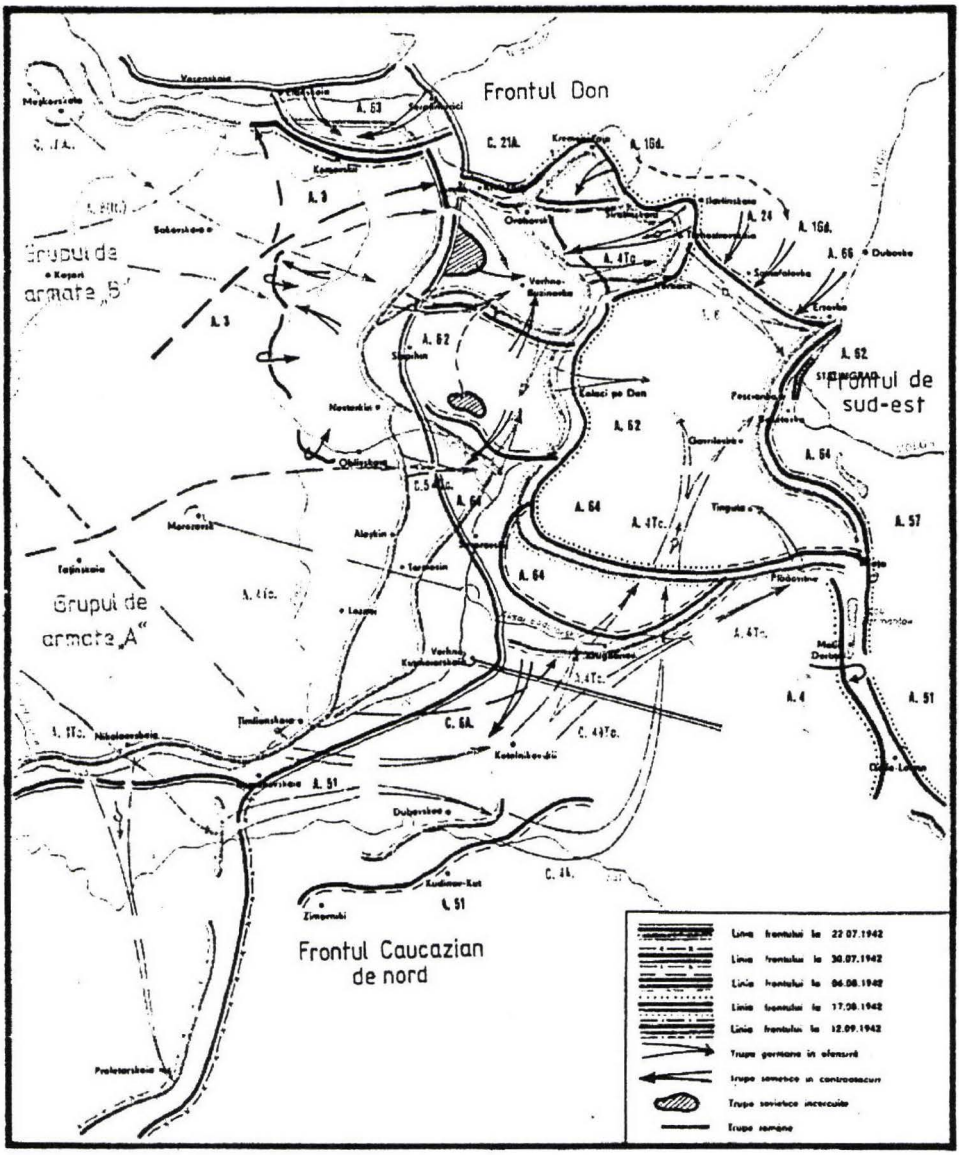
Слухи о событиях на фронтах войны доходили до Виноградного Сада и иными путями. Крестьяне ездили в ближайшие села по личным делам, на храмы (престольные праздники покровителей церквей), выполняя трудовую повинность и т.п. Изредка возвращался в родное село человек, заброшенный судьбой в предвоенное время в какое-то другое место, или попавший в окружение солдат, который с трудом, ночами, избегая встреч с полицаями, добирался к своим. С опаской они ссылались на рассказы партизан, имеющих радиосвязь с Большой землей.

Так или иначе, всем уже было известно, что наступил перелом в ходе войны, советские войска хлынули на запад и освобождают город за городом, область за областью.

К нам, геттовцам, вести доходили с большим опозданием. Мы опасались выразить даже взглядом или словом переполнявшую нас радость, когда узнавали, например, что немцы и их союзники итальянцы, румыны и венгры разбиты и попали в плен в огромном количестве под Москвой (декабрь 1941 г. – апрель 1942 г.), под Сталинградом (конец января – начало февраля 1943 г.) и в других местах[12]. Только от Красной Армии мы ждали освобождения из гетто, спасения наших жизней. Больше не от кого было ждать.

Поражения немцев и их союзников в 1942–1943 годах отразились и на поведении жандармов в Виноградном Саду. Их свирепость поубавилась. Они стали меньше задираться. По хутору они ходили теперь только вдвоем или втроем, при винтовках.

ACŢIUNI MILITARE LA FLANCUL DE SUD AL FRONTULUI GERMANO-SOVIETIC, IULIE – SEPTEMBRIE 1942

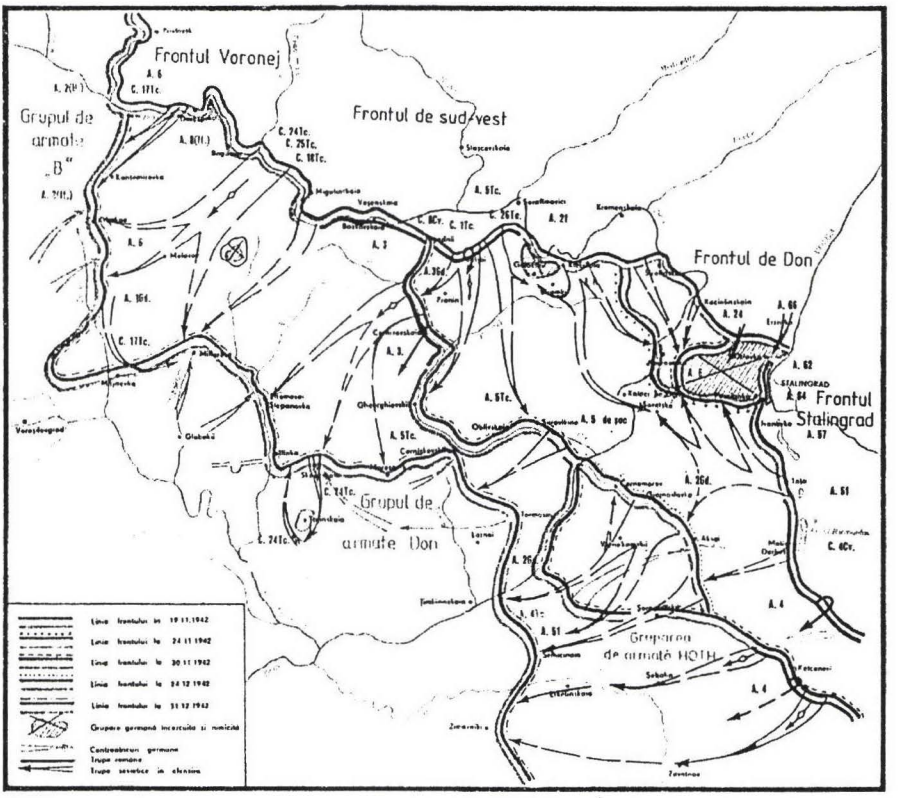

Карта из RDRM, pl. 19

Наказанием за любое нарушение стали штрафы. Брали марками или натурой, в зависимости от обстоятельств. Крестьяне уловили эту страсть румын и откупались взятками, которые становились все мельче и мельче. Рядовые жандармы во многом следовали примеру своего начальника.

На короткое время к начальнику жандармского поста приехала

CONTRAOFENSIVA SOVIETICĂ DE LA STALINGRAD.
19 NOIEMBRIE – 31 DECEMBRIE 1942

Карта из RDRM, pl. 22

жена. Остаться здесь надолго она или не имела возможности, или не захотела. А может быть, и то, и другое. Поговаривали, что начальник поста давно жил с местной учительницей, у которой квартировался, и приехавшая жена не могла не заметить этого.

Младший лейтенант собрал в несколько чемоданов вещи, добытые только ему известно где и какой ценой, заложил в большие сундуки украинские шерстяные ковры, вышитые полотенца, заполнил мешки мукой и крупами, бочонки и кадочки медом, свининой, соленой брынзой и другим добром, погрузил все на подводы и отправил в Румынию с женой в сопровождении двух жандармов.

* * *

Жизнь в лагере-гетто Виноградного Сада протекала однообразно. Нас изматывали изнурительный труд, постоянное недоедание. Не

покидали мысли о возобновлении расстрелов, страх заболеть и быть отправленным в Акмечетку. Угнетали опасение быть разлученными с родными, сознание беспросветности существования на положении хуже рабов и абсолютная беззащитность.

Мы были в полной изоляции от евреев, находящихся в других лагерях-гетто. Не ведали, знает ли кто-нибудь в этом мире о нашем ужасном бытие, думает ли кто-то о нас, есть ли люди или организации в не оккупированных фашистами странах, которые боролись бы за наше освобождение из мучительного ада или добивались бы облегчения нашей участи.

О значительной и многогранной деятельности Федерации еврейских общин Румынии и Еврейской центральной организации Румынии я узнал совсем недавно из исследований и книг М. Карпа, Ж. Анчела, М. Розена, И.К. Бутнару, Ю.Фишера, А. Шачана, Р. Лекки, из книги «Martiriul evreilor din Romînia. 1940–1944» и др.[13] В них утверждается, что в течение первых двух лет пребывания евреев в Транснистрии им была оказана помощь в сумме 481 807 045 лей, а также в виде соли (150 тонн), угля (300 тонн), строительного леса (11 000 кв. м), каустической соды, необходимой для изготовления мыла (5000 кг), и многого другого. Кроме того, с октября 1942 года по март 1943 года им были выплачены деньги (25 миллионов лей) из фондов, полученных от American Jewish Joint Distribution Committee, от Всемирного еврейского конгресса и из других иностранных фондов.

Не обвиняя еврейские организации Румынии в чем-либо, свидетельствую, что евреи из лагеря-гетто Виноградного Сада не получали от еврейских организаций никакой помощи – ни деньгами, ни продуктами, ни одеждой. Они, очевидно, помогали евреям из Старого Королевства Румынии, а также из уездов Дорохой и Черновцы, высланным, большей частью, в северные уезды Транснистрии – Могилев, Балту, Тульчин и Жугастру. Наглядным подтверждением этому может служить отчет Еврейской центральной организации Румынии от 26 декабря 1942 года. С 18 февраля по 12 декабря 1942 года евреям из названных четырех уездов досталась коллективная помощь в сумме 35 181 960 лей. Общая помощь, оказанная евреям Транснистрии в 1941–1943 годах, равнялась 330 918 998 леям[14].

О местных украинских евреях, как и о бессарабских евреях, эвакуировавшихся в Одессу и застигнутых там румынами, евреях, которые впоследствии были размещены в лагерях-гетто в уездах Голта и Березовка, румынские еврейские организации не проявили заботы. Можно предположить, что этих евреев не считали своими.

Даже рапорты о невыносимо трудных условиях жизни в еврейских лагерях, демарши об освобождении некоторой части депортированных евреев, ходатайства об улучшении содержания сирот и многие другие выступления руководителей еврейских организаций Румынии, к великому сожалению, не касались евреев, захваченных румынами и немцами в городах и селах Транснистрии[15].

Доктор М. Тейч, руководитель еврейской общины Могилевского уезда, сокрушается в своих воспоминаниях, что в марте 1944 года русские конфисковали обнаруженные запасы продовольствия и одежду, полученные из Бухареста, медикаменты, сотни тысяч лей и марок, даже 100 золотых рублей и др. И далее заключает, как бы ставя себе в заслугу, что «в Могилевском уезде около 70–80% депортированных были спасены и репатриированы...», а «из других уездов (Транснистрии) только 20–30% вернулось. В некоторых местах никто не остался в живых»[16]. Эти признания М. Тейча свидетельствуют об эгоистичном, даже преступном поведении некоторых руководителей еврейских общин. Ведь можно было бы спасти жизнь многих «не своих» евреев, нуждающихся в еде, одежде, лекарствах!

* * *

Летом 1943 года геттовцев взбудоражило известие о том, что, возможно, жандармы отберут несколько мужчин из нашего лагеря для отправки в Варваровку на строительство моста через Южный Буг. С этой новостью однажды утром явился дядько Андрий. Для получения указаний его вызывали в Богдановку.

У нас было мало мужчин: Филипп, папа, Давид, Карол, Герш, Миша, Абрам, Саша, я и Нушка. Какие только догадки мы ни выдвигали! Мост через Буг могли строить лишь немцы, что вызывало у нас только ужас. Это было равносильно смерти. Женщины уже оплакивали нас. Мы тоже горевали, так как понимали, что жены и дети погибнут без мужчин. Потом стали рассуждать. Может быть, не возьмут более старых, Филиппа и папу, а также Давида, у которого было двое детей-сирот, и доктора, нужного всему селу, и Нушкалы, еще мальчишку. Оставались пятеро – Карол, Миша, Абрам, Саша и я. Но и у Миши было двое детей, у Карола и Абрама – по ребенку. Осталось нас двое. Мама стала причитать, дескать, она меня не отдаст, она пойдет вместе со мной. Папа ее успокаивал – он будет со мной. Все были в панике. Никто не знал, сколько человек возьмут, какого возраста, каких специальностей, на какой срок и т.д.

В гетто был траур. И без того изможденные и озабоченные люди еще больше осунулись и помрачнели. Как заводные, все шли утром

на работу, но целый день с тревогой смотрели в сторону села, откуда должен был явиться с приговором дядько Андрий. Молили сокрушенно Бога о пощаде. Дядько Андрий приехал из Богдановки под вечер усталый и с плохими вестями.

Под руководством Организации Тодт в Варваровке велись работы по строительству моста через реку Южный Буг. Там уже находились около 1500 мужчин-евреев, направленных туда в основном из лагеря-гетто города Бершадь. Это были евреи из Буковины, Бессарабии и даже из Старого Королевства. Условия работы были очень тяжелые. Люди были почти что раздеты и разуты. Очень скудная пища выдавалась два раза в день – утром и вечером. Многие болели, и никто их не лечил. Жили скученно в землянках, вырытых ими же в земле. Надзиратели отличались особой жестокостью. Дядько Андрий сам был расстроен. В лагере-гетто села Трихаты того же Очаковского уезда на предприятии «Beton-und-Monierbau», управляемом немцами, трудились в таких же условиях около 900 евреев.

Немцы требовали от румын новых людей на замену умерших и болевших. Сначала румыны хотели отправить в Варваровку и Трихаты несколько мужчин в возрасте от 19 до 50 лет из каждого лагеря-гетто. С этой целью были вызваны гражданские руководители гетто, в том числе и дядько Андрий.

В Богдановку был отправлен поименный список всех узников лагеря-гетто хутора Виноградный Сад с указанием года рождения, специальности, трудоспособности, места, где жил прежде, и др. Тогда папу записали 1894 года рождения, и так он остался на три года старше во всех документах последующих лет.

Однако позже власти Транснистрии решили, что проще и удобнее отбирать нужное количество рабочих из Могилевского, Балтского и Жугаструского уездов, где содержалась основная масса еврейского населения. Но и это решение было временным, так как немцы постоянно требовали все больше и больше людей.

* * *

В 1996 году мне прислали из Вашингтона, из Мемориального музея Холокоста, копию списка узников гетто Доманевского района уезда Голта, составленного в 1943 году. Оригинал документа хранится в Николаевском областном архиве на Украине.

В этом списке евреев из гетто Виноградного Сада числилась и Лиза Блануцэ, четырех лет, родом из Одессы. В нашем телятнике-гетто одинокой девочки Лизы не было. Но я вспомнил рассказ Герша Розенберга.

Однажды вечером к хате, в которой жил и работал доктор Розенберг, пришел очень взволнованный хуторянин Антон Блануцэ. Его девочка заболела. У нее была высокая температура, она никого не узнавала, заговаривалась, на ее теле выступила сыпь.

Доктор поспешил к больной. Жена Блануцэ суетилась вокруг девочки, клала ей компрессы на лобик, поправляла одеяльце, гладила ее пухленькие ручки.

Доктор определил, что у девочки скарлатина, рассказал им, что нужно делать, и пообещал, что через неделю ребенок поправится. Он успокоил родителей.

При одном из посещений больной Антон Блануцэ поведал доктору историю этой девочки. В декабре 1941 года в Богдановку пригнали очередной этап евреев из Одессы. В бараках, бывших свинарниках, не было больше места, и несчастные люди, измученные долгой дорогой, голодные и замерзшие, полураздетые и больные, ютились скученно у безветренной стены свинарника. Стоял крепкий мороз, и было ясно, что многие не доживут до следующего утра.

Антон Блануцэ на санях возвращался домой. Из толпы вышла, с трудом передвигая ноги в глубоком снегу, молодая женщина и остановила его. Со слезами на глазах она протянула ему закутанного в одеяльце ребенка и сказала умоляющим голосом: «Спасите ее! Ее зовут Лиза». Она положила этот комок у его ног и быстро повернула обратно. То ли она боялась за себя, что сердце не выдержит и она вернется за родной доченькой, то ли остерегалась полицаев.

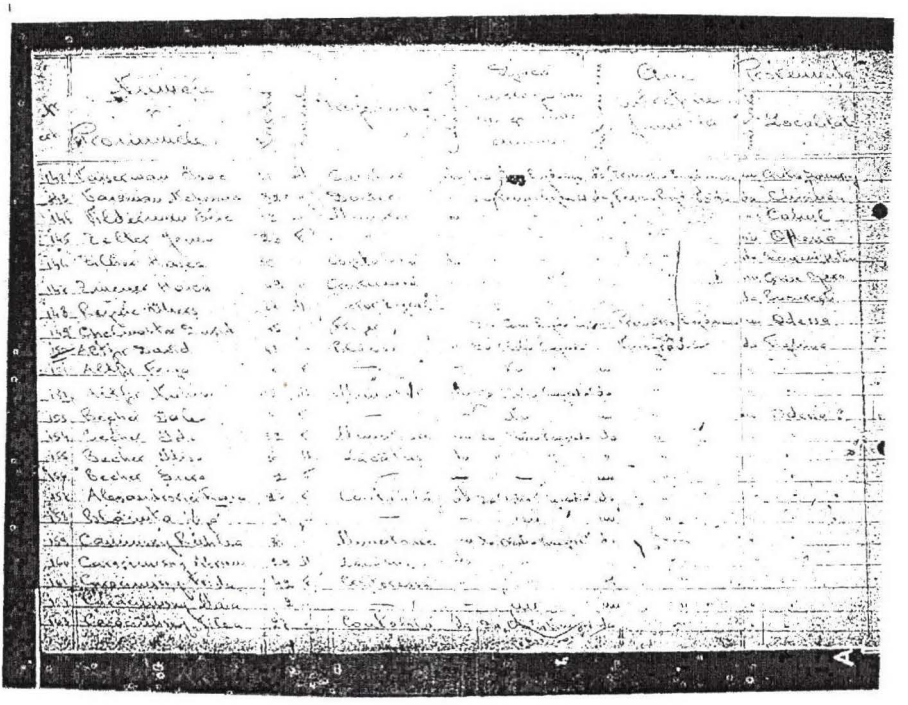
Антон Блануцэ взял этот немой сверток на колени, прикрыл полами овчинного кожуха и погнал лошадей. Всю дорогу ребенок молчал. Антон боялся касаться его. Приехав, он первым делом занес его в хату, отдал в руки жене и сказал: «Бог нам на старости лет послал ребенка. Спасибо Ему!» И вышел распрячь лошадей.

В теплой кухне они развернули одеяльце и увидели истощенную девочку, она все еще спала. Блануцэ поставили греть казанок с водой, вскипятили молоко. Малышка им сразу понравилась. Они нежно поглаживали золотистые кудри, прозрачно-белое личико, веки с длинными ресничками. В тепле девочка разомлела и проснулась, слабым голосом позвала: «Мама! Мама!» Блануцэ прослезились и ответили, что мама скоро придет. Они сняли с нее пальтишко и все, что еще на ней было, выкупали ее. У печи, завернутую в чистое одеяло, ее накормили теплым молочком и мягким ломтиком домашнего хлеба. Лиза жадно все съела. Ее голубые глазки сразу же заблестели. Ребенок заулыбался. Наверное, впервые после долгих месяцев мытарства.

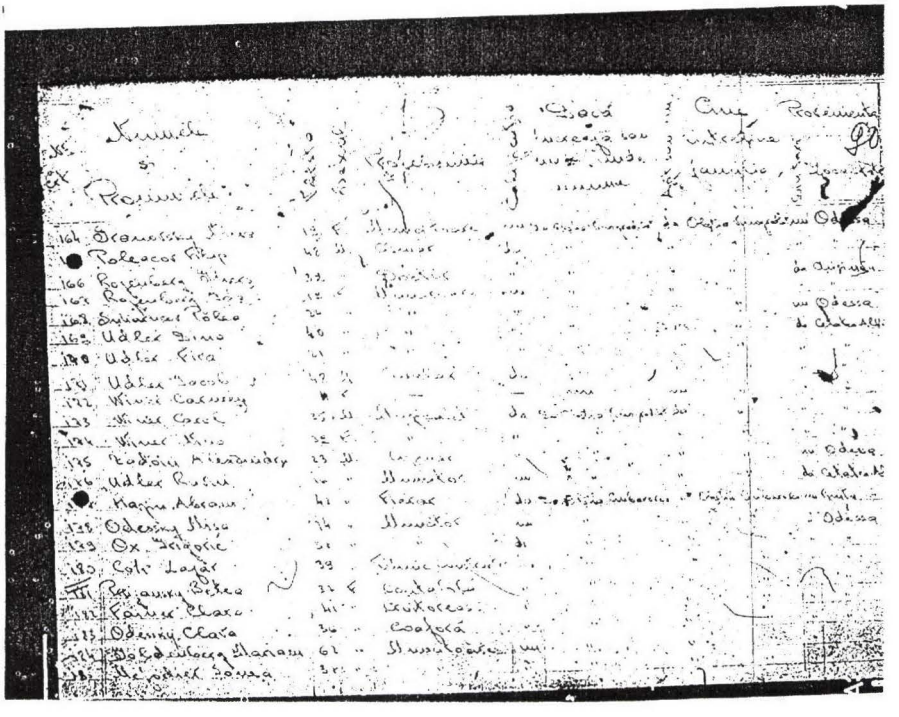
Лиза с каждым днем поправлялась и хорошела. Она ласково шла на руки к Антону и его жене, повторяла за ними молдавские и

Копия 1 из Госархива Николаевской области

Копия 2 из Госархива Николаевской области

Копия 3 из Госархива Николаевской области

украинские слова, выговаривая их по-своему, веселила своим щебетанием и играми. Лизе было примерно полтора года. В эти зимние дни работы было мало, и они проводили вместе все время. Антон Блануцэ и его жена были счастливы. Ребенок отодвинул на задний план тревоги и невзгоды оккупации.

В последние дни декабря в Богдановке румыны завершали массовое уничтожение евреев. В Виноградном Саду, за семь километров от Богдановки, виделось зарево костров, в которых беспрерывно сжигали трупы расстрелянных людей, и ветер приносил удушливый запах жженого человеческого мяса. В богдановской бойне погибла и мать Лизы, если она не скончалась еще раньше.

Блануцэ говорили соседям, что они удочерили христианскую девочку-сиротку. Одни им верили, другие – нет.

Начальник жандармского поста жестоко отомстил Антону Блануцэ. В список евреев, составленный жандармерией в декабре 1943 года, все же была включена и Лиза, под фамилией Блануцэ.

* * *

Румыны и немцы по-варварски относились не только к евреям, но и к цыганам. В 1939 году в Румынии было около 300 тысяч цыган. Из фрагментарных сведений, обнаруженных мною в некоторых изданиях, вытекает, что по решению правительства Антонеску цыгане были высланы из Румынии в Транснистрию якобы для ее колонизации. С этой целью им было дозволено взять с собой все имущество. На собственных подводах они прибыли в Транснистрию.

Вскоре цыгане убедились, что их бессовестно обманули. О выделении им земли для начала оседлой жизни, для заселения якобы пустующих земель не было и речи. Им не только не дали землю и хаты, как им было обещано, но даже запретили селиться в пустующих домах ушедших на восток коренных жителей Транснистрии или изгнанных фашистами евреев.

Румынские власти немедленно приступили к истреблению цыган. Сначала конфисковали их лошадей и подводы. Это был сильный удар по кочующему племени. Потом их обыскали и забрали все ценные предметы из золота, серебра, а также деньги. Затем отобрали зимнюю одежду. С наступлением холодов их положение резко ухудшилось. Вскоре они стали поголовно умирать от голода, холода и болезней.

Летом 1942 года в уезд Голта прибыло более 10 тысяч цыган. Стараниями префекта уезда Модеста Исопеску, субпрефекта Аристиде Пэдуре, претора Доманевского района Василе Мэнеску и их подручных они были полностью уничтожены.

Из 20 тысяч цыган, сосланных в село Ковалевка Березовского уезда, от сыпного тифа умерли более 7 тысяч.

В селе Трихаты немцы из формирований СС расстреляли 11 500 цыган. После бойни, учиненной эсэсовцами, в живых осталось только примерно 1500 человек.

Вероятно, цыгане были истреблены и в других уездах Транснистрии (Очаков, Березовка, Балта).

В Транснистрию были депортированы 52 000 цыган, в том числе около 25 000 из Старого Королевства. Остались в живых и вернулись в Румынию 1500[17].

Очевидно, история депортации цыган из Румынии и их мытарства в Транснистрии должны стать предметом специальных исследований.

* * *

В 1943 году отношение румынских властей к евреям – узникам лагерей-гетто постоянно менялось. Оно зависило от положения на фронтах. Для многих из них стало совершенно ясно, что война проиграна. Зимой, в начале года, были освобождены города Ростов и Новочеркасск. 18 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда[18]. Румыны стремились реабилитировать себя перед общественностью Франции, Англии и США за свои антисемитские, человеконенавистнические поступки в Бессарабии, Буковине и Транснистрии, за политику геноцида, зверски осуществляемого правительством Антонеску во всей Румынии.

Еврейские организации Румынии ходатайствовали о возвращении из Транснистрии оставшихся в живых евреев, сосланных из Бессарабии, Буковины, уезда Дорохой и старой Румынии. Они добились разрешения на оказание этим евреям денежной и материальной помощи. Они ставили вопрос об их переселении для начала из Транснистрии в области, откуда они были изгнаны, а потом – в Палестину.

В Виноградном Саду изменения в отношении румын к евреям выразились в том, что пост охранника у гетто был упразднен. Жандарм приходил только для того, чтобы пригласить Пелагею Федоровну на прогулку. Жандармы спокойнее относились к евреям, встречая их вне гетто на работе. Сам начальник жандармского поста, по словам доктора, сочувственно справлялся о нуждах евреев гетто, об их настроении. По его указанию нам выдали из колхоза несколько кусков хозяйственного мыла и немного мешковины для шитья одежды.

Наш внешний вид был действительно страшен. Все было драное, латаное-перелатаное. Из засохших постолов торчали изорванные

портянки и стебли соломы. По сравнению с нашим вылинявшим тряпьем сшитые из грубой мешковины юбки и рубашки выглядели, как нам казалось, роскошно.

Примечания

[1] UCY, p. 398–400.

[2] Б, с. 11–13; D, VI, p. 92.

[3] D, V, p. 197; D, VI, p. 58, 69, 70, 72, 78, 89–94; LUB, p. 408.

[4] MM, p. 147, 157; IE, p. 40–41. D, VI, p. 229.

[5] D, V, p.198; D, VI, p. 70, 72-73, 89–96; BS, p. 127–129; BNU, p. 65–79; LUB, p. 407–408; HAH, p. 73; IE, p. 252–258.

[6] Б, с. 12–13.

[7] А. К. Куза выдвинул требование – numerus nullus, а Ал. Вайда-Воевод – numerus valachicus, закрывающие доступ евреям к высшему образованию. VIN, p. 45, 72; IE, p. 40–41.

[8] USGP, p. 15.

[9] NT; MT; NTN; NV; NA; BR; FT; PT.

[10] J, p. 102–103; SBI, p. 356–362.

[11] D, V, p. 198, 501–502, 541; D, VI, p. 70–71, 91; Б, с. 23–24; Ст, с. 44–57; BNU, p. 103–107; AM, Appendix 4; IE, p. 255–256.

[12] Как я узнал много лет спустя из мемуаров маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», с 14 по 24 ноября 1942 года в боях, решающих на том этапе судьбу Сталинградской битвы, румынские 3-я армия, 5-я, 6-я, 13-я, 15-я дивизии, 1-я танковая дивизия, 5-й армейский корпус и другие румынские формирования были полностью разгромлены под Серафимовичами, у Клетской, Громки, Перелазовского и Головского. Под Калачом 23 ноября были разбиты 1-я, 2-я, 18-я и 20-я румынские дивизии. В плен были взяты более 30 тысяч солдат, офицеров, генералов и громадное количество боевой техники. Убиты были несколько десятков тысяч. Генерал Н. Мазарини, взявший на себя командование всеми румынскими дивизиями, вынужден был капитулировать.

Общие потери фашистских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек. Ж, с. 429–433, 446; RDRM, p. 479–493; MAMA, II, p. 72–91.

[13] C; D; MER; LA; R; F; L; RL; B, p. 354; SBI, p. 297–308; HSU, p. 148–150 и др.

[14] D, V, p. 306–313, 469–486.

[15] D, V, p. 226–227, 273, 275, 297, 331–334, 342–344, 390, 438, 487–488, 490, 517–536; SBI, p. 298, 300, 304–308.

[16] J, p. 188–189; UND, p. 40–45.

[17] D, V, p. 199, 303, 541; D, VI, p. 71, 94, 96, 246; D, XI, p. 34; LUB, p. 408; MM, p. 113, 121; DO, p. 306; HAH, p. 16; MAH, p. 141; PMAD, 1, p. 79, 110, 245; KPG, p. 108–112; HPS, p. 85; IS, p. 206. Депортация цыган в Транснистрию была приостановлена 14 октября 1942 г. PESCM, p. 465; IE, p. 310–322.

[18] Ж, с. 448–449, 492, 502; IE, p. 310–322.

ГРАЖДАНОВКА

В один из последних дней июля 1943 года дядько Андрий явился в гетто с приказом из претуры о переводе отца в срочном порядке в хутор Граждановка (отделение какого-то совхоза – «государственного хозяйства») Врадиевского района.

Дядько Андрий был искренне опечален. Это чувствовалось по его голосу и всему виду. За долгие месяцы нашего нахождения в Виноградном Саду он проникся уважением к отцу, они стали, могу утверждать, хорошими друзьями.

Мы много раз перечитывали полученный приказ. Требовали папу одного. Не говорилось, как долго он будет там находиться. Он должен был отбыть из Виноградного Сада 2 августа в сопровождении жандарма.

Мама, Фира и я были ужасно расстроены. Впервые в жизни мы должны были расстаться с папой. Мы не знали, увидимся ли еще, разрешат ли ему привезти нас, или он, закончив работу, вернется к нам. Мы не знали, что его ждет в новом гетто. Мы задавали много вопросов, на которые в данной ситуации не могли ответить.

По просьбе отца доктор Розенберг пытался разузнать у начальника жандармского поста, что ждет нас, ведь нас привезли в Виноградный Сад как членов семьи ремесленника. Тот ему ответил казенно сухо, что согласно постановлению № 23, подписанному маршалом Ионом Антонеску и гражданским губернатором Транснистрии профессором Дж. Алексиану, евреи-ремесленники обязаны выполнять любую работу по своей специальности и могут быть переведены из одного гетто в другое по решению уездных властей, исходя из интересов местной администрации[1]. Что касается нашего случая, он полагает, что перевод отца временный и хутор Граждановка – не такое уж плохое место. Нам же в Виноградном Саду ничего не грозит, если будем добросовестно трудиться. В противном случае любого из нас могут отправить в Акмечетку.

Доктор пообещал отцу, что он нам поможет, чем только сможет. Все геттовцы переживали нашу разлуку. Это был первый случай за весь период существования гетто, когда разделили семью. Все, каждый по-своему, утешали нас.

Отец внешне спокойно уложил свои инструменты в самодельно сшитую сумку, приготовил головку стула для шитья упряжи, завернул ушивальники, отдельно сложил в свой вещевой мешок еду, приготовленную мамой.

Геттовцы сочувственно оставили нас одних в телятнике примерно на час, для прощания. Мама начала было плакать, но потом собралась с силами, успокоилась. Мы друг друга подбадривали, твердили, что все будет хорошо, что Бог и на сей раз поможет, не оставит нас. Мы просили папу быть осторожным, питаться регулярно, не простуживаться, добиваться или своего возвращения в Виноградный Сад, или нашего переезда в Граждановку. Отец, грустный и озабоченный, наставлял Фиру и меня беречь маму и по любому серьезному вопросу обращаться за помощью к доктору Розенбергу или к дядько Андрию.

* * *

Утром 2 августа 1943 года за отцом прибыл жандарм. Отец погрузил на повозку свои вещи и, простившись с нами, уехал в Граждановку. Нетрудно представить себе наше настроение.

На следующий день вечером жандарм принес нам коротенькую записку от папы. Он доехал благополучно. Ему выделили угол в небольшом лагере-гетто, который размещался в крестьянской хате. Руководителя совхоза и непосредственного начальника гетто он еще не видел. Обещал прислать подробное письмо с первой оказией.

Мы продолжали работать и ждать. Мама сильно переживала, волновалась за папу, боялась за нас. Мы успокаивали маму, как могли. Но недели проходили одна за другой, а от папы не было никаких вестей. Мама осунулась, но сама утешала себя и нас.

Только месяца через три мы получили записку от папы, переданную с местным жителем, который был по каким-то делам в Граждановке. Отец писал, что у него много работы. Руководитель совхоза обещал ему добиться разрешения на наш перевод. Оно было получено лишь в середине декабря.

20 декабря приехал за нами отец в сопровождении жандарма. Наша радость была беспредельна, ведь мы не виделись пять длинных, бесконечных месяцев. Отец торопил нас. Он боялся осложнений со стороны богдановских и местных властей. И время было очень неспокойное.

Отец, доктор и дядя Филя, староста нашего гетто, посоветовались с дядько Андрием, как добиться подписи начальника жандармского поста без проволочек. Решили, что пойдут к нему отец и доктор. Его застали в хорошем настроении. Он долго расспрашивал отца о

положении на хуторе Граждановка и о директоре «государственного хозяйства». Оказалось, что он был с ним откуда-то знаком. Вспоминал прошлое, события довоенных лет.

Младший лейтенант жандармерии вертел в руках документ, принесенный отцом, перечитывал его, изучал подписи и печать. Он как бы спрашивал совета у доктора Розенберга: может быть, запросить районные и уездные власти, ведь жалко навсегда отпускать хорошего специалиста, да и подобного прецедента в его практике не было. Потом он вызвал жандарма из Граждановки, приехавшего с отцом, и стал спрашивать его о полученных им инструкциях в связи с нашим переводом. Доктор обратил внимание начальника поста, что разрешение на перевод нашей семьи выдано именно теми инстанциями, куда он собирался послать запрос, и поэтому нет смысла сомневаться в правильности принятого решения. Лишь после этого начальник жандармского поста дал свое согласие на наш перевод. При этом он не преминул напомнить отцу и Розенбергу, что румыны – великодушный народ и жестокости, проявленные к евреям, – вынужденные ответные меры. Не вступая в дискуссию, отец и доктор поблагодарили его и ушли.

Вечером все геттовцы окружили отца и засыпали его вопросами. Всех интересовало: сколько в Граждановке евреев и откуда они, каковы условия их содержания, как относятся к евреям гетто румынская администрация и местное украинское население, имеются ли какие-то связи с еврейскими организациями Румынии и других стран, получают ли откуда-нибудь помощь одеждой, продуктами, деньгами, медикаментами и т.д. Не остались без внимания вопросы, касающиеся положения на фронтах войны, действий партизан, в целом – перспектив нашего бытия.

Во Врадиевском районе, как и в Доманевском, где были расселены немногочисленными группами в основном местные евреи (так называемые советские евреи), люди находились, как я упомянул выше, в полной изоляции от внешнего мира и питались только слухами. Все говорили о крупных успехах русских войск летом и осенью 1943 года, увенчавшихся освобождением большей части Украины[2].

* * *

Поздно ночью, когда все улеглись, отец и я вышли из лагеря и пошли к Бугу. Было очень темно и холодно. Конец декабря. Наша одежда не грела нас, она только прикрывала истощенные тела. Мы легко нашли скалу. Земля была замерзшей, и мы с трудом раскопали

ножами то место, где лежал котелок с семейными ценностями. В гетто мы вошли по одному. Было тихо, все спали.

Родители относились к золотым вещицам суеверно. Они были убеждены, что с их помощью, в сложный момент, мы спасем себе жизнь. Их фетишизм был унаследован от предшествующих поколений. Евреев часто спасали от тяжких неприятностей, издевательств и смерти выкупы в виде золотых колец, медальонов, цепочек, часов и др. Правда, мы были свидетелями другого. Румыны принимали ценности от евреев, брали даже простой скарб, а потом истязали их.

* * *

На рассвете следующего дня, 23 декабря 1943 года, отец пригнал повозку, застланную соломой, мы погрузили свои пожитки, немного продуктов, выданных нам напоследок добрым дядько Андрием, и по-родственному трогательно простились с теми, с кем почти два года жили одной семьей в небывало трудных условиях, в тревожнейшее время. Главное, чего мы желали друг другу, – это выжить. Мы не обменялись адресами, ибо у нас их не было. К тому же никто не знал, что с ним может случиться в любой момент.

* * *

Много лет спустя, где-то в начале 60-х годов (тогда я уже работал в Академии наук Молдавии), моя жена Мира, наш пятилетний сын Артур и я проводили отпуск у Черного моря. Случайно мы встретили в Одессе, в универмаге, Полину Сухорукову – Пелагею Федоровну Полищук. Она пришла с внучкой к одной из дочерей, которая работала там продавцом. Мы были взволнованны. С явной нежностью всматривались в лица друг друга, держались за руки, как бы проверяя, не сон ли это, радовались встрече как родные. Вопросов было множество.

От Полины я узнал, как в конце марта 1944 года евреи разбежались из лагеря-гетто Виноградного Сада, спасаясь от оуновцев, украинских националистов, перешедших на сторону немцев, и от эсэсовцев.

Она рассказала нам, что Филипп и Рахиль поженились и жили в Одессе. Несколько лет тому назад Филипп заболел и умер. Рахиль вдовствовала. Саша в день освобождения вступил в ряды Красной Армии, воевал смело, самоотверженно несколько месяцев. Филипп и Рахиль получали от него хорошие письма, полные надежды на

скорую победу и на возвращение к свободной, мирной жизни. Потом им сообщили, что Саша геройски погиб. Филипп его оплакивал как родного сына.

Нина Грановская работала парикмахером в Одессе.

Рая Александрович устроилась бухгалтером. Полина встречалась с ними несколько раз. В последние годы они не виделись.

Судьба не баловала Полину. Ее муж не вернулся с фронта. Она нашла своих девочек, но оставила их жить у родственников мужа. Время было тяжелое, кормить и содержать их ей было нечем. Спустя некоторое время Полина вышла замуж в третий раз, но семейная жизнь снова не сложилась.

От Полины я узнал, что Давид с детьми и Карол с семьей покинули ночью гетто. Все эти годы Полина ничего не слыхала о них. Может быть, они спаслись и дошли до Бессарабии, а может быть, погибли в суровые дни отступления фашистов.

Полина рассказала, что вскоре после нашего отъезда из Виноградного Сада доктора Розенберга вместе с женой и дочкой перевели в другое гетто, где было устроено нечто похожее на больницу для евреев. Она их больше не видела.

Полина и я обменялись адресами. Какое-то время посылали друг другу письма и поздравления к праздникам. Потом переписка прекратилась. В один из моих следующих приездов в Одессу я нашел время ее навестить по старому адресу. Но там я ее уже не застал.

Так нелегкая послевоенная жизнь привела к тому, что мы, бывшие геттовцы Виноградного Сада, навсегда потеряли друг друга.

* * *

23 декабря 1943 года поздно вечером мы прибыли на хутор Граждановка Врадиевского района уезда Голта.

Гетто размещалось в крестьянской хате. В меньшей комнате, в которой жили две молодые женщины, расположилась и наша семья. За сенями была маленькая кухня. Одна из женщин, которая готовила еду для всех, накормила нас. Мы были счастливы, так как были снова вместе с отцом. На нары, сбитые заранее отцом, мы легли спать и быстро уснули. Дорога была утомительна, небезопасна, и волнений было много.

Утром я зашел в большую комнату, на мужскую половину хаты. На нарах и печи сидели и лежали подростки и юноши в возрасте 14–18 лет. Они о чем-то спорили. Их было 12 человек. Длинные, давно не стриженные волосы красиво обрамляли их молодые лица. Умные глаза с любопытством смотрели на меня. Мы познакомились. Это были мои ровесники. Меня поразил их вид. Они не были истощены. Их тела были слегка прикрыты какими-то лохмотьями.

На ногах ничего не было. Возле двери на гвоздях висели две-три рваные телогрейки, такие же шапки-ушанки и рядом стояли несколько пар драных ботинок. Все это принадлежало всем и одевалось тем, кому нужно было выйти во двор. Ребята выходили на работу не ежедневно, поскольку была зима, обычное затишье, да и одеться было им не во что.

Все были сиротами, чудом уцелевшими после погромов, учиненных румынами и немцами в первые дни захвата местечек Врадиевка, Любашевка и Кривое Озеро. Тогда и позже в гетто были убиты и умерли от голода и болезней их родители и родные. Ребят пригнали в Граждановку, потому что совхозу очень нужны были рабочие руки.

Граждановка была небольшим хутором. Незадолго до войны здесь создали бригаду, или отделение совхоза. Совхоз был богатый, владел обширными площадями черноземных полей и пастбищ. Было хорошо развито и животноводство. В этом отделении совхоза были оснащенные коровники, конюшни и свинарники, парники, большие зерновые склады и сельскохозяйственные мастерские.

Жилых домов было немного. Часть рабочих совхоза осталась на месте после начала войны. Многие побросали все и разъехались. Люди, по разным причинам, не хотели работать. Одни не хотели гнуть спину на врагов, не хотели пособлять им, другие, в основном солдатки и старики, не имели специальности, физических сил и условий жить и трудиться, а третьи выжидали, надеясь, что румыны раздадут им земли.

Скот нужно было ежедневно кормить и поить. Евреи выполняли эту трудную работу, которая не требовала специальных знаний. Ребят неплохо кормили, но больше им ничего не выдавали. Их одежда и обувь превратились в рвань. Благодаря своей молодости, они не болели и стойко переносили холод и изнурительный труд.

* * *

Вечером второго дня нашего прибытия в Граждановку управляющий этим «государственным хозяйством», молодой агроном, вызвал отца. Он должен был отблагодарить управляющего, как обещал, за ходатайство перед вышестоящими румынскими административными инстанциями о переводе нашей семьи из Виноградного Сада. Папа отнес ему несколько дорогих вещиц, свято хранимых доселе как семейные реликвии, как память о родителях. Воссоединение нашей семьи было оплачено золотом.

* * *

Во главе созданных румынами «трудовых общин» и «государственных хозяйств» были поставлены присланные из Старого Королевства руководители, нередко агрономы и ветеринары. В первые месяцы оккупации Транснистрии их основной задачей было организовать вывоз награбленного добра в Румынию. Отправляли эшелонами отборное зерно, гнали стада породистых коров и табуны лошадей, вывозили комбайны, трактора и другое имущество. Их второй задачей было освоить огромные пространства вверенных им хозяйств. Это было для них чрезвычайно трудным делом. Агрономов, ветеринаров, трактористов, комбайнеров осталось мало. Хозяйства были опустошены, разграблены. Существовал и языковой барьер. Барское отношение к крестьянам, жестокость, мордобой, грабеж, насилие и беззаконие еще больше отдалили народ от новых господ. Все считали румын временщиками.

В Граждановке управлял хозяйством молодой агроном, только окончивший институт. Он был сыном богатых родителей. Как и большинство студентов того смутного времени, он был предан националистическому порядку, установленному правительством Иона Антонеску. Благодаря связям его отца, старого политикана, он был назначен управляющим «государственным хозяйством» в Транснистрии. Это помогло ему избежать отправки на фронт и получить бесконтрольную возможность безмерного обогащения.

Наш управляющий старался наладить работу, но у него не было нужного опыта, да и хозяйство было огромным, многоотраслевым.

В качестве переводчика, доверенного лица и кучера у него служил молдаванин из какого-то приднестровского села. Местные крестьяне, в основном украинцы, его сторонились. Своим внешним видом и характером он вызывал неприязнь людей. Дочь этого молдаванина, молодая и здоровая женщина, готовила и убирала комнаты большого дома бывшего правления, в котором жил управляющий. Она же была и его наложницей.

К управляющему часто приезжали в гости его коллеги из соседних хозяйств, руководители районных ведомств и из аппарата губернатора Транснистрии. Они гуляли допоздна. Утром уезжали на бричке, полной гостинцев.

* * *

С приездом нашей семьи жизнь граждановского гетто во многом изменилась. Мама, Фира и молодые женщины в длинные зимние ночи приводили в порядок одежду ребят, латали лохмотья, из старых

мешков шили рубашки и кальсоны, чинили фуфайки и ушанки, выкраивали куски на портянки. Отец шил для них постолы. Ребят заставляли регулярно мыться. Они по очереди начали убирать свою комнату и участок вокруг нашей хаты. Во дворе образовался небольшой запас топлива.

Лагерь-гетто в Граждановке во многом отличался от лагеря в Виноградном Саду. Здесь все были молодые, здоровые и образованные. Там были люди взрослые, семейные, с постоянными заботами о детях, с большим жизненным опытом, но более замкнутые.

Я ежедневно шел с отцом на работу. В одной из конюшен, в закутке, была его мастерская. Работы было много. Мы чинили старые уздечки, шлейки, недоузки, постромки, шили новую упряжь и постолы. Иногда со своими личными заказами приходили местные крестьяне.

В конце февраля начались весенние работы. Геттовцев перебрасывали, по необходимости, с одного места работы на другое. Всех использовали как чернорабочих. Они убирали конюшни, вывозили в поле удобрения, привозили корм для скота, готовили парники и т.д.

В гетто по вечерам обсуждали события прошедшего дня. Часто жаловались на тяжелый труд, на грубость звеньевых и бригадиров, на холод. Всех пугали неопределенность и незащищенность. Но здесь мы не так сильно ощущали опасность быть сосланными в Акмечетку, в лагерь голодной смерти. Как-то отдалилась и угроза оказаться в Варваровке, где евреи по-рабски трудились на мосту под надзором эсэсовцев. Здесь мы были и подальше от Буга, откуда очень легко могла прийти к нам смерть.

* * *

К отцу, как я уже отметил, заходили и местные жители. От них мы узнали, что Красная Армия наступает, уже освобождены Киевская и Житомирская области, ряд районов Винницкой и Ровенской областей, успешно проведенная Корсунь-Шевченковская операция создала благоприятную обстановку для изгнания вражеских войск с территории Правобережной Украины[3].

Хорошо организованные действия партизан, саботаж мирного населения, зимние холода, бездорожье были хорошими союзниками советских войск. Народ с нетерпением ждал очередного наступления Красной Армии и своего освобождения из-под ига фашистов.

* * *

Однажды в мастерскую зашел управляющий. Он что-то спросил у отца о работе. Тогда я впервые увидел его. Это был молодой человек лет 25, среднего роста, худощавый. Он был модно одет: полушубок и брюки с напуском одного цвета, шея повязана мягким шерстяным шарфом, завязанным широким узлом, на ногах добротные ботинки на толстой подошве известной тогда фирмы «Мочорница» и на голове – серая каракулевая шапка. В руке хлыст. Осанка у него была гордая, взгляд уверенный. Всем видом он давал понять, что он представитель высшей расы, властелин.

Потом он обратил внимание на меня. Я ответил на ряд его вопросов. Управляющий заметил мой правильный литературный румынский язык (без еврейской интонации) и спросил, где я учился. Когда я ему сказал, что закончил в Брэиле пять классов лицея им. Николая Бэлческу, одного из старейших и престижных лицеев Румынии, он назидательно и с презрением процедил, что новой Румынии не нужны образованные жиданы, подточивающие основы общества. Он посоветовал выбросить из головы мечты об учебе и старательно осваивать шорное ремесло отца. Жиданы должны кормиться физическим трудом. Когда я что-то ответил отцу по-русски, управляющий не смог уже сдержать свой гнев: «Как, ты так скоро и русский выучил? И по-французски говоришь?» Отец отвлек его вопросами по делу. Поостыв немного, он изрек, заметив мои руки, измазанные мазутом и в мозолях: «Мозоли – ваш удел!»

Я подумал, что мне нужно его избегать. Он был насквозь пропитан духом национализма, фанатично верил утверждениям легионеров, что во всех бедах румын повинны евреи и что их всех нужно уничтожить.

* * *

В начале марта наш управляющий стал вести себя странно. Почти ежедневно уезжал надолго в районный центр и к соседям-руководителям других хозяйств. Совсем перестал заниматься делами совхоза. Видно было, что он чем-то серьезно озабочен.

Как нам рассказали хуторяне, у которых была хорошая информация, советские войска стремительно наступали. В первых числах марта 2-м Украинским фронтом был освобожден Ямполь, 10 марта – Умань, Новоукраинка и Первомайск – наш уездный город. Бои велись уже на территории Транснистрии[4].

14 марта управляющий отобрал три приличные подводы, погрузил на них всякое добро, запряг лучших совхозных лошадей и под

надзором своего молдаванина куда-то их отправил. Люди поняли, что румыны не просто оставляют Транснистрию, а бегут.

Утром следующего дня управляющий сел в шарабан и налегке отправился в сторону Врадиевки. Больше мы его не видели.

* * *

В совхозе наступило время безвластия. Крестьяне брали себе коров, лошадей, свиней, зерно... Уносили домой все, что могли. Наши ребята помогали тем, кто сам не мог справиться с этим, тем, с кем они раньше работали. Взамен им дарили теплую одежду.

Ребята принесли в гетто и тревожный слух о том, что перед последней линией отступающих фашистских частей в села заходят власовцы, оуновцы, калмыки, перешедшие на сторону немцев, и эсэсовцы. Они убивают евреев, угоняют всех мужчин, увозят скот, поджигают склады, дома, мародерствуют, насилуют женщин, жестоко избивают людей[5].

* * *

20–22 марта днем и ночью уже слышны были, как раскаты грома, разрывы пушечных снарядов. Ночью иногда небо освещалось, как при пожаре, розовело и гасло, розовело и гасло. Это приближался долгожданный фронт. Сомнений в быстром продвижении советских войск уже ни у кого не было. Теперь возник другой важный вопрос: как пережить эти опасные дни?

Вечером отец и я, впервые за долгое время нахождения в гетто, зашли в хату местного жителя, надежного человека, предварительно договорившись с ним о встрече. Он посоветовал нам бежать из гетто. По просьбе отца он начертил на клочке бумаги план – какими проселочными дорогами, минуя хутора и села, нам следует идти на запад. Он посоветовал нам идти рано утром и поздно вечером, чтобы не встречаться с людьми, а в остальное время дня где-то отсиживаться, прятаться.

В лагере-гетто мы долго обсуждали создавшуюся обстановку. Высказывались разные мнения. Одни хотели вернуться домой, надеясь, что объявятся их родные. Те, что были постарше, думали поблизости дождаться наших и уйти вместе с ними бить фашистов, мстить за смерть родителей, братьев и сестер. Некоторые были в нерешительности. Но оставаться здесь было очень рискованно. Мы решились на побег.

Люди поспешно стали собираться в дорогу. Каждый сложил в свою котомку еду (хлеб, сухари, немного сала) и кое-что из вещей.

Заранее трогательно простились друг с другом, пожелав только одного – выжить, и легли спать.

24 марта 1944 года мы покинули гетто. Было темно. Хутор еще не проснулся. Мы шли тяжело, меся грязь со снегом. У каждого в одной руке была палка, на которую он опирался, чтобы не упасть, а в другой – котомка. Шли цепочкой – впереди отец, затем мать и сестра, последним я. Шли молча. Когда рассвело, мы были уже далеко от хутора, в долине. Мартовское небо было хмурым. Тяжелые серые тучи висели над головой. На склонах долины лежал снег. Местами были видны следы зайцев. Тишина была полная. Было холодно, и отец все время ускорял шаг, чтобы согреться и уйти подальше от лагеря.

Через несколько часов мама устала и попросила папу устроить привал. По плану, который имелся у него, где-то совсем близко, за поворотом, должна была быть скирда соломы. Там, решил он, мы и отдохнем. Действительно, вскоре мы ее увидели. С безветренной стороны скирды мы выдернули солому и устроили нечто похожее на укрытие. Зарылись в солому, накрылись ею и расслабились. Мать нам дала по куску хлеба и ломтику сала. Мы их проглотили вмиг. Немного подремали. В соломе было тепло.

Потом мы продолжили наш путь. Было холодно и сыро. В такую погоду даже бездомные собаки отлеживаются в закутках. Не было видно ни птиц, ни зверей, ни людей. То, что нам никто не встречался, нас радовало. Любой злоумышленник легко мог бы расправиться с нами или доложить о нас полицаям или жандармам из ближайшего села, что могло бы закончиться для нас трагично.

Мы надеялись до сумерек добраться до какого-то сносного ночлега. На склоне мы заметили заброшенный загон для овец и рядом хижину пастуха. Там было сыро и холодно. Мы занесли несколько охапок стеблей подсолнуха и разожгли небольшой огонь. Тепло было только рядом с костром и пока он горел. Но и этого было для нас достаточно. Мы поели и улеглись, прижавшись плотно друг к другу. Несмотря на усталость, мы долго не могли заснуть. Было тревожно на душе. Одолевали всякие страхи. Мы прислушивались ко всем шорохам. Кто-то (кажется, Фира) вспомнил о волках, которые водились в здешних местах. Единственным нашим оружием были палки. Но мы отгоняли эти тревожные мысли. Немного вздремнули. Часто просыпались.

Рано утром мы двинулись дальше. Кругом ни души. Временами шел дождь со снегом. Мы остановились только у какого-то колодца, чтобы попить воды и промыть глаза, проглотить ломоть хлеба и чуть отдохнуть.

Нас гнали страх и холод.

Вторую ночь мы провели в скирде соломы.

Примечания

[1] D, V, p. 176–177.

[2] Битва в районе Курска, Орла и Белгорода завершилась 5 августа 1943 года разгромом немцев. 23 августа был освобожден Харьков, 23 сентября взята Полтава, 23 октября – Мелитополь, 25 октября – Днепропетровск и Днепродзержинск, 6 ноября был освобожден Киев, 13 ноября – Житомир, Кременчуг, Запорожье и Кривой Рог. См. Ж, с. 492, 502, 512, 516, 517; В, с. 375; MAMA, II, p. 183–184, 227, 230, 237.

[3] Ж, с. 527–533, 539–540; В, с. 390.

[4] В, с. 399–405; MAMA, II, p. 242.

[5] HSU, p. 143.

ВОВХОВО

26 марта дорога вывела нас из долины на открытое поле. Погода улучшилась, даже солнце выглянуло. Через некоторое время, должно быть, в 8–9 часов утра, по правую сторону дороги, метрах в 500, мы увидели большое двухэтажное здание то ли бывшей больницы, то ли техникума или школы, расположенное в центре большого двора, огороженного высоким железным забором и обсаженного стройными тополями. Перед зданием в две шеренги стояли лицом к нам немецкие солдаты. Командир что-то им говорил.

Кровь застыла в наших жилах. Мы замерли. Это был конец. Первым опомнился отец. Он велел нам идти дальше, не бежать, не шуметь, не суетиться. И мы пошли за ним ни живые, ни мертвые. Один только Бог мог нас спасти, отвести, казалось, неминуемую опасность. Мы слышали слова молитвы, идущие из глубины души, произносимые отцом: «Да будет угодно тебе, Господь, Бог наш и Бог отцов наших... направить наши шаги по безопасным (стезям), и указать нам надежные (пути), и поддержать нас, (даруя нам) мир, и привести нас к цели нашего путешествия для жизни, радости и благоденствия... и спасти нас от рук всех врагов, и от тех, кто подстерегает нас в засаде... и сделать так, чтобы я обрел милость, любовь и милосердие в глазах всех, кто видит нас...».

И чудо свершилось. Солдаты, несомненно, видели нас, но они, наверно, приняли нас за крестьян, идущих в село, за бродяг, за цыган – не знаю за кого. Наш размеренный шаг и вид не вызвали, очевидно, их подозрения.

Минут через 30 мы оказались на окраине села. Мы пошли не улицей, а за огородами. Около второй или третьей хаты мы увидели женщину. Она вопросительно смотрела на нас. Деваться было некуда. Отец подошел к ней, сказал ей, кто мы, откуда идем, и попросил о помощи. Мы были в ее руках. Она окинула нас быстрым внимательным взглядом, посмотрела вокруг, нет ли людей, открыла калитку и велела следовать за ней. Это было наше спасение. Бог послал нам эту женщину и ее мужа, направил нас к их дому. И отец сказал: «Благословен ты, Господь, Бог наш, владыка вселенной,

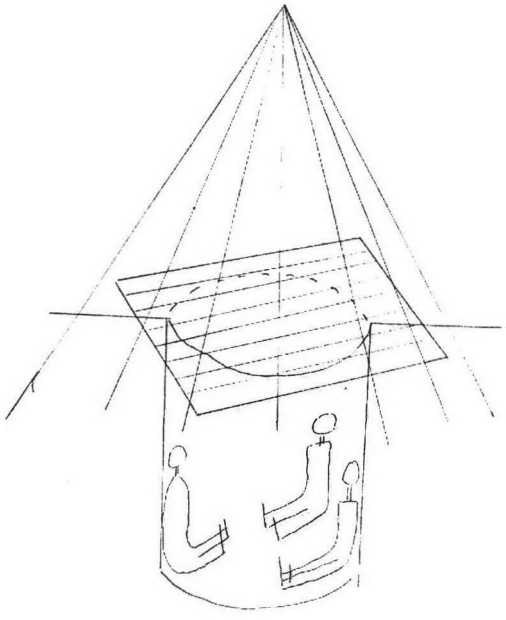

Схема ямы, в которой мы скрывались от немцев

творящий добро даже грешным, – за то, что облагодетельствовал меня!» Слава Ему и наша вечная благодарность!

Это был хутор Вовхово Каратаевского сельсовета Андреево-Ивановского района Одесской области. Хозяина звали Сергей Петрович Мезиновский.

На поблекшей страничке моего блокнота того времени рядом с этим именем написана фамилия – Лапчинская П.И. Может быть, так звали хозяйку, нашу спасительницу, к сожалению, не помню, не уверен.

На хуторе были немцы. Они прибыли несколько дней тому назад. Хозяин прятался от них. В хату он зашел, чтобы погреться и поесть. Отец коротко рассказал нашу историю. Супруги поверили ему и согласились нам помочь. Мы поели вместе с ними. Мама и Фира переоделись в крестьянские платья и повязали головы платком по-украински. Виднелись только глаза. Отныне они были родственницами хозяйки, пришедшими из соседнего района, откуда гражданское население вынуждено было уйти. Вместе с хозяйкой они остались в хате. Сергей Петрович, отец и я должны были скрыться. Мы залезли в яму в человеческий рост, как колодец, вырытую на огороде. Сверху она была покрыта досками, а на них сложены кукурузные стебли вперемешку с соломой. Щели между досками пропускали воздух, нам было чем дышать. А над этим

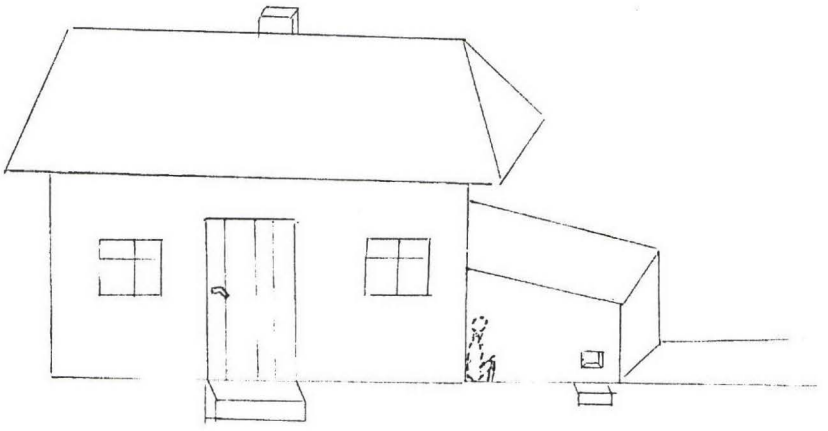

Схема дома и курятника, где я скрывался от немцев

возвышалась высокая конусообразная копна сена. Неподалеку была привязана собака.

Время от времени хозяйка подходила к копне и говорила нам, что творится на хуторе. Полицай с двумя немцами ходили от хаты к хате, переписывали коров и телят, велели пригнать их на следующее утро в центр хутора. Оттуда все стадо угонят на запад. Это был убедительный признак того, что вскоре немцы оставят хутор. Когда полицай с немцами пришли в хату, Фира лежала на печи, якобы больная, а мама чем-то занималась на огороде.

Ночью мы выбрались из ямы и зашли на кухню, чтобы согреться и поесть. От долгого сидения в яме все тело ныло. Мы активно двигались по кухне, нас растирали, чтобы разогнать кровь.

Мама и Фира успели хорошо вымыться. Они спрятали свои фуфайки с желтыми шестиконечными звездами. Поев сытно и отдохнув в тепле, они приобрели другой вид, даже похорошели, как нам показалось. Мы тоже сбросили свое геттовское верхнее одеяние и надели телогрейки.

Оставаться всем в доме было небезопасно. Незваные гости могли появиться в любое время. Хозяева решили, что Сергей Петрович и отец снова спустятся в яму, а я залезу в курятник. Ночь была холодная. В яму они взяли чем укрыться.

Меня хозяйка привела к курятнику. К боковой торцовой стенке хаты было пристроено из самана приземистое, высотой чуть больше метра, помещение для кур. Входом служило очень узкое отверстие с правой стороны. Залезть туда могли только куры и, может быть, подросток. Хотя я был очень худой, одни кости и кожа, я еле протиснулся. Прислонился к стенке курятника на стыке со стеной

хаты. В курятнике было тепло и темно. Когда мои глаза привыкли к мраку, я стал различать жерди, на которых сидели спящие куры и петухи, шесты, которыми хозяйка вытаскивала яйца, две поилки – одну, выдолбленную в дереве, и вторую, металлическую, какие-то метелки.

Свернувшись калачиком, я уснул. Рано утром меня разбудили голоса. Это были немцы и украинский полицай, которые сгоняли мужчин. Они их искали в хатах, на чердаках, в погребах, в хлевах, даже в копнах и скирдах, которые прокалывали штыками и вилами.

Я выставил перед собой метлы, прикрывшись ими, повернулся лицом к стене, прилип к ней, перестал дышать. Один немец сунулся было к курятнику и напугал птиц. Они стали громко кудахтать, махать крыльями, и из отверстия на него полетели перья и пыль. Он отпрянул, подумав при этом, наверное, что мужчина не смог бы туда залезть.

Наша жизнь снова, в который раз, висела на волоске.

Вскоре я услышал крики и стенания женщины. Кого-то избивали. Я не знал, что произошло и с кем. В голову лезли всякие мысли. У страха глаза велики. Но шум и крик медленно отдалялись. Я уже было решил выйти, узнать, не случилась ли с нашими беда, но хозяйка во дворе сказала так, чтобы я услышал, что каратели от нас ушли. Они до крови исколотили парня, которого нашли на чердаке соседней хаты, и собирались повесить его для устрашения других.

Чуть позже хозяйка отвела свою корову в центр хутора и сдала ее по списку полицаю. Она вернулась домой вся в слезах. Изверги повесили-таки соседского парня, единственного сына солдатской вдовы.

В лихорадочной спешке немцы распорядились гнать стадо. Это дело было поручено полицаям и власовцам. Они же конвоировали собранных мужчин. Никто не знал, куда их ведут. Их могли расстрелять за селом, могли выставить перед своими позициями при наступлении русских, могли заставить рыть окопы и противотанковые рвы, могли погнать в глубокий тыл и т.д. Оставшиеся на хуторе женщины, дети и старики были глубоко подавлены.

* * *

Разрывы артиллерийских снарядов слышны были очень близко. Немцы где-то рядом удерживали фронт. Оставаться здесь нам, по мнению хозяев, было более чем рискованно.

У Сергея Петровича имелось на примете еще одно убежище вне хутора. Когда стемнело, огородами, он повел нас туда.

Единственная улица хутора, прямая и широкая, шла по верхней гладкой части холма. За огородами начинался склон, заросший местами небольшими кустарниками. Внизу, в долине, весной, когда таял снег, и в течение года, когда шли большие дожди, образовывался ручей. На склоне холма от дождя появились большие (4–5 метров в ширину и 1–1,5 метра в глубину) ямы. Вода, уходя под землю, образовала довольно широкие проходы-туннели. Противоположный холм был покрыт перелеском.

Хозяин, бывая здесь часто, заприметил одну из этих ям. Мы спустились в яму и ногами вперед, лежа на животе, просунулись в котлован. У входа каждый нагромоздил куски земли, валявшиеся рядом. Снаружи нас не видно было. Воздуха было достаточно. Но земля была очень сырая, и двигаться было почти невозможно.

Мы пролежали так много времени. Было уже совсем темно, когда послышалась немецкая речь. Мы замерли. Разные голоса, резкие приказы, топот копыт, скрип колес, удары кирок или заступов. Я различал даже русскую ругань.

Это длилось не больше трех часов. Потом все стихло.

Мы до того промерзли, так дрожали от холода, что не могли произнести двух слов, зуб на зуб не попадал. Да и от страха тоже. Нам было неимоверно трудно шевельнуть пальцем, повернуть шею. Сергей Петрович шепотом сказал, что если мы останемся так лежать, то до утра окоченеем, а если выживем, то при свете дня не доберемся до дома. Решили высунуться из «туннелей» и осмотреться. Сергей Петрович с трудом выбрался первым, помог мне вылезти, и мы вместе вытянули папу. Осторожно поднялись до края ямы и посмотрели вокруг. Ничего не было видно и слышно.

Оставаться здесь больше было невозможно. Мы вылезли из ямы и гуськом пошли за Сергеем Петровичем, быстро и молча. Когда мы немного поднялись вверх по склону холма, то вдруг увидели метрах в 150 пушку, рядом возвышались ящики, вероятно, со снарядами и шагал вперед и назад часовой.

Мы не остановились, не разбежались, а ускоренным шагом продолжили путь. В цепочке я был последним. Мы уже было прошли метров 100–150, когда я оглянулся. Солдат стоял и смотрел нам вслед.

Мы поднялись выше по холму, добрались до огородов, немного попетляли, прислушиваясь, и пришли домой. Не зажигая огня, нас впустили. Мы тут же прильнули к нашим родным. Испытание было сверх человеческих сил. Обнявшись, мы долго молчали. Мы вернулись почти что с того света.

* * *

Чуть погревшись и поев, мы спустились снова в яму во дворе. Я вспоминал недавно пережитое. Мы действительно были на краю гибели. Немцы, определявшие позиции для пушек, стоя на краю нашего укрытия, случайно, по свежим следам наших ног в сырой земле, могли догадаться, что в «туннелях» кто-то скрывается. Проверочный выстрел был бы для нас фатальным. Караульный, несомненно, видевший нас, очередью из автомата вмиг мог бы уложить нас. Но он застыл, очевидно, потому, что не сообразил, кто мы и сколько нас. Он мог подумать, что мы разведчики, одна из групп, а другие где-то рядом, справа или сзади, что мы партизаны, а в перелеске остались наши товарищи, следящие за нами. Он мог посчитать, что мы вооружены и в любой момент можем нажать на курок. Наконец, он мог просто думать о спасении своей жизни.

А участок пути по огородам? Ведь на хуторе были немцы и власовцы.

Я был поражен нашим хладнокровием, нашей смелостью. Способность сохранять ясность мыслей и выдержку в критической обстановке выработалась у нас обстоятельствами жизни последних лет. Чего мы только не пережили! В подобных ситуациях человек начинает думать, что он в состоянии все преодолеть, что он везучий и, в конце концов, и смерть не так страшна.

Отец и Сергей Петрович спали, прижавшись друг к другу, а я вспоминал и размышлял.

Утром хозяйка нам сообщила, что на хуторе тихо. Не видно ни немцев, ни власовцев, ни полицаев. Люди дальше оград не выходили, боялись. Так прошли сутки.

* * *

30 марта на рассвете я вдруг услышал приглушенную русскую речь и стук в окно. Я разбудил Сергея Петровича и папу. Мы прислушались. Дверь открылась, захлопнулась, и снова стало тихо.

Скоро хозяйка позвала нас в хату. В комнате было 5–6 молодых мужчин с автоматами. На столе уже была картошка в мундирах, хлеб, луковицы и кипяток. Военные торопливо ели. Когда мы вошли, они на миг остановились, пристально рассматривая нас. Это были русские разведчики. Один из них разложил на краю стола карту и стал задавать хозяину и хозяйке вопросы о немцах, укреплениях, дорогах, полицаях и т.п. На нас они смотрели с каким-то удивлением. Уточнив, что им нужно было, они ушли. Мы уже остались в доме.

Вскоре широко развернутыми рядами в село вступили

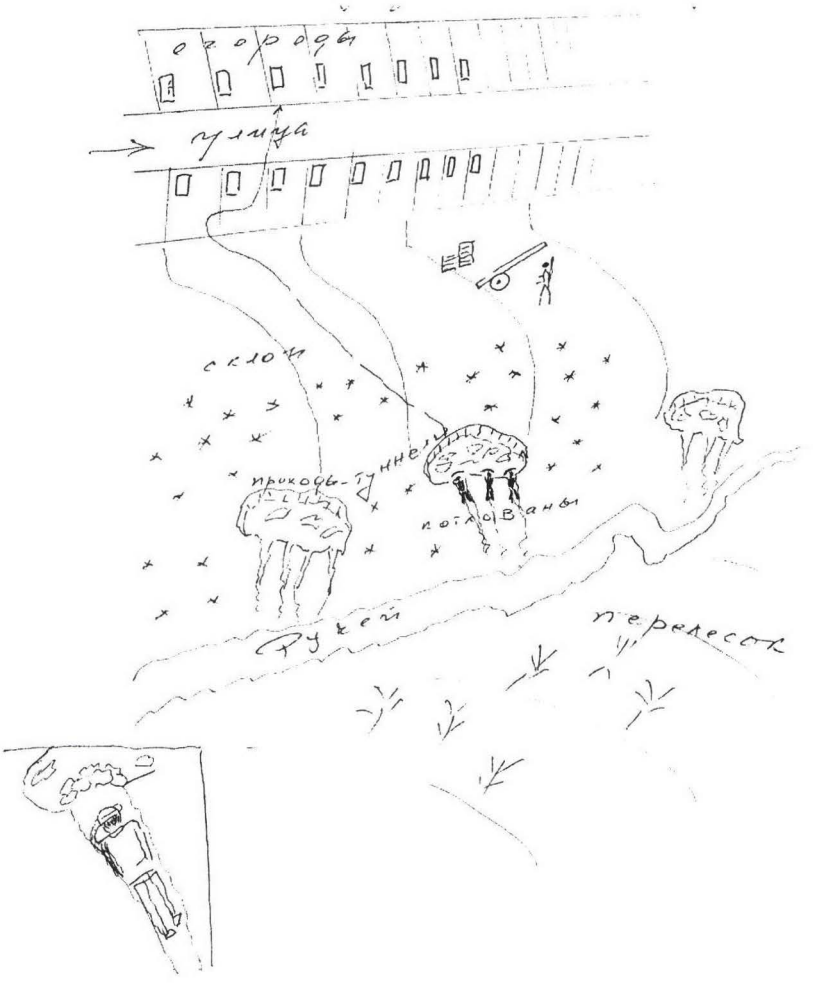

Схема хутора Вовхово и проходы-туннели

красноармейцы. Шли огородами и по улице с того же конца хутора, откуда четыре дня назад пришли и мы. Это были пехотинцы. Двигались быстро, стремительно вперед, с автоматами наготове. Вид у них был сосредоточенный, напряженный. Их заросшие лица и сверкающие глаза запомнились мне на всю жизнь. Это были наши освободители!

Наступил долгожданный конец нашего беспросветного рабства. 896 дней и ночей страданий и унижений, гибель родных и близких, потеря веры в человечность, порядочность людей... Мы на себе лично ощутили всю мерзость фашизма, национализма и беспредельного антисемитизма.

Мы радовались, что наша малая семья спасена и глубоко скорбили

по потерянным дедушке и бабушке, дядям и тетям, двоюродным братьям и сестрам. За что их так варварски изничтожили? Только за то, что они были евреями, добрыми и честными людьми.

Мы никак не могли успокоить маму. Это была ее большая семья. И радость, и скорбь одолевали нас в этот знаменательный день[1].

* * *

На хутор продолжали прибывать военные. Единственная улица, пустынная всего несколько часов тому назад, кишела народом. Шли грузовики с солдатами, полевые кухни, бронетранспортеры, танки. Местные жители приветствовали красноармейцев, обнимали их, угощали. Солдатки расспрашивали о своих мужьях, о которых у них не было никаких вестей, вглядывались в каждое лицо, ища своего, долгожданного. Старики и дети тоже ликовали, верили в то, что теперь вернутся их сыновья и отцы.

Мы тоже стояли у дороги. Как отличались эти люди от тех, которых прогнали, – убийц, душегубов, насильников! Как много значат идеология, мировоззрение, воспитание. Перед нами проходили пожилые люди, многие уже седые, и безбородые юноши, русские и грузины, таджики и армяне, люди разных национальностей, интеллигентного вида и простые рабочие и крестьяне, общее у них было одно – они защищали свою родину, свою землю, свою семью. Они никого не порабощали, не измывались над иноверцами.

На ночь на постой в хату Мезиновских определили человек десять. Женщины сварили котел борща, картошку в мундирах, достали сала, испекли хлеб. Военные поставили на стол свой паек. Ели аппетитно, как здоровые и натруженные люди. Говорили обо всем. Многое поражало и удручало. Утомленные солдаты разместились в одной комнате, а мы – в другой.

На рассвете, подкрепившись немного, они распрощались с нами и ушли.

Два дня без местной власти были относительно спокойные. Передовые части стремительно продвигались на запад. Наш хутор остался, очевидно, в стороне. Отсутствие дорог отрезало его от внешнего мира.

Из угнанных немцами мужчин многие вернулись. Сбежали. Видно, фашистам они не очень-то и были нужны.

Селяне, придя в себя после стольких напряженных дней, находили себе дела в хате и на огороде. Весенние работы не могли долго ждать.

Мы помогали нашим хозяевам, а в свободное время рассказывали друг другу о себе, о прошлом, делились планами на будущее.

В Вовхове не было лагеря-гетто, но Сергей Петрович и его жена знали об издевательствах румын и немцев над евреями. И здесь встречались любители поживиться еврейским добром. Возили картошку, хлеб, где меняли, где продавали их, но неизменно возвращались с хорошими вещами и деньгами. Они-то и рассказывали односельчанам о виденном. Мезиновские этим не занимались. Мы не увидели в их доме ни одной еврейской вещицы.

Вся жизнь Мезиновских прошла на этом хуторе. Они пережили тяжелые годы, когда все голодали, когда раскулачивали работящих крестьян и выселяли целыми семьями. Вспоминали и хорошие времена, с обильными урожаями, когда всего было достаточно и люди были довольны. Молодые пары строили себе видные дома, обзаводились хозяйством. Многие подростки уезжали учиться.

Война нарушила привычный ход жизни. Появились молодые мужчины-калеки, женщины-вдовы и дети-сироты. Нашлись подонки, которые пошли в полицаи, выполняли все указания оккупантов, доносили на сельских активистов, выдавали коммунистов и комсомольцев.

Сергей Петрович был признан непригодным к строевой службе и в армии не служил. Даже на войну его не взяли. У него были больные легкие. В колхозе он работал рядовым земледельцем. Детей у них не было. Жили, как он выразился, по-человечески, честно и скромно. Односельчане его уважали, и он относился к ним с почтением. В порядочности этой семьи мы убедились сами. Рискуя жизнью, без каких-либо надежд на вознаграждение, они приютили нас, спасли нам жизнь. Эти люди святые, и их нужно причислить к тем немногим христианам, память которых почитаема навеки.

Мы надеялись, что скоро освободят Аккерман, мы все вернемся домой, устроимся на работу и через некоторое время пригласим наших спасителей к нам в гости, что будем жить как родные. Но жизнь оказалась суровой и сложилась по-иному.

* * *

2 апреля 1944 года в Вовхово прибыли представители Смерша и полевого военкомата. Первые вызвали на допрос всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Подозревали в измене Родине, предательстве, сотрудничестве с фашистами всех, кто оказался на оккупированной территории, даже нас, которые чудом не были убиты и ждали Красную Армию как спасительницу. Вторые мобилизовывали так называемых чернорубашечников из числа прошедших первую проверку Смерша. После краткой военной подготовки их отправляли на передовую, почти как штрафников.

Среди мобилизованных оказывались юноши и бывшие непригодные к строевой службе, которые никогда не держали в руках винтовку, и люди в возрасте, с сильно подорванным здоровьем. Медицинской комиссии не было. Представитель медицинской службы записывал всех здоровыми, способными воевать. Чернорубашечниками их называли потому, что не переодевали в военную форму, а отправляли на фронт в гражданской одежде, а это были в основном парусиновые рубашки и парусиновые костюмы темно-серого цвета (перца с солью), дешевые, которые носили в то время крестьяне.

Появление папы и мое в крестьянской комнате, где за столами сидели два офицера службы Смерша, заставило их широко раскрыть рты. Они смотрели на нас, вылупив глаза, и долго молчали. Наконец, один из них опомнился и спросил нас, кто мы и откуда. Мы ответили, что пришли по вызову. Нас позвали в соответствии с номером хаты Мезиновских. За дверью ждал хозяин дома Сергей Петрович.

Их ошеломил наш приход. Что мы евреи, они сразу поняли, но почему мы живые и здесь, в этом хуторе, они не понимали. Отец, волнуясь, сбивчиво рассказал все. Они слушали, не перебивая его, только много раз переглядывались. Потом велели нам выйти и подождать. Наш случай был особый, и они, вероятно, не знали, как поступить.

Сергей Петрович стал нас расспрашивать, какие нам задавали вопросы, что их интересует и т.п. Он не мог поверить, что нас не допрашивали, а только слушали.

Через непродолжительное время нас снова вызвали. Папу посадили напротив одного офицера, меня – напротив другого, нам дали бумагу и ручки с плохими перьями и приказали изложить все письменно. Для начала они, наверное, хотели сравнить наши показания, выявить возможные противоречия. Они читали наши показания и через наше плечо, пока мы писали, и потом, когда мы закончили. Затем они поменялись страницами и еще раз пробежали их глазами.

Пока они читали, я их рассматривал. Им было по 35–40 лет, с военной выправкой, подтянутые, видно, привыкшие распоряжаться. Стрижка была типично советская – военная, короткая. Лица чисто выбриты. Они резко отличались от тех русских, которые нас освободили. Те были тружениками войны, эти – тыловиками.

Сложив наши показания в папку, они велели нам идти домой и строго наказали не уходить из хутора, ждать их указаний.

После нас вызвали Сергея Петровича. Мы ждали его на улице, недалеко от этого дома. Его спрашивали, почему он не служил в рядах Красной Армии, почему остался на оккупированной территории, чем занимался все это время, кто из односельчан

сотрудничал с фашистами и т.д. Когда Сергей Петрович сообщил смершникам, что он нас приютил перед отступлением немцев, они засыпали его другими вопросами: почему он так поступил, рискуя жизнью своей и жены; уверен ли он, что мы бежали из лагеря-гетто; как он объясняет такой невероятный факт, что мы всей семьей остались живы; предлагали ли мы ему плату за укрытие; почему мы владеем румынским языком; откуда мы родом и многие другие вопросы.

Сергей Петрович вышел от смершников очень расстроенный. Он не предполагал, что спасение еврейской семьи может вызвать столько подозрений у защитников правопорядка. И Сергею Петровичу они строго наказали не уходить никуда из дома.

* * *

Вечером к нам пришел майор, начальник полевого военкомата. Визит его был неофициальным. От офицеров Смерша он узнал, что на хуторе есть семья евреев, прошедшая через румынское гетто, и решил встретиться и поговорить с нами. Это был высокий, плотный мужчина лет 45, с большими залысинами и веснушками на лице. Он был аккуратно одет, на его груди поблескивало несколько боевых наград.

Он представился и вежливо попросил разрешения войти в дом. Хозяева засуетились, накрыли на стол, как и в первый день нашего освобождения. Беседовали мы долго, задушевно. Родом он был из Одесской области. Юношей работал вместе с отцом. Портняжеством кормили многодетную семью. Потом пошел учиться. Закончил строительный техникум и служил в саперной части. Женился, имел двух девочек. Часто приходилось менять местожительство. Как многие военные, по нескольку лет жил на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на севере России. В домах КЭЧ, нередко в лесу или в пустыне, его семья жила интересами части. Общались с «гоями», евреев там почти не было. Но во время отпусков они обязательно пять-шесть недель гостили у родителей, среди своих, чем и вселили в души девочек сознание их еврейской сущности.

В местечке еврейский язык – идиш был обиходным, на нем говорили все, кто лучше, кто хуже. Приезжающие на лето из больших городов или глубинки жадно окунались в свое исконное еврейство. Старики гордились своими сыновьями и дочерями, внуками и внучками. Многие стали врачами, инженерами, учителями, музыкантами, художниками, учеными. Все оказались способными, талантливыми. Были и такие, у которых жизнь не сложилась, но они не омрачали общую картину благополучия.

Во время финской кампании майор, тогда в чине старшего лейтенанта, был на передовой, а семью направил в местечко, к своим родителям. Полученное ранение не было тяжелым, и он вскоре оправился. Когда он приехал забирать жену и детей, каждый старался выказать ему свое уважение, восхищение его мужеством. Его земляки читали в фронтовой газете, посланной родителям, статью о храбрости его подразделения и видели его на фотографии среди саперов.

Отечественная война застала его в части, расположенной за Уралом. Жена и дочери остались там, казалось, в глубоком тылу, а он ушел защищать Родину. Не останавливаясь на трудностях первого периода войны, когда фашисты стремительно продвигались вперед, захватив Молдавию, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, и были остановлены только у Ленинграда, Москвы и Сталинграда, он подробно излагал свои переживания за судьбу родных. Он писал в разные организации (Красный Крест и Красный Полумесяц, эвакопункты), землякам, живущим в разных городах, куда прибывали эвакуированные из областей и республик, занятых фашистами, но никто ничего не знал о них.

Был опять ранен. Получил звание майора, стал начальником полевого военкомата. В конце 1943 года и в первые месяцы 1944 года, когда Красная Армия освобождала Правобережную Украину и Крым, он лично включился в поиски родных. Где бы он ни останавливался для мобилизации военнообязанных, в селах, местечках или городах, всюду он пытался найти людей, которые могли бы ему помочь узнать хоть что-нибудь о своих. Он шел за войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. В Кировоградской, Николаевской и Одесской областях до нашего хутора он не встретил ни одного еврея, пережившего ужасы гетто.

С папой и мамой он вскоре начал говорить на родном идиш. Он расспрашивал их о гетто в Одессе, Доманевке, Виноградном Саду, Граждановке, называл фамилии родственников, о которых мы могли где-то когда-то слышать, просил разузнать в Одессе у своих знакомых. Наконец, дал свой адрес, куда мы могли бы написать о результатах поисков. Говорили они на идиш и потому, что касались сугубо личных проблем.

Майор искренне восхищался поступком Мезиновских, спасших нам жизнь.

За столом Сергей Петрович и отец осторожно спросили майора, что их ждет после встречи со смершниками. Он нас успокоил и сказал, что эта служба разыскивает предателей, сотрудничавших с оккупантами, и карает их. Остальных мужчин, годных к службе в армии, после отбора медицинской комиссии полевого военкомата направляют на фронт или в запасные полки.

Мы долго еще говорили. Чувствовалось, что майор соскучился по единоверцам. И нам было приятно ощущать себя людьми равноправными, а не рабами.

Прощание было трогательное, полное сочувствия и поддержки. В его взгляде было много нежности, тоски и грусти. Мы были почти уверены, что, если родители майора и вся его многочисленная родня остались в местечке, то немцы или румыны их истребили. Оставался лишь проблеск надежды, оставалась вера в чудо.

* * *

На следующий день нас вызвали на комиссию полевого военкомата. Женщина-врач осмотрела нас довольно быстро, задала несколько вопросов (не страдаем ли мы психическими или венерическими болезнями, как мы видим и слышим, не были ли тяжело ранены и т.п.), заполнила какие-то формуляры и направила нас в другую комнату, где за столом сидел перед двумя большими реестренными тетрадями старший лейтенант со многими нашивками о ранениях. Вид у него был страдальческий. Он постоянно морщил лоб и вытягивал губы, казалось, тихо стонал. Бегло прочитав какие-то листы, может быть, заключения смершников и выводы врача, он ничего не спросил нас и объявил решение. Отец и Сергей Петрович мобилизованы ПВК 4 апреля 1944 года и направляются в распоряжение запасного полка с таким-то номером. Меня отпустили. Мы стали гадать, почему? Из всех предположений наиболее достоверными, по нашему мнению, могли быть два: я родился в Брэиле, в Румынии, то есть заграницей, что в те времена вызывало больше подозрений, чем пребывание на временно оккупированной территории, и я был очень истощен, как говорили тогда, – доходягой, хиляком. Но по сути я получил только короткую отсрочку.

Нетрудно представить наши переживания. Нам предстояло во второй раз расстаться с отцом. Мы не знали, куда его пошлют: на фронт, где всякое могло случиться, но это был лучший вариант, ибо мы жаждали мести за убитых родных, за унижения и издевательства над нами, или в тыл, на дальнейшее расследование Смершем чуда об оставшемся в живых еврее, побывавшем в лагерях-гетто, с последующим приговором – осудить на долгие годы, использовать в шахтах, на лесоповале и т.п., или направить на фронт в штрафной батальон. Последнее казалось счастьем. О том, чтобы отпустили домой, мы и мечтать не могли.

* * *

Проводы отца и Сергея Петровича были недолгими. Отец велел нам не задерживаться на хуторе, а идти за фронтом домой, в Аккерман. Он нам будет писать туда же, на первых порах на главпочтамт. Он советовал попытаться установить связь с его сестрой Идой Ароновной Долинко, проживавшей перед войной в Москве. Через нее мы надеялись найти друг друга, если что-то неладное случится. Ее адрес мы знали на память. Папа советовал нам идти через Одессу, которая, по всей вероятности, будет освобождена раньше Аккермана. Он наказал нам не расставаться, ибо поодиночке мы пропадем. В Одессе нам следует найти друзей или знакомых, бывших в эвакуации или в гетто, разузнать, кто из наших родственников остался в живых, где они, найти хоть что-нибудь из оставленных вещей, чтобы приодеться и подкормиться.

Мама и хозяйка дома просили папу и Сергея Петровича постараться быть вместе и помогать друг другу как родные братья.

Сложив в сумки минимум необходимого (буханку хлеба, кусок сала, кружку, ложку, полотенце, мыло, бритву), папа и Сергей Петрович ушли. Мы их провожали, как и все жители хутора, остающиеся дома, своих отцов, сыновей и братьев, до места сбора. Все были грустные. Многие плакали. Война – суровое испытание для всех. Мы верили, что папа вернется домой живым. Надеялись мы только на Бога.

Примечание

[1] UCY, p. 406–414.

ОДЕССА, 1944 ГОД

Через несколько дней, по-родственному тепло простившись с хозяйкой, мы расстались с хутором Вовхово, где добродетельные люди и Красная Армия принесли нам освобождение, вернули нас к жизни.

К великому нашему сожалению, случилось так, что никто из нас больше не побывал в Вовхове.

Уже был апрель. Солнце пригревало. Дороги подсохли. В душе возрождалась надежда. Мы шли от села к селу на юго-запад, по направлению к Одессе и Аккерману. Мы уже не таились, не пробирались проселочными пустынными дорогами, замирая от любого шороха, шума или тени. Мы выбрали, как нам советовали, основной шлях, по которому двигались колонны военных грузовых автомашин, пушки, бронетранспортеры, колхозные повозки и довольно много гражданских людей, в основном женщины.

Мы проходили в день всего 10–15 км. Нам было трудно идти, мы быстро уставали, сил не было. На обочине дороги, через 3–4 км, часто у колодца, устраивали привал. Отдыхающие путники сначала смотрели на нас удивленно или с подозрением. Их поражали наш внешний вид и наш язык – смесь русского с украинским и молдавским. Несмело начавшийся разговор становился потом более доверительным и благожелательным. Эти случайно встреченные люди указывали нам путь, угощали, даже приглашали переночевать у них дома, если дорога шла через их село. Иногда нас подбирали военные машины, которые довозили до ближайшего райцентра. Солдаты также сочувственно относились к нам, помогали залезть в кузов, разместиться поудобнее, настаивали, чтобы мы взяли у них консервы, хлеб, несколько кусочков сахара.

* * *

Одесская наступательная операция отличалась своей стремительностью. Как писал маршал А.М. Василевский, она началась 26 марта (в этот день мы пришли на хутор Вовхово) и завершилась 14 апреля 1944 года.

27 марта ночным штурмом был очищен от фашистов город Николаев, 28 марта был взят Вознесенск, 30 марта освобожден Очаков, 31 марта – Жовтень и Цебриково, затем Березовка и Раздельное.

С севера и востока по Одессе наносили удар войска армий Глаголева, Чуйкова, Шлемина и Цветаева, практически весь 3-й Украинский фронт. В Одессу ворвались 9 апреля. Полное освобождение города заняло три дня. При проведении Одесской операции особо отличился кавалерийский корпус генерал-лейтенанта И.А.Плиева, которому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р.Я.Малиновского нанесли тяжелое поражение 6-й немецкой и 3-й румынской армиям. По показаниям пленных и данным немецких архивов, противник потерял 51 000 солдат и офицеров убитыми и пленными. В районе Одессы были взяты огромнейшие трофеи, военная техника и всевозможное имущество.

К 14 апреля войска 3-го Украинского фронта освободили весь левый берег Днестра от Тирасполя до Черного моря. Таким образом, прекратила свое существование так называемая Транснистрия.

Начало форсирования Днестра всем фронтом намечалось на 18–20 апреля. 8-я гвардейская армия должна была преодолеть Днестр у Беляевки и Аккермана[1].

Мы шли буквально за фронтом. На обочинах дороги валялись подбитые грузовики, подводы, даже пушки. Были окопы с обвалившимися бруствeрами, рассыпанными патронами и гильзами, брошенными касками. В селах видели сгоревшие хаты и разрушенные стены зданий.

Женщины и пожилые мужчины чинили дома, крыши, окна, свинарники и курятники, работали на огородах.

Люди снова объединялись в колхозы и восстанавливали то немногое, что не было вывезено румынами и еще можно было использовать.

Местами зеленели поля озимых, свидетельствующие о том, что жизнь продолжается.

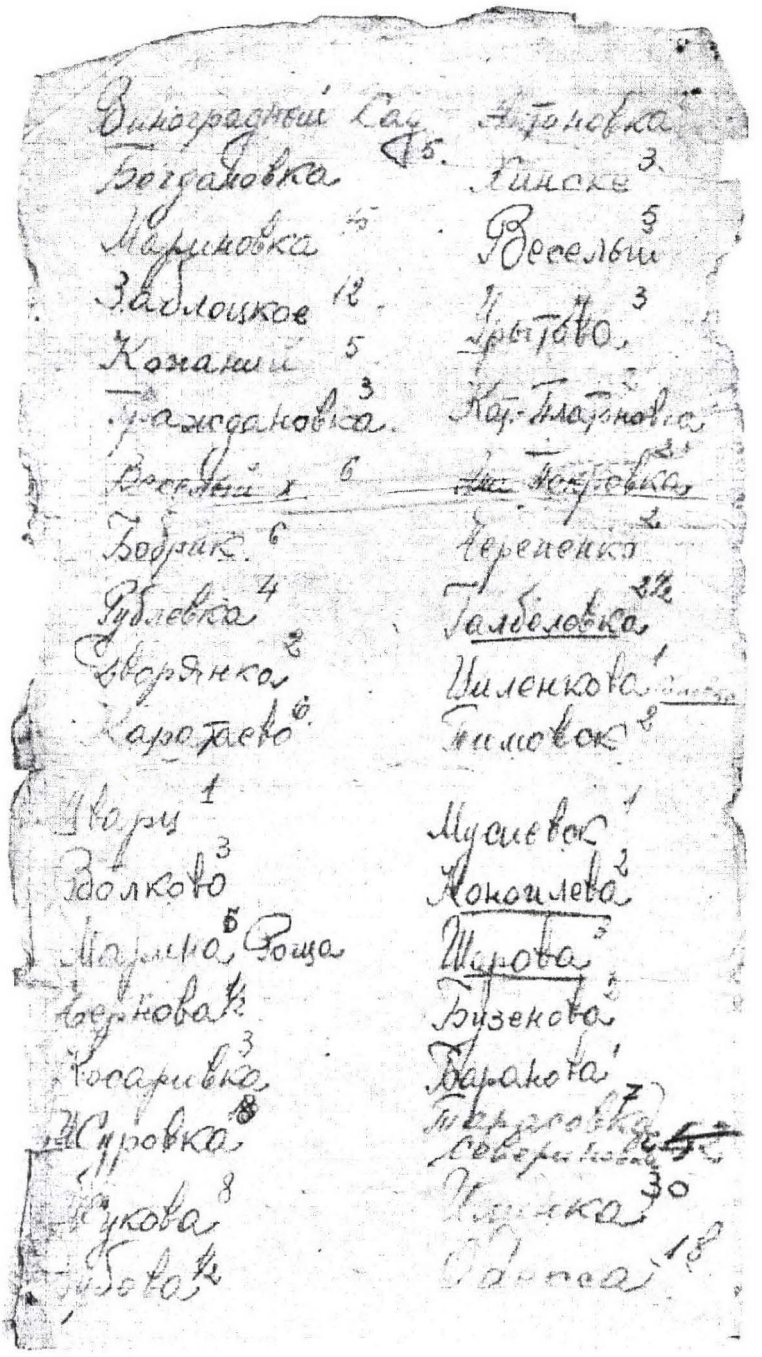
Запомнились названия некоторых сел, через которые мы проходили (Скосаревка, Журавка, Антоновка, Екатерино-Платоновка, Конопляное, Севериновка, Ильинка и др.), райцентров и местечек (Андреево-Ивановка, Ивановка). В некоторых из них, где до 1941 года проживало немало евреев, люди, у которых мы останавливались на ночь, нам рассказывали, как румынские солдаты и жандармы жестоко издевались над евреями, грабили их дома, истязали и уничтожали, несмотря на возраст (от младенцев до стариков), пол (даже беременных женщин) и др.

В одном местечке хозяйка настояла, чтобы мы пошли с ней на

ACŢIUNI MILITARE PE FRONTUL GERMANO-SOVIETIC.
NOIEMBRIE 1942 – IUNIE 1944

Карта из RDRM, pl. 24

Страница из дневника (Путь из гетто Виноградного Сада в гетто Гражданковки и через Вовхово в Одессу с указанием расстояний в километрах)

кладбище, где все местные евреи были расстреляны и брошены в одну яму, ими же вырытую. Она плакала и причитала по соседям, с которыми долгие годы жили как родные. Мы скорбно постояли с ней у могилы, старались ее успокоить. Мы знали, что такие общие могилы имеются во многих селах, местечках и городах Транснистрии, в оврагах и лесах этого края, всюду, где ступила нога фашистов. Эта женщина поклялась, что всю жизнь будет смотреть за этой могилой и, если ее муж вернется с фронта, поставит здесь памятник.

Мы уже прошли километров 120 и были совсем близко от Одессы, но обильные дожди задержали нас на несколько дней. Дорога совсем раскисла, и идти по ней было невозможно. Люди, у которых мы остановились, оказались очень гостеприимными. Они посоветовали нам отдохнуть от столь длинной дороги и переждать у них непогоду. Они искренне сочувствовали нам и понимали наше стремление поскорее вернуться домой.

По рассказам хозяев, в недавно освобожденной Одессе, разграбленной румынами, ощущалось отсутствие продуктов питания. Торговки отправлялись по селам, закупая яйца, масло, сметану, мясо, сало – все, что можно было перепродать с большой выгодой. Они таскали этот груз на себе или добирались до города на попутном транспорте. Для одних это был единственный способ прокормить себя и детей, для других – возможность поживиться.

В одном селе, то ли в Севериновке, то ли в Ильинке, где мы остановились на ночлег, хозяйка дома познакомила нас с женщиной, которая закупила здесь продукты и утром отправлялась в Одессу. Она согласилась идти с нами. Мы почему-то страшились вернуться самим в тот город, где пережили четыре месяца румынского террора. Еще свежи были в памяти ужасы, перенесенные нами и нашими родными.

Эту женщину звали Таней, она жила на Слободке по улице Городская, 12. Мы вышли рано утром. Шли медленно, так как маме было плохо. Она устала от длинного путешествия пешком и главным образом от переживаний за судьбу папы, от неведения того, что нас ждет впереди. И Тане было тяжело идти с такой ношей. Фира и я ей помогали, но и мы были изрядно изнурены.

Чем ближе мы подходили к городу, тем дорога становилась многолюдней, загруженней. Люди стекались с проселочных дорог, как ручьи вливаются в широкую реку.

* * *

Было около восьми часов вечера 26 апреля 1944 года, когда мы увидели вдали Одессу. Мы ускорили шаг. Теперь груз казался полегче. Мы волновались, сердце сильно стучало. Вскоре показались

первые дома. Мы перешли канал на Пересыпи и оказались в городе. Но не успели мы пройти и несколько кварталов, как нас остановил окрик: «Стой! Кто идет?» На нас был направлен яркий луч фонарика и пистолет в вытянутой руке мужчины. Такой встречи мы не ожидали. Мы очень разволновались, гадая, кто это может быть. Одесские бандиты? Военный патруль? Милиционеры? Мы остановились и сказали, кто мы и откуда идем. Тогда из темноты вышли еще двое с автоматами и велели следовать за ними. Нас привели то ли в комендатуру, то ли в отделение милиции, не знаю. Остановивший нас молодой казах был, видно, ретивый воин. Он обошел нас несколько раз и смотрел на нас очень уж пристально, стараясь, полагаю, понять, не шпионы ли мы.

Эти трое вскоре ушли, наверное, патрулировать дальше, а с нами стал разбираться младший лейтенант, который настоятельно требовал от нас документа, свидетельствующего, что мы – это мы и идем из лагеря-гетто. Наш откровенный рассказ казался ему вымыслом.

Приученный к дисциплине и, возможно, боясь ответственности, он из соседней комнаты кому-то позвонил и полушепотом изложил это ЧП. Вернулся он гораздо вежливей. Поздравил нас с освобождением из гетто, пожелал добраться здоровыми до Аккермана, успешно трудиться на благо отчизны, ускоряя полный разгром фашизма. Но тут же он попросил оставить ему наш одесский адрес, наш старый аккерманский адрес, записал наши имена и годы рождения, а также местонахождение гетто. В нижней части страницы мы расписались и поставили число.

Мы вышли поздно ночью, тьма была кромешная. Ночевали у Тани. От волнений и усталости в ту ночь мы очень крепко спали.

Утро 27 апреля было солнечным и по-весеннему теплым. Таня, собрав продукты для продажи, дошла вместе с нами до какого-то рынка, а дальше мы пошли сами. Мы плохо знали эту часть Одессы и часто спрашивали прохожих, как добраться до улицы Карла Маркса, которую румыны переименовали в улицу Адольфа Гитлера. Люди доброжелательно нам указывали кратчайший путь. По их лицам было видно, что они недоумевают – откуда взялись эти нищенски одетые евреи? Не с того ли света они вернулись? Нас провожали долгими взглядами.

Наконец, мы вышли на улицу Карла Маркса, дошли до трехэтажного дома номер 73 и остановились перед высокими черными воротами широкого подъезда. Мы очень волновались. Кого мы найдем в живых из наших родных? Какие вести нас ждут? Как нам будут смотреть в глаза те, кто причинил нам столько зла? Выжили ли те порядочные люди, которые, рискуя жизнью, спасали нас?

Мы, наверное, долго стояли в оцепенении, прижавшись друг к

другу, поддерживая маму. Вдруг изнутри подъезда женщина открывает калитку и замирает на пороге. Смотрит на нас большими глазами и не может слово произнести. Потом обеими руками хватается за голову, жадно глотает воздух и, наконец, обретает дар речи. «Мадам Удлер, вы?! И дети? А где Яков Аронович? Что с ним? Жив?» И мы ее узнали. Это была Маруся Розенберг. Она уже никуда не пошла, а, настойчиво пригласив нас к себе, вернулась домой.

Первое, что Маруся сделала, она принесла письмо от тети Иды, папиной сестры, которая жила в Москве. Она спрашивала, живы ли мы, как наше здоровье, поздравляла с освобождением и просила телеграфировать ей ответ. О себе и о Грете, ее дочери, сообщала только, что они здоровы. Письмо прибыло 24 апреля, но было написано 14 апреля, сразу после того, как Москва салютовала в честь завершения Одесской операции. Маруся одолжила нам денег, и мы немедленно ответили Иде телеграммой, что мы все живы, а подробности сообщим письмом.

Маруся попросила нас остаться у нее, пока не оформим свое положение. Она одна занимала на первом этаже просторную квартиру, окна которой выходили на улицу. У нее впервые за годы войны мы выкупались в ванне, в ласкающей тело теплой воде, с мылом и губкой, не спеша. Нам казалось, что вместе с дорожной пылью и грязью мы смыли с себя клеймо неполноценности, которым нас пометили немцы и румыны. Мы как-то выпрямились, нам по-иному дышалось. Маруся нам подарила чистое белье, правда, оно было нам великовато и, наверное, делало нас смешными. Но мы были счастливы. Мы постригли ногти, причесались и приобрели в какой-то степени нормальный вид.

За столом мы коротко рассказали Марусе, что произошло с нами после того, как мы ушли из этого дома, а она поведала нам о жизни своей и соседей по двору и вообще об Одессе под румынами. В этих рассказах было много печали и горя.

Фашисты добились своего: они очистили Одессу от евреев. Десятки тысяч невинных людей были уничтожены или высланы в лагеря и гетто Транснистрии. Были опустошены квартиры, дворы, кварталы, микрорайоны.

Город замер, погрузился в глубокий мрак. Культурная жизнь канула в прошлое. Крупные заводы и предприятия закрылись. Оборудование было вывезено в Румынию. Снабжение населения продуктами питания и другими товарами фактически прекратилось. Многие стали покидать город, возвращаясь в свои села и местечки, где легче было прокормить себя и детей. Население резко сократилось. Одесса, южная столица страны, поблекла, превратилась в провинциальный город окраинной территории

обедневшей и разоренной королевской Румынии, управляемой фашистским правительством Антонеску.

Чтобы как-то оживить жизнь в городе, оккупационные румынские власти способствовали нашествию разных авантюристов, жаждущих быстрого обогащения. Спекулянты, деклассированные элементы хлынули сюда. Румыны скупали дома, продаваемые румынской администрацией по низким ценам, открывали рестораны, в основном для обслуживания оккупантов. От них не отставали и местные жители, которые поверили в вечность господства нового порядка. Бодеги – пивные ларьки и закусочные – стали самым распространенным бизнесом. Проституция процветала. Молодые женщины шли на это, пытаясь прокормить себя, своих детей и старых родителей. В городе было много мужчин – военных, чиновников, спекулянтов и других, живущих сегодняшним днем. В Одессе можно было за марки все купить. Все продавалось.

* * *

Исповедь Маруси Розенберг вызвала противоречивые чувства. Молодая и симпатичная русская девушка, работница швейной мастерской, приглянулась уже немолодому холостяку, инженеру, который жил вместе со своей матерью. Он привел Марусю в свою квартиру и женился на ней, несмотря на возражения матери. Они прожили вместе несколько лет. Детей у них не было. В доме, благодаря всеобщим усилиям, воцарился мир. По одесским понятиям, Розенберги жили зажиточно.

В начале войны Розенберг (я не запомнил его имени) был мобилизован. Мать и жена остались дома. Когда румыны, занявшие город, начали сгонять евреев в гетто, Маруся не смогла отстоять свою свекровь. Старую больную женщину жандармы вышвырнули из квартиры. Марусю оставили после того, как она показала документы, что она русская. Долгое время она не имела вестей ни от мужа, ни от его матери. Ей жилось трудно. Она продавала на толкучке вещи, чтобы прокормиться.

Однажды вместе с Петькой-дворником к ней зашли какие-то военные, прошлись по ее вместительной квартире и заявили, что в одной комнате, лучшей, несколько недель будет жить румынский плутониер-старшина.

Прошло немного времени, и квартирант стал ее сожителем. Он приносил подарки, одевал и кормил ее. Соседи по двору обходили ее, осуждая за то, что она, мол, так скоро забыла мужа, предала его мать, завладела их добром. За глаза называли ее румынской подстилкой.

Но их связь оказалась серьезной. Когда часть, в которой служил Василе (так звали румына), отправили на Крымский фронт, он дезертировал и скрывался с помощью Маруси на разных квартирах. Военная комендатура его искала долгое время. Патрули приходили на квартиру Маруси и днем, и ночью. Его должны были судить за дезертирство. Так они прожили вместе более двух лет. Василе не переписывался со своими родственниками в Румынии, научился неплохо говорить по-русски и иногда где-то работал. Порой он выдавал себя за молдаванина из Приднестровья.

Когда Красная Армия освободила Одессу, Василе явился к военным властям, рассказал все о себе и предложил свои услуги. Его выслушали и задержали до выяснения его вопроса.

Теперь Маруся находилась в сложном положении. С одной стороны, она надеялась, что Розенберг жив, вскоре даст знать о себе и вернется домой. В таком случае ей нужно будет объяснить, почему она не уберегла мать и изменила ему с румыном. С другой стороны, если Василе отпустят, а она этого хотела, ибо любила его, ее положение еще больше осложнится. Она была вся в сомнениях и догадках и не могла себе представить, что с ней будет.

* * *

К нам приходили соседи по двору. Они старались нам чем-то помочь, хотя тогда всем жилось тяжело. Они рассказали, что вместе с румынами отбыли Петька и его мать. Никто из соседей не знал, что с ними стало.

В квартиру, откуда мы ушли в гетто, вселилась семья украинцев. По их словам, оставленные нами вещи забрали румыны и немцы. Мы им поверили. Но когда мы зашли к ним, по их приглашению, узнали некоторые наши вещи. Мама ничего не сказала, она не хотела осложнений.

Папин друг Дмитрий Стрелец, с которым он работал в 1941 году на джутовой фабрике, искренне обрадовался нашему возвращению из гетто. Мама, Фира и я были приглашены им и его женой на обед. Мы просидели несколько часов. Он попросил, как только нам станет известно, дать ему адрес папы. Дмитрий тоже утверждал, что румыны и немцы обобрали его, забрав не только его, но и наши вещи, но кое-что ему все же удалось сохранить. Он достал папино и мамино пальто, костюмы, платья, одеяло, подушки, полотенца и др. Он дал нам также немного продуктов.

Через несколько дней после нас в Одессу вернулись из гетто села Карловка Фира и Маня Кипенс, бывшие соседки по дому. От них мы узнали, что мамин младший брат Мотя Глейзер, его жена

Дора и дети Юна и Фира живы. Они решили не возвращаться в Одессу и направились в ранее освобожденную северную часть Бессарабии, будто бы в Бельцы. Об остальных маминых родных они ничего не знали.

* * *

29 апреля Фира, одевшись поприличней, пошла в Государственный банк с надеждой устроиться на работу. К ее великому удивлению и радости, она там встретила управляющего и главного бухгалтера Аккерманского отделения Госбанка, с которыми работала в 1940–1941 годах. Они вернулись из Средней Азии, куда были эвакуированы вместе с документами банка. Они ждали освобождения Аккермана, чтобы возобновить свою работу. Заявление Фиры приняли, зачислили ее в новые штаты с 1 мая. Мы были счастливы. У Фиры будут продуктовые карточки, зарплата и квартира по возвращению в Аккерман.

* * *

Накануне Первомайского праздника мама, Фира и я вышли погулять. Хотелось увидеть Одессу, освобожденную от оккупантов. Мы надеялись встретить кого-нибудь из знакомых, которые могли бы нам рассказать что-то о наших родных.

Впервые за эти годы мы шли по улицам города, не боясь никого, не таясь. Весна была удивительная. Цвела сирень, белая и синяя, колированная, пышная. Ее запах пьянил нас. Деревья были в цвету, зеленели кустарники. Солнце хорошо пригревало. Мы вдыхали ни с чем не сравнимый запах моря. Женщины с детьми отдыхали на скамейках, живо беседовали, рассматривали с нескрываемым любопытством каждого незнакомого прохожего. Казалось, что все кого-то ждали и о чем-то хотели спросить.

Многие с особым вниманием относились к евреям. Во второй половине апреля в город вернулись, наверное, несколько сотен человек, в основном из лагерей-гетто в восточной и южной частях Транснистрии. На Приморском бульваре мы встретили несколько евреев, оставшихся в живых, как и мы, после гетто. Мы расспрашивали друг друга о своих, рассказывали о себе, выражали надежду, что, может быть, Бог даст, кто-то из родных возвратится домой, найдется дорогой и любимый человек. С болью в сердце вспоминали родственников, друзей и знакомых, которые уже никогда не вернутся, которые в страшных муках погибли здесь, в Одессе, на Слободке, в Дальнике, Богдановке, Акмечетке и во многих других местах.

Из эвакуации среди первых вернулись Брейтбурги, Илимиши и еще две соседские семьи. Они нам передали, что Грабовецкие и Калинские, наши дальние родственники, которые приютили нас в 1941 году, живы и собираются в Одессу. Их сыновья и внук Коля, Жора и Гриша – на фронте. Они были ранены, поправились и продолжают воевать.

* * *

Возвращение евреев из гетто и из эвакуации задевало интересы тех, кто переселился в еврейские квартиры и завладел их имуществом. А они уже привыкли пользоваться чужим добром. Со страхом думали о больших неприятностях те, кто сотрудничал с румынами и немцами, выдавая, грабя, убивая евреев. Они не сомневались, что родственники постараются отомстить за своих близких.

Многие из вернувшихся евреев были встречены враждебно, их не впустили в свои квартиры. Пришлось им ютиться в заброшенных подвалах и просить защиты у властей. Но все было еще не регламентированно, неопределенно, тревожно, фронт стоял недалеко. Перед городскими советскими организациями ставились многие вопросы, один важнее другого. И их решение все откладывалось. Страдания евреев продолжались[2].

* * *

Трагедию евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии нельзя сравнить с трагедией евреев собственно румынских провинций. Жестокость румынских органов власти, возглавляемых правительством Антонеску, превзошла зверства и кровожадность хортистов, тисовцев, усташей и фашистов других европейских стран – Польши, Греции. Румынские фашисты не были гуманнее немецких[3].

В течение нескольких месяцев, с 22 июня 1941 года по февраль 1942 года, методично, день за днем в каждом селе и каждом городе, без капли жалости хотя бы к грудным детям, беременным женщинам и немощным старикам, евреи беспощадно уничтожались или сгонялись на мучительную смерть в лагеря-гетто[4].

Ал. Шафран свидетельствует: «...По дороге к Транснистрии многие депортированные умирали от истощения или истребленные солдатами ударами штыка. Наконец, дошедшие до места, оставшиеся в живых... погибали от голода или из-за отсутствия любого медицинского ухода. У них не было ни одежды, ни пищи, ни лекарств»[5].

Дж. Кэлинеску на нескольких страницах романа «Scrinul negru» реалистично передал трагедию евреев города Бельцы. Румыны и

немцы загнали руководителей общины, а также мужчин, женщин и детей в подвалы, в огороженные колючей проволокой импровизированные лагеря, их морили голодом, не давали воды, гнали под конвоем десятки километров, убивали отстающих, расстреливали и бросали трупы в ямы, выкопанные заранее вдоль шоссе. Местные жители торговались с центурионами за живого человека, которого тут же, сговорившись, убивали и раздевали догола. Насиловали девушек тринадцати-четырнадцати лет и молодых женщин. Румыны и немцы изощрялись в издевательствах над несчастными людьми.

Все эти ужасы перенес вместе с евреями военный врач-резервист, румын Хергот. По невероятной случайности он был расквартирован в доме раввина доктора Диагот. Его погубили хамство и безответственность военных, пришедших арестовать еврея со созвучной фамилией[6].

Но Дж. Кэлинеску описывает только отдельный эпизод мытарства бессарабских евреев.

Никто специально не вел учет умерших от голода, холода, болезней, расстрелянных, повешенных, сожженных и утопленных. Палачам не нужно было оставлять потомкам свидетельства своей жестокости, дикости, грубости, ничтожности, омерзительности[7]. Но, чтобы выслужиться перед вышестоящими или оправдаться перед судьями, иногда писались донесения, скудные сообщения или отчеты.

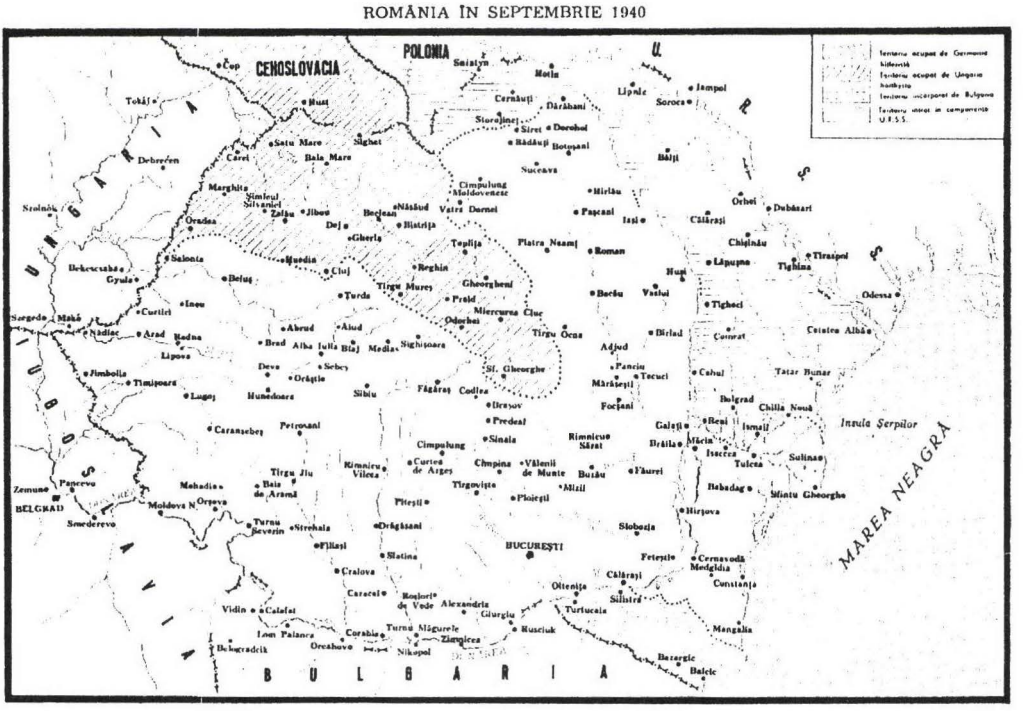
После войны на основании анализа этих сведений, а также данных переписей населения разных лет, показаний свидетелей и подсудимых на процессах были опубликованы цифры, весьма приблизительные и различающиеся у разных авторов-исследователей.

По данным переписи населения 31 декабря 1930 года, в Румынии было 756 930 евреев, в том числе в Бессарабии 206 958 и на Буковине 91 101 человек[8].

По переписи населения 31 декабря 1939 года в Румынии их оказалось 734 901 человек.

В 1940 году, когда к СССР отошли Бессарабия, Северная Буковина и Герцаевский район, здесь находилось 278 943 еврея. Когда Венгрия оккупировала, согласно Венскому диктату от 30 августа 1940 года, северную часть Кришан, Марамуреш и северо-западную часть Трансильвании, на этой территории проживало 148 273 еврея. В отошедшем к Болгарии в сентябре 1940 года Кадрилатере их было 846. Таким образом, Румыния лишилась 427 962 евреев[9].

В работе И.Калафетяну и А. Симиона, опубликованной в 1983 году, приводятся несколько другие данные: в 1930 году в Румынии

Карта из RDRM, pl. 11

было 728 115 евреев, к СССР перешли 278 639 евреев, к Венгрии – 158 489 и к Болгарии – 830. Следовательно, количество евреев сократилось на 437 958[10]. Разница примерно в 10 000 человек.

Доктор Мозес Розен пишет в книге своих воспоминаний, изданной в 1990 году, что в Румынии перед войной жили примерно 850 000 евреев[11].

Посол США в Румынии в 1981–1985 годах Д.Б.Фундербурк писал, что в Великой Румынии перед второй мировой войной проживало около миллиона евреев.

В «Историческом атласе Холокоста», изданном в 1996 году Мемориальным музеем Холокоста в Соединенных Штатах, утверждается, что в 1933 году в Румынии проживали около 980 тысяч евреев.

На заседании Совета Министров 13 января 1938 года король Кароль II заявил, что «еврейская проблема представляет самую важную проблему Румынии». После первой мировой войны «произошло вторжение галицийских и русских евреев, которые проникли в страну нелегальным образом. Некоторые утверждают, что их 800 тысяч». «Однако, – продолжает король, – их максимум 250 тысяч». В документальном отчете Центрального Института

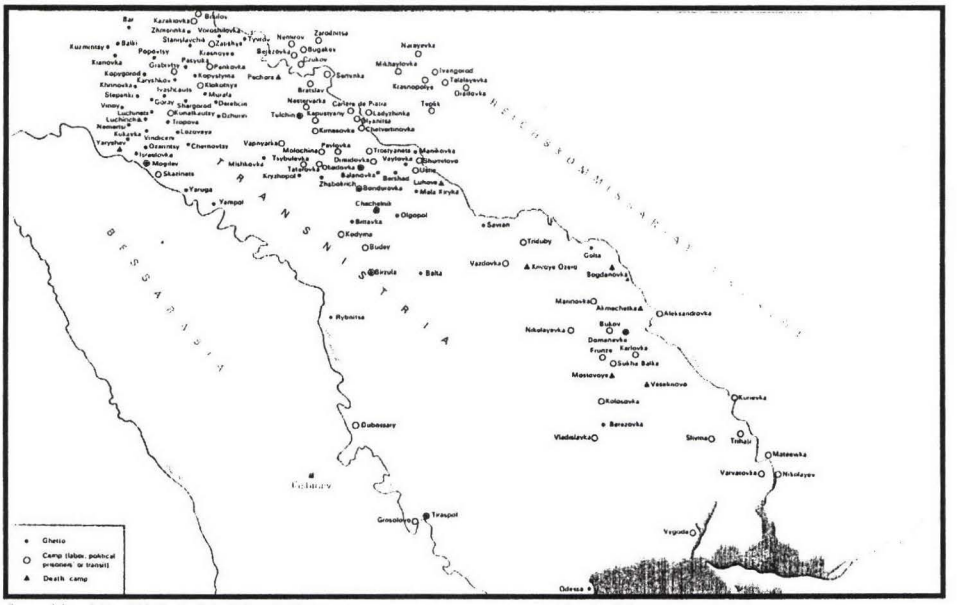

Карта из D, IV, p. 646

статистики за подписью Антона Голопенциа сообщается, что количество евреев, прибывших в страну нелегально в 1931–1939 годах, не превышает нескольких десятков тысяч[12].

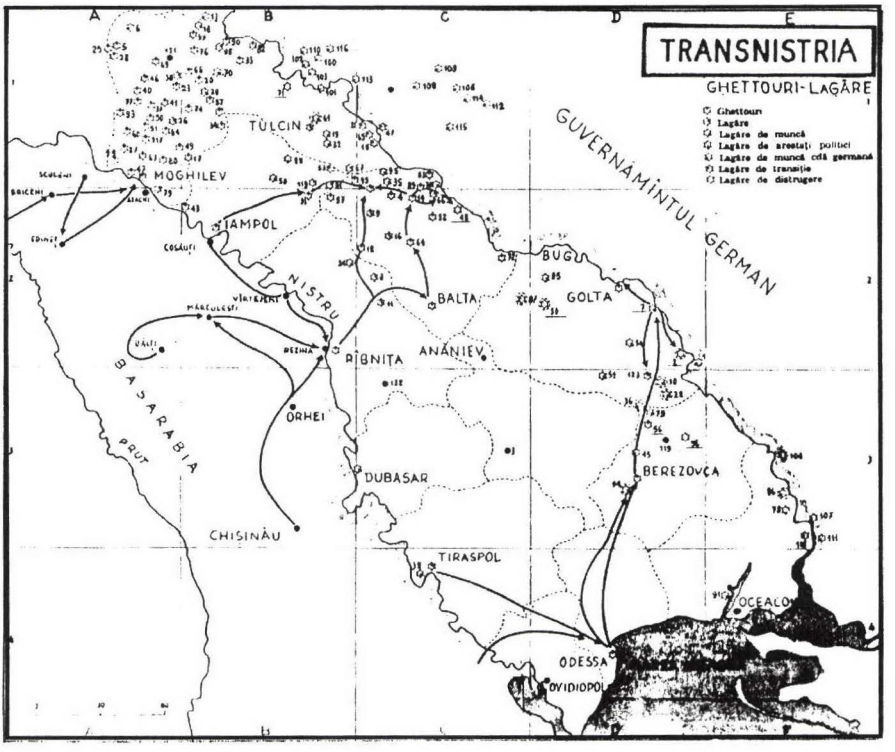
Истрате Мическу, министр иностранных дел Румынии, 18 января 1938 года в интервью газете «Journal de Genive» утверждал, что были три волны беженцев: из России из-за большевиков, из Венгрии после разгрома революции Бела Куна и из Германии после установления гитлеровского режима. И. Мическу резко выделяет коренных евреев, граждан Румынии, от недавних иммигрантов, лишенных всяких прав[13].

В связи с проверкой гражданства судебная статистика Министерства юстиции установила, что зарегистрировано 208 217 заявлений на пересмотр дел о гражданстве для 962 170 евреев. Таким образом, получалось, что в течение семи лет, с 29 декабря 1930 года по февраль 1938 года, количество еврейского населения выросло более чем на 200 000 человек. Столь значительный прирост еврейского населения объясняется только его проникновением в страну обманным путем[14].

Camps and ghettos in Transnistria. Based on T. Lavi (ed.), *Pinkas Hakehilot, Encyclopedia of Jewish Communities, Rumania*, vol 1, Jerusalem, 1969.

Карта из EJ, T. 15, p. 1331–1332

Карта из L, p. 191

Осенью 1941 года в Транснистрию было отправлено около 140 000 евреев, которые были размещены в 140 населенных пунктах в 9 уездах края.

В списке гетто и лагерей Транснистрии, составленном Д. Литани, который является самым полным из рассмотренных мною, отсутствуют 100 населенных пунктов, указанных в отчете Центральной организации евреев Румынии от 26 декабря 1942 года об оказании коллективной помощи евреям в Транснистрии, в приложении 1 к письму № 453, адресованному Комиссии по оказанию помощи, от 22 марта 1943 года, в информационной сводке Генерального инспектората жандармерии Транснистрии от 1 сентября 1943 года, в брошюре «Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей-гетто» и др.[15]

В дополнение списка Д. Литани привожу названия сел[16], где были гетто или трудовые лагеря: Могилевский уезд – Бандишовка, Броница, Быршауць, Володиевци, Горди, Громивка, Иванкивиц, Клиновка, Козинцы, Конива, Косаринець, Котмазов, Кошаринци, Красна, Мартиновка, Матейковска, Матки, Милновка, Назарница, Наскауць, Нашиковка, Немерчи, Обухов, Олчедаево, Плоска, Политанки, Примишаница, Романки, Рудански, Садова, Сухаки, Тарасовка, Тропова, Юзина; Тульчинский уезд – Анчиполовка, Белоусовка, Брацлав, Василовка, Рахня, Тростианчик; Жугастровский уезд – Дзиговка, Жабокричи, Ольшанка, Тамашполь, Чернивци; Балтский уезд – Березка, Берловка, Великая Кириевка, Веребка, Войтовка, Еланец, Забогришка, Каташин, Кошаринец, Крушановка, Малая Кириевка, Малая Стративка, Михайловка, Новая Ободовка, Озифка, Песчана, Пилипановка, Поташна, Романовка, Старая Цыбулевка, Стратиевка, Сумовка, Таркановка, Тартак, ферма Дубина, Флорино; Голтский уезд – Виноградный Сад, Врадиевка, Гвоздиевка, Граждановка, Кантакузино, Ксаверовка, Любашевка, Новопавловка, Ром. Балка; Дубоссарский уезд – Кошница; Ананьевский уезд – Петроверовка, Сараево, Троицка, ферма «Р.Мария», ферма «Филипп», Хоцулуй, Чернова; Тираспольский уезд – Раздельная, Слободзия, Цебрика; Березовский уезд – Балайчук, Березовка, Гулиовка, Гулиовка-Разнопол, Ковалевка, станция Истрибиново, ферма «Буденный»; Овидиопольский уезд – Беляевка; Очаковский уезд – Борислав.

Во всей Бессарабии осталось всего около 100 душ, в городе Черновцы – около 14 000 и в городе Дорохой – чуть более 2000 человек[17]. Остальные, примерно 125 000 евреев, были уничтожены на местах в селах и городах Бессарабии, Северной Буковины, Герцаевского района и уезда Дорохой или же по пути к Транснистрии.

Инспекторат жандармов города Кишинева в документе,

LISTA GHETTOURILOR ŞI A LAGĂRELOR ÎN TRANSNISTSRIA

B 2 Alexandrovka 1
C 2 Ananiev —
D 2 Akmicetka 2
C 3 Arva 3
C 2 Balanovka 4
C 2 Balta —
A 1 Balki 5
A 1 Bar 6
D 2 Bogdanovka 7
C 2 Budi 8
C 2 Bondarovka 9
D 3 Bucov 10
C 2 Birzula 11
C 2 Britovka 12
B 1 Brailov 13
C 2 Berşad 14
Briceni
C 1 Cetvartinovka 15
C 2 Cicelnic 16
B 1 Cernevţ 17
B 1 Cazaciovka 18
B 1 Capustiani 19
B 1 Capusterna 20
C 1 Cariera de piatră 21
D 3 Carlovka 22
A 1 Cariskov 23
B 2 Codima 24
A 1 Cuzminţ 25
A 1 Conotcăuţi 26
A 1 Cucavka 27
A 1 Chianovka 28
B 1 Clocotma 29
D 2 Crivoje-Ozero 30
D 2 Tridubi 85
E 3 Trihat 86
B 1 Tibulovka 119
C 2 Vazdovka 87
B 1 Vapniarka 88
C 1 Vitovka 89
B 1 Voroşilovka 90
E 4 Vigoda 91
Vindiceni 92
A 1 Vinozi 93
D 3 Vladislavka 94
B C 1 Verhovka 95
D 3 Vaslinovo 96
A 1 Vendiceni 117
B 2 Crijopol 31
B 1 Chirnasovka 32
B 1 Crasnoje 33
C 3 Ciorna 122
C 3 Dubasari —
B 1 Djurin 34
C 1 Dimidovka 35
B 1 Derebcin 120
D 3 Domanovka 123
D 3 Frunză 36
D 2 Golta —
A 1 Gorai 37
A 1 Grabivţ 38
C 4 Grosolovo 39
A 1 Hrinovka 40
A 1 Halcinţi 121
A 1 Ivăşcăuta 41
A 1 Israilovka 42
B 2 Iampol —
B 2 Iaroga 43
A 1 Iarişev 44
D 3 Kolosovka 45
A 1 Kopaigorod 46
C 1 Ladijn 47
C 2 Lohova 48
A 1 Lozova 49
A 1 Lucineţ 50
A 1 Lucinik 51
C 2 Malo-Kiriluka 52
C 1 Manikovka 53
D 2 Marinovka 54
A 1 Moghilev —
B 1 Moloknia 55
D 3 Mostovoi 56
E 3 Varvarovka 118
B 2 Zabokirit 97
B 1 Murafa 57
B 1 Mişcovka 58
D 3 Nicolaevka 59
A 1 Nimraţ 60
B 1 Nesterovca 61
B 2 Obodovka 62
D 4 Odessa —
A 1 Ozarineţ 63
C 2 Olgopol 64
C 1 Olianiţa 65
C 2 Ostia 66
B 1 Pavlovka 67
B 1 Pasiuka 68
A 1 Popivitz 69
B 1 Pankovka 70
B 1 Peciora 71
B 2 Ribniţa —
D 3 Raschstadt 119
C 2 Savrani 72
C 1 Sumilova 73
B 1 Sargorod 74
D 3 Suha-Balka 75
B 1 Stanislovcek 76
A 1 Stefanca 77
E 3 Slivina 78
A ½ Skazineţ 79
A 1 Slidi 80
B 1 Tatarovka 81
B 1 Tulcin —
B 1 Tivrin 82
C 4 Tiraspol —
C 1 Trostineţ 83
B 1 Verhovka 95
A 1 Tropava 84
B 1 Zatisia 98
B 1 Zemrinka 99

Lagăre germane dincolo de Bug

B 1 Bratlav 101
B 1 Bogokov 100
B 1 Berezovka 102
B 1 Ciucov 103
E 3 Corievka 104
C 1 Gaisin 105
C 1 Ivangorod 106
E 3 Mateevka 107
C 1 Mihailovka 108
C 1 Narajevka 109
B 1 Nimierov 110
E 3 Nicolaev 111
C 1 Ordovka 112
C 1 Seminka 113
C 1 Talalaievka 114
C 1 Taplic 115
B 1 Zarodniţa 116

Список гетто и лагерей Транснистрии к карте из L, p. 189–190

датированном 1941 годом, докладывал Совету Министров Румынии, что в Транснистрию были выдворены из Бессарабии 55 867 евреев и из Северной Буковины – 45 538, всего – 101 405 человек. Кроме того, около 25 000 были расстреляны или умерли по разным причинам (болезни, голод и др.)[18].

В донесении генерала К.З. Василиу, министра внутренних дел, указывается, что осенью 1941 года в Транснистрию были сосланы из Бессарабии 55 867 евреев, из Северной Буковины – 43 798 и из уезда Дорохой – 10 368. Всего – 110 033 человека. Далее сообщается, что по переписи 1 сентября 1943 года в живых осталось только 50 741 еврей[19]. Следовательно, в течение двух лет было уничтожено еще 60 000 душ из числа депортированных.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в указанные выше цифры не включены евреи – беженцы из Бессарабии, оказавшиеся в Одессе в дни ее оккупации румынами и немцами, а также местные евреи, проживающие в городах и селах так называемой Транснистрии, которые не успели эвакуироваться в глубь страны.

4 ноября 1941 года руководитель Секретной службы информации немецкой армии в Румынии полковник Франк Редлер докладывал, что утром 23 октября, после взрыва в здании Румынской военной комендатуры, на площади, окруженной деревянным забором, около порта, были расстреляны 19 000 евреев; 24 октября конвой из 40 000 человек прибыл в Дальник, где все они были казнены[20]. Редлер пишет об уничтожении 59 000 евреев только в двух местах. Но на улицах и площадях Одессы в кровавое утро 23 октября были расстреляны и повешены еще около 5600 человек. На Люстдорфской дороге в бывших артиллерийских складах были заживо сожжены пригнанные из Одессы примерно 28 000 евреев.

На заседании Совета Министров 16 декабря 1941 года на вопрос Иона Антонеску, сколько евреев еще осталось в Одессе, губернатор Транснистрии Дж. Алексиану ответил, что около 100 000 человек[21].

Эти цифры, названные высокими должностными лицами, свидетельствуют о том, что к 16 октября 1941 года, когда фашисты захватили Одессу, в городе находились более 190 000 евреев (одесситов, беженцев из городов и местечек Заднестровья и Бессарабии).

По мнению С.Я. Борового, только в Одессе, захваченной оккупантами 16 октября 1941 года, оставалось не менее 120 000 евреев. В докладной записке юриста И.М. Леензона, побывавшего в Одессе в мае 1944 года, сказано, что в Одессе истреблено около 100 000. «Encyclopedia of the Holocaust» указывает цифру в 99 000

евреев, убитых в Одессе[22]. Никем не установлено, сколько евреев было в Тирасполе, Дубоссарах, Рыбнице, Каменке, Котовске, Ананьеве, Балте, Голте, Кривом Озере, Могилеве-Подольском, Ямполе, Жмеринке и во многих других городах, местечках и селах Транснистрии к приходу оккупантов. В документах румынской администрации данные о местных евреях не содержатся. Можно с уверенностью считать, что их было около 200 000.

В книге «The Macmillan Atlas of the Holocaust» имеются карты, на которых есть сведения о количестве евреев, проживавших в городах и местечках Бессарабии и Буковины накануне войны, однако опущены сотни сел, где было много еврейского населения. В годы войны, по данным М. Джилберта, было убито 200 000 бессарабских евреев, 124 632 буковинских, 105 000 евреев из Северной Трансильвании и 40 000 из собственно румынских провинций. Общее количество уничтоженных евреев – 469 632. В лагерях и гетто Транснистрии, как указывает этот исследователь, погибло более 148 000 бессарабских евреев и 124 632 буковинских[23].

Общее количество уничтоженных евреев Великой Румынии в 1940 году – 470 000 указано и в работе «The Chronological Atlas of World War Two»[24].

Юлиус Фишер, автор книги «Transnistria. The Forgotten Cemetery», полагает, что к началу войны на территории, названной румынами Транснистрией, жили примерно 300 000 евреев. Часть их успела эвакуироваться в глубь Советского Союза, а другая часть была мобилизована и воевала в рядах Красной Армии. Из оставшихся приблизительно 132 000 местных украинских евреев 92 000 были уничтожены румынами и 40 000 немцами.

Из 140 154 евреев, депортированных из Бессарабии, Буковины и собственно Румынии, были убиты 87 757, в том числе 68 957 уничтожены румынами и 18 800 немцами.

Транснистрия, заключает Ю. Фишер, оказалась кладбищем для 219 757 евреев[25]. Румыны были палачами 160 957 евреев.

В предисловии к книге Доры Литани «Transnistria» известный публицист Ицхак Арци (Ицку Херзиг) пишет, что в Транснистрии погибло более четверти миллиона евреев – 170 000 местных и более 87 000 депортированных из разных областей Румынии в довоенных границах[26].

И. Шехтман, А. Шачан и Ал. Даллин утверждают, что до войны на территории, названной румынами Транснистрией, проживало 300 000 евреев. Большинство из них успело эвакуироваться до оккупации фашистами этого региона. Немцы и румыны застали здесь 100 000–120 000 евреев[27].

Д. Литани отмечает, что в соответствии с переписью населения

в 1926 году в Одессе проживало 153 194 еврея. В 1941 году их количество достигло 180 000, т.е. около 1/3 всего населения Одессы. В других городах и селах на территории между Днестром и Бугом в 1941 году находилось еще 170 000 евреев. Таким образом, в так называемой Транснистрии перед началом войны было 350 000 евреев. Предположительно, что ко времени вторжения немецко-румынских войск в Транснистрию осталось около 300 000 евреев, в том числе примерно 90 000–100 000 в Одессе. Многие успели эвакуироваться. Значительное количество было мобилизовано[28].

Из рапортов Sonderkommando 10 B и Einsatzkommando вытекает, что в июле 1941 года румыны погнали за Днестр 37 500 евреев. Немцы отказались принять всех и переправили назад в Бессарабию 17 000. В Транснистрии из этой группы остались 20 500 человек.

Официальные сведения инспектората румынской жандармерии Транснистрии говорят о том, что в октябре-декабре 1941 года были угнаны на восток через Днестр 118 847 бессарабских и буковинских евреев, а именно: 55 913 через Атаки – Могилев-Подольск, 35 276 через Косауцы – Ямполь, 24 570 через Резину – Рыбницу, 872 через Тигину (Бендеры) – Тирасполь и 2216 через Оланешты – Яска[29].

Летом 1942 года было депортировано еще 4200 евреев из Черновиц и 450 из уезда Дорохой.

В сентябре-октябре 1942 года было выслано из разных областей Румынии несколькими партиями еще около 2530 человек[30]. Следовательно, в Транснистрию было сослано всего 146 555 евреев.

К ним следует прибавить евреев – беженцев из Бессарабии и Буковины, успевших эвакуироваться до прихода немецких и румынских частей в указанные регионы, но которые затем были настигнуты ими в Транснистрии. Их число, однако, не поддается подсчету.

Установить точное количество евреев, уничтоженных в Транснистрии, невозможно и потому, что массовым и индивидуальным убийством евреев занимались разные службы и формирования. По приказу Иона Антонеску были специально созданы по немецкому образцу румынские формирования, называемые «Eșalon» («Eșalon special», «Eșalon operativ») и «Echipă», под руководством Эуджена Кристеску. Одно из подразделений «Eșalon» под командованием полковника Иона Лиссиевича совместно с Einsatzkommando 11 B произвели массовую резню евреев в Одессе. Убийством евреев и разграблением их имущества занимались офицеры и солдаты 3-й румынской армии под руководством генерала Петре Думитреску, 4-й румынской армии, руководимой генералом Николае Чуперкэ, которые вторглись в Буковину и Бессарабию, румынские жандармы, возглавляемые сначала генералом Э. Броштяну, а затем генералом М. Илиеску,

немецкие Sonderkommando 10 B, Einsatzkommando 11 A, входящие в состав Einsatzgruppe D, под командованием группенфюрера генерал-майора Отто Охлендорфа, румынская администрация уездного, районного и сельского уровней, выполняющие приказы маршала И.Антонеску и губернатора Транснистрии проф. Дж.Алексиану, члены Sonderkommando Russland под командованием бригаденфюрера СС Хорста Хоффмайера, состоящей в основном из немцев-колонистов Транснистрии (Volksdeutsche), румынские и украинские полицаи и многочисленные гражданские лица (румыны, украинцы и немцы) – крестьяне, железнодорожники, служащие и др.[31]

Массовые уничтожения евреев состоялись в Одессе (около 92 000), Богдановке (около 55 000), Доманевке (около 18 000), Березовке (около 20 000), Чорне (около 15 000), Тирасполе (10 000), Бершаде (более 9000), Акмечетке (около 8000), Дубоссарах (около 6000), Могилеве (5000), Шаргороде (более 5000) и др.[32]

По советским официальным данным, общее число убитых и замученных евреев только в лагерях-гетто Доманевского района 116 000 человек[33].

По примерным подсчетам, всего около 600 евреев-одесситов выжили в разных гетто Транснистрии и дождались освобождения, т.е. 1% евреев, ушедших в гетто[34]. Уместно отметить, что в гетто города Одессы, как было сказано в письме № 453 от 22 марта 1943 года, адресованном Комиссии Еврейского центра в Румынии, в январе 1943 года было 54–60 человек из Черновиц, Дорохоя, Бухареста и Романа[35], то есть евреев-одесситов не было. Гетто размещалось по улице Адольфа Гитлера, 6. Там были швейная, сапожная, столярная и жестяная мастерские и парикмахерская.

В.Фильдерман, председатель Федерации объединений еврейских общин Румынии, в докладе, направленном правительству Румынии в связи с возвращением в страну румынских евреев, писал, что из 190 000–200 000 евреев, депортированных в Транснистрию, в течение двух лет погибли 122 000 человек. В это число не входят евреи – коренные жители Транснистрии и жители города Одессы, уничтоженные фашистами.

В свидетельском показании на заседании Народного трибунала 10 мая 1946 года В. Фильдерман заявил, что результатом правления И. Антонеску была смерть 150 000, а может быть, и большего количества буковинских и бессарабских евреев.

М. Бенвенисти, председатель Сионистского исполнительного комитета Румынии в 1941–1943 годах и председатель Эзра, комитета по оказанию подпольной помощи евреям в Транснистрии, перед Народным трибуналом утверждал, что в Транснистрии было убито 270 000 евреев[36].

Еврейская комиссия по оказанию помощи при Бухарестской общине указывает, что в марте 1943 года в Транснистрии осталось в живых 57 214 евреев, сосланных из Бессарабии, Буковины и Румынии, и около 15 000 украинских евреев.

Генеральный инспекторат жандармерии Транснистрии по требованию Министерства внутренних дел Румынии произвел перепись оставшихся в живых евреев. На 1 сентября 1943 года в живых было 50 741 человек, в том числе 13 980 бессарабских евреев и 36 761 буковинских.

По подсчетам Д. Литани, в Транснистрии осталось в живых 58 940 человек, высланных из Бессарабии, Буковины и Румынии.

Примерно такую же цифру называет и председатель Международного Красного Креста Ш. Колб. В декабре 1943 года осталось в живых 57 378 евреев из Бессарабии, Буковины и Румынии и около 15 000 украинских евреев.

Дора Литани, подводя итоги своего исследования, пишет, что в Транснистрии – Освенциме для евреев Бессарабии, Буковины, Транснистрии и Румынии – было убито 257 833 человека, в том числе 87 833 в основном из Бессарабии и Буковины, и 170 000–175 000 из Транснистрии[37].

В 1991 году общественность Румынии с глубокой скорбью отмечала 50-летие трагедии еврейского населения края. Было опубликовано много статей и материалов, авторами которых являются евреи и румыны. Антисемитизм, как одна из крайних форм расового шовинизма, категорически осуждался. В некоторых статьях подводились итоги Холокоста.

В статье «50 de ani de la martiriul evreilor din România» приводятся следующие данные: «Дорохой: 1 июля 1940 года – 70 человек, Бухарест: 21–23 января 1941 года – 130, Яссы: 29 июня – 3 июля 1941 года – 12 000, Бессарабия и Северная Буковина: июль – август 1941 года – 170 000, Транснистрия: 1941–1944 гг. – 80 000, Северная Трансильвания: апрель-июнь 1944 года – 130 000»[38].

Эти же цифры называются и в статье митрополита Баната Николай «Discriminare, rasism şi antisemitism». Всего было убито 392 200 человек, единственной виной которых было то, что они евреи[39].

И это не включая 170 000–175 000 украинских евреев, заживо сожженных, повешенных, расстрелянных, утопленных, погибших от голода, холода, болезней, жестокости и свирепости румынских и немецких извергов. На совести этих убийц – более 560 000 невинных человеческих душ[40].

* * *

Многие исследователи – раввины, писатели, историки, дипломаты – пытались установить количество жертв – евреев в Транснистрии, Бессарабии, на Буковине и в уезде Дорохой в 1941–1944 годах. Наиболее документированными являются исследования и сборники жандармских и военных отчетов и донесений, материалы показаний свидетелей и подсудимых на процессах военных преступников, сборники государственных постановлений, письма-ходатайства Федерации объединений еврейских общин Румынии, Еврейского центра в Румынии и др., подготовленные и опубликованные Ж.Анчелом[41], М.Карпом[42], М.Мирку[43], И.Калафетяну и М.Ковач[44] и др.

Заслуживают пристального внимания книги М.Розена[45], А.Шафрана[46], Э.Мезинческу[47], М.Пелина[48], Р.Лекки[49], И.Маркуса[50] и др., а также многочисленные статьи К.Нистореску, П.Черноводяну, Дж. В.Войкулеску, И.Арци, И.Говрина, А. Пиппиди, И. Шехтмана, К.Стефани, В.Груня и других, увидевшие свет в последние годы в разных печатных органах Румынии[51].

* * *

Значительные расхождения в подсчетах количества евреев, убитых в 1940–1941 годах, когда Румынией правило тоталитарное правительство Иона Антонеску, объясняются формой постановки вопроса. Одни отвечают на вопрос – сколько евреев-граждан Румынии погибло в указанный период, а другие – сколько евреев, проживавших в Румынии, Бессарабии, Буковине, Транснистрии и Северной Трансильвании, было убито в эти годы фашистами. Естественно, вторая формулировка более правомерна, так как она дает полный ответ о преступлениях, совершенных легионерами, румынской армией, жандармерией и администрацией, а также венграми и немцами, входящими в единый нацистский блок.

По подсчетам А. Шачана, к началу второй мировой войны в Румынии было около 800 000 евреев, в том числе около 300 000 в Бессарабии и 110 000 на Буковине. После освобождения Транснистрии из них в живых осталось около 14 000 бессарабских евреев и около 30 000 буковинских. Из 15 230 евреев из уезда Дорохой, депортированных в Транснистрию, вернулись менее 5000. Из Старого Королевства было уничтожено примерно 20 000 евреев. Общее количество жертв около 390 000. К этому числу А. Шачан прибавляет 310 000 местных евреев Транснистрии и заключает, что общее количество евреев, убитых румынами и немцами на указанных выше территориях, составляет около 700 000 человек.

Но этим не исчерпывается число жертв, понесших евреями бывшей Великой Румынии. Более 151 000 евреев Северной Трансильвании были сосланы венграми. Вернулись из Освенцима лишь около 16 000 человек[52].

Цифры, приведенные Раду Иоанидом, о количестве евреев Румынии, Бессарабии, Буковины, Транснистрии и Северной Трансильвании, убитых в 1940–1944 годах фашистами, явно занижены. Об этом свидетельствуют данные других исследований и работ, цитируемых выше.

Р. Иоанид пишет, что до начала военных действий против Советского Союза подразделения румынской армии и члены Железной гвардии осуществили несколько погромов: в Дорохое 1 июля 1940 года было 50 жертв, в Галацах 30 июня 1940 года – 400 жертв, в Бухаресте 24 января 1941 года – 120. В Ясском погроме 29–30 июня 1941 года погибло 8000–12 000 евреев[53].

Как утверждает Ж. Анчел, во время погрома в Дорохое было убито около 200 человек[54]. В Бухаресте в устроенной железногвардейцами бойне потеряли жизнь 130 евреев. Многие евреи были убиты легионерами во время мятежа в других местах Румынии[55]. В Яссах в дни погрома убито 14 850 евреев. Около 4000 было выслано из города двумя «поездами смерти»[56]. Из них примерно 1600 человек выжили[57].

Р. Иоанид считает, что из 300 000 евреев Бессарабии и Северной Буковины около 100 000 были сосланы советской властью в Сибирь, мобилизованы в Красную Армию или сами эвакуировались в глубь страны после начала войны. Следовательно, после 22 июня 1941 года в Бессарабии и Северной Буковине осталось только около 200 000 евреев[58].

Р. Иоанид допускает ряд неточностей. Количество евреев, высланных в Сибирь в 1940–1941 годах, не превышало 6000–7000[59]. Всего было депортировано около 300 000 человек – молдаван, украинцев, русских, болгар, гагаузов, армян, греков и других[60]. В первые дни войны жителей Бессарабии и Северной Буковины любой национальности, как правило, не призывали в ряды Красной Армии. Даже те несколько тысяч, которые в спешке были мобилизованы, были вскоре отпущены. Им не доверяли. Опасаясь немцев и румын, евреи двинулись на восток, но одни были вынуждены, не переправившись через Днестр, вернуться, другие были настигнуты фашистами в родных местах, третьи застряли в Одессе и в других городах и местечках между Днестром и Бугом[61]. Лишь немногим посчастливилось добраться до Средней Азии или Сибири. Считать, что каждый третий еврей убыл в течение одного года из Бессарабии и Северной Буковины – невероятная фантазия.

Р. Иоанид не учитывает также, что после ноты-ультиматума 26 июня до середины декабря 1940 года из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину прибыло много десятков тысяч евреев[62]. В течение года (июнь 1940 – июнь 1941) советская власть направила в освобожденные края для организации производства, администрирования, здравоохранения, просвещения и т.д. много тысяч советских граждан, среди которых были и евреи.

Таким образом, к началу второй мировой войны в Бессарабии и Северной Буковине евреев было намного больше 200 000, полагает Р. Иоанид[63]. Об этом свидетельствуют и документы румынских и немецких властей, называющие количество убитых и депортированных евреев из Бессарабии и Северной Буковины.

Р. Иоанид указывает, что десятки тысяч евреев были казнены румынскими жандармами или румынскими и немецкими военными в первые месяцы войны. Со ссылкой на Р. Хильберга он пишет, что около 45 000 евреев были убиты или умерли «естественной смертью» в пересыльных лагерях до их депортирования. Из пересыльных лагерей в Секурянах, Единцах, Вертюжанах и Маркулештах, а также из гетто в Черновцах, Кишиневе и других были угнаны в Транснистрию 126 000 человек. В Бессарабии не остался в живых ни один еврей. В Северной Буковине, в Черновицком гетто, сохранились 16 000 евреев. Из уезда Дорохой были сосланы 12 000 человек[64].

Но и эти цифры опровергаются. Осенью 1941 года в Транснистрию было отправлено, по румынским сведениям, около 140 000 евреев[65]. И. Антонеску на суде признал, что были депортированы 150 000–170 000[66]. В. Фильдерман указывает цифру в 190 000–200 000 евреев, сосланных в Транснистрию[67]. А.Шачан пишет, что из уезда Дорохой были высланы за Днестр 15 230 человек[68]. Р.Иоанид не учитывает, что многие тысячи евреев остались лежать на дорогах к Транснистрии[69].

Что касается евреев Транснистрии, то есть «украинских» евреев, то Р.Иоанид считает, что минимум 22 000 (по данным абвера – 40 000) были казнены румынами в октябре 1941 года в Одессе. Более 30 000 евреев из Одессы были депортированы румынами в начале 1942 года в Березовку. В декабре 1941 года – январе 1942 года в Богдановке, Доманевке и Акмечетке румынами, по приказу префекта М. Исопеску, были убиты 70 000 евреев, в основном украинских. Более 30 000, главным образом украинских, евреев были казнены немецкими колонистами в районе Березовки. Таким образом, общая цифра украинских евреев, уничтоженных румынами и немцами в Транснистрии, как указывает Р. Иоанид, составляет примерно 150 000–170 000[70].

Относительно украинских евреев Транснистрии имеются другие данные. По мнению С.Я. Борового, только в Одессе в октябре 1941 года оставалось не менее 120 000 евреев[71]. И.М. Леензон пишет, что в Одессе были истреблены около 100 000 евреев[72]. «Encyclopedia of the Holocaust» подтверждает эту цифру (99 000 евреев)[73]. Ю. Фишер полагает, что примерно 132 000 местных украинских евреев были уничтожены румынами и немцами[74]. Ицхак Арци пишет, что в Транснистрии погибли 170 000 местных евреев[75]. «Encyclopedia of the Holocaust» указывает цифру в 185 000 украинских евреев[76]. По мнению А. Шачана, Транснистрия потеряла 310 000 местных евреев[77].

Не следует забывать, что в Одессе и во многих других местах Транснистрии румынами были казнены и евреи, уехавшие из Бессарабии и Северной Буковины, которые не смогли эвакуироваться дальше на восток.

Таковы печальные цифры, отвергающие подсчеты Р. Иоанида. Правда, он допускает, что количество евреев, убитых в Транснистрии, может быть больше. Им приведены, как он отмечает, минимальные цифры, содержащиеся в румынских официальных документах того времени[78].

* * *

Цифры, опубликованные в «Historical Atlas of the Holocaust», – 350 000 евреев, в «Revista cultului mozaic» – 392 000 евреев, в книге воспоминаний д-ра Мозеса Розена и в одной из статей д-ра Вильгельма Фильдермана – около 400 000, в «The Chronological Atlas of World War Two» – 470 000, должны быть уточнены. Заслуживают доверия утверждения Эдуарда Мезинческу о том, что только Бессарабия и Буковина потеряли 299 516 евреев[79], заключение Доры Литани о количестве убитых украинских евреев – 170 000–175 000, или по сведениям «Encyclopedia of the Holocaust» – 185 000[80], как и цифры истребленных евреев в Северной Трансильвании – 130 000, по данным книги «Remember», и 150 000 – по мнению М. Розена[81].

* * *

Ответственность за гибель евреев Бессарабии, Буковины, Транснистрии и Старого Королевства лежит, в первую очередь, на Ионе Антонеску, главе государства. Об этом пишут многие его сподвижники, например, Раду Лекка, и такие современные авторы, как Дж. В. Войкулеску, Э. Мезинческу и А. Пиппиди.

Так, Раду Лекка считает, что любой честный человек должен признать, что Антонеску в 1940 и 1941 годах покровительствовал всем антисемитским законам, составленным легионерами и генералами, патронировал депортации евреев в Транснистрию как из Бессарабии и Буковины, так и из Старого Королевства, создал лагеря уничтожения евреев в Транснистрии.

Антиеврейские законы устраивали не только легионеров и военных. Они были восприняты с удовлетворением многими слоями румынского общества: промышленниками, финансистами, коммерсантами, земледельцами, интеллигенцией и др. В соответствии с законами о румынизации они присвоили себе имущество, экспроприированное у евреев (заводы, банки, торговые фирмы, суда, угодья, леса, здания, больницы, школы и т.д.). Грабеж проводился в национальном масштабе. Он сопровождался насилием и государственным террором. В этом нашла свое материализированное выражение румынская фашистская идеология[82].

Эдуард Мезинческу приводит следующую цитату из выступления Антонеску на заседании Совета Министров от 16 декабря 1941 года: «Проблема жидов рассматривается в Берлине. Немцы хотят выдворить всех жидов из Европы в Россию и расселить их в определенные области. Но до исполнения еще есть время. Что мы будем делать с ними в это время? Подождем, что будет решено в Берлине? Будем ждать решения, которое касается нас? Мы должны обеспечить их безопасность? Загоняйте их в катакомбы, толкайте их в Черное море, но выставьте их из Одессы. Я ничего не хочу знать. Пусть погибнет сотня, пусть погибнет тысяча, пусть погибнут все...»[83].

На заседании Совета Министров 15 апреля 1941 года Ион Антонеску заявил: «Даю дорогу толпе, чтобы вырезать» евреев. «Я удалюсь в мою крепость и после того, как их истребят, я восстановлю снова порядок...»[84]. Сказано откровенно и предельно ясно.

Лицемерие, лживость и трусость маршала Антонеску явно прослеживаются в его обращении к румынской армии 1 января 1944 года, когда поражение фашистского блока уже ни у кого не вызывало сомнений. Без стыда и совести он утверждал, что действия румынских солдат в оккупированных краях были мягкосердечными и человеческими, что в местах, где они проходили, никто не был ограблен и не был побит, что для них человек был человеком, независимо от их взаимоотношений, от национальности, от того зла, которое он им причинил. И далее он цинично заявлял: «Мы никого не депортировали и никому не вонзили кинжал в грудь. В наши тюрьмы не были брошены и в них не томятся невинные люди. Вероисповедание всех и политическое кредо каждого были соблюдены. Мы не оторвали ни людей, ни семей от их жилищ по политическим

или национальным мотивам»[85]. Очевидно, Антонеску не считал людьми евреев, цыган, сектантов, интернационалистов и др.

Однако на суде Антонеску был вынужден признать, что по его подсчетам были депортированы «максимум 150 000–170 000 евреев», но уточнил, что евреи Бессарабии и Буковины были высланы по мотивам военно-политической безопасности, а также «для их собственной безопасности» (sic!)[86].

Невинной кровью сотен тысяч евреев обагрены руки губернатора Бессарабии генерала Константина Г. Войкулеску, губернатора Буковины генерала Корнелиу Калотеску, губернатора Транснистрии проф. Джеордже Алексиану, главного претора румынской армии генерала от жандармерии Иона Топора, генерального инспектора жандармерии по Бессарабии полковника Т.Мекулеску, генерального инспектора жандармерии по Буковине полковника Иона Мынекуцэ, генерального инспектора жандармерии в Транснистрии генерала Эмиля Броштяну и позже Михаила Илиеску, генералов Николая Мачича, Константина Трестиоряну, Константина З. Василиу, подполковников Михаила Никулеску, Николае Деляну, Модеста Исопеску, коменданта «Эшелонов» Эуджена Кристеску и других, отдававших приказы о депортации и уничтожении еврейского населения, а также руки исполнителей кровавых злодеяний – служащих румынской армии, жандармерии, секретной полиции (SSI), специальных подразделений («Eşaloane operative» и «Eşaloane speciale»), администрации и неисчислимого количества гражданских лиц[87].

Ответственность за ограбление и уничтожение сотен тысяч евреев Бессарабии, Буковины, Транснистрии и Старого Королевства несут не только военные, но и идеологи румынского фашизма и расизма. Своими писаниями и выступлениями они отравили сознание рядовых, часто малообразованных, кузистов и легионеров и подвели их к совершению с невиданной жестокостью массовых убийств.

Среди апологетов румынского нацизма, пропагандистов ксенофобии и ярого, звериного антисемитизма были университетские профессора, ученые, даже академики, писатели, журналисты, вожди политических партий, министры, священники, врачи и др. Особое место занимали Александру К. Куза, Николае К. Паулеску, Николае Йорга, Петре П. Панаитеску, Октав Оническу, Траян Брэиляну, Михаил Манойлеску, Нае Ионеску, Ион Гэвэнескул, Александру Рэзмерицэ, Траян Херсени, Никифор Крайник, Октавиан Гога, Мирча Елиаде, Эмиль Чоран, Раду Деметреску-Джир, Дан Ботта, Винтилэ Хориа, Константин Нойка, Михаил Полихрониаде, Памфил Шейкару, Стелиан Попеску, Илие Рэдулеску, Мирча Вулкэнеску, Николае Креведиа, Ион Веверка, Николае Рошу, Михаил Визиряну, Ион Попеску-Прундень, Леон Цопа, Валериу Кырду, Александру

Ранда, Ион Фоти, Эрнест Берня, Хорациу Команичиу, Тома Влэдеску, Константин Папаначе, Петре Типэреску, Александру Грегориан, С. Диманча, Корнелиу Зеля Кодряну, Василе Марин, Ион Моца, Хориа Сима, Константин Стойкэнеску, Ион Баня, Корнелиу Джеорджеску, Александру Кантакузино, Михаил Стурдза, Михаил Стелеску, Раду Миронович, Георге Климе и др.

Многие из них предстали перед судом и были по заслугам осуждены как преступники. В конце 30-х – начале 40-х годов некоторые умерли или были убиты. Другие разбежались по всему свету и до сих пор не понесли наказание[88].

Возведение памятников Иону Антонеску в городах Слобозия, Тыргу-Муреш, Пятра-Нямц, Лугож, Бакэу, в селе Лецкань – кощунство, безрассудный поступок, заслуживающий сурового осуждения[89].

В последние годы на страницах журналов и газет «Europa», «Naţiunea», «România Mare», «Ţara noastră», «Gazeta de Vest», «Glasul», «Dimineaţa», «Azi» и других печатаются статьи антисемитского содержания, авторы которых стараются доказать, что румыны (даже легионеры!) не являются антисемитами[90], отрицают Холокост или занижают число жертв еврейского населения периода 1940–1944 годов, пытаются оправдать действия палача Иона Антонеску и его камарильи. Они утверждают, вопреки исторической истине, что благодаря Антонеску в национал-исторической Румынии остались в живых 420 000 евреев.

Антонеску собственноручно дописал в объяснительной записке, адресованной Народному трибуналу: «Если бы меня не было, ни один еврей и ни один коммунист не был бы жив сегодня»[91].

В действительности, именно Ион Антонеску подписал приказ об интернировании евреев в пересыльные лагеря-гетто, об их направлении на принудительные работы, он приказал уничтожить всех евреев из Бессарабии, Буковины и Транснистрии, истребить евреев Одессы[92]. После разгрома немцев и румын под Сталинградом, когда уже стало ясно, что поражение гитлеровского блока неминуемо, Антонеску отказал немцам в массовой депортации оставшихся в живых евреев из Старого Королевства в Освенцим, Белзек и др. Однако тот же Антонеску в апреле 1943 года сообщал Риббентропу, что хотел бы выслать в Крым для работы в шахтах 100 000 румынских евреев. Остальным евреям Румынии Антонеску был согласен разрешить эмигрировать в Палестину ценой огромных денег[93]. Таким образом, разгром под Сталинградом и колоссальные деньги спасли евреев Старого Королевства от депортации и гибели.

Миф о заслугах Иона Антонеску в сохранении жизни евреев Румынии развеян Раду Леккой, уполномоченным правительства для регламентирования еврейских проблем в Румынии, одним из сподвижников палача.

С декабря 1941 года по 23 августа 1944 года Раду Лекка был генеральным комиссаром правительства, фактически руководителем Центральной организации евреев Румынии, им же созданной. За осуществление политики национал-легионерского правительства Антонеску по еврейскому вопросу Раду Лекка был приговорен к смертной казни. Декретом короля Михая I этот приговор был заменен пожизненным заключением. Отсидев 18 лет и 6 месяцев, Лекка был освобожден в 1963 году. В 1994 году мемуары Р. Лекки были опубликованы под вызывающим названием «Я спас евреев Румынии». Раду Лекка – друг Альфреда Розенберга (руководитель внешнеполитической службы национал-социалистической партии) – лавировал между Ионом Антонеску и бароном Манфредом фон Киллингером, германским послом в Бухаресте, с его представителями гестапо Густавом Рихтером и Куртом Гейсслером, профессиональным посредником между румынским правительством и немецким посольством.

Евреи Румынии ценной колоссальных денег дожили до 23 августа 1944 года, не были депортированы из страны, как того требовали немцы[94]. Однако сотни тысяч евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии были уничтожены при попустительстве руководства Центральной организации евреев Румынии, которое, что весьма поразительно, не считало себя ответственным за сохранение их жизней якобы потому, что Бессарабия, Буковина и Транснистрия были объявлены военными зонами и управлялись военными.

Весной 1944 года, перед освобождением Транснистрии Красной Армией, Центральная организация евреев Румынии добилась разрешения Иона Антонеску освободить из лагерей-гетто Транснистрии и вернуть в Румынию 8000 евреев из Дорохоя за «таксу маршала» в 2 миллиарда лей. И снова эта организация не проявила заботу об евреях Бессарабии, Буковины и Транснистрии, жизням которых угрожали отступающие немецкие и румынские войска[95].

Эмиграция евреев Румынии в Палестину стала источником многомиллиардных взяток для руководителей румынских военных и гражданских ведомств и даже для многих нечистых на руку евреев[96].

* * *

1 Мая одесситы праздновали весело, торжественно приподнято. Закончились мрачные годы оккупации, румын и немцев прогнали из города, люди надеялись на скорое окончание войны и на возвращение родных. Вечером был салют. Каждый выстрел сопровождался ликующими выкриками «Ура!». Это был первый салют победы после почти трех лет войны.

Поздравляя военных, горожане им желали добиться скорейшей победы над коварным врагом и вернуться домой здоровыми.

Мама, Фира и я в этот первый праздничный день после нашего освобождения из гетто думали только о папе, мечтали об его возвращении, о восстановлении нашего семейного очага.

* * *

Как-то вечером мы обсуждали наше положение. Фира уже выходила ежедневно на работу, готовилась вместе с Госбанком к переезду в Аккерман. Мама же не работала. У нее не было никакой профессии, она всегда занималась домом, жила интересами семьи. Было ясно, что она будет жить вместе с Фирой, хотя бы пока не вернется отец. Мне нужно было пойти учиться в 10-й класс, закончить десятилетку, потом я собирался поступать в институт, получить специальность. Но шла война. Я очень несмело высказал свое желание отложить на время учебу и пойти добровольцем в Красную Армию, так как мой год рождения был призывной, и мстить фашистам за невинно убитых наших родных, за наши унижения и страдания. Мамина реакция была мгновенной. Я не помнил, чтобы она когда-нибудь так плакала и сокрушалась. Она ломала себе пальцы, всхлипывала и с надрывом говорила, что она не знает, что с папой, жив ли он, а теперь и я хочу уйти на войну, такой слабый, истощенный, необученный, если меня убьют, она этого не переживет.

Мы с Фирой с трудом ее успокоили. Мы ей твердили, что папа жив и вскоре получим весточку от него, что на фронте не всех убивают, а бить фашистов и приблизить день победы – наш долг, ведь они принесли всем людям, и особенно евреям, столько страданий. Мама немного успокоилась, но еще долго не отпускала мою руку.

Мама меня очень любила, гордилась мною. Она нам много раз рассказывала, что я родился в «сорочке» (признак счастья, удачи) и одна цыганка ей гадала и предсказала мне долгую жизнь и большой успех. Мама в это крепко верила. Помнится, что, когда я закончил начальную школу и получил премию, когда я поступил в лицей «Н. Бэлческу» и сдал экзамены с общим высоким баллом 7,67 и оказался одним из двух еврейских мальчиков, принятых в первый класс этого престижного государственного учебного заведения, когда я успешно сдал экзамены «de capacitate» (на умственные способности) при переходе в 5-й класс лицея и во многих других случаях, мама неизменно повторяла, что она была уверена, что так и будет, ибо ее цыганка в этом заверила.

После долгих бесед и, конечно, со ссылками на предсказания

гадалки о моем везении и предначертанном счастье, Фира и я уговорили маму разрешить мне пойти в военкомат.

5 мая 1944 года я пошел в Сталинский райвоенкомат города Одессы и попросил призвать меня в армию. Со мной беседовал пожилой, как мне тогда казалось, офицер. У меня не было ни одного документа, свидетельствующего, что я – это я, где и когда я родился, какое у меня образование, что я находился в гетто и т.п.

Этот офицер отнесся ко мне как отец, сочувственно, даже ласково. Когда я ему рассказал, что папа после почти трехлетнего пребывания в гетто был мобилизован полевым военкоматом и мы не знаем, что с ним и жив ли он, что в чужом городе остались мать и сестра, которые ждут освобождения Аккермана, чтобы вернуться домой, он нашел приказ № 336–42, согласно которому я не могу быть взят в армию. Он велел мне уйти. Я чуть не расплакался тогда и сказал ему, что фашисты убили наших родных и я должен отомстить за них. Он задумался, помолчал, перечитал страничку с моими данными, что-то написал на ней и вышел. Мне он сказал ждать его в коридоре.

Было уже поздно, и я проголодался. Денег у меня не было, да и уйти я не мог. Наконец, появился мой офицер. Он улыбнулся мне и сказал, что направляет меня в Артиллерийскую школу, где размещается запасной полк.

Этот добрый человек обнял меня, пожал руку, пожелал хорошо воевать, вернуться с победой и здоровым домой. Сопровождающему солдату он дал мою папку. Вместе с еще двумя молодыми мужчинами мы пошли в Артиллерийскую школу. Шли молчком довольно долго. С одной стороны, я был доволен, что меня все же взяли в армию, что я добился своего, а с другой – мне было грустно, я себе представлял мамины переживания.

Было уже темно, когда мы подошли к воротам школы. Солдат сдал нас и пакет документов дежурному офицеру и ушел. Мы остались ждать на проходной. Через некоторое время дежурный офицер вернулся и сообщил, что уже поздно и нас не принимают. Он отпустил нас домой и велел явиться утром.

Я не знал дорогу домой, но, к моему счастью, те двое мужчин провели меня до ворот. Они жили поблизости, и мы договорились, что утром я буду их ждать на этом же месте.

Когда я вошел в комнату, мама и Фира забросали меня вопросами. Мама надеялась, что мне отказали. Я ее успокоил, сказав, что направлен в запасной полк, что буду обучаться военному делу. Я даже приготовил себе блокнот и карандаш, чтобы конспектировать лекции. Мама и Фира обещали приходить ко мне, пока я буду находиться в этом полку.

* * *

В то время, когда я был в военкомате, принесли письмо от тети Иды – ответ на нашу телеграмму. Она выражала свой восторг по поводу того, что мы остались живы. Ида жила безвыездно в Москве даже в тяжелые дни, когда немцы окружили город и рассматривали его в бинокли. Строила баррикады, копала противотанковые окопы. Ее труд и отвага были отмечены медалью «За оборону Москвы». Тетя Ида писала, что ее дочь Грета (Генриетта), ровесница Фиры, закончила в эвакуации Московский юридический институт и работает военным следователем в городе Череповце Вологодской области. И Грета была рада узнать, что мы уцелели.

Тетя Ида коротко сообщала нам, что тетя Геня, дядя Исидор и Леня живы. Во время оккупации они находились в Черновицком и в Единецком гетто. Все они тяжело работали, страдали от голода. Над ними издевались. Советские войска их освободили 29 марта 1944 года.

Ида дала нам их адрес: гор. Черновцы, ул. Александру чел Бун, дом 13. Таким образом, Ида нашла Геню и ее семью и нас. Ей осталось еще найти папу.

* * *

Утром 6 мая втроем (я недолго ждал моих новых знакомых) мы явились в полк. Начался армейский этап моей жизни. Я волновался.

Сначала нас накормили, довольно сытно, а потом повели в казарму. В огромных спальных комнатах стояли ряды двухуровневых нар на всю длину помещения. У входа были тумбочка и стул. Рядом стоял дневальный. Ни на нижних, ни на верхних нарах мест не было. Многие лежали на полу. Втроем (мы держались вместе) заняли уголок. Я осмотрелся. Здесь были люди разного возраста. Все в гражданской поношенной одежде. У некоторых были котомки, которые здесь служили им подушками. Одни держались группами, оживленно и громко разговаривали. Другие лежали молча, погруженные в свои мысли.

Постоянно приводили новых людей. Военкоматы, очевидно, присылали «чернорубашечников», забирали в Одессе тех, кто уклонился от службы в рядах Красной Армии. Были, наверное, и дезертиры, и считавшиеся непригодными к строевой службе, и симулянты, и др.

Спать мне не хотелось, но я лег на голом полу, закрыл глаза и задумался. Больше всего я волновался за папу. Где он? Жив ли он? Не лежит ли он искалеченный, одиноко, в госпитале? Мама не перенесет этого несчастья. И что будет с Фирой? Ей уже 22 года.

Найдет ли она порядочного человека, мужа, чтобы создать крепкую еврейскую семью? О себе я не тревожился. Я был уверен, что ничего плохого со мной не случится.

Из такого состояния меня вывел голос дневального. Меня вызывали в Особый отдел. Я попросил моих знакомых придержать, на всякий случай, мое место и пошел за каким-то сержантом. В Особом отделе офицер сосредоточенно изучал папку, где, полагаю, лежало сопроводительное письмо из Сталинского райвоенкомата. Он подробно расспросил меня о себе и о семье, по ходу делал какие-то заметки. Потом велел мне написать автобиографию. Когда я закончил, он взял мои страницы и стал сверять написанное мною с его записями. Последовали уточняющие, хитро составленные вопросы.

Поскольку я рассказал и написал только правду, он не смог ни к чему придраться. К концу допроса он сказал, что я буду направлен в распределительный батальон 188-го запасного стрелкового полка.

Тот же сержант отвел меня в другую казарму, где народу было меньше. Я выбрал себе место на верхних нарах. От нечего делать я начал вести дневник. Написал первые несколько страниц.

После ужина я нашел своих старых, как уже казалось, знакомых и, гуляя по зеленому ухоженному парку школы, дышащему спокойствием, рассказал им, где я был, о чем со мной разговаривали и куда направили. Мои собеседники, взрослые и более опытные люди, успевшие уже поговорить с другими мобилизованными, тут же сделали вывод: Особый отдел еще будет разбираться со мной. И они оказались правы.

* * *

За месяц Крым был полностью освобожден от немецких и румынских захватчиков.

На Керченском полуострове находились 5-й армейский корпус, 6-я кавалерийская и 3-я горнострелковая дивизии румын. На побережье Крыма были дислоцированы 1-я и 2-я горнострелковые и 9-я кавалерийская румынские дивизии.

11 апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта взяли города Джанкой и Керчь, 13 апреля – Симферополь, Евпаторию и Феодосию, 14 и 15 апреля – Бахчисарай, Судак и Алушту.

В стане врага резче наметились разногласия. Румыны предпочитали сдаваться в плен. Некоторые румынские войсковые части, как явно ненадежные, немцы снимали с фронта и сосредоточивали в районе мыса Херсонес для эвакуации. Немцы подтягивались к Севастополю. В вопросах последовательности эвакуации между немецкими и румынскими частями, как пишет

А.Василевский, происходили большие недоразумения, сопровождавшиеся огнем.

10 мая войска 4-го Украинского фронта штурмом овладели Севастополем. В Севастополе и на мысе Херсонес были взяты в плен 25 тысяч немецких и румынских солдат и офицеров, много боевой техники, снаряжения и другого военного имущества[97].

В середине мая силы 4-го Украинского фронта уже были переброшены из Крыма в Нижнее Поднестровье для преодоления сопротивления противника.

* * *

Тем временем мы занимались военным делом. Меня определили в роту ПТР. Вдвоем мы таскали на плечах ствол противотанкового ружья и в руках – части к нему. На огромной учебной площадке мы осваивали устройство ружья. Обучал нас молодой сержант по фамилии Злыдкин, родом из Средней Азии. Он успел закончить полковую школу, побывал на фронте, был ранен и после излечения его направили в наш запасной полк. Злыдкин был добр и очень старался передать нам все свои знания.

Нужно было быть физически здоровым, чтобы с таким тяжелым ружьем быстро, почти бегом, менять позиции. Правда, перекуры затягивались надолго, и мы с напарником успевали отдохнуть. О чем только ни говорили во время этих перерывов! Обсуждали положение на фронтах, особенно на 4-м Украинском. Вспоминали трудности и лишения первых лет войны, разрушенные города и села, потоки беженцев, извещения о пропаже без вести или о смерти родных и близких, говорили о десятках тысяч молодых людей-калек, о голоде и холоде в тыловых районах и т.д. Чувство патриотизма и сильное желание мести были присущи всем бойцам.

В нашей роте ПТР еврей был один – я. Ко мне все относились хорошо.

После сытного ужина нас водили строем, с песнями, в кино под открытым небом. Помню, первый фильм, который я посмотрел после 1941 года, был «Радуга», по мотивам книги В. Василевской.

* * *

Прошла, наверно, неделя, и меня снова вызвали в Особый отдел. Мне задавали те же вопросы: где я родился, чем занимались мои родители, какое у меня образование, почему мы уехали из Румынии в 1940 году, почему в 1941 году мы остались в Одессе, а не ушли

Карта из СА, р. 179

дальше на восток, почему в гетто нас не убили и все члены семьи остались живы, где находится теперь мой отец, имею ли я родственников в Румынии или в другом месте за границей и т.п. Ответы записывались, и мне давали расписаться, что я подтверждаю их истинность.

Через несколько дней меня перевели в седьмую роту второго

батальона. Здесь меня окружали представители разных национальных меньшинств: молдаване, болгары, гагаузы, греки, поляки, словаки, чеченцы, калмыки и др. Прошел слух, что формируются национальные армии, полки, батальоны и т.п.

В летние лунные ночи тихо звучали в парке школы темпераментные песни кавказцев, степные печальные мелодии волжан, знакомые мне молдавские дойны. Люди гнали тревожные мысли о будущем, вспоминали свой край, семью, друзей.

По вечерам в субботу и воскресенье к Артиллерийской школе приходили родственники однополчан: матери, жены, сестры и братья, дети. У высокого железного забора подолгу стояли: нежно гладили головки детей, с грустью и надеждой, как бы прощаясь, смотрели в глаза своим любимым, подбадривали родителей.

Люди старались помочь друг другу. Многие приносили своим мужьям и сыновьям вкусную домашнюю еду, колбасу, сало, а то и бутылку самогона или бутыль вина. Солдаты отдавали маленьким детям сахар, американские банки со сгущенным молоком, с тушенкой, а старшим – брюки, гимнастерки или лишнее нательное белье. Те, у кого не было родственников в городе, передавали через знакомых письма или пакеты для своих.

Мама и Фира приходили ко мне довольно часто. Мой первый вопрос всегда был один и тот же: есть ли письмо от папы? Но вестей от него по-прежнему не было.

Мама не могла насмотреться на меня. От сытной солдатской пищи, пребывания на свежем воздухе и относительно спокойного образа жизни я, видно, поправился и стал смотреться лучше. У меня было новое, только полученное со склада обмундирование – брюки галифе, заправленные в крепкие кирзовые сапоги, гимнастерка с подшитым белым воротничком и блестящими металлическими пуговицами, широкий кожаный ремень со сверкающей пряжкой и пилотка с красной звездой. Мама нежно поглаживала мои густые черные волосы и молила Бога, чтобы война поскорее кончилась.

Фира хорошо работала, и ее поставили в очередь на получение квартиры в Одессе.

* * *

Несколько дней спустя поляков и словаков вызвали в канцелярию полка. Им велели взять все вещи. Им не сказали, куда их направляют. Но так как линия фронта подходила к государственным границам, все предполагали, что создаются национальные армии. Прощание с нами было теплым, товарищеским.

Наш батальон не занимался больше военной подготовкой. Нас

посылали на разные работы. Мы пилили дрова для бани и кухни, качали и таскали воду, чистили картошку, убирали казарменные помещения, дежурили и т.п. Но эта работа не была сильно утомительной. Я выполнял ее охотно, как для своего рода физической закалки.

Почти ежедневно из нашего запасного полка отправлялись роты и батальоны. За ними приезжали «покупатели», как их называли солдаты, из разных родов войск и частей. Во главе колонны шел полковой оркестр. Звуки маршей как-то подбадривали людей, поднимали настроение. От ворот Артиллерийской школы, которая находилась между третьей и четвертой станциями Большого Фонтана, и до вокзала солдат сопровождали родственники, друзья и просто чужие люди. Некоторые шли с солдатами в обнимку. Они сливались в единый поток.

Мы смотрели им вслед. Было грустно. Ведь на войне, как на войне, всякое случается и печального больше, чем радостного.

* * *

К нам в батальон прибыло два еврея. Оба были старше меня. Розенберг – родом из Черновиц, а Юсим – из Кишинева. Розенберг и Юсим тоже прошли через гетто, потеряли родных, чудом уцелели и полевым военкоматом были направлены в наш запасной полк.

Я познакомил их с мамой и Фирой. Им не верилось, что наша семья осталась жива после почти двух с половиной лет нахождения в гетто. Таких семей было, действительно, мало. Розенберг и Юсим успокаивали маму. Они заверяли ее, что и папа находится в каком-нибудь запасном полку. И маме становилось легче, ей хотелось им верить.

Эти умные мужчины считали, что нас не пошлют на фронт. Молдаван, болгар и греков потому, что боевые действия вскоре развернутся на Балканах и к ним нет доверия, калмыков и чеченцев – потому, что их народы якобы перешли на сторону немцев и многие воевали против советских войск, а нас, трех евреев, – потому, что мы были родом из Румынии, Бессарабии и Буковины.

Я подружился с Розенбергом и Юсимом. Мы держались вместе. Как-то вечером пошли в кино. Смотрели «Два друга». Фильмы того времени были оптимистичны, поднимали настроение солдат, вселяли уверенность в победу.

* * *

После одного из очередных вызовов в Особый отдел мне стало ясно, что смущало его опытных и очень подозрительных работников. Я родился заграницей, в Брэиле, а Румыния воевала

вместе с Германией против Советского Союза. Мои родители были зажиточны, то есть я, очевидно, из буржуев. Я учился в лицее, значит, нет сомнения, пропитан другой идеологией. В 1940 году мы переехали в Бессарабию неизвестно с какой целью, ведь от добра добра не ищут. В 1941 году, надо думать, мы остались преднамеренно в Одессе, ведь факт – румыны и немцы не убили нас, евреев, а это было для особистов совсем непонятно.

Я не мог им возразить, что, когда я родился, Румыния не была в состоянии войны с СССР, что мои родители много и честно работали, чтобы занять определенное положение в обществе, что моя сестра и я, еврейские дети, пошли учиться в государственные лицеи, чтобы получить хорошее образование, что в 1940 году наша семья все бросила и переехала в Бессарабию, чтобы не оказаться в национал-легионерском антисемитском государстве, что в 1941 году мы не смогли достать талоны для эвакуации пароходом для всей нашей большой семьи, а выжили мы потому, что нас Бог не оставил и нам сильно повезло. Нам помогали честные и благородные люди – русские, украинцы, румыны, а наша семья была спаянной, мы были безгранично преданы друг другу, физически здоровы и рассудительны.

* * *

«Покупатели»-пограничники отобрали Юсима как переводчика с молдавского языка. Он был очень доволен. Ему обещали, что он будет сопровождать командира полка. К тому же, возможно, ему удастся вскоре побывать дома, в Кишиневе. Мы были рады за него.

При перегруппировке взводов, рот и батальонов я оказался в 6-м взводе 6-й роты 2-го батальона. Командиром взвода был лейтенант Анкишкин. Во взводе были собраны лица 15 национальностей. Нас посылали работать в поле, помогать пригородному колхозу. Солдаты, бывшие крестьяне, работали с большой охотой, они соскучились по мирному труду. Погода стояла отличная. Люди трудились с песнями и чувствовали себя превосходно.

Вечером к забору школы пришли мама, Фира и жена Абрамовича, моего нового сослуживца. Они нам рассказали, что в городе объявлена мобилизация женщин в возрасте от 17 до 35 лет для работы по восстановлению города. Это решение не коснулось Фиры, которая работала в банке, и мамы, которой было 43 года.

Мама баловала меня. Она принесла теплыми два кусочка фаршированной рыбы и коржики. Так вкусно только она умела готовить. Ей было приятно слышать мою похвалу. От папы вестей не было.

* * *

5 июня около 11 часов дня в срочном порядке были отправлены на фронт полностью экипированные около двух тысяч солдат. Говорили, что к северу от румынского города Яссы началось наступление немцев против войск 2-го и 3-го Украинских фронтов.

В армейской газете крупными буквами сообщалось, что американские войска освободили Рим. В каждом таком известии мы видели приближение конца войны.

6 июня мы услышали по радиоточке новость о том, что десантные подразделения армий Великобритании, США и Канады высадились на северном побережье Франции, открыв новый фронт. В этой операции участвовали 4000 судов и 15 000 самолетов. Весь наш полк с радостью только об этом крупном успехе и говорил[98].

В Артиллерийскую школу привели немало молдаван с левобережных районов Днестра. Многие из них не говорили по-русски. Они держались особняком.

Примечания

[1] B, с. 404–408; DO, p. 381; RDRM, p. 501–502; БСЭ, т. 18, с. 306; MAMA, II, p.238–243.

[2] DO, p. 385.

[3] J, p. 20; VR, p. 78; HSU, p. 133–138; B3M, с. 10.

[4] Б, с. 21; BNU, p. 78; P, p. 237; SBI, p. 68–69; PMAD, I, p. 105-106, 117; PD; SD; DQW; Ал. Шафран писал (цитирую дословно): «В том же месяце, июне, румынские войска вошли в Бессарабию и истребили еврейское население с невообразимой жестокостью, даже хуже, чем свирепость, проявленная на Буковине». ŞTF, p. 78.

[5] ŞTF, p. 86.

[6] CSN, p. 485–503.

[7] HSU, p. 134. На заседании Совета Министров 3 ноября 1943 года Ион Антонеску поучал министров: «Мы можем делать все что угодно, но мы не должны издавать законы». «Только дурак убивает и грабит законным порядком». «...Любое действие имеет последствия и во внутреннем политическом плане, и во внешнем политическом плане. Мы должны закрутить гайки без законов и без шума. Можно сделать многое без того, чтобы издавать приказы».

Заместитель председателя Совета Министров Михай Антонеску на заседании Совета Министров 29 сентября 1942 года сетовал, что все же были сделаны фотографии транспортировки евреев и эти фотографии могут представлять за границей свидетельства варварских действий, совершенных румынами, «в то время, как они утверждают, что борются против коммунистического варварства». PESCM, p. 522–523, 449.

[8] D, X, p. 46–52; PESCM, p. 75.

[9] D, X, p. 49, 50, 59; PESCM, p. 79. Л. Волович указывает цифру в 767 000 евреев, т.е. 5 % всего населения Румынии. VIN, p. 42; RDRM, p. 273–276.

[10] CS. Цит. по D, X, p. 494.

[11] R, p. 15; Rosen Moses. Alţi actori, aceeaşi piesă. RCM, nr. 769 din noiembrie 1993, p. 8; RL, p. 23; AER.

[12] HAH, p. 13–14; PESCM, p. 24, 75–79; FAA, p. 110. Неправдоподобным кажется утверждение премьер-министра О. Гоги о том, что в Румынии в 1937 году имелось полтора миллиона евреев. SBI, p. 137. Чрезмерно преувеличенным следует считать и распространенный в прессе слух о том, что в Румынии в предвоенные годы находились 2–2,5 миллиона евреев. Этому числу поверила и немецкая печать. PESCM, p. 86.

[13] PESCM, p. 25–27.

[14] PESCM, p. 39–40.

[15] D, V, p. 306–314, 345–349, 455–457; ЛОЛ, с. 166–167.

[16] В приводимом списке сохраняется орфография цитируемых работ.

[17] D, V, p. 470.

[18] D, V, p. 192; AM, p. 43.

[19] D, V, p. 510–513.

[20] PESCM, p. 333; IE, p. 249, 252.

[21] PESCM, p. 364–365; PMAD, I, p. 258, 262–263.

[22] Б, с. 3; ЧК, с. 84; EH, vol. 3, p. 1080.

[23] MAH, maps 77–80, 316, p. 70–73, 244; HSU, p. 136–138.

[24] MCA, p. 97.

[25] F, p. 119–125, 134–137.

[26] L, p. 5.

[27] Schechtman I. Transnistria. RCM, nr. 766 din septembrie 1993, p. 8; DO, p. 308; SBI, p. 151.

[28] L, p. 10, 106; DO, p. 308, 312; SBI, p. 159, 160, 440.

[29] В статистическом рапорте инспектората жандармерии, адресованном губернатору Транснистрии, от 9 сентября 1942 года, указывается, что из Бессарабии и Буковины были депортированы в Транснистрию 119 065 евреев: через Ямполь – 35 276, через Могилев – 53 913, через Тирасполь – 1090, через Рыбницу – 24 570 и через Овидиополь – 2216. PESCM, p. 106.

[30] L, p. 50–52, 104.

[31] L, p. 16, 33; Stephani Claus. Observaţii târzii asupra Holocaustului din România. RCM, nr. 731 din februarie 1992, p. 5; SBI, p. 50–51, 165–167; HSU, p. 136–138.

[32] L, p. 29, 33, 47; MCA, p. 96–97; MAH, p. 71, 76, 87; EJ, vol. 15, p. 1333; EH, vol. 4, p. 1145; P, p. 112, 224, 242; C, vol. III, p. 215–216, 225; LUB, p. 408; PMAD, II, p. 222; AJS, p. 34–43; SBI, p. 168; J, p. 20, 176; ЧК, с. 49–56, 80–88; IE, p. 248–252.

[33] Б, с. 28.

[34] Там же.

[35] D, V, p. 348, 354.

[36] B, p. 373–374; PMAD, I, p. 412; PMAD, II, p. 172; PS, p. 76, 118.

[37] L, p. 104–105, 107. А. Шачан в книге «Burning Ice. The Ghettos of Transnistria» в одном месте утверждает, что в Транснистрии было убито более 800 000 евреев (SBI, p. 151), а в другом – около 700 000 (SBI, p. 383).

[38] RCM, nr. 717 din iunie 1991, p. 6. По данным Ж. Анчела, во время погрома в Дорохое было убито около 200 человек. AJS, p. 46.

[39] RCM, nr. 720 din august 1991, p. 5; RAN, p. 5, 51, 59.

[40] EH, vol. 3, p. 1298.

[41] D.

[42] C.

[43] MRB; MRBD; MPI.

[44] CC.

[45] R.

[46] SJ; ȘÎ.

[47] MM.

[48] PS; PLA.

[49] RL.

[50] MD; MTȘ.

[51] RCM, RL, RI.

[52] SBI, p.382–383; Oișteanu Andrei. Stigmatul etnic. RE, nr. 20–21 din ianuarie-februarie 1996, p. 5.

[53] IS, p. 203.

[54] См. с. 156.

[55] См. с. 156; Constantiniu Florin. Desfășurarea evenimentelor din 21–23 ianuarie 1941. CN, din 20 ianuarie 1996, p. 8; RDRM, p. 313 указывает, что во время мятежа было убито 374 человека и тяжело ранено 380. Раду Лекка, хорошо осведомленный свидетель этих трагических событий, заявляет (цитирую): «Были истреблены, варварским способом, более пятисот евреев, а их трупы были подвешены на крюках для свиных туш на бойне». «Мойсеску (комиссар легионерской полиции – *Р.У.*) ... убийца этих 500 евреев, а Гейсслер (немецкий полицейский атташе – *Р.У.*) – моральный виновник». RL, p. 145, 146.

[56] См. с. 58.

[57] См. статьи, напечатанные в RE, N 30–31 за июнь-июль 1996 года.

[58] IS, p. 203–204; UND, p. 41–44.

[59] SBI, p. 28, 30; EH, p. 207 пишет, что в июне 1941 года советскими органами было депортировано 5000–10 000 бессарабских евреев. По другим сведениям, 13 и 18 июня 1941 года были высланы в Сибирь 3800 евреев из Буковины и несколько тысяч евреев из Бессарабии, всего около 10 000. PESCM, p. 385, 386; IE, p. 227–233, 398–399.

[60] HPM, с. 13. На заседании Совета Министров 26 февраля 1942 года Ион Антонеску признает, что «во время русского господства пропали или были депортированы и евреи, и другие иноземцы, не только румыны; были высланы даже их русские. Русские не преследовали только политику поражения румынского народа, потому что они депортировали и евреев, и болгар, и украинцев, и своих русских». PESCM, p. 381–382.

[61] SBI, p. 30; EH, p. 207–209.

[62] Общее число беженцев, возвратившихся из Румынии, превысило 220 000 человек. Л, с. 284. Беженцами из Румынии были не только евреи-коммунисты, как тенденциозно писали националистические газеты. М. Пелин утверждает, ссылаясь на архивные документы, что, например, 12 июля 1940 года баржами из Галаца в Рени были доставлены 97 румын, 288 евреев, 7 поляков, 514 русских, 143 болгарина, 10 украинцев, 3 венгра, 157 гагаузов, 79 немцев, 1 грек и 1 чех. PLA, p. 122.

Среди беженцев из Румынии были и коренные жители других провинций. Фальшивые удостоверения личности им выдавались за значительные суммы денег. Генерал Жак Попеску, товарищ министра внутренних дел, на заседании Совета Министров 11 апреля 1941 года докладывал, что в период легионерского правления квестура (полицейское управление) города Галаца выдавала евреям, которые хотели перебраться в Россию, фальшивые паспорта, и за это они платили определенные суммы денег. Очевидно, полученные средства были большие, ибо в квестуре обнаружили 766 000 лей. На этом же

заседании Ион Антонеску отметил, что в городе Галаце, где осуществлялся переход гражданского населения из Румынии в Бессарабию, отошедшую к СССР, были выявлены и другие беззакония. У отъезжающих евреев отбирались золотые предметы. Были составлены целые списки ювелирных изделий, на которых Александру Гика, генеральный директор сигуранцы (секретной политической полиции) во время легионерского правления, наложил письменную резолюцию: «Отдать госпоже Сима». Как известно, Хориа Сима, ее муж, был в то время заместителем председателя Совета Министров и главой легионерского движения. Ион Антонеску поручил генералу Жаку Попеску проверить это дело. Коррупция была характерна для высших чиновников Румынии. PESCM, p. 221–222, 228.

[63] IS, p. 204.

[64] IS, p. 203-205.

[65] См. с. 150.

[66] См. с. 160.

[67] См. с. 155.

[68] См. с. 157.

[69] См. с. 147.

[70] IS, p. 205–206.

[71] См. с. 153.

[72] См. с. 153.

[73] См. с. 153.

[74] См. с. 153–154.

[75] См. с. 154.

[76] См. с. 159.

[77] См. с. 157.

[78] IS, p. 206. Ср. IE, p. 227–233, 398–399.

[79] MM, p. 112, 113; HAH, p. 73; PS, p. 30.

[80] L, p. 104–105, 107; RL, p. 11; EH, vol. 4, p. 1474.

[81] RAN, p. 59; Rosen Moses. Fascismul un pericol comun. RCM, nr. 761–762 din iunie-iulie 1993, p. 3.

[82] RL, p. 284; LA, p. 3–10, 343–345; EH, vol. I, p. 74–75; PMAD, I, p. 85–86, 97–99; IS, p. 89, 179–180, 198–201; VVO, p. 170–171.

[83] MM, p. 12; PMAD, I, p. 104, 263; PESCM, p. 365; ППВ, с. 88–89.

[84] ППВ, с. 82; MM, p. 107; PMAD, I, p. 104; PESCM, p. 229.

[85] MM, p. 117–119.

[86] PMAD, II, p. 172–174, 176.

[87] RL, p. 24, 192; MM, p. 12, 17, 24, 107–108, 110, 123, 140; RCM, nr. 715–716 din mai-iunie 1991, p. 2-3; Stephani Claus. Observații târzii asupra Holocaustului din România. RCM, nr. 731 din februarie 1992, p. 5; AM, p.31–34.

[88] IS, p. 6–7, 25–33, 41–56, 65–92, 99–178; IU, p. 76–78, 139–156; SDL, p. 2, 6; PMAD, II, p. 251.

[89] Adameșteanu Gabriela. Extremismul românesc îngrijorează Statele Unite. Cazul Antonescu. RCM, nr. 771–772 din decembrie 1993, p. 4; АПМ, с. 175–177.

[90] Юлиу Маниу, руководитель партии национал-царанистов, выступая в качестве свидетеля на процессе Антонеску и членов его правительства, показал, что «Хориа Сима и его друзья были антисемитами». PMAD, II, p. 53. В этой связи уместно напомнить следующее утверждение Раду Лекки: «Румынские генералы, полиция, жандармерия, гражданские министры (Ион Маринеску, Аурелиан Панэ, Константин Дэнулеску) были намного более антисемиты, чем немцы»;

«...антисемитизм имел глубокие корни во многих слоях румынского населения. В селах антисемитская пропаганда, которую вело православное духовенство, была опустошительной». RL, p. 157, 308. С антисемитскими речами выступал даже патриарх Мирон Кристя, глава румынской православной церкви. Ярыми антисемитами были, разумеется, и все члены правительства Иона Антонеску. Об этом свидетельствуют, в частности, их выступления на заседаниях Совета Министров. Приведу только несколько примеров. Михай Антонеску, зам. председателя Совета Министров: «Рискуя не быть понятым некоторыми традиционалистами, ... я выступаю за насильственную миграцию всего еврейского элемента из Бессарабии и Буковины, который должен быть вышвырнут за границу». «Прошу вас быть непримиримыми». «Если необходимо, стреляйте из пулемета». «Загоним тогда всех в лагеря, в гетто или установим пулемет и убьем их. Это решение более простое, более решительное и более верное, если речь идет о том, чтобы достигнуть физического уничтожения евреев в XX веке». «Две-три недели не издаем ни один закон для Бессарабии и Буковины... Следовательно, без формальностей, с полной свободой» (8 июля 1941 г.). Контр-адмирал Николае Пэиш, товарищ министра национальной обороны по морскому флоту: «Установите виселицу, потому что она более наглядна и более впечатляет, чем расстрел» (22 июля 1941 г.). Ответ М. Антонеску: «Эта мера румынская, традиционная, и мы прибегнем и к ней». Константин Бушилэ, министр общественных работ и связи: «Я самый большой антисемит среди вас». «Выступаю по тому же жидовскому вопросу: правительством было принято постановление, в соответствии с которым служащие жиды были уволены с государственных служб... Кое-кто просит их восстановить, в то время как мы были очень рады их увольнению». «Еще есть вопрос о тех, которые женаты на жидовках» (29 сентября 1942 г.). Генерал Ион Сикитиу, министр сельского хозяйства и владений: «Имеется только одно средство, чтобы избавиться от этих клопов, – выжечь их огнем» (8 июля 1941 г.). Генерал Константин З. Василиу, товарищ министра внутренних дел по полиции и безопасности: «Наш интерес состоит в том, чтобы евреи убрались или в Транснистрию, или в Палестину и очистить страну от них» (2 июля 1942 г.). Ответ М. Антонеску: «Мне все равно, если эти элементы уйдут за Буг, в Транснистрию, или за Средиземное море, в Палестину; важно, чтобы эти элементы покинули нашу территорию». Членами Железной гвардии стали не только священники, учителя, служащие государственных учреждений, юристы, офицеры, коммерсанты, студенты, лицеисты, но и многие рабочие и крестьяне. VIN, p. 66, 75, 80, 81; IS, p. 60–64; PESCM, p. 265–268, 275, 314, 316, 418, 419, 451, 452; PMAD, II, p. 211–215, 222, 229, 253, 260, 264, 270–272, 274–275; MAMA, I, p. 381, 423–424, 432.

[91] PMAD, II, p. 179; MAMA, III, p. 367.

[92] IS, p. 207–208; PMAD, I, p. 97; RL, p. 284–285.

[93] MM, p. 114–115, 123; RL, p. 7, 13, 21, 23; DO, p. 319–320.

[94] RL, p. 7, 46, 140, 148, 151, 157, 168–169, 175, 180–186, 190–193, 213, 224, 227, 236–238, 264–265, 321; EH, vol. 3, p. 858–859; EJ, vol. 10, p. 1553–1554; vol. 14, p. 404; ср. D, VI, p. 162–194; PMAD, I, p. 172–175; J, p. 88–89.

[95] RL, p. 235–241, 287; SBI, p. 318–321, 363–364.

[96] RL, p. 242–254, 295–299; SBI, p. 293–294, 299, 310–313; J, p. 132; PS, p. 21, 79, 130, 218, 228–229, 244, 248, 252, 264.

[97] B, c. 416, 421–422, 425, 428, 430–431; CA, p. 179; RDRM, p. 498–504; MAMA, II, p. 227, 232, 243, 273–274, 307–311.

[98] CA, p. 171, 180–181; MAMA, II, p. 318–319.

ПУТЬ НЕВЕДОМО КУДА

9 июня нам сказали, что 188-й ЗСП уходит из казарм Артиллерийской школы. Мы разобрали нары, вынесли имущество полка. Никто не знал, куда нас направят. Наша часть следовала мимо Алексеевского базара по направлению к джутовой фабрике. Вскоре мы вышли из города. Часто отдыхали на обочинах дороги. На закате прибыли к месту расположения полка – село Новорыбальск.

10 июня был днем отдыха. Нам разрешили погулять. Новорыбальск – маленькое село, в центре возвышалась церковь. В каждой хате размещались женщины и дети, эвакуированные из Овидиополя, где стоял фронт. На окраине села начинался небольшой лес. Все было зелено. Поляны усеяны полевыми цветами. В воздухе стоял чудесный аромат. Полная тишина. Настоящий мирный клочок земли.

В эту вторую ночь мы, солдаты, спали во дворе на досках нар, а офицеры и сержанты – в помещениях школы, клуба, правления и др. Мне было хорошо. Я смотрел на чистое безоблачное небо, нашел яркую Полярную звезду, Большую и Малую Медведицы. Я долго не мог уснуть.

С одной из местных женщин, которая собиралась навестить свою племянницу, проживающую в Одессе, на улице Чижикова, недалеко от улицы К. Маркса, я передал маме записку. Просил ее не волноваться за меня и сообщал ей, где находился.

В течение нескольких дней шла обычная армейская жизнь: работа, дежурства, отдых.

* * *

Лейтенант Анкишкин сообщил нам, что вскоре отправимся в Харьков. Там мы разделимся по национальностям для дальнейшего прохождения службы. Дорога продлится больше десяти дней. Нам выдали сухой паек на первые четверо суток: полбанки консервов, хлеб, соль, сахар, пшено. В полку же велись разговоры о том, что из Харькова нас отправят на тяжелые работы в Сибирь, на

лесозаготовки, в Воркуту, в угольные шахты, в Муром, в Мурманск или еще куда-то. Люди не верили словам лейтенанта, уж слишком много раз нас допрашивал Особый отдел. Да и отобранный им многонациональный состав подразделения заставлял подозревать неладное.

Утром 16 июня 1944 года нас собрали во дворе церкви около штаба полка. Мы были в полном обмундировании, с многосуточным пайком, но без оружия. Нам объявили маршрут: Одесса – Харьков. Сопровождали три человека: лейтенант Анкишкин, старшина и сержант. Шел дождь. Настроение было плохое.

В семь часов колонна тронулась. Мы уходили из села другой дорогой. Прошли через село Усатова, где перед отступлением немцы казнили 20 партизан, которые вышли из катакомб с целью захватить «языков».

До Одессы осталось пять километров. Мы совсем промокли. Остановились на отдых на безлюдной товарной станции. Я познакомился с солдатом, на год-два старше меня, родом из села Бояны Черновицкой области, румыном по имени Драгош Петрович Супрович. Он присоединился ко мне и к Абрамовичу, с которым я подружился. В поданном под погрузку эшелоне были одни товарные вагоны-теплушки. Мы устроились вместе в одном из них. Молдаване и поляки заняли отдельные вагоны.

Утром 17 июня мы долго стояли на станции Дачная. Пути были забиты вагонами с военными трофеями. Рядом было село, утопающее в зелени фруктовых садов. До следующей станции Выгода, около шести километров, мы ехали часа два.

На станции Виноградная произошел невероятный случай. Один солдат, молдаванин из Приднестровья, встретил свою жену, которая была эвакуирована сюда из их родного села уже больше недели. Там стоял фронт. Весь состав был свидетелем их счастья. Все только об этом и говорили. На станции Еремеевка также долго стояли. На привокзальном базарчике я купил себе бутылку свежего молока и вмиг опустошил ее с куском солдатского хлеба.

Вокзал узловой станции Раздельная, откуда уходит железнодорожная линия на Тирасполь – Кишинев – Яссы, был полностью разрушен. Мы отъехали от Одессы всего около 70 км. Здесь произошло первое разделение. Поляки поехали по направлению к Жмеринке в сопровождении старшины. Мы пересели в другой состав. Нам выделили платформы, перевозившие уголь. Мы кое-как расчистили себе место, чтобы можно было только сесть. Угольная пыль оседала на нас, и скоро вид наш стал уже далеко не бравый. На следующей станции Михайловка состав долго маневрировал и в итоге оказался на запасной линии в тупике. Застряли мы тогда надолго.

Вдоль дороги валялось много разбитой, обгоревшей, искореженной военной техники. Я впервые увидел грозный немецкий танк «Тигр» с толстой стальной бронёй, немецкие тягачи, автомашины, пушки. Стремительное наступление советских войск нанесло врагам огромный урон. Фашисты удирали, бросая все – склады, вооружение, заранее подготовленные укрепления. От железной дороги, по которой мы ехали из Одессы, до Днестра, где стоял фронт, было довольно близко, местами меньше 40 км.

Наш товарняк двигался медленно. Запомнились станции Веселый Кут, Ивановка, Затишье. Мы часто останавливались. Солдаты выбегали на перрон, находили базарчик, где крестьянки продавали съестное. Буханка хлеба стоила 35–40 рублей. Некоторые солдаты продавали нижнее белье, гимнастерки и покупали продукты или самогон. На станции Мардаровка в наш поезд подсело много местных жителей, направляющихся на базар в город Котовск. Они угощали нас молоком и вкусным домашним хлебом.

В Котовске мы встретили еврейскую семью из Бельц, которая возвращалась из эвакуации. Они жили сначала в Караганде, а потом в каком-то колхозе в Казахстане. Были плохо одеты и голодны. Они находились в пути больше месяца. Им пришлось продать все, что у них было. Эти бедные люди не знали, что в 1941 году румыны убили на месте или погнали в гетто всех евреев, которые не успели эвакуироваться из Бельц. Мы им собрали немного денег.

Нас пересадили в другой поезд, идущий на восток. Ночью 19 июня мы проехали станции Борщи, Балта, Любашевка, Великая Врадиевка. Утром довольно долго стояли на станции Голта. Это была та самая Голта – уездный город, откуда шли приказы префекта Модеста Исопеску о массовом истреблении евреев в Богдановке, Доманевке и Акмечетке, откуда регулировались жесточайшие условия содержания евреев в более двадцати лагерях-гетто уезда – в Акмечетке, Богдановке, Букове, Вздовке, Варваровке, Виноградном Саду, Врадиевке, Гвоздиевке, Голте, Граждановке, Доманевке, Кантакузино, Карловке, Кривом Озере, Ксаверовке, Любашевке, Мариновке, Николаевке, Новопавловке, Ром. Балке и Тридубах. Неподалеку находились Виноградный Сад, Граждановка и Доманевка, где наша семья промучалась двадцать шесть месяцев.

Но в Голте, как и во всей Транснистрии, уже не было румын. Удрали под ударами советских войск, оставив много братских могил, где покоится прах невинных сотен тысяч евреев. Будут ли все эти убийцы, военные и гражданские, сурово наказаны Богом и народным судом? Получат ли они по заслугам?

От вокзала в Голте остались одни развалины, от домов на прилегающих улицах – разрушенные стены и дымоходы. До войны

здесь жили евреи. Все они были изгнаны и уничтожены. Вместе с Абрамовичем мы постояли молча, и потом он сказал Кадиш.

Мы переехали мост через Южный Буг – бывшая восточная граница Транснистрии. В это время года уровень воды в реке был очень низкий. Тягачами солдаты вытаскивали из воды затонувшие немецкие танки.

Проехали крупные станции Помошная, Кировоград и Знаменка. На последней стояли долго. Я был удивлен, услышав в центре Украины, почти у Днепра, молдавскую речь. Это были девушки и женщины в возрасте до 35 лет, у которых не было детей, а также мужчины, все родом из Поднестровья. Их завербовали на работу в шахты Донбасса, на восстановление заводов в Сталино. Обещали высокие заработки и хорошие условия быта. Они были в хорошем настроении, пели и даже танцевали около вагонов на станции.

Снова мы пересели на другой поезд. 21 июня мы были на станции Пятихатка. Здесь выдали паек на два дня: по 900 граммов хлеба на день, консервы, сахар, соль, махорку. Я обменял курево на хлеб. На очень маленькой станции Верхнеднепровск восхищался чудесным пейзажем: холмы, покрытые густым зеленым лесом, огромные пастбища, где мирно паслись стада коров. До горизонта видны большие села с белыми хатами, утопающими в фруктовых садах. Создавалось впечатление, что здесь не было войны, что мир царит тут веками.

Справа от разрушенного вокзала открывалась панорама города Днепропетровска. По улицам среди развалин домов ходили трамваи. Рядом с нами остановился санитарный поезд. Шла его разгрузка. На перрон вынесли много калек, тяжелораненых, некоторые в гипсе с головы до ног. Страшно было смотреть на лица молодых людей, измученных болью и сознанием того, что у них уже нет будущего. У медицинского персонала был истощенный вид.

После того, как переехали Днепр, перед нами раскрылась панорама большого промышленного города. Но все дома и заводы были превращены в руины. В лучах заходящего солнца восхищался Днепром. Вниз по течению были видны плывущие баржи и величественные остовы мостов.

Я подружился с молодым человеком, который числился в другой роте. Образованный, умный, с ним было приятно беседовать. Грек из Мариуполя оказался вместе с нами из-за национальности и потому, что был в оккупации. Звали его Ярымбаш.

22 июня наш эшелон прибыл в Павлоград. Нам прочли лекцию. Прошло три года со дня внезапного бандитского нападения фашистских полчищ на Советский Союз. Боже, что мы пережили за эти годы!

* * *

На узловой станции Лозовая нас выгрузили и повели обедать в столовую. Один чеченец пристал к Супровичу. Немедленно в драку ввязались и другие чеченцы. Их насилу разняли. Чеченец пригрозил Супровичу, что он его убьет. Вмешался лейтенант и с трудом угомонил их всех.

Дальше мы поехали на платформе, груженной кукурузой. Пошел сильный летний дождь. Мы промокли до нитки, так как негде было укрыться. Но солдаты – сообразительный народ. Многие набрали полные сумки кукурузы и на станциях продавали ее по 100–150 рублей за сумку.

В Харьков мы прибыли 24 июня к вечеру. Как и в других городах, через которые мы проехали, вокзал был разрушен. Мы, несколько человек, с разрешения лейтенанта, пошли на два часа посмотреть город. Сохранились здания Государственного банка, Медицинского института, уцелели памятники Н.В.Гоголю и Т.Г.Шевченко, несколько 10–12-этажных домов. Впечатлило здание музея Т.Г.Шевченко. Уже курсировали троллейбусы. Но мы увидели и много превращенных в руины жилых кварталов, развороченный асфальт улиц. Фашисты причинили огромный ущерб городу, который, видно было, отличался монументальностью.

На обратной дороге к вокзалу мы встретили польскую воинскую часть. Все солдаты были хорошо одеты и выглядели отлично.

Вечером нас привели в казарму. Выдали холодный ужин. Потом повели в баню. Утром регистрировали отдельно по национальностям калмыков, чеченцев, болгар, греков, молдаван, западных украинцев и евреев. Поговаривали, что молдаван отправят в Новочеркасск, а калмыков – в Молотовскую область. Все переживали из-за неизвестности.

Нас перевели в здание бывшей кондитерской фабрики по улице Чеботарская. После обеда выдали паек на пять дней, построили колонну из 28 человек (болгары, греки, западные украинцы и евреи) и под охраной десяти конвоиров с винтовками нас повели, как арестантов, по улицам города. Запомнились площадь Р.Люксембург и проспект Сталина. На Балашовском вокзале нас заперли в одну комнату. У двери стоял часовой. В туалет нас провожал другой конвоир.

Мы не могли понять, что происходит. Почему к нам относились так оскорбительно? Мы были возмущены таким обращением. Но конвоиры не отвечали на наши вопросы и нам велели молчать. Они выполняли приказ.

Вечером нас посадили на пассажирский поезд Харьков – Казань. За окном тянулись бесконечные леса. Мы переехали реку Оскол и

двигались дальше на северо-восток. Розенберг, Хаид, Абрамович и я заняли одно купе. Мы обсуждали один только вопрос, волнующий нас: что нас ждет в этом северном крае?

28 июня мы проехали станции Валуйки и Алексеевка. Всюду были видны следы войны – окопы и обгоревшие вагоны. Плохо одетые и голодные дети просили у проезжающих кусок хлеба. Как много стало сирот, бездомных детей!

Четыре года прошло с тех пор, как Бессарабия и Буковина отошли к СССР. Как резко изменилась наша жизнь! Мы вспоминали события минувших лет, тяжелые утраты. Я с грустью думал о папе, маме и Фире. Как они живут теперь? Что с папой?

Утром 29 июня мы уже были на станции Поворино. Рядом находился военный аэродром, с которого часто взлетали в небо на большой скорости и с оглушительным ревом истребители. Для многих из нас это было ново. До войны над Аккерманом летали только кукурузники. Возможно, здесь базировалась летная школа.

Станции Байчурова, Макашевка, Родничок и другие более мелкие мы проехали без остановки. Всюду дома деревянные, что для меня было необычно. На окраине сел паслись гуси. Поля были хорошо возделаны. В Балашове, куда мы прибыли в полдень, был небольшой привокзальный базар. Все продукты стоили очень дорого, например, за буханку хлеба просили 240 рублей.

После станций Аркадак, Кистендей и Ртищево вагоны стали забиты женщинами с торбами и корзинами, едущими в Пензу. На узловой станции Ртищево многие пленные немцы и румыны работали на восстановлении разрушенного хозяйства.

В лучах заходящего солнца степь была неописуемо красива, даже величественна. Мирно паслись большие отары овец и стада коров. Хорошо обработанные колхозные поля простирались до горизонта.

30 июня утром наш поезд стоял на узловой станции Рузаевка. На соседний путь прибыл эшелон, идущий из Саратова. В нем были западные украинцы, мобилизованные в середине марта, которые два месяца проходили в Саратове военную подготовку и теперь отправлялись на фронт.

Здесь же мы встретили несколько еврейских семей, которые возвращались из эвакуации домой, в Винницкую область. Они расспрашивали нас о своих родственниках, не успевших уйти в 1941 году на восток. Дело в том, что южная часть Винницкой области входила в состав Транснистрии, оккупированной румынами. Поэтому они надеялись, что кто-то из родных уцелел.

Мы пересекли с юга на север Мордовскую АССР. В этом крае немцев не было. Не было разрушений. Казалось, ничего не затронуло размеренную жизнь глубинки.

После Саранска наш поезд сделал долгую остановку на станции Алатырь. Город расположен на реке Сура, очень зеленый и тихий. Мы прошлись по ближайшим улицам. Все дома были деревянные с красивыми резными украшениями. За Алатырем, к северо-востоку, вдоль железной дороги тянулись густые хвойные леса, на фоне которых резко выделялись белые стволы берез и широколиственные клены. Мы пересекли много малых рек. Дорога шла мимо озер и заболоченных низин. Участки вокруг будок путеобходчиков были обсажены кустарниками лещины, орешниками и ежевичником.

Ночью мы прибыли на станцию Канаш (Чувашская АССР), где переночевали в привокзальном клубе.

Утром 1 июля нас повели в баню. Я выкупался, постригся, поменял белье и почувствовал себя другим человеком. Обратно к вокзалу мы шли по прямым широким улицам города, с тротуарами и большими лужами грязи. Здесь дома тоже деревянные, но многие из них были покрыты жестью. Чуваши, мужчины и женщины, которые нам встречались, были обуты в плетенные из лыка лапти. На рынке хлеба не было совсем. Крестьяне торговали молочными продуктами (молоком, творогом, сметаной и маслом).

Встретились евреи из Белоруссии и Польши. Им повезло. Вовремя эвакуировавшись, они спасли жизнь своих детей, родителей и лично свои. Здесь они тяжело работали, но были в полной безопасности. Они намеревались вернуться домой, как только их родные места будут освобождены.

В комнатах клуба были карты, газеты, журналы, книги, а, главное, радио. Мы жадно слушали последние известия, читали сводки Советского информбюро и на картах устанавливали линию фронта. В эти дни Красная Армия с боями шла к Минску и приблизилась к границе Белоруссии с Литвой. Генерал К.К.Рокоссовский, командующий Первым Белорусским фронтом, стал маршалом.

Шел дождь, было тихо, тревоги покинули меня. Впервые после начала войны я сыграл в шахматы. Вечером слушали лекцию о международном положении. Потом собралась молодежь. Пришли русские и чувашские парни и девушки. Начались танцы. Я предпочел беседовать с ребятами о местной жизни, об их традициях и обычаях.

2 июля нам выдали паек на три дня: по 650 г хлеба в день, два пакета концентратов по 800 г, 35 г сахара, 10 г соли и немного сала. Вместе с Розенбергом мы пошли на базар. Я продал пачку пшена за 130 рублей и купил один карандаш. Я берег вырученные деньги. Был доволен тем, что есть чем писать дневник.

В спешном порядке нас погрузили в поезд. Поехали по направлению к городу Мурому, на запад. После станций Сергач, Тарталей, Смагино картина стала совершенно другой: ухоженные

обширные поля, на которых работали женщины, подростки и пожилые мужчины.

От узловой станции Арзамас состав вдруг повернул круто на север. Мы совсем запутались в догадках, куда нас везут. Когда проехали станцию Суроватиха, стало ясно, что направляемся в Горький. Справа от железной дороги текла широкая река Ока, приток Волги, по которой плыли пароходы и груженые баржи. Слева была возвышенность, покрытая лесом. По обоим берегам Оки до ее впадения в Волгу раскинулся огромный город Горький.

В 3 часа 40 минут мы прибыли на Казанский вокзал. Лил дождь. Строем мы шли по улице Чернышевского, затем по длинному мосту, где Ока вливается в Волгу. Автомашины и трамваи замедляли наш ход, миновали улицу Советскую, где располагалось красивое здание городского Совета. Оно было украшено фонтанами и клумбами цветов. Мы любовались архитектурой Еврейской библиотеки, кинотеатра «Прогресс» и других старых зданий. Промокшие до нитки, мы пришли на Московский вокзал. Там нам дали возможность переодеться и отдохнуть.

На Московском вокзале в Горьком оказалось много буковинцев, среди которых было и несколько человек из Черновиц. От них Супрович и Розенберг узнали, что их родные живы. В такое тяжелое время случайные встречи, подобные этой, помогали людям выжить, вселяли надежду на встречу с родственниками, о которых ничего не знали целых три года. Происходил обмен адресами, передавались письма.

4 июля мы поехали дальше на северо-восток в сторону Кирова. Проехали маленькие станции Семенов, Урен, Сашуня, Котельнич, Лангасово. Кругом были одни леса и множество речушек. В 12 часов 40 минут мы выгрузились на станции города Кирова, на берегу реки Вятки. На вокзале, в зале ожидания для военных, я написал письмо в Одессу. Рассказал маме и Фире о себе, просил их не волноваться, описал моих новых товарищей, евреев и неевреев, города, в которых мне пришлось побывать, природу в этих далеких краях, встречи с людьми, возвращающимися из эвакуации и др. Я спрашивал их, в который раз, есть ли известия от папы, и просил Фиру не писать мне, пока не осяду где-то.

В Кирове мы также встретили евреев из Черновиц. От них мы узнали, что город не был разрушен при отступлении немцев и румын. Об этом им писали родственники, вернувшиеся из гетто, и знакомые.

Из Кирова наш путь лежал на северо-запад. Наше подразделение все больше терялось в догадках. Куда нас везут такими окольными путями? В Казани мы предполагали, что на шахты или заводы Актюбинска, Стерлитамака, Магнитогорска или дальше в Казахстан.

В Кирове нам казалось, что нас направят в Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск, за Урал в Курган, Тюмень или в Западную Сибирь. Повернув на северо-запад, мы могли бы оказаться в Мурманске, на Кольском полуострове, в Архангельской области или где-то в Коми АССР, если не в окраинном Ненецком автономном округе. Какие там могут быть национальные армии и военные училища? Мы начинали терять надежду, что попадем на фронт или в национальную армию. Пессимисты заговорили об угольных шахтах, о лесозаготовках, металлургических и химических заводах. Одним словом, о трудовом фронте.

Сопровождавшие нас военные молчали. По-моему, им тоже не был известен конечный пункт нашего чрезмерно затянувшегося путешествия.

В тот же день 4 июля, после трех часов ожидания, мы сели на поезд. Делали большие остановки на станциях Юрья, Великая, Мураши, Безбожник. На платформах было много народа. Стояла теплая летняя погода, и люди выходили сюда на прогулку. Это было место, где подолгу стояли поезда и можно было случайно встретить знакомого, услышать новости, что-то купить или продать. На платформе станции Мураши были и молодые мужчины на костылях. Я подумал, что, наверно, это местные жители, вернувшиеся с фронта инвалидами. Они сидели на скамейках, оживленно беседовали с такими же молодыми парнями и девушками.

На следующих станциях Опарино, Альмез и Пинюг, где поезд стоял дольше, я увидел страшную картину. На платформах были в основном мужчины на костылях, с протезами ног, в колясках. Вместе с другими солдатами мы вышли на перрон. Завязалась беседа. Инвалиды расспрашивали нас о жизни на Украине, как восстанавливается порядок, куда едем и т.д. Они надеялись найти среди нас земляков. Так мы узнали, что они не местные. Здесь были военные госпитали и дома для инвалидов.

Те, у кого была искалечена или ампутирована нога, собирались после окончания лечения вернуться домой, зажить гражданской жизнью. Они благодарили судьбу, что отделались таким увечьем. Из сражений, в которых они участвовали, редко кто выходил живым и невредимым.

Один из собеседников нам рассказал, что в домах для инвалидов, которых здесь немало, содержались люди без ног, без рук, с обезображенными лицами, травмами головы, тяжелыми контузиями. Они были абсолютно беспомощны и нуждались в специальном уходе.

Многие из них не хотели возвращаться домой в таком состоянии, быть обузой для семьи. По их настоятельным просьбам друзья, а иногда нянечки и медицинские сестры писали любимым женам,

невестам, родителям, что они служили в одном отделении или взводе и точно знают, что муж (жених, сын) пропал без вести или пал в бою смертью храбрых. И в доказательство отсылали фотокарточку родных или какую-то личную вещицу: амулет, кольцо, крестик, портмоне.

Тяжело было смотреть на этих молодых мужчин, жизнь которых была так искалечена безжалостной войной.

Запомнились глаза этих обреченных. У одних они были печальны и выражали полную растерянность. У других сверкали неудержимой, неуемной злостью, как бы вопрошая: почему именно мы должны отказаться от всех земных благ, от человеческого счастья и удовольствий? За что именно нам выпала эта злая доля? Глаза одних горели, кричали. Глаза других упорно молчали.

Мы проехали еще несколько платформ, с которых на нас смотрели, казалось, с укором, наши ровесники, выбитые войной из колеи. Еще раз я убедился в том, что фашисты – это звери. Они не только истребили миллионы невинных евреев, но и принесли безграничное горе всему человечеству.

5 июля я проснулся рано. Мы проехали маленькие станции Панасюк и Макуха. Почему-то поезд остановился в поле, у реки Луза. Воздух был чистый, пропитанный запахами диких цветов. Было легко дышать. Вниз по Лузе плыли плоты, их было нескончаемое множество. Переехав мост, мы оказались на одноименной станции Луза. Из вагонов все вышли и бегом устремились кто за кипятком, а кто на скромный базарчик. Женщины продавали кучками по нескольку штук картошку, здесь я впервые увидел турнепс и репу – растущие здесь овощи с утолщенным съедобным корнем. Они торговали и молочными продуктами, но цены были высокими. За литр молока просили 50 рублей.

На перроне стояла группа евреев. Я заговорил с ними. Они были из Польши. На фронт их не брали. Им было сказано, что их поселят в Воронежской области и на Кубани. Они очень сомневались в этом. Хотели вернуться в Польшу. Они получали материальную помощь (одежду, продукты питания, деньги) из Англии и США.

КОМИ АССР

После станции Саватия мы переехали реку Северная Двина и около восьми часов вечера прибыли на крупную узловую станцию и речной порт Котлас. Мы находились уже на территории Коми АССР. Нам снова выдали паек на трое суток. Решил отправить маме телеграмму, сообщить ей, что здоров и еду еще дальше, чтобы она не волновалась. Но телеграфистка отказалась принять телеграмму в Одессу, освобожденную почти три месяца тому назад. Пришлось ее переадресовать в Москву, тете Иде, для передачи маме.

На станцию Котлас прибыл эшелон с заключенными. Их охраняли энкаведисты с овчарками. Через час этот состав отправился дальше на север. Говорили, что у них большие сроки и что везли их на каторжные работы.

Было уже поздно, около 12 часов ночи, но светло. Мы сидели на перроне станции и читали газету. Работник станции рассказал нам о белых ночах. Солнце всходит в три часа утра и заходит в одиннадцать часов ночи. В полдень оно не стоит над головой. Оно совершает круг по горизонту. Даже между 11 часами ночи и 3 часами утра светло, как у нас летом в сумерках, после захода солнца.

Этот же железнодорожник поведал, что здешняя железная дорога строилась заключенными в 1941–1942 годах в короткий срок, в тяжелейших условиях. Зэки валили лес, делали насыпь по болотистым местам, прокладывали пути, строили станции, основывали рабочие поселки, двигались все дальше на север. Выносливые, их было меньше, выживали, а слабые, то есть основная масса, погибали от истощения, болезней и холода. Их место занимали новые тысячи заключенных. Я был в замешательстве, пал духом.

Июльская ночь была теплая, как в наших краях. К станции подходил лес – высокие ели, пихты, сосны и ветвистые клены, дубы и белоствольные березы. Поляны были густо усеяны ромашками и другими разноцветными полевыми цветами.

6 июля мы погрузились в другой поезд. Встречались одни разъезды – Миледжь, Чокун, Татаел, Мадмас и др., ни одного села и никаких полей. Из-за высоких деревьев изредка были видны вышки, охраняющие лагеря заключенных. Кругом одни леса и вышки, болота

и вырванные ветром стволы деревьев с торчащими корнями. Не видно ни птиц, ни зверей. Все мертво, безжизненно.

Мы переехали широкую реку Вычегду, несколько разъездов – Межог, Амб, Воздино, Сежам – и прибыли на станцию Микунь. Железнодорожник, оказавшийся на перроне, нам объяснил, что единственный путь ведет к Воркуте, что далеко за Полярным кругом. Впереди были Ухта, Сосногорск, Печора, Инта и другие известные населенные пункты, куда ссылали заключенных, осужденных в основном за предательство Родины на большие сроки. Режим был строгим, заключенные работали на лесоповале и в угольных шахтах. Мы совсем сникли. Куда нас везут? Почему? В чем мы провинились?

Мы переехали еще одну реку, и в 12 часов 30 минут ночи, а было светло, как днем, нас высадили из поезда в Княж-Погосте. Шел дождь. Мы прошагали строем по улицам поселка. Они были мощены круглыми бревнами. Под ними, с правой и левой стороны, – топкая грязь, болото. Миновали какой-то завод, деревянные дома. Прошли еще около двух километров, и нас остановили у ворот настоящего лагеря для заключенных. Сопровождающие охранники сдали нас по списку местным энкаведистам. Нас обыскали и заставили сдать все документы, бритвы, складные карманные ножи, деньги. Все отданное было записано в толстую тетрадь. Нам сказали, что эти меры принимаются ради нашей безопасности.

Дежурный по лагерю старшина сообщил нам, что мы – трудармейцы, свободные люди, не заключенные, но будем жить в лагере, где содержатся осужденные преступники, в отдельных бараках. Мы будем работать там, куда нас направят. Это наш долг. Фронт нуждается в нашей помощи. Речь старшины была короткой. Вопросов не было.

Нас завели во двор лагеря. Сержант показал нам бараки, столовую, клуб, канцелярию, баню, общие туалеты и т.п. У одного из бараков он остановил нас, велел располагаться и отдыхать до подъема. Усталые и в очень плохом настроении мы улеглись одетыми на пустые голые нары.

* * *

7 июля 1944 года начался новый этап моей жизни – трудармейский.

Удары в шпалу разбудили нас рано утром. Строем и с вещами нас повели в баню. В приказном порядке всех постригли под машинку и побрили тупыми бритвами всюду, где росли волосы. Выдали кусок хозяйственного мыла на троих. После душа сказали, что нашу одежду увезли на дезинфекцию в сушильную камеру. Мы

ее получим обратно, но должны будем ее сдать на хранение в коптерку. И эта мера принималась в наших же интересах, чтобы не быть обворованными.

Нам выдали майки, трусы, рубахи, гимнастерки, брюки, бушлаты-ватники, портянки, ботинки, пилотки – все бывшее в употреблении (б/у), стиранное-перестиранное, в заплатах, в пятнах, ужасно мятое. Мы приобрели подобающий вид – жалкий и смешной. Одним все было велико и висело, как на огородных чучелах, другим – туго, не застегивалось. Мы дружески посмеивались друг над другом и все вместе были в подавленном настроении. Стриженные и в полинявшем солдатском обмундировании мы стали похожи друг на друга, полностью обезличены, стандартизированы.

Уже чистых и переодетых – подготовленных к трудармейской жизни и деятельности – нас повели в канцелярию лагеря на регистрацию. Нас предупредили, что писарей мало, а нас много, и поэтому мы должны отвечать на вопросы коротко и ясно, по-солдатски. Заполняли анкеты: Как зовут? Когда родился и где? Из какой семьи? Образование? Национальность? Есть ли родственники за границей? Где и чем занимаются? Какими иностранными языками владеешь? Находился ли на оккупированной территории? Где, сколько времени, чем занимался? и т.д.

Один писарь составлял списки по специальностям. У меня не было специальности. Хаид мне посоветовал записаться бухгалтером. Я не захотел врать и оказался в списке чернорабочих.

Этот писарь мне сказал, что в лагере есть еще один трудармеец по фамилии Удлер. Я обрадовался. Наша фамилия редкая. Подумал, это, наверное, папа. Спросил писаря, как зовут Удлера и какого он возраста. Ответ меня огорчил. Это был сравнительно молодой человек. Я запомнил его имя, чтобы найти его и поговорить с ним. А вдруг это наш родственник?

Остаток дня мы были свободны. Я разыскал Удлера. Он был просто однофамилец.

* * *

Рано утром нас погрузили на грузовики. По очень плохой дороге, пересекающей лес и болота, проехав километров 20, мы прибыли в другой лагерь, окруженный колючей проволокой. Вместо бараков были большие палатки. Здесь на рубке леса и очистке стволов от ветвей работали молдаване из Бендерского уезда и русские немцы. Их привезли сюда на два дня раньше нас. Они пилили бревна длиной в 4–6 метров и складывали их штабелями. Топорами отсекали ветви и оттягивали их в огромные кучи. При 100-процентном выполнении

нормы им выдавали в день 550 граммов хлеба и три раза по миске жидкого супа и по три грамма подсолнечного масла.

В этом лагере были и заключенные. Они размещались в других палатках. В зоне мы встречались с ними. Они видели, что мы новенькие, и расспрашивали нас, откуда мы, искали земляков. Сроки у них были большие – минимум 10 лет. Они были одеты, как и мы, – в солдатскую форму б/у. Среди них были и бывшие фронтовики, учителя, даже священники.

В эту ночь я почти что не спал. Я был в отчаянии. За что меня сослали сюда вместе с немцами-колонистами, молдаванами и заключенными? Получалось, что и я в чем-то виноват перед Советским Союзом. В чем? Выдержу ли я испытания лагерной жизни в условиях изнурительного труда, постоянного голода и полярных морозов? Удастся ли мне вырваться отсюда живым и вернуться домой? Увижу ли я еще папу, маму и Фиру?

В 6 часов утра нам выдали топоры и пилы и под конвоем вывели из зоны. Мы отдалились от лагеря на 2–3 километра, углубившись в вековой лес. Нас разделили на группы: три человека на один топор и два человека на одну пилу. Общая норма на группу из пяти человек – 30 кубических метров. Мы работали изо всех сил, потому что мы зависили друг от друга. К обеду нам привезли в больших бидонах еду: мутное варево, в котором плавали три зерна крупы, и три грамма подсолнечного масла. Мы растерянно переглянулись. Мы очень устали и проголодались. С такой пищей, подумали мы, скоро протянем ноги. Вечером нас накормили более сытно: дали суп, кашу и рыбу. После ужина Бахмет, наш бригадир, объявил, что мы плохо работали и выполнили около 45% нормы. Он предупредил нас, что завтра мы не получим полный паек. Люди ругались с Бахметом. Обвиняли его в жульничестве: мол, он приписал наши штабеля своим дружкам. Так мы впервые столкнулись с лагерными нравами.

В этот вечер я долго беседовал с молдаванами. Они все были родом из села Кицканы, около Бендер. Они смотрели на меня, еврея, как-то виновато и держались осторожно. Не знаю, может быть, среди них были и такие, которые в своем селе убивали евреев и грабили их дома.

Наша отдельная палатка не была закончена, и ночью мне и Супровичу было холодно. Мы придвинулись друг к другу и долго шепотом обменивались впечатлениями об обстановке в лагере.

* * *

Два начальника в сопровождении прораба посетили наш лагерь. Они выслушали жалобы трудармейцев: тяжелый физический труд, высокие нормы, обман со стороны бригадира, плохая еда и т.д. Многие просили, чтобы нас отделили от заключенных. Нам пообещали учесть наши жалобы и просьбы, улучшить содержание.

Восемь человек, в том числе Розенберг, Хаид, Супрович и я, были отобраны для погрузки и разгрузки машин. Работа была тяжелая. Норма на одного человека 14 кубических метров. В тот день мы разгрузили 24 машины. И очень устали.

Нас закрепили на этой работе. Мы несколько наловчились. Кроме того, у нас бывали перерывы, и мы отдыхали между погрузками и выгрузками. Когда мы выполняли норму, то получали больше хлеба.

После очередного разговора с прорабом нам уменьшили норму. Он распорядился, чтобы нам выдали матрасы и летние одеяла. Мы получили разрешение посылать и получать письма и посылки. Наш официальный адрес был: Коми АССР, Железнодорожный район, поселок Железнодорожный, ПЯ 219-ЦОЛП, 3-я колонна.

12 июля под проливным дождем мы работали на погрузке и разгрузке машин. Около часа дня нам велели ехать разгружать машины на берегу реки Вайку. Розенберг поранился там дручком, и его отвезли в санитарный пункт. Нас осталось семеро. Один десятник хронометрировал нашу работу: когда приехала машина, сколько времени длилась ее разгрузка, кубатура леса, в котором часу уехала машина и т.п. В этот день мы выгрузили 16 машин.

По реке Вайку буксирные катера тянули на прицепе огромные баржи, груженные лесом. Плыли большие плоты, управляемые искусными плотоводами. Сплавщики беспрерывно сбрасывали в реку стволы. Я никогда до этого не видел столько леса. Рассказывали, что где-то по течению реки его вытаскивали из воды и отправляли дальше поездами или пароходами.

После ужина меня и еще нескольких трудармейцев вызвали и велели писать автобиографии. Мы даже обрадовались. Гадали, может быть, нас пошлют на фронт. Потом впервые написал два письма: одно маме и Фире, второе – Иде. Не жаловался, чтобы не огорчать их. Спрашивал, нет ли писем от папы.

По радио передали, что советские войска освободили город Гродно и несколько десятков других населенных пунктов. Все радовались, ибо каждая победа приближала конец войны.

18 июля из Харькова прибыла группа из 10 человек – немцы, греки и болгары. Нас перемешали. Меня отделили от Розенберга и Хаида. Я работал вместе с болгарами.

19 июля в нашу колонну приехали еще несколько человек. Среди них был француз из Эльзаса, немец из Австрии и немец из Одессы. Француз очень плохо знал русский, и иногда я был его переводчиком.

Нам стали выдавать дополнительно к пайку 135 граммов сахара и кусочек мыла. Объявили новое постановление. Как трудармейцы мы имели право покупать продукты питания на рынке. Кто сдал деньги, когда мы приехали, мог брать небольшие суммы для личных нужд.

* * *

21 июля я заболел. У меня была температура. Я сильно похудел. Не мог даже встать с койки. В санчасти мне дали горох (от цинги) и порошки, на несколько дней освободили от работы.

Второй взвод, состоявший в основном из молдаван, покинул колонну. Говорили, что их отправили на восстановление Северного Кавказа.

Я попросил Ярымбаша, командира моего взвода, и фельдшера при первой же возможности направить и меня на юг. Они обещали. Хотелось быть ближе к дому. Здесь начались дожди. Было сыро и холодно. Все с ужасом думали о предстоящей зиме. Нам рассказывали, что в здешних местах зима тянется долго – восемь месяцев в году и морозы доходят до 50 градусов.

Розенберг устроился работать на кухне. Это было счастье для нас. Он подкармливал нас кашей, рыбой, супом.

* * *

3 августа прибыла новая группа из 11 человек. Среди них был еврей по фамилии Эпель, родом из Галаца. Его мобилизовали в 1941 году. После ранения он лежал в госпитале, откуда его направили к нам. Что могло служить причиной его невозвращения на фронт? Очевидно, то, что он родился в Румынии.

Вечером мы слушали лекцию о международном положении. Читал ее парторг колонны. В Хелме был создан Польский комитет национального освобождения – новое польское правительство. В конце июля – начале августа были освобождены города Люблин, Львов, Белосток, Каунас. Советские войска приближались с боями к Риге и Варшаве. Были взяты в плен десятки тысяч немцев. Мы внимательно слушали и надеялись, что чем скорее закончится война, тем скорее нас отпустят из трудармии, и мы останемся в живых.

После лекции было проведено собрание всего нашего

трудармейского коллектива. Мы вызвали на социалистическое соревнование трудармейцев другой колонны и обязались выполнить месячный план на 120%. Это мы, которые настолько были изнурены, что не верили, что доживем до конца месяца.

* * *

5 августа мы проходили медицинский осмотр. Мой рост – 1,69 м, вес – 55 кг. Меня отнесли к первой категории. Это означало, что я здоров и должен выполнять норму на 100%. Абрамович оказался во второй категории. Он мог выполнять только 75% нормы. Многих определили в третью категорию. Они стали пухнуть, еле передвигали ноги, которые были как колоды. Не знаю, может быть, из-за воды, может быть, из-за климата, а скорее всего из-за недоедания. Этих людей временно освободили от работы. Врачи, в основном евреи, отнеслись очень внимательно к нам.

* * *

Из газет мы узнали, что И.В. Сталин награжден орденом «Победа». Вся страна ликовала и поздравляла его с крупными победами, успехами на всех фронтах войны. В каждой статье повторялось, что он заботливый отец всех советских народов и печется о каждом члене нашей великой семьи.

Фронт действительно подходил к логову фашистов.

* * *

6 августа мы были свободны. Вместе с Хаидом и Супровичем пошли собирать ягоды. Пришлось стоять по колено в болотной воде. Но ягоды были приятные на вкус. Других витаминов не было.

* * *

Дождь лил днем и ночью. Стало совсем холодно. Мы работали мокрыми. Машин на погрузку подавали все меньше и меньше. Мы не могли выполнить норму. Получали только 400 граммов хлеба в день. Нас направили на другую работу – собирать разбросанные по лесу стволы. Мы тащили их на плечах и составляли в штабеля. Это вообще был адский труд.

Двух молдаван, которые отказались работать, арестовали и отправили в Княж-Погост. Они, бедные, не были саботажниками,

как их называл десятник, просто у них не было больше сил работать и жить. Что стало с ними, не знаю.

Командир взвода Ярымбаш попросил меня помочь ему составить список личного состава с указанием возраста, национальности и категории здоровья. Ярымбаш сам не знал, кому понадобился этот список и для чего. К слову, здоровье Ярымбаша пошатнулось.

* * *

11 августа провели митинг. Принято решение выполнить месячный план к 24 августа. Люди грустно переглядывались, понимая, что это невозможно, но никто не стал возражать. Решение было принято единогласно.

После митинга я собирался написать письмо домой, но у меня кончились страницы тоненькой тетрадки и пропал огрызок карандаша. Одолжить было не у кого.

* * *

Из нашего взвода и из взвода Деблера была создана новая группа. Бояджиев, наш новый командир, был греком. Меня назначили его помощником. Я заполнял все документы.

19 августа на заре мы покинули лагерь. Нас перевели в Княж-Погост. Весь день нас продержали в ЦОЛПе. Я купил кусок мыла за 30 рублей, карманное зеркальце за 20 рублей, карандаш и тетрадку за 15 рублей. У меня было свободное время, и я побрился, помылся, переоделся и написал письмо маме и Фире.

В Княж-Погосте я встретил евреев из Бессарабии и Буковины, которые в 1939 – в начале 1940 года нелегально перешли границу в СССР. Они были коммунистами-подпольщиками и спасались от преследований румынской сигуранцы. Пограничники и энкаведисты их всех выловили. Они были осуждены на разные сроки тюремного заключения и отправлены сюда, в лагеря Коми АССР.

21 августа в час ночи нас срочно погрузили в вагоны и отправили на станцию Микунь. Шел холодный дождь. И настроение было пасмурное. Нам сообщили наш новый адрес: Коми АССР, Северо-Печерская ж.д., Микунь, Стройучасток, Колонна 322.

В Микуне мы нашли тех трудармейцев, которые покинули колонну раньше. Никого на юг не посылали.

Нашему новому командиру 26 лет, высокий блондин с пышными бакенбардами. Его фамилия Оксинзов, кажется, он грек, до войны был учителем истории и географии.

Почти каждый день нас перебрасывали с одной работы на другую. Мы разгружали вагоны с сырым лесом для местного домостроительного завода. Мы таскали тачками и носилками камень и кирпич на строительство электростанции. Копали землю для фундамента здания, стоя в котловане в воде. Работали и в ночную смену. Это было ужасно трудно. Выпал иней. Было холодно. Мы были изморены.

30 августа произошли изменения в руководстве нашего подразделения. Командир Оксинзов стал политруком. Бывший политрук Ясыров был назначен нашим командиром. Вел он себя высокомерно, не старался обеспечить фронт работ, чтобы люди получали хороший паек. Он позволял себе антисемитские высказывания, всякие издевки. Трудармейцы его не уважали и на грубость отвечали грубостью. На первом же собрании, на котором присутствовало начальство, люди попросили призвать его к порядку или заменить другим командиром.

* * *

Конец августа был очень успешным для советских войск. Были освобождены румынские города Галац, Брэила, Тулча, Бухарест, Плоешты, Джурджу и др. В этих боях принимала участие румынская добровольческая дивизия «Тудор Владимиреску», созданная на территории СССР в октябре 1943 года[1].

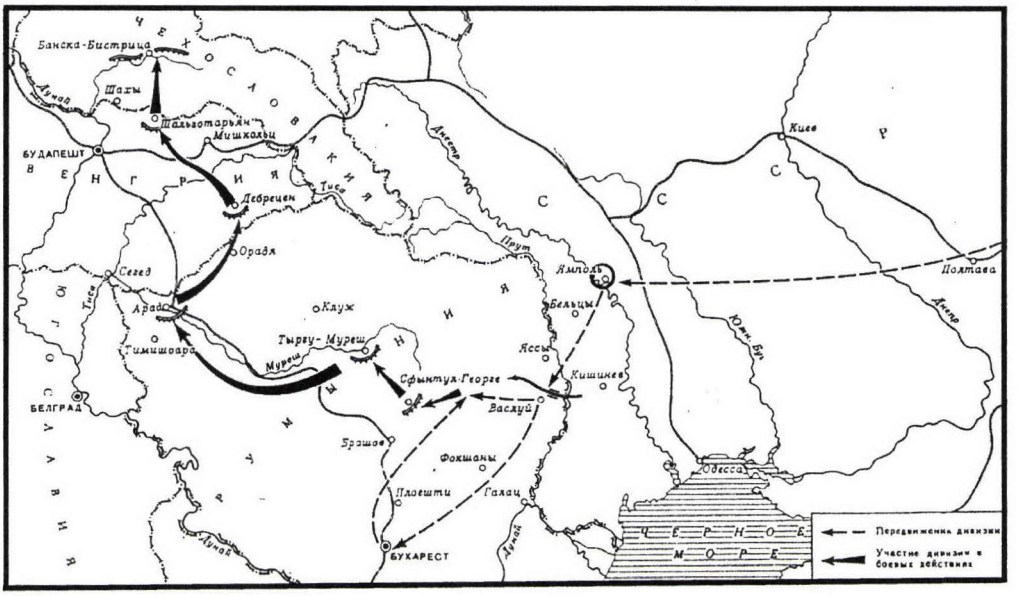
23 августа король Михай объявил, что Румыния прекращает сопротивление. Маршал Ион Антонеску и другие члены его правительства были арестованы.

Так бесславно закончилась «священная» война, которую румыны под руководством маршала Антонеску в союзе с гитлеровской Германией развязали якобы для освобождения утерянных провинций к востоку от Прута и для уничтожения коммунизма, угрожающего всей Европе.

В этой войне румыны понесли огромные людские, материальные и моральные потери. И. Антонеску в письме от 15 ноября 1943 года, адресованном Гитлеру, своему кумиру, раболепно сообщал, что до 1 января 1942 года его армия потеряла (в основном в боях под Одессой) 134 136 офицеров, унтер-офицеров и солдат; в районе Дона и у Сталинграда были разгромлены 18 румынских дивизий и на Кубани, в Ногайских степях и в Крыму – 8 дивизий[2].

Точные данные о потерях румынской армии приводятся в исследовании Э.Мезинческу «Mareşalul Antonescu şi catastrofa României».

С 26 июня по 17 октября 1941 года, то есть с начала войны и до завершения кампании по захвату Одессы, румынская армия потеряла 131 307 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Боевой путь 1-й Румынской пехотной добровольческой Дебреценской дивизии им. Т. Владимиреску

Карта из ЗНА, с. 181

В период с 18 октября 1941 года по 30 июня 1942 года, во время военных действий в Крыму, на Керченском полуострове и под Севастополем, на Украине, в Донбассе, потери румын составили 248 497 человек.

С 1 июля 1942 года по 13 сентября 1944 года в боях между Доном и Волгой, на Северном Кавказе, при освобождении Донбасса, Украины и Крыма, Молдавии и до прекращения Румынией войны против Советского Союза убитых, раненых и пропавших без вести было еще 218 234 человека.

Румыния потеряла с 22 июня 1941 года по 13 сентября 1944 года 598 038 человек.

Когда советские войска вступили на территорию румынской Молдовы, были взяты в плен 150 000–170 000 румын.

С 23 августа 1944 года по 9 мая 1945 года в западном походе румынская армия понесла значительные потери – 167 525 убитыми, ранеными и пропавшими без вести[3].

Молдавский историк А.М. Лазарев писал, что Ион Антонеску «погнал почти миллионную румынскую армию до Дона и Волги завоевывать для Румынии «жизненное пространство», но эта армия «уже в 1941–1942 гг. понесла потери в 400 тысяч человек, в том числе к началу 1943 года в советском плену находилось почти 200 тысяч румынских солдат и офицеров».

В книге «Я – молдаванин» А.М.Лазарев подверг суровой критике «румынских неофашистов» и «современных молдавских неорумын», пытающихся реабилитировать «фашистского палача» Иона Антонеску, представить его как «освободителя бессарабских и транснистрских румын», который заслужил, чтобы одной из центральных улиц Кишинева присвоили его имя[4].

Д-р Мозес Розен в ряде статей, разоблачающих пагубную, недальневидную политику диктатора Антонеску и антисемитскую направленность писаний его нынешних последователей-неонационалистов, отмечал, что Антонеску уничтожил более 400 000 невинных евреев, или, как писала тогда легионерская пресса, иудео-коммунистов, послал на смерть 600 000 молодых румын, но Бессарабию так и не вернул. И Мозес Розен спрашивает: «Может ли история венчать титулом героя такого человека?»[5].

На процессе над военным преступником Антонеску и его подручными, проходившем в Бухаресте с 6 по 15 мая 1946 года, на котором были разоблачены сущность и характер военно-фашистского режима в Румынии в 1940–1944 годах, и на расстреле главных военных преступников Иона и Михая Антонеску, Джеордже Алексиану и Константина Василиу в тюрьме Жилава 1 июня 1946 года среди ограниченного числа присутствовавших был писатель и ученый Константин Попович. В книге «Память времени» он беспристрастно представил всю цепь кровавых злодеяний, сознательно совершенных лично Ионом Антонеску, национал-легионерским правительством Румынии, армией, жандармерией, полицией и гражданскими приверженцами его человеконенавистнической политики.

Бесчисленные преступления, содеянные ими на территории, захваченной у Советского Союза, нанесли ущерб не только советскому народу, но и румынскому.

Неуемные фальсификаторы истории, румынские неофашисты, извращая факты и события, стараются обелить одиозные фигуры прошлого и их кровавые дела[6].

Преступно восхвалять злодеев, изуверов, увековечивать их память.

Войсками 3-го Украинского фронта 22 августа 1944 года был освобожден город Аккерман, переименованный потом в Белгород-Днестровский[7].

* * *

В первой половине сентября капитулировали болгары, а 19 сентября финны подписали перемирие с СССР.

В операциях, проведенных в августе-сентябре, было взято много пленных.

Союзные американские и французские войска во второй половине августа освободили Париж и юг Франции (Тулон, Марсель, Канны, Ниццу, Гренобль, Лион). В первой половине сентября армии США, Канады и Великобритании выгнали немцев из северной Франции, освободили Бельгию и Люксембург и вышли к западным границам Германии.

Быстрое продвижение советских фронтов ускорило освобождение Варшавы и всей Польши[8].

Мы внимательно слушали сводки Совинформбюро. Надеялись, что победы антигитлеровской коалиции и разгром Германии приблизят конец нашим страданиям на диких и холодных просторах Коми.

* * *

11 сентября получил письмо от Фиры. Наконец, после пяти месяцев поступила первая весточка от папы. Он жив! Он сообщал номер своей полевой почты. Я был бесконечно рад. Чего только я ни передумал за эти долгие месяцы! Чего я только ни насмотрелся! Папу могли убить или искалечить на фронте. Он мог оказаться в трудармии на шахте, в лесах Сибири, среди заключенных. Он мог быть на химических заводах Урала или Казахстана, где люди умирали как мухи. Еще раз, слава Богу, что он жив! Фира писала, что она и мама здоровы, находятся еще в Одессе. Ждут разрешения вернуться в Белгород-Днестровский.

* * *

15 сентября получил сразу два письма: от тети Гени из Черновиц, и от тети Иды. Моя дорогая тетя Геня, вместе с которой мы жили до войны в Брэиле и которая сыграла большую роль в моем воспитании, писала, что она и дядя Исидор работают инженерами на заводе и постепенно приходят в себя, восстанавливают свое здоровье после перенесенных в гетто лишений и страданий. Леня учится в 10-м классе и хочет идти в армию, чтобы мстить фашистам и приблизить день Победы. Она советовала мне постараться пойти учиться в вечернюю школу и готовиться к поступлению в институт. Тетя Геня не представляла себе, в каких условиях я жил и работал. Тетя Ида утешала меня, мол война скоро кончится, нас демобилизуют, и я смогу сам решать свою дальнейшую судьбу. Она обещала выслать мне посылкой конверты и бумагу, теплые носки, перчатки, шарф, зная лучше остальных моих родственников, что такое зима в этой части России, а также переводом 100 рублей.

* * *

Создалась комсомольская бригада. Нас было всего десять человек. Я тогда не был комсомольцем, просто подошел по возрасту. Нас перевели в отдельную большую комнату. Мы соблюдали чистоту. Регулярно проводили политинформации, читали вслух газеты. Улучшилось питание. Нам выдавали в день 750 граммов хлеба, так называемые выздоровительные и противоцинготные блюда, суп, кашу и иногда рыбу. Наше настроение поднялось. Мы с большей охотой работали.

Комсоргом нашей бригады стал Пефтиев, заботливый и изворотливый грек. Он хорошо выступал и умел представлять нашу деятельность.

* * *

Перегруппировкам и перетасовкам не было конца. 1 октября в нашу бригаду влили 15 человек, которые накануне прибыли из Одессы. Нас перевели в ночную смену. Стояла сухая холодная погода. Нам выдали ватные брюки и рабочие рукавицы (варежки). Работа шла успешно. Вновь прибывшие были полны сил.

Однажды ночью у меня украли котелок. Это была страшная потеря. Мне не во что было получать пищу. Я ждал, пока все поедят, и потом в котелок друга мне выдавали из остатков. Я быстро глотал еду, чтобы успеть к началу работы вместе со всеми.

Мне пришлось купить себе котелок с крышкой. Отдал за эту покупку 70 рублей, почти все мои сбережения.

* * *

Снова получил письма. Мама мне выслала вырезку из старой аккерманской газеты, датированной 20 июня 1941 года, в которой комсорг школы В. Сарваниди писал, что мы, ученики 9-го класса средней школы № 2, успешно сдали экзамены по русскому языку. Он подчеркивал, что даже я, который «в начале учебного года почти не мог говорить по-русски», на устном и письменном экзаменах проявил «твердые знания русского языка» и получил хорошие оценки. Эта газетная статья сохранилась вместе с другими документами у Дмитрия Стрельца, одесского друга отца.

С этой заметкой я пошел к политруку Оксинзову, бывшему учителю, чтобы доказать, что я окончил девять классов, и попросить его помочь мне пойти учиться в десятый класс. Оксинзов обещал разузнать в военкомате, райкоме и районо.

Тетя Ида мне сообщала, что пытается вызвать меня в Москву

на учебу, советовала беречь здоровье. Для этого она прислала 100 рублей. От папы кроме первого письма ничего больше не получали. Снова все были в тревоге. Что могло с ним случиться?

Нам выдали зарплату: 202 рубля за август и 218 рублей за сентябрь. Это было очень мало. Ведь все стоило очень дорого. Но я был доволен. Я мог себе хоть что-то купить. За 15 рублей я приобрел у вновь прибывшего трудармейца вафельное полотенце. У другого я купил катушку ниток и иголку. Мне нужно было зашить порвавшиеся брюки.

* * *

7 октября я дежурил. Всю ночь лил холодный дождь, а около 4 часов утра пошел снег, густой, большими хлопьями. К семи часам, когда меня сменили, на земле лежал большой слой снега. Установилась долгая и суровая зима.

Меня попросили помочь составить новые списки. На этот раз требовали ответы на необычные для нас вопросы: служил ли в армии, в какой, где, когда, был ли награжден орденами и медалями, возраст, кем и откуда направлен сюда, в трудармию. И снова начались разговоры и всякого рода слухи.

* * *

10 октября меня вызвали в НКВД. Задавали те же вопросы, уточняющие мою биографию.

Получил радостное известие от Фиры. 9 сентября она и мама переехали в Белгород-Днестровский. Госбанк им выделил хорошую двухкомнатную квартиру с кухней, коридором и уютным двориком по улице Новобазарная, № 22.

Слава Богу, закончились странствия, затянувшиеся более чем на три года. Мама и Фира снова в Аккермане. У них есть своя крыша над головой, они не мыкаются по чужим углам. Фира работает, значит, они не голодают. Главное, они уже не люди последнего сорта, не узники фашистского румынского гетто, а свободные граждане. Папа и я живы. Может быть, и мы вернемся домой, и тогда наша семья заживет вместе счастливо.

* * *

23 октября из нашей колонны уехали три бригады. Говорили, что их перебросили под Котлас, в колонну № 21. Кто знает? Может быть, и нас куда-нибудь перекинут? Мы ж были как перекати-поле.

* * *

27 октября я не вышел на работу. Левая нога сильно опухла. Болезненный фурýнкул не давал мне жить.

На улице был страшный мороз, нос нельзя было показать. Люди, голодные и замерзшие, были озлоблены. Образовались группировки. Возникли какие-то противоречия между греками и болгарами. Не могу сказать точно, что послужило причиной, но дошли до рукоприкладства. Командир взвода и политрук разбирали это ЧП. Им не хотелось, чтобы это происшествие стало известно высшему начальству, и они старались примирить обе стороны. Было сказано много оскорбительных слов. Мне было неприятно слушать и одних, и других.

В тот день я получил сразу три письма. Это способствовало моему выздоровлению лучше любого лекарства.

Фира мне сообщала адрес папы: УССР, Донбасс, гор. Алчевск, ул. Нагорная, дом 22. Он писал, что здоров и работает. И больше ничего. Как он попал туда, почему у него гражданский адрес, какая у него работа – об этом не было ни слова. Вопросов у меня было много, но я не был в состоянии на них ответить. Как бы там ни было, я был счастлив. Он жив, и ему можно послать письмо.

Грета мне писала из Череповца, что работа военного следователя в военной прокуратуре очень интересная, многоаспектная, но довольно тяжелая для молодой женщины. Нередко приходилось иметь дело с убийцами, матерыми преступниками. Она хотела бы поработать судьей или юрисконсультом, чтобы окончательно сделать свой выбор. Грета коротко описывала город Череповец. Это был крупный центр металлургической промышленности, закопченный город с холодным климатом, где люди голодали, как и во многих других городах этого региона.

Как юрист, Грета обещала узнать, на каком основании меня направили в трудармию и как законным образом перевести меня в действующую армию или направить на учебу. Я был тронут ее заботой и родственным, подбадривающим тоном ее письма. Грету я никогда не видел. О ней я знал только из рассказов покойной бабушки Малки, которая несколько лет жила в Москве у своей старшей дочери Иды и присматривала за внучкой Гретой. Грете, ровеснице Фиры, было тогда 14–16 лет.

Третье письмо было от тети Иды. Ленечка без предупреждения явился к ней домой в форме советского солдата. Он приехал в Москву вместе со своим командиром, будучи его переводчиком. Встреча была очень трогательной. Она рассказывала с явным волнением, что Леня – настоящий красавец, стройный, хорошо

воспитанный молодой человек. Он оправился после гетто, учился и потом пошел в армию. Начальство хорошее. Визит к тете Иде продолжался всего несколько часов. Заканчивалось письмо риторическим вопросом, полным недоумения: как это после гетто Леня – в действующей армии, а ты, Рубин, – в Коми, вместе с зэками?

Я был искренне рад за Леню и очень расстроен своей судьбой. Я сам не понимал, за что меня сослали сюда.

* * *

Уже прошла неделя, как я не выходил на работу. Доктор вскрыл фурункул. Я страдал от боли, сильно похудел, ведь мой паек уменьшился, так как я не работал. Я распух. Когда нажимал пальцем на разбухшие ноги, оставались глубокие ямки. Я пил много воды.

Настроение было жуткое. Рядом не было никого, чтобы поддержать хотя бы добрым словом, дружеским участием. Даже в гетто мне не было так тяжело на душе. Очевидно, на меня подействовало и недавнее происшествие. Трудармеец из соседнего барака, опухший от голода и изнуренный до предела, вышел ночью по своей нужде и, возвращаясь обратно, упал, не смог сам подняться и до утра окоченел на морозе.

* * *

Наступил ноябрь. Стояли сильные морозы. Выпало много снега. Работать на лесоповале, на рытье котлована, на погрузке и разгрузке машин и вагонов стало неимоверно трудно. Естественно, нормы не выполнялись и пайки уменьшались. Даже здоровые мужчины, привыкшие к тяжелому физическому труду, стали сдавать. Силы покидали людей. Количество опухших увеличилось. Помочь было некому да и нечем.

С каждым днем я становился все более немощным. Не вставал с койки. Вспоминал свое состояние, когда в Виноградном Саду, в гетто, лежал с высокой температурой в бреду из-за сыпного тифа. Теперь мне было намного хуже. Я был один. Мне было невыносимо грустно. Я все время спал и спал. Даже подумал, что однажды так и не проснусь. Я не видел для себя выхода.

* * *

Что было со мной несколько дней, не знаю, не помню. В моем дневнике записей нет.

Когда состояние беспамятства и апатии прошло, у меня было

одно постоянное желание – есть. Доктор, знающий мой истощенный до предела организм, видно, проникся жалостью ко мне и распорядился, чтобы еду мне приносили к постели. Я жадно все поглощал и все равно оставался голодным.

С ведома доктора и, может быть, по его просьбе Розенберг, работавший на кухне, ежедневно улучшал мой рацион: добавлял побольше подсолнечного масла в чуть увеличенную порцию каши, подбрасывал кусочек мяса или рыбы, подслащал чай. Нередко в течение дня, когда все были на работе, он приходил ко мне и приносил хлеб.

Однажды доктор застал его у меня. Завязалась беседа. Розенберг вспомнил своих родных, погибших в гетто, я с болью в сердце рассказал историю нашей семьи, которую уже не надеялся увидеть.

Доктор впервые при нас расслабился, разоткровенничался. По навету завистников в 1937 году он был арестован. Его осудили на десять лет и отправили в Коми. Его перебрасывали из лагеря в лагерь, везде условия были жуткие, но ему было легче, чем другим, благодаря его специальности. Он лечил не только заключенных и трудармейцев, но и начальников и офицеров разных ведомств и членов их семей. Только в последние годы режим его содержания несколько улучшился. Ему разрешили бесконвойное хождение, переписываться с семьей, которая осталась в Москве, изредка получать посылки и переводы.

Его семья, как семья врага народа, сильно настрадалась. Жене, опытному хирургу, пришлось поменять работу. Ей помогли старые друзья. Пожилые родители от горя заболели и вскоре умерли. Жену и двух детей уплотнили, вселив в их квартиру семью работника домоуправления. Скандалы и драки не прекращались. Жизнь превратилась в сущий ад. В 1944 году дочь училась в седьмом классе и сын заканчивал десятилетку. Доктор очень скучал по ним. Он себе представлял их незаслуженные унижения и лишения.

Розенберг и я его успокаивали и утешали тем, что они живы и, слава Богу, не попали к немцам.

С начала войны доктор много раз просился на фронт, где врачи очень нужны были, но ему неизменно отказывали. Как и тысячи других заключенных, он надеялся на амнистию.

Со дня этого задушевного разговора между нами завязалась искренняя дружба. Я, видно, напоминал доктору его сына. Розенберг, один на белом свете, находил в нас, полагаю, какую-то опору, преданных товарищей. Для меня же они были спасителями.

Мы часто встречались. Однажды, поскольку я был очень слаб, я отдал доктору мои сбережения (около 500 рублей) и попросил его покупать мне те продукты, которые он считает нужными, чтобы

подкрепить меня. Доктор следил за ходом моего выздоровления. Вместе с лекарствами он приносил мне кусочек сливочного масла, пол-литровую бутылку молока, яблоко. Он систематически, тактично внушал мне, что я молод, поправлюсь, вернусь домой, буду учиться, и жизнь наладится. Каши Розенберга, его чуть более густые супы и прочая еда возвращали мне силы.

Доктор обещал найти мне после выздоровления физически посильную работу. По его рассказам, среди заключенных разных репрессивных волн было много интеллигентных и порядочных людей: ученых, преподавателей, инженеров, врачей, художников, артистов. Они, по возможности, поддерживали друг друга морально и материально, старались быть вместе, подальше от уголовников.

Часто после отбытия заключения таким людям запрещали вернуться домой. Им указывали места для «вольного» поселения. Человек, отсидевший 10–15 лет и надеющийся вскоре увидеть свою семью, истрадавшуюся жену или поседевшего мужа, повзрослевших детей, родившихся в его отсутствии внуков, при оглашении такого нечеловечного и немотивированного решения или падал в обморок, или получал инфаркт, или терял рассудок. Были и такие, которые смирялись со своей участью. Они вызывали к себе жену или мужа и устраивали заново в столь отдаленных местах свою семейную жизнь. Бывало, что прошедшие через столь длительную лагерную жизнь мужчины и женщины, супруги которых по разным причинам отказались от них, создавали здесь новые семьи.

За три года до окончания срока доктор переживал, его мучали сомнения: попадет ли он под ожидаемую амнистию, отпустят ли его домой или закабалят навечно?

У него были знакомые и друзья среди отсидевших сроки и получивших вместо свободы принудительное поселение в Микуне, Княж-Погосте, других местах Коми АССР. Они работали как специалисты на разных предприятиях.

* * *

В начале декабря я чувствовал себя значительно лучше. Уже больше месяца я не работал. Нога больше не беспокоила. Я хорошо питался. Силы постепенно возвращались. Я не знал, как благодарить доктора и Розенберга.

Прогнав мысли о смерти и глядя уже с надеждой в будущее, написал папе письмо. Не хотел огорчать его и сообщал, что у меня все нормально. Я старался его подбодрить и писал все, что я знал о маме и Фире, о Гене, Исидоре и Лене, об Иде и Грете. Я просил папу рассказать, что с ним случилось после мобилизации.

Переписка с папой придавала мне уверенность в том, что скоро придет конец нашим долголетним страданиям, нашей разлуке.

* * *

Доктор нашел мне сравнительно легкую работу. На мельнице, где начальником был его старый знакомый, требовался на время работник.

15 декабря я приступил к работе. Кроме начальника на мельнице работали посменно два мельника-профессионала. Меня взяли помощником. В мои обязанности входили уборка помещения, заполнение мешков крупой или мукой, их оттаскивание и складывание.

Мельница была небольшая. Зерно привозили с юга. Из проса делали пшено, из ячменя – перловку и из овса – овсянку. Эта продукция распределялась в основном по столовым лагерей заключенных и колонн трудармейцев. Каши были в нашем ежедневном меню. Для пекарен мы мололи муку. Выпекали, как правило, черный хлеб, ржаной.

Мельники относились ко мне хорошо. Они показывали, что я должен делать, и помогали, когда видели, что мне трудно справиться с заданием. Чтобы дотащить полный мешок к верхним рядам штабелей, мы поднимались по ловко устроенным ступенькам из полных мешков нижних рядов.

Я ценил добро, сделанное мне доктором, поэтому работал добросовестно, и мною были довольны. На улице стоял декабрьский трескучий мороз. Мои товарищи – трудармейцы работали на износ в снегу выше колен, мерзли и страдали от голода. Мне страшно было подумать, что стало бы со мной, если бы не встретил доктора, моего благодетеля.

В полдень на мельнице устраивали часовой перерыв. Обед готовили вместе. В большом котле варили кашу. Это было обычное, основное блюдо. Кое-что другое приносили с собой мельники и начальник. После физической работы я ел с аппетитом, досыта, и с каждым днем чувствовал себя все лучше и лучше.

За обедом мельники меня расспрашивали о довоенной жизни в Румынии, о нашей семье, пребывании в гетто и др. На мои вопросы они отвечали довольно скупо. После отсидки полученного срока им не разрешили вернуться домой. Они остались жить в Коми АССР как вольнонаемные. Надеялись, что после окончания войны будет объявлена амнистия, и они смогут уехать отсюда.

* * *

Так спокойно прошли две недели. Как-то раз в конце рабочего дня начальник мельницы подошел ко мне и пригласил на обед к нему домой на ближайшее воскресенье. Он хотел познакомить меня с его женой.

Это было мое первое приглашение в еврейскую семью. Я был в приподнятом настроении и предвкушал встречу с людьми вне трудармейской среды. Я привел себя в порядок и страдал только от того, что не мог достать букет цветов для хозяйки дома.

Точно в назначенный час я постучал в дверь. Открыл мой начальник. В домашней обстановке у него был совсем другой вид.

Густые седые волосы (на мельнице я его видел всегда в шапке-ушанке) украшали гордо поставленную голову. Острая короткая бородка не старила его. Живые умные глаза гостеприимно улыбались. Передо мной стоял будто бы другой человек – мирный, добродушный, улыбающийся, с распростертыми объятиями. На мельнице он всегда был в туго застегнутой до самой шеи дубленке, лицо строгое, озабоченное, подчиненным давал короткие указания.

В узенькую прихожую к нам вышла хозяйка дома. Нас познакомили, и она потянула меня к себе, обняла и поцеловала как родного, с которым давно не виделась. Здесь же в передней меня раздели и повели в маленькую столовую, где стол был уже накрыт.

Не помню, отмечали в этот день какое-то семейное событие или просто принимали меня, гостя-еврея, но стол был праздничный. Мне вспомнился наш дом в Брэиле, куда в пасхальные дни отец приводил двух-трех солдат-евреев, молодых людей из бессарабских местечек, которые служили в 38-м пехотном полку, расположенном в пригороде, которым разрешали на первые сейдеры быть среди своих. Солдаты приходили в синагогу, и там верующие евреи приглашали их к себе домой. Евреи считали своим почетным долгом так поступать. Это была мицва – благое дело.

В столовой стояли стол, четыре стула и буфет. Дощатый пол был застлан домотканым ковриком с украинским национальным узором. Все было скромно, чисто и уютно.

Хозяин достал из буфета напитки – вино и водку – и поставил их на стол. Хозяйка налила нам суп с лапшой. Мы чокнулись рюмочками с водкой, и хозяин произнес тост за скорое и победное окончание войны и за возвращение всех нас домой.

Я давно не ел еврейский суп с глазками и тонко нарезанной лапшой. Ел с большим аппетитом, и хозяйка с явным удовольствием подливала мне. Потом было настоящее еврейское жаркое с мясом, картошкой и подливкой. Этот домашний *росыл* со стаканчиком красного сухого вина привел меня в умиление. Как много было

мелких еврейских штрихов, характерных деталей, в нашей довоенной жизни столь обычных, которые мы только после горестных лет войны, скитаний, гетто и лагерей начали замечать и любовно вспоминать!

За столом я был в центре внимания. Видно было, что начальник рассказал жене мою страшную историю – историю молодого еврея, попавшего после фашистского гетто в советскую трудармию, где чуть было не отдал концы, и она захотела меня увидеть. Она тактично, мягко и тепло расспрашивала меня о нашей семье, больше о маме и Фире, о родственниках, живых и убитых оккупантами, о нашей жизни, особенно в гетто. Увидев, что я погрустнел, помрачнел, она поменяла тему.

Рассказ хозяйки был очень печальный. Муж, она и двое детей жили, как и все советские люди, очень скромно, в белорусском городе Гомеле, в Полесье, недалеко от того места, где утром, когда поют петухи, их слышат в трех республиках – в Белоруссии, России и Украине. Глава семьи работал инженером на хлебозаводе. Она была учительницей математики в школе. Мальчик и девочка учились в младших классах.

В 1927 году, когда партия осудила капитулянтские требования правых уклонистов, троцкистов и их попытки помешать развернутому строительству социализма, коллективизации крестьянских хозяйств, в стране начались аресты тех, кто допустил искривления линии партии, выразившиеся в нарушении ленинского принципа добровольности вступления в колхозы и в других грехах.

Вскоре после XV съезда ВКП(б) глубокой ночью ее муж был поднят с постели и увезен в неизвестном направлении. Куда она ни обращалась, на работу, в райком партии, в милицию, всюду ее встречали холодно и нигде никто не давал ей вразумительного ответа.

Долгие годы она не знала даже, жив ли ее муж. Ей было очень трудно и морально, и материально. Почти все знакомые и даже некоторые друзья сторонились ее. Зарплаты не хватало на содержание трех человек. После школы (она была счастлива, что ее не уволили с работы) занималась репетиторством, чтобы как-то свести концы с концами.

Детям тоже было нелегко, хотя говорилось, что дети не отвечают за родителей. Старшего не приняли в комсомол, что было для него серьезной травмой. Детям внушали, что партия не ошибается, что все ее помыслы и действия направлены на благо народа, что враги его получают по заслугам.

Мужа в ту страшную ночь увезли в тюрьму. Его били, пытали, ему угрожали и заставили признаться в том, о чем он понятия не имел, что он выступал и действовал против линии партии, направленной на построение социалистического общества.

Фактически без суда его осудили как врага народа, дали десять лет строгого режима, что считалось небольшим наказанием, и выслали. Побывал он в разных лагерях, выполнял всякие работы. Перенес много унижений. Болел. Не раз был на грани жизни и смерти. Преодолел все трудности и невзгоды благодаря своему физическому здоровью и твердому характеру. В последние годы заключения его как инженера перевели на более легкие и спокойные работы.

Он отсидел десятилетний срок от звонка до звонка, а в 1938 году объявили, что он не имеет права вернуться домой, ему назначен район поселения, куда он может вызвать семью.

Добиваться отмены этого решения не было смысла, и он покорился судьбе. После десяти лет запрета ему разрешили посылать письма семье.

Его первое письмо ошеломило всех. После стольких лет гнетущей неизвестности и мрачных раздумий жена и дети вдруг узнали, что он жив. Они и плакали, и смеялись от безмерной радости. Читали и перечитывали письмо, целовали эту страницу из школьной тетради, покрывая ее слезами. Детям хотелось рассказать всем, что отец – хороший человек, что он свободен, но их сдерживал страх, как бы не навредить ему.

1938 год был годом очередной волны репрессий. На этот раз органы государственной безопасности, руководимые Ежовым, а затем Берией, ликвидировали оклеветанных видных деятелей партии, правительства и государства, крупных военачальников[9], многих других ни в чем не повинных людей.

Они знали, что письма проходят цензурную проверку, поэтому ответное письмо жены и детей было сдержанным, но выражало их чувства любви и преданности.

Посоветовавшись с уже взрослым сыном и дочкой, решили, что к отцу поедет только мать.

Оформление документов и улаживание домашних дел заняли около двух месяцев.

Ко времени приезда жены он уже работал начальником мельницы, и ему выделили двухкомнатную квартиру.

Встреча на станции Микунь им запомнилась на всю жизнь. У подножки вагона одиноко стоял постаревший мужчина, недавно освобожденный из лагеря. В тамбуре из-за спины проводника выглядывала женщина – единственный пассажир, выходящий на этой станции, взволнованная, не в состоянии вымолвить ни слова, не в состоянии сдвинуться с места. После минуты молчания и обмена нежными взглядами он на руках снял ее с поезда. Проводник вынес багаж. Поезд ушел, а они продолжали стоять в обнимку на безлюдной платформе.

* * *

В первые дни войны их сын был призван в армию. Письма от него приходили довольно регулярно. Он честно защищал Родину. Обида за незаслуженное осуждение отца ушла в прошлое. Дочь успела эвакуироваться и жила в Узбекистане. Родители благодарили Бога, что дети живы и не познали ужасов немецкой оккупации.

Несмотря на все пережитое, эти люди смотрели оптимистично в будущее. Они верили, что война закончится победой над Германией, что настанет время, когда им разрешат вернуться в Белоруссию, семья снова соберется вместе.

Они и мне говорили, что я должен верить в то, что вернусь домой, что все наладится и наша семья будет жить счастливо.

Потом хозяин вспоминал разные эпизоды лагерной жизни, людей, с которыми он встречался, крепкий характер одних и малодушие других, рассказывал об уголовниках, о лагерном начальстве и о многом другом.

Я чувствовал, что засиделся в гостях, хотел уйти, но меня не отпускали. За чаем мой начальник выразил сожаление, что не сможет задержать меня на мельнице на длительное время. Но и он, как и доктор, обещал найти мне работу, которая не довела бы меня снова до истощения.

Время, проведенное в этой семье, в сердечной атмосфере, дало мне силы перебороть трудности повседневной суровой жизни.

* * *

12 января 1945 года я начал работать учетчиком на лесопильном заводе. Начальником был Дубовенко, бывший политзаключенный, специалист по лесоводству. Ему было 55 лет. Он был малословен и, как мне казалось, суровый человек.

Моим наставником был вольнонаемный по фамилии Ермаков. Он увольнялся. Ермаков ознакомил меня с работой. Нужно было уметь считать и пользоваться определенными таблицами. Мне приходилось бывать и во дворе, и на складе завода. Рабочий день длился десять часов. Иногда нужно было пересидеть несколько часов. Работа была по сменам. Ночная смена более спокойная.

На лесопильном заводе работали вольнонаемные и заключенные. Последних приводили и уводили под конвоем. Они выполняли черную и трудоемкую работу. Вольнонаемные общались с заключенными только по рабочей необходимости и под надзором охраны.

* * *

17 января я работал в ночную смену. Около полуночи на складе погас свет. Я пошел в ближайший цех, чтобы найти дежурного электрика. Он стоял около станка с циркулярной пилой. Я подошел, поговорил с ним и остался посмотреть, как человек управляет ею. По неопытности и неосторожности я слишком близко стал к работающей пиле, очевидно, сделал неосторожное движение, и она резанула мою левую бровь. От неожиданности, сильной боли и страха, так как кровь сразу же залила глаза, я на мгновение потерял сознание. К счастью, рядом были люди, меня отвели в санитарную часть, где оказали медицинскую помощь: промыли рану, наложили швы и забинтовали. Чтобы не потерять место, я отказался от больничных дней. Ходил на работу с перевязанным глазом, нахлобучив ушанку пониже. Было морозно, и я боялся, что рана плохо заживет. Мне повезло, глаз не был задет.

Через некоторое время сняли швы. С тех пор моя левая бровь, прикрывающая шрамик, приподнята и придает моему лицу вопросительно-ироничное выражение.

* * *

В свободные от работы часы я иногда заходил на мельницу. Меня хорошо принимали и мельники, и начальник. Основными темами разговоров были военные сводки, вести из дому от родных и друзей, слухи об изменении статуса всех групп людей, находящихся в Коми помимо своей воли. Разговоры были откровенными, ибо мы доверяли друг другу. На мельнице меня подкармливали. Я был моложе всех и всегда голоден.

* * *

В первых числах февраля Фира мне переслала папино письмо. Он рассказывал, что с ним случилось после 4 апреля, когда он и Сергей Петрович были мобилизованы полевым военкоматом.

Вместе с другими мужчинами, призванными на хуторе Вовхово и в других хуторах Каратаевского сельсовета Андреево-Ивановского района, они прошагали километров 60 до станции Червонознаменка, где их погрузили на поезд. Через сутки они прибыли в город Николаев. Здесь стоял запасной полк – пункт их первого назначения. Папа и Сергей Петрович отсюда послали нам первые письма с указанием обратного адреса – полевая почта № 34767. Как оказалось, мы эти письма не получили.

Наряду с обучением военному делу солдат вызывали в Особый отдел. Через неделю Сергей Петрович был направлен на фронт. Отец простился с ним как с родным братом. Отец был послан в другой запасной полк, который находился в Сталино. Он нам и оттуда писал и указывал номер полевой почты – О3292 Б, но и это письмо не дошло до нас. Потом папа получил направление в Ворошиловградскую область. В лагерном отделении № 2 спецлагеря № 0310 НКВД СССР он прошел строгую государственную проверку. Его определили в трудармию, на восстановление шахт.

В 1944 году работа в шахте, глубоко под землей, была равна каторжной работе. Немцами многие шахты были завалены. Оборудование разрушено. Измученные лошади и ослабевшие люди тянули и толкали вагонетки с лесом для опор и инструментами в один конец и добытым углем в другой. Стране нужен был уголь, и на шахты посылали трудармейцев и завербованных женщин и мужчин из бывших в оккупации.

Отец проработал под землей несколько месяцев. Выполнял все, что от него требовали, в основном подсобную, черную работу.

Обессиленный пребыванием в гетто и тяжелым физическим трудом в шахте, отец заболел. У него были больные желудок и легкие. Пища была скудная и непитательная. Угольная пыль отравляла весь организм. Лекарств для трудармейцев почти не выдавали, все предназначалось для фронта.

Отец пролежал три недели. Когда чуть поправился, его направили в шорную мастерскую ремонтировать упряжь и сшивать приводные ремни. Как в гетто, так и в трудармии, ремесло шорника спасло ему жизнь. Здесь работать было значительно легче, чем под землей.

В этом письме он сообщал свой новый адрес: УССР, Донбасс, гор. Алчевск, П.О. Парижской коммуны, шахта «Дельта».

Письмо Фиры к папе шло долго, больше месяца. Возможно, почта еще плохо работала. Но скорее всего письмо из недавно освобожденного Белгорода-Днестровского, бессарабского города, к трудармейцу-еврею, много раз вызываемому Особым отделом, прошло не одну проверку.

Я перечитывал папино письмо много раз, старался понять через какие испытания прошел мой отец, без всякой вины виноватый. По сути, его и мои мытарства во многом были схожими.

* * *

На заводе мне повезло и с десятником. Ревченко тоже был из вольных поселенцев. Из его рассказов я узнал, что семьи у него не было. Его родителей раскулачили и вместе с тремя детьми сослали

в Западную Сибирь. От горя и тяжелых условий жизни сначала умерла мать, а потом и отец. Младших, брата и сестру, определили в детский дом. Он пошел работать учеником плотника и легко освоил навыки этого ремесла. Когда пришло время, его призвали в армию. Все было нормально до того дня, когда кто-то из его товарищей по взводу донес на него, что он из семьи кулаков, высказывался против коллективизации и ругал советскую власть. Этого оказалось достаточно, чтобы дать ему срок. Отбыв его, Ревченко стал поселенцем.

Этот одинокий человек был очень добрым, отзывчивым. Годы заключения не ожесточили его сердце. Он старался найти брата и сестру, отданных в детский дом, но его поиски оставались безуспешными. Прошло много лет, детей переводили из одного приюта в другой, они стали взрослыми и сами могли определить свою судьбу, уехать.

Ревченко мне очень помог в работе. Его практические советы дали мне возможность стать в короткий срок неплохим специалистом.

В первых числах марта меня перевели старшим учетчиком.

* * *

По календарю уже наступила весна. По старому румынскому обычаю 1 марта женщинам дарили мэрцишор – монетку или безделушку, подвешенную на шнурок из сплетенных белой и красной нитей, символ любви и уважения, а также амулет, защищающий белое лицо от солнечного загара. В Коми в это время года мы солнца не видели. Круглые сутки была ночь. Люди работали при постоянном электрическом освещении. Еще держались крепкие морозы. Люди мерзли, но работа не прекращалась. Одна смена сменялась другой.

Бывали такие морозные ночи, что выстоять их под открытым небом или на складе было невозможно. Вместе с Ревченко и другими учетчиками мы шли погреться в коптильную камеру. Это была комната без окон, где дезинфицировали одежду. Температура там была очень высокой. Если во дворе мы не могли дышать из-за мороза, то здесь из-за жары. После таких резких перепадов температуры мы расслаблялись и засыпали, сидя на полу. Как правило, через 30–40 минут Ревченко нас будил, и мы шли дальше работать. Наши ватные брюки и бушлаты, ушанки и байковые портянки некоторое время сохраняли тепло, впитанное в камере. Потом мы снова мерзли. Но для заключенных и многих трудармейцев коптильная камера была запретным местом. Они грелись у костров во дворе или у печек-буржуек в цехах.

* * *

В марте я получил одну посылку из Череповца от Греты и две посылки из Москвы от тети Иды. Эти посылки меня здорово поддержали. В них было несколько пачек табака и папиросной бумаги, безопасная бритва с лезвиями, мыльный порошок для бритья и мыло, гречка и перловка, сахар, соль, несколько пачек чая, шейный шерстяной широкий шарф и некоторые другие очень полезные вещи.

В первый выходной день я навестил доктора. Я ему подарил две пачки табака и лезвия. Он был очень доволен. Здесь было трудно достать даже махорку. Я ему прочел папино письмо. Доктор считал, что папе крепко повезло, что он избавился от подземной работы. Он интересовался моей работой на лесопильном заводе и предупредил меня, что не надо часто заходить в коптильную камеру, так как это вредно для легких.

От доктора я пошел к Розенбергу. Ему я подарил мыльный порошок для бритья и пачку лезвий. Я знал, что он бреется редко, потому что кожа его лица легко раздражалась. Он был в восторге.

* * *

В конце марта получил письмо от тети Гени. Она писала, что 14 апреля они всей семьей выезжают из Черновиц в Брэилу.

На сей раз инициатором переезда был дядя Исидор. Он не был доволен предвоенным годом, проведенным при советской власти. В 1940 году в Аккермане для него не нашлось работы, и в отделе промышленности обкома партии ему предложили в повелительной форме поехать в местечко Сарата работать в мастерской по ремонту сельхозмашин.

Хозяином мастерской был немец. Он бросил все, уехав вместе со своей семьей и с другими немцами из южной Бессарабии в Германию. Рабочие растащили весь инструмент. Заказов на ремонт не было, так как колхозы только стали организовываться. Зажиточные крестьяне, у которых была кой-какая техника (молотилки, косилки и др.), были напуганы слухами о раскулачивании и не думали даже о ремонте инвентаря. Да и запчастей в мастерской не было, и доставать их негде было. Техника не была советского производства. В результате мастерская не выполняла план из месяца в месяц. Райком партии искал виноватых в создавшемся положении и, конечно, нашел их в лице директора и инженера. Никакие объяснения не принимались во внимание. Всюду виделся саботаж. Для тети Гени работы вообще не было.

С большим трудом, благодаря настойчивым просьбам и аргументированным заявлениям тети Гени, которая отлично знала русский язык, райком партии в начале 1941 года дал согласие на освобождение дяди Исидора с работы. С неменьшими трудностями они добились разрешения выехать из Сараты в Черновцы.

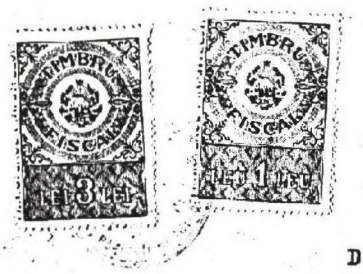
Черновцы был тогда большой город европейского вида со многими заводами и фабриками, где и тетя Геня, и дядя Исидор нашли работу по специальности. Население города было многоязычным. Здесь говорили по-немецки, по-еврейски, по-русски, по-украински, по-польски и по-румынски. Дядя Исидор мог легко объясняться с начальством и с рабочими. Заводы были хорошо оснащены, получали сырье и работали с полной нагрузкой. Леня учился в городской школе, где преподавали хорошие учителя. Все были довольны.

22 июня 1941 года началась война, и вместе с ней пришли новые беды, нечеловеческие страдания. 5 июля немецкие и румынские войска заняли Черновцы. После первых дней безудержного террора и бесчинств, совершенных румынскими и немецкими военными, евреев заставили носить «звезду Давида», затем были закрыты синагоги, установлен запрет на профессию, детям и молодежи запрещено учиться в государственных учебных заведениях, евреи были лишены права получать продуктовые карточки, покупать что-либо на рынках и др. У них конфисковали ценные бумаги, валюту, автомобили, радиоприемники и т.п. Евреев заставляли убирать улицы, казармы, ремонтировать дороги и т.д. без какой-либо оплаты.

В соответствии с указом губернатора Буковины генерала Корнелиу Калотеску 11 октября до 18 часов все евреи должны были покинуть свои квартиры и дома и переселиться в гетто. Каличанка, район в восточной части города, не мог вместить более 50 000 евреев, которые находились тогда в Черновцах. Люди ютились в подвалах, на чердаках или в сараях, укрываясь от дождя и снега. Район гетто был окружен колючей проволокой и охранялся военными[10].

Геня, Исидор и Леня оказались в этом гетто. Все нажитое осталось в квартире и у добрых соседей. С собой они взяли только рюкзаки с теплыми вещами и котомки с продуктами.

В середине октября 1941 года началась депортация из Черновицкого гетто в Транснистрию. Планировалась высылка всех евреев. Однако благодаря усилиям мэра города доктора Траяна Поповича и других порядочных румын в городском гетто было оставлено около 20 000 евреев, в основном специалисты – инженеры, архитекторы, квалифицированные ремесленники, врачи, юристы, а также бывшие офицеры, ветераны, инвалиды войны, художники, композиторы, писатели и др.[11] Геня и Исидор, как инженеры, оказались среди оставленных в Черновицком гетто.

CF.

D E C L A R A T I

Subsemnatul Mihailiuc Neculai, medic, domiciliat in oraşul Vaslui, str.Mihail Kogălniceanu nr.6, declar pe propria răspundere, cunoscînd dispoziţiunile legale referitoare la declaraţiile neadevărate, următoarele :

In perioada 1941-1943 - am fost internat in lagărul Edineţ din fostul judeţ Hotin, unde era de asemenea internaţi soţii Ghelberg Isidor şi Ghelberg Ghenea, împreună cu fiul lor mic Ghelberg Leonard.

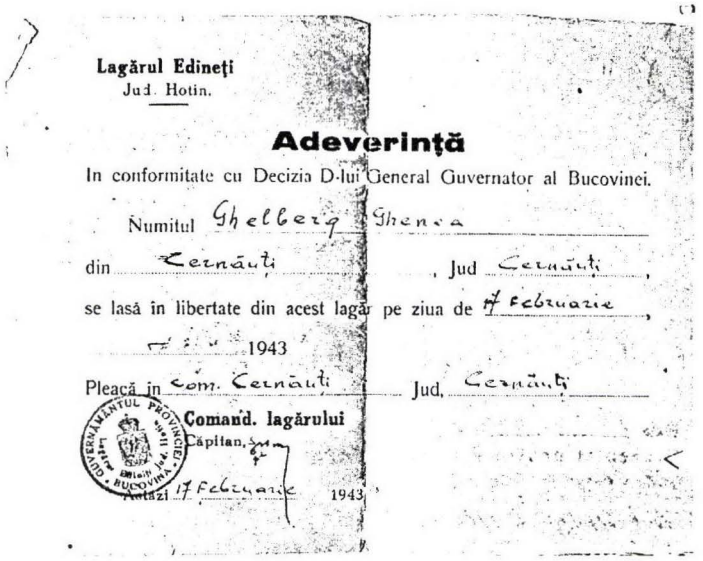
In cursul anului 1942 am dat primul ajutor medical,pînă la venirea medicului lagărului, atît lui Ghelberg Ghenea, care a suferit o congestie cerebrală urmată de o hemiparezã dreaptă cît şi lui Ghelberg Isidor, care a suferit un infarct miocardic.

Dau prezenta declaraţie spre a servi lui Ghelberg Ghena pentru îndeplinirea formalităţilor necesare în vederea pensionării.

Redactată şi dactilografiată la Notariatul Capitalei, azi data autentificării, în 3 exemplare.

Копия показаний врача Михайлюка Некулая

3 февраля 1942 года их и Леню погнали этапом в рабочий лагерь-гетто города Единцы, в северной Бессарабии. Неимоверная жестокость румынских жандармов, жадность и зверство украинского и молдавского гражданского населения и румынской администрации раскрыли перед ними худшие стороны человеческой натуры. Им пришлось столнуться с неописуемыми трудностями, в результате дядя Исидор перенес здесь первый инфаркт миокарда, а тетя Геня – кровоизлияние в мозг. Леня, которому было всего 15 лет, получил ущемление межпозвоночных дисков и спондилез.

Lagărul Edineţi
Jud. Hotin.

Adeverinţă

In conformitate cu Decizia D-lui General Guvernator al Bucovinei.

Numitul Ghelberg Ghenea

din Cernăuţi , Jud Cernăuţi ,

se lasă în libertate din acest lagăr pe ziua de 17 Februarie

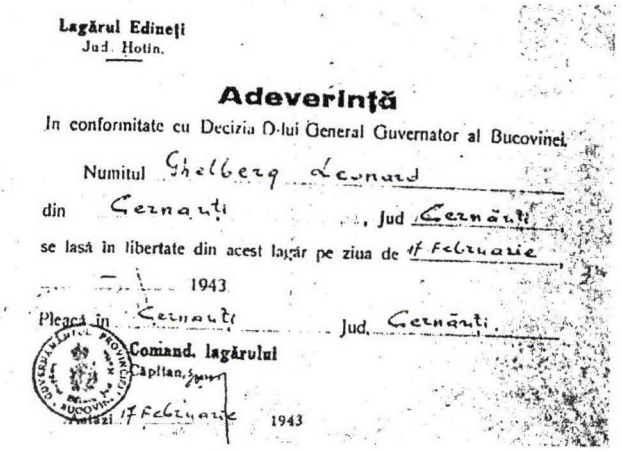
1943

Pleacă în com. Cernăuţi Jud. Cernăuţi

Comand. lagărului

Căpitan,

Azi 17 Februarie 1943

Lagărul Edineţi
Jud. Hotin.

Adeverinţă

In conformitate cu Decizia D-lui General Guvernator al Bucovinei

Numitul Ghelberg Leonard

din Cernauţi , Jud Cernăuţi

se lasă în libertate din acest lagăr pe ziua de 17 Februarie

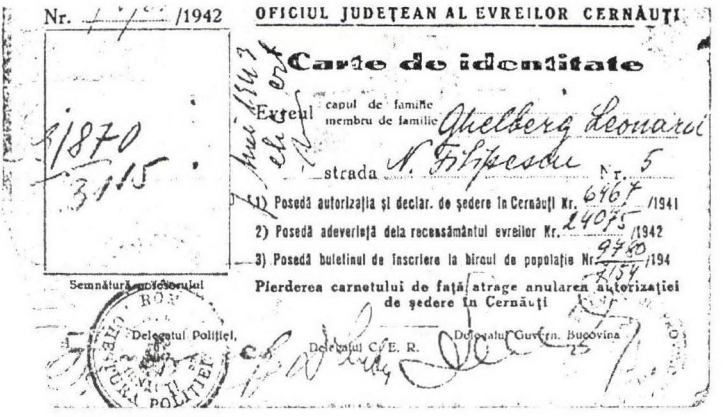
1943

Pleacă în Cernauţi Jud. Cernăuţi

Comand. lagărului

Căpitan,

Azi 17 Februarie 1943

Nr. /1942 OFICIUL JUDEŢEAN AL EVREILOR CERNĂUŢI

Carte de identitate

Evreul capul de familie / membru de familie Ghelberg Leonard

strada N. Filipescu Nr. 5

1) Posedă autorizaţia şi declar. de şedere în Cernăuţi Nr. 6467 /1941

2) Posedă adeverinţă dela recensământul evreilor Nr. 14075 /1942

3) Posedă buletinul de înscriere la biroul de populaţie Nr. 9780 /194

Pierderea carnetului de faţă atrage anularea autorizaţiei de şedere în Cernăuţi

Semnătura purtătorului

Delegatul Poliţiei, Delegatul C. E. R. Delegatul Guvern. Bucovina

Копии справок Гени и Лени Гельберг

Леня Гельберг (Черновцы, 1944)

Первую медицинскую помощь им оказал врач Некулае Михайлюк, благородный человек, узник Единецкого рабочего лагеря.

Новый комендант Единецкого лагеря-гетто капитан запаса Александру Шишман оказался порядочным человеком. С учетом создавшейся в 1943 году обстановки он смягчил условия содержания и труда интернированных людей.

17 февраля 1943 года, благодаря тому, что отец дяди Исидора был ветераном войны 1877 года за независимость Румынии, согласно имеющимся у Исидора документам и в соответствии с постановлением верховных властей их вернули в Черновцы.

Жизнь в Черновицком гетто и рабский труд в годы фашистского оккупационного режима, как и уже знакомая им советская действительность, подвели Исидора и Геню к твердому решению уехать из Советского Союза и из Румынии, эмигрировать в какую-то демократическую страну.

После освобождения Черновиц 29 марта 1944 года войсками 1-го Украинского фронта[12] они настойчиво добивались разрешения

выехать в Румынию. Они надеялись, что оттуда будет легче выбраться на свободу.

1940–1945 годы, полные страданий и унижений, освободили Геню и Исидора от иллюзий о справедливом социалистическом обществе.

Мне было жаль терять на долгие десятилетия, а может быть, и навсегда, любимых мною тетю Геню, дядю Исидора и двоюродного брата Леню. Но я их хорошо понимал и был рад за них.

* * *

Получил письмо от папы и его фотографию. Папа писал, что чувствует себя хорошо. Условия работы несколько улучшились. Он познакомился с местными жителями и в свободное время подрабатывает. Питается неплохо. Папа сообщал мне, что получает бодрые письма от мамы и Фиры. Он просил писать ему регулярно, хотя бы раз в месяц.

С фотокарточки на меня смотрели добрые глаза папы. Он немного поправился. На висках стало больше седых волос. Отпустил пышные усы. Эту карточку я всегда носил с собой и часто рассматривал ее. Я был счастлив, что папа жив.

* * *

При следующем посещении мельницы начальник меня снова пригласил к себе домой. Я с удовольствием принял приглашение. У них мне было хорошо, как дома, уютно. Из полученных посылок я сохранил для такого случая две пачки чая и пачку табака. Мои скромные подарки были приняты с радостью.

После вкусного еврейского обеда я прочел им отрывки из писем папы и Гени. Они сочувственно отнеслись к страданиям папы и семьи Гени. Попутно они мне задавали много вопросов. Иногда казалось, что мы и они до войны жили в совершенно разных мирах. С любопытством они рассматривали фотокарточку папы и лестно отзывались о нем.

Во время беседы начальник мельницы сказал, что на заводе довольны моей работой и собираются поручить мне более ответственный участок.

* * *

10 апреля меня вызвал Дубовенко. Он мне предложил место старшего десятника. Некоторое время буду работать с Ревченко, который и рекомендовал меня на эту должность. Дубовенко считал,

что я справлюсь со своими обязанностями, и велел мне при серьезных затруднениях обращаться к нему.

Около недели я не отходил от Ревченко. Он подробнейшим образом ввел меня в курс дела, познакомил с теми людьми, с которыми мне придется общаться, охарактеризовал каждого из них, подсказывал, с кем как обращаться. Все они были старше меня по возрасту, уже имели определенный опыт работы. Среди учетчиков и десятников были вольнонаемные и бывшие заключенные.

С первого же дня работы у меня сложились нормальные отношения со всеми.

* * *

Первого мая Розенберг и я были приглашены к доктору. Его комната была обставлена предельно скромно. Небольшой стол, накрытый чистой белой скатеркой, два стула, железная койка, аккуратно застланная, подвесная вешалка и аптечка.

На столе – пол-литровая бутылка водки, граммов двести масла, тонкими ломтиками нарезанная колбаса, буханка хлеба и кастрюля гречневой каши.

Настроение у нас было хорошее. Война приближалась к концу. Берлин, окруженный армиями маршалов Жукова и Конева, фактически прекратил сопротивление. 25 апреля воины 1-го Украинского фронта у берегов Эльбы встретились с американцами. Бои велись на юге Германии и в Чехословакии, а также в северной части Германии. Союзники освобождали Данию, Норвегию и северную Италию[13].

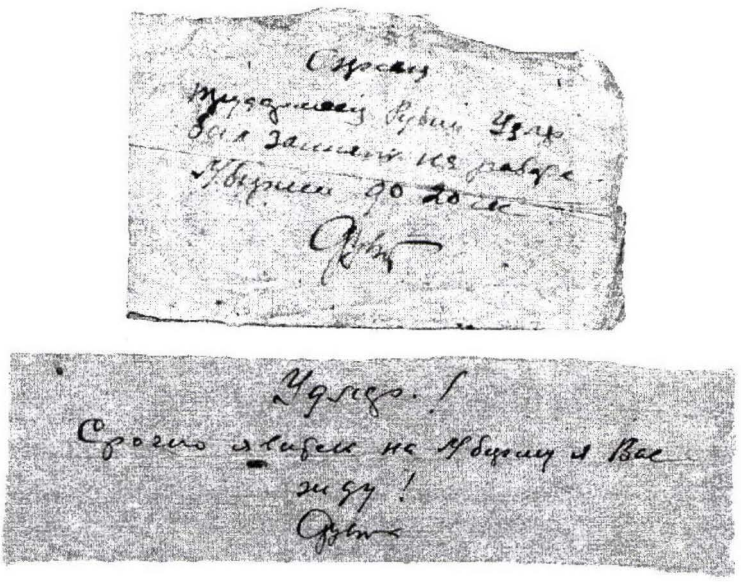
Все мы надеялись, как я уже писал, что с успешным завершением войны изменится и наше положение, ждали амнистии и демобилизации.

Я был глубоко признателен доктору и Розенбергу за то, что они вернули мне жизнь. Доктор и Розенберг благодарили Бога за то, что в труднейших условиях Коми мы встретились и стали преданными друзьями.

Первый тост был за Победу. Второй – за дружбу. Мы аппетитно закусили и предались воспоминаниям. Третий, последний, тост был за счастье наших семей, за возвращение в родные края.

* * *

Поскольку на лесопильном заводе работал только я, у меня был пропуск для выхода с территории нашей трудколонны. У ворот я отмечался, когда уходил и когда возвращался. Если задерживался,

Справки Дубовенко

мне начальник давал справку такого содержания: «Трудармеец Рубин Удлер был занят на работе л/биржи до 20 час. Дубовенко».

Иногда, не в мою смену, меня вызывали запиской: «Удлер! Срочно явитесь на л/биржу. Я Вас жду! Дубовенко».

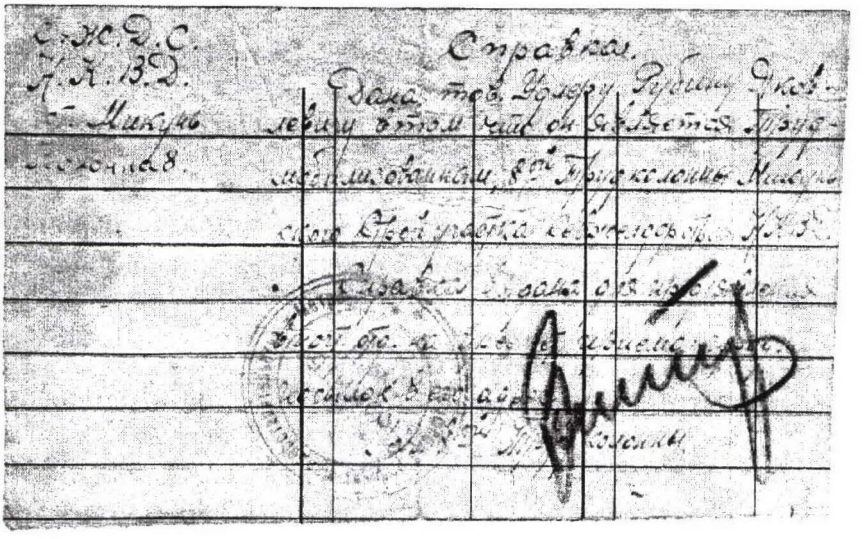
Я тут же быстро одевался и, несмотря на ночную тьму, жуткий мороз, глубокий снег, спешил к Дубовенко. То я должен был заменить заболевшего товарища, то не могли найти необходимые сведения и т.п.

Порой мне казалось, что Дубовенко дневует и ночует на заводе, живет только жизнью производства.

Я старался быть исполнительным и аккуратным работником, чтобы сохранить свое место. Ежедневно видел, какими измотанными возвращались из леса и со строек мои сотоварищи трудармейцы. Многие из них в последние месяцы настолько ослабли, что уже не выходили на работу. Я им помогал, чем только мог.

* * *

6 мая пришла еще одна посылка от тети Иды. На этот раз мне нужно было лично ее получить на почте. Дело в том, что посылки, доставленные в колонну, кем-то вскрывались, пропадали вещи и продукты. Последовали жалобы, приведшие к принятию такого решения.

Справка, выданная начальником 8-й трудколонны

У меня сохранилась справка, подписанная начальником колонны, для предъявления на почте. Это было своеобразное удостоверение личности. Привожу ее дословно:

С.Ж.Д.С.
НКВД
Ст. Микунь
Колонна 8

Справка

Дана тов. Удлеру Рубину Яковлевичу в том, что он является трудмобилизованным 8-й трудколонны Микуньского стройучастка Севжелдорстроя НКВД

Справка дана для предъявления в почт. отд. на предмет приема прод. посылок в его адрес.

Нач. 8-й колонны,
Подпись
Печать

* * *

9 мая все праздновали долгожданную Победу. Отмечали это событие по комнатам. Приходили и товарищи из других комнат. Собрались старые друзья: Розенберг, Хаид, Абрамович, Супрович и я. Поставили на стол у кого что было. Я выложил из посылки,

полученной на днях, все съестное. Настроение у всех было отличное. Нам казалось, что, коль война закончилась, вскоре и нас отпустят домой.

* * *

Всеобщее приподнятое состояние духа сохранялось несколько дней. Потом пошли будни. Страна была сильно разрушена. Ее нужно было восстановить в короткие сроки. Промышленность и сельское хозяйство нуждались в угле, железе, лесе и т.д. Армию не распускали. Япония вела активные боевые действия в смежных с ней регионах. Присутствие армии в освобожденных странах Восточной Европы было необходимо. Страна не могла обойтись без дешевого труда миллионов заключенных и трудармейцев. И мы должны были понимать проблемы государства и отложить надежды на амнистию и демобилизацию.

* * *

Получил письмо от мамы и Фиры. Жизнь в Белгороде-Днестровском восстанавливалась. В разрушенный войной город возвращались семьи, которые были эвакуированы в разные города и села республик Средней Азии и Западной Сибири. Люди ремонтировали дома, устраивались на работу. Открывались школы, больницы, поликлиники. Функционировали государственные учреждения. Шла подготовка к пуску заводов пищевой промышленности, мельниц и др.

Среди вернувшихся из эвакуации были и старые друзья наших родителей Соня Штейнберг с дочкой Евой. Муж Сони Шая умер в эвакуации. Когда Соня с дочкой пришли к себе домой, новые жильцы их не впустили даже во двор. В их собственный дом по улице 8 Марта, 12 в 1941 году самовольно вселилась семья украинцев. Румынская администрация города за бесценок оформила на имя нового хозяина брошенный Штейнбергами дом. Румыны так поступали с оставленными евреями домами во всех городах и местечках Бессарабии и Северной Буковины, оккупированных ими. По очень низким ценам дома скупались местным украинским, молдавским и другим населением, но главным образом румынами, хлынувшими сюда из Старого Королевства.

Соня и Ева нашли приют у мамы, выделившей им одну комнату. Вскоре решением суда дом был возвращен Штейнбергам, настоящим его владельцам.

Фира писала, что в первых числах мая приехал в отпуск Миша

Штейнберг, сын Сони. Он прибыл из Софии, где служил в чине капитана в штабе армии.

Летом 1938 года Миша закончил местную мужскую гимназию (лицей «M.Viteazul»). В 1941 году эвакуировался вместе со своей семьей. Через месяц его мобилизовали и послали на фронт. После ранения направили в военное училище. Миша стал переводчиком с румынского и болгарского языков. Он участвовал в освобождении Румынии и Болгарии в составе войск 3-го Украинского фронта. Когда узнал, что мать и сестра вернулись в Белгород-Днестровский, Миша попросил отпуск и на десять дней приехал домой.

Фира познакомилась с Мишей в 1940 году. Он был старше ее на два года. У них были общие друзья. Война жестоко обошлась с ними. Одни были убиты румынами на месте, в городе, в августе 1941 года, или позже в гетто Транснистрии, другие погибли на фронте, в рядах Красной Армии, а третьи были разбросаны по Союзу. Суровые годы войны, все пережитое Фирой в гетто и Мишей на фронте сделали их более серьезными и разумными. К концу отпуска Миша и Фира решили пожениться. Их помолвка состоялась за день до его отъезда. Из письма Фиры видно было, что она счастлива.

Я был очень рад за нее. Фирин жених был из еврейской семьи, честный, трудолюбивый, умный, образованный, и я был уверен, что они создадут крепкую, здоровую семью. Об этом я написал Фире в тот же день. В письме я поздравлял и нашу дорогую маму и вложил в конверт письмо для Сони и Евы. Я был рад, что у нас появились новые родственники.

* * *

В июне Дубовенко перевели на другой домостроительный завод, где производили комплекты домов, в которых очень нуждались в разрушенных немцами местностях. Стены, полы, крыши, окна, двери и т.д. изготовлялись из дерева. Каждая деталь имела свой номер, и по схеме было несложно в короткий срок возвести дом.

Дубовенко меня вызвал и предложил перейти с ним на этот завод, заняв должность бракера (браковщика). Эта постоянная работа была более сложной и ответственной. Она проводилась в помещениях, лучше оплачивалась.

Я с признательностью принял его предложение, но честно сказал, что хочу продолжить учебу, и просил помочь мне. Дубовенко внимательно выслушал мои доводы, согласился со мной и обещал подумать.

* * *

Новая работа мне давалась легко. Мне дали несколько книг, где все требования были изложены очень четко; там были схемы и таблицы с точными размерами деталей; мне выдали инструменты и линейки.

С первых же дней мне пришлось спорить с некоторыми бригадирами и начальниками участков, которых не устраивал мой бракераж. Я старался быть максимально объективным, и они сами убеждались в моей правоте. К Дубовенко мы ни разу не обратились.

* * *

Спустя примерно месяц Дубовенко мне сказал, что он хотел бы меня послать на курсы инспекторов ЧОС (я не помню как расшифровывалась эта аббревиатура), очень нужных расширяющемуся домостроительному производству. Он мне дал время подумать, потому что закончивший эти курсы брал на себя обязательство отработать в Республике Коми три года. Дубовенко оказался порядочным человеком. Он понимал, что я не смогу принять его предложение, и мне давал возможность отказаться от него.

* * *

Получил от Греты письмо. Она решила, что в связи с окончанием войны против Германии и ее европейских сателлитов нет смысла терять время и силы на выяснение оснований моего направления в трудармию и на поиск путей моего перевода в действующую армию. Она сосредоточила свое внимание на поиске возможностей моей демобилизации для продолжения учебы.

Еще за месяц до окончания войны, 10 апреля 1945 года, был издан приказ о демобилизации военнослужащих и их направлении на учебу, так как страна очень нуждалась в специалистах мирных профессий: строителях, учителях, врачах и т.д.

На основании этого приказа, по совету Греты, она начала наводить справки в Москве, в разных техникумах и вузах. Тетя Ида работала учителем истории и политэкономии и имела много знакомых, которые могли ей помочь выяснить положение.

Письмо Греты меня обнадежило. Может быть, я смогу, наконец, вырваться из Коми и продолжить образование. С этой радостной вестью я пошел к доктору. Он отреагировал довольно сдержанно. Сказал, что нужно узнать, распространяется ли этот приказ на трудармейцев, на тех, кто находился в оккупации, родился заграницей и т.д. К тому же, насколько ему было известно, этот

приказ не был обнародован в Микуне. Он мне подсказал план действий: во-первых, попросить Грету ответить на наши вопросы и прислать текст приказа для его предъявления в случае необходимости; во-вторых, узнать у Дубовенко, известно ли ему, что имеется такой приказ.

В тот же вечер я написал Грете ответное письмо.

Только через две недели мне представился случай встретиться с Дубовенко в его кабинете и спокойно поговорить. Он ничего не знал об этом приказе, хотя уже прошло больше трех месяцев со дня его издания. Дубовенко обещал расспросить в отделе кадров, куда поступали такого рода документы, и в райвоенкомате.

* * *

Прошел год моей трудармейской жизни. Я с ужасом вспоминал непосильную для меня работу на лесоповале, на погрузке и разгрузке машин, на строительстве электростанции, недоедание и постоянный голод, полное истощение, болезнь... Мне было приятно осознать, что среди тех, с кем я повстречался здесь и работал, было много порядочных и честных людей. Благодаря им я остался жив. Я постоянно чувствовал здесь еврейскую солидарность.

* * *

С поручением от Дубовенко 20 июля я поехал на грузовой машине в райцентр Айкино. В этом городке, чуть в стороне от железной дороги, находились все районные учреждения. Я быстро и успешно справился с заданием, и вместе с шофером мы пошли осматривать центральную часть городка. Почти все дома были деревянные с резными ставнями и украшениями окон, дверей и краев крыш. Мостовые и тротуары были выложены кругляками и досками. Перед зданиями райкома партии, райисполкома, больницы и других государственных учреждений лежневая дорога была сделана из тонких стволов деревьев.

На улицах было мало людей. В основном встречались коми, низкорослые, с гладкими волосами и скуластыми лицами, неторопливые, в специфической одежде, изготовленной кустарно. Встречались и русские, оказавшиеся здесь в силу разных обстоятельств.

Проходя мимо здания средней школы, я решил зайти и узнать у директора или у завуча, есть ли у них заявления о зачислении на учебу в старшие классы от демобилизованных недавно воинов.

В школе шел ремонт. В учительской случайно оказались завуч и

Рубин Удлер (Айкино, 1945)

военрук. Я их удивил своим вопросом. Им ничего не было известно о наличии приказа о демобилизации для продолжения учебы. Правда, в Айкинской вечерней школе учились демобилизованные ребята, но это были инвалиды. Поговорив еще немного о школьных делах, я распростился с ними.

Айкино расположено на берегу реки Вычегда. Стоял теплый летний день. Я впервые за все время нахождения в Коми почувствовал себя свободным, без забот о работе, без надзора. К удивлению шофера, я вмиг разделся и подставил свое голое тело солнцу. Оно приятно согревало меня. Я вспомнил пляж на берегу широкого Дуная, где каждое лето вместе с Леней, тетей Геней и дядей Исидором загорали и плавали. Как давно это было! Я подошел к реке. Вода мне показалась холодной. Я прыгнул в нее и поплыл. Тело радовалось. Я был в восторге от неожиданного приволья, пусть даже такого краткосрочного.

На главной улице Айкино мы наткнулись на фотоателье. Я был в приподнятом настроении и решил сфотографироваться, чтобы послать родным карточку. Старый фотограф сидел без работы. Он был рад нашему появлению. За пару часов наши снимки были готовы. С фотокарточки на меня смотрел серьезный молодой

человек (мне уже было почти 20 лет) с густой черной шевелюрой, приподнятой левой бровью (отметина циркулярной пилы) и совсем не худой. С тех пор, как я выздоровел и стал работать на мельнице и заводе, я поправился на семь килограммов. Айкинская карточка была первой после далекого 1941 года.

* * *

В начале августа я получил письмо от Греты. С большим трудом она добилась открепления и уволилась из Череповецкой военной прокуратуры, где проработала следователем три года. В Москве она пока без работы, значит без зарплаты и продуктовых карточек, и ищет более спокойное место юрисконсульта. Живет экономно на небольшие сбережения. Тетя Ида очень довольна тем, что после четырех лет разлуки она снова вместе со своей единственной дочкой.

Грета сообщала, что директор строительного техникума Мосжилуправления обещал тете Иде вызвать меня на учебу, но нужно получить пропуск на въезд в столицу и согласие Московского горисполкома на прописку в Москве. Приказ от 10 апреля 1945 года имел силу и строго исполнялся. Копию приказа, писала Грета, я получу вместе с вызовом, если все закончится благополучно.

* * *

На домостроительном заводе я познакомился поближе и даже подружился с бригадирами Лисицким и Ковалевым и начальником участка Маргулисом. В свободное от работы время мы собирались в нашей конторке и беседовали на разные темы. Они были намного старше меня, примерно лет 50, образованны, имели большой жизненный опыт и прошли суровый путь.

В конце двадцатых годов Лисицкий работал инженером на заводе. Во время кампании по разоблачению вредительства в промышленности он был арестован как враг народа. Следователь бил его резиновой дубинкой и заставил подписать показания о саботаже.

Отделавшись десятилетним сроком, он побывал в нескольких лагерях. Всюду встречал осужденных за «вредительство», «саботаж», «срыв дела индустриализации страны». Репрессии против технической интеллигенции усилились после нашумевшего «шахтинского дела». Политических зэков валили с ног непосильный труд, постоянный лагерный голод, доводивший их до полного отупения. Последний кусок хлеба отнимали у них уголовники. Они избивали, мучали, унижали и истребляли «врагов народа», политических.

В 1938 году, в лагере, ему добавили еще один срок в пять лет. Потом он дал подписку о невыезде и остался жить здесь за зоной, как все вольнонаемные.

* * *

Ковалев до ареста работал агрономом. В 1931 году все газеты писали о том, что раскрыты три крупные контрреволюционные организации: «Промпартия», которая объединяла верхушку старой буржуазной технической интеллигенции, занимавшаяся вредительством в промышленности, «Трудовая крестьянская партия», которая, защищая интересы кулачества, добивалась срыва коллективизации, и «Союзное бюро РСДРП», орудовавшее в Госплане, ВСНХ, Госбанке и Центросоюзе. Ковалева обвинили во вредительстве в деле коллективизации. На открытом суде ему определили срок в десять лет. Он тяжело работал на строительстве дорог, на трассе, лесоповале. Редко кто из зэков выдерживал более трех-четырех месяцев. Наиболее здоровые, живучие, попадали в лазарет, а потом возвращались в бригаду. Многие умирали. Ковалеву посчастливилось долгое время работать в овощеводческом совхозе, обеспечивающем колонны и лагпункты Печорской трассы.

Ковалев рассказывал, что лагерные работяги поступали на запроволочные стройки и предприятия непрерывно и в неограниченном количестве. Расчет государства был прост. Смысл террора был в том, чтобы сковать страхом весь народ, добиться абсолютного послушания. Сроки получали «вредители», «контрики», «болтуны». За лагерный каторжный труд не платили никакого вознаграждения. Расходы на питание заключенных мизерные, как и траты на охрану. Зато в лагерях была строгая дисциплина, не было прогульщиков, летунов и никакой текучести кадров.

Миллионы заключенных добывали уголь, нефть, хромитовую и урановую руду, золото, работали в металлургической и химической промышленности, в энергетике, самолетостроении, судостроении, на заготовке и вывозке леса, строили каналы и железные дороги и т.д. Фактически страна не могла уже существовать без постоянной эксплуатации зэков.

* * *

История ВКП(б) – цепь судебных дел в высшем эшелоне власти. Волнами они расходились по стране, приводя к казням или тюремному заключению миллионы совершенно невинных людей.

Летом 1926 года троцкисты и зиновьевцы объединились в антипартийный блок «новой оппозиции», к которому примкнули остатки разбитых оппозиционных групп «рабочей оппозиции», «децистов» и др. В октябре-ноябре 1927 года Троцкий и Зиновьев выведены из состава членов ЦК и ЦКК и исключены из рядов ВКП(б). На XV съезде коллективизации сельского хозяйства исключены из партии Каменев, Пятаков, Радек, Раковский, Сафаров и другие, всего 75 активных деятелей блока.

В ноябре 1928 года на пленуме ЦК были осуждены попытки группы «правых капитулянтов» пойти на уступки кулаку в деревне и капиталистическим элементам в городе. Пленум ЦК в ноябре 1929 года вывел Бухарина, Рыкова и Томского из Политбюро ЦК.

На XVI партийной конференции в апреле 1929 года принято постановление о проведении генеральной чистки и проверке членов и кандидатов в члены партии. Исключено около десятой части ее состава.

1 декабря 1934 года убит Киров. В 1935–1936 годах проведены проверка и обмен партийных документов, в результате которой из партии исключены люди, «чуждие» ей и «пассивные».

В 1937 году начались массовые репрессии против видных деятелей партии и государства, членов и кандидатов в члены ЦК.

В 1937–1938 годах подвергся разгрому Народный комиссариат иностранных дел. Пострадали послы, советники, секретари, атташе и другие работники дипломатического корпуса.

Летом 1938 года группа «врагов народа» пробралась в аппарат ЦК и организовала «контрреволюционный правотроцкистский центр». Она была выявлена и ликвидирована.

С конца 1937 года по 1939 год репрессированы маршалы и генералы В.К. Блюхер, А.И. Егоров, Дегтярев, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир и основная часть высшего офицерского состава Красной Армии.

В эти же годы казнены более 20 000 чекистов.

В 1937 году самая ходовая статья была КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность. С особым рвением ее применяли тройки ОСО – Особого совещания, посылающие на смерть и в лагеря миллионы невинных людей.

После сентября 1939 года в тюрьмы-лагеря начали поступать верующие, которые отказывались брать в руки оружие по религиозным убеждениям.

В 1940 году в Мексике убит Троцкий[14].

* * *

Лисицкий, Ковалев и Маргулис вспоминали эти события и жертв троек ОСО, которые все время пополняли лагеря. В моей памяти не сохранились имена ученых, писателей, артистов, преподавателей, врачей, инженеров и др., с которыми мои новые друзья встречались в лагерях. Мне было страшно все это слушать. Я не мог понять, кому нужно было так калечить и терзать народ. Ссылки на политические и экономические мотивы не воспринимались ни умом, ни сердцем. Это было какое-то массовое, чисто советское патологическое явление.

* * *

Маргулис по образованию был бухгалтером и работал в системе Народного комиссариата путей сообщения. На железнодорожном транспорте аварии, крушения, пожары и другие чрезвычайные происшествия происходили постоянно. Работников разных служб сажали за вредительство и диверсии, за халатность и просто за длинный язык. Маргулис уверял нас, что он до сих пор не знает, за что в 1933 году его посадили на десять лет. Его переводили из лагеря в лагерь, он выполнял физически трудные работы, пока не попал на конторскую должность.

Маргулис был хорошо знаком со структурой Северо-Печорского лагеря. Его отделения размещались вдоль железнодорожной трассы. При каждом отделении был отряд военизированной стрелковой охраны. Действовал центральный пересыльный пункт. Специальный отдел ведал распределением рабочей силы, учетом зэков, документацией. Заключенные были разделены по колоннам, лагпунктам и отдельным лагпунктам. Политический отдел был первым в структуре управления Северо-Печорского железнодорожного строительства. Фукционировал культурно-воспитательный отдел. В распоряжении санитарного отдела находились лазареты и медицинские пункты, размещенные по колоннам. На Печорской трассе действовали комбинаты: деревообделочный, мукомольный, пошивочный, центральные ремонтные мастерские, овощеводческие совхозы и карьеры (каменный, песчаный, известковый). Всюду трудились заключенные. По специальности работали зэки – врачи, инженеры, агрономы, артисты, механики, ремесленники и др. Их бесплатными услугами пользовались чиновники и офицеры управления, охраны и их семьи.

Отбыв десятилетний срок, Маргулис дал подписку о невыезде и стал жить как вольнонаемный за зоной. Старый друг, из бывших заключенных, пригласил его на завод начальником участка.

* * *

Мне, молодому тогда человеку, так мало знавшему о советской действительности, в особенности о репрессиях разных лет, политических распрях и расправах, насильственных переселениях и т.п., было интересно слушать рассказы людей, перенесших столько горя, лишившихся всего, даже семьи, свидетелей чужого несчастья, людей умных, сильных и волевых.

От Лисицкого, Ковалева и Маргулиса я впервые узнал о депортации сотен тысяч поляков и гибели многих из них в лагерях Печоры, Инты и Воркуты, о высылке сотен тысяч эстонцев, латышей и литовцев на Печору, Колыму, в Воркуту и Якутию, о переселении немцев из Поволжья, крымских татар, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и других народов в Восточную Сибирь (на Колыму, Индигирку, Алдан и Лену), в Коми АССР, Казахстан, Узбекистан, Киргизию, в Сибирь (на Ангару и Иртыш) и другие места[15]. Мои новые друзья знакомили меня со страшными акциями НКВД, о которых в печати и книгах ничего не писалось и о которых знали только очевидцы, в основном заключенные. Они дополнили мои знания

* * *

В конце августа получил письмо от Фиры. Мама и она здоровы. Фира работала, обставила квартиру скромной мебелью, купила для себя и мамы кое-что из одежды. Миша Штейнберг, Фирин жених, добился перевода из Софии в Черновцы в штаб Прикарпатского военного округа. Он надеялся, что в сентябре-октябре ему разрешат переезд и он получит отпуск для оформления семейных дел. Фира была счастлива. Почти одновременно они получили папину и мою фотокарточки. Наш вид их успокоил, и у них усилилась надежда на наше скорое возвращение домой.

Фира писала, что в Белгород-Днестровский вернулись несколько еврейских семей из тех, которым удалось эвакуироваться в глубь страны, за Волгу. В годы войны почти каждая семья потеряла отца, сына, мать или дочь. Все перенесли огромные лишения и почти нищими добрались домой. В Казахстане или в Западной Сибири они себя чувствовали чужими. В еще худшем состоянии возвратились одинокие люди, которым удалось выжить в гетто Транснистрии.

* * *

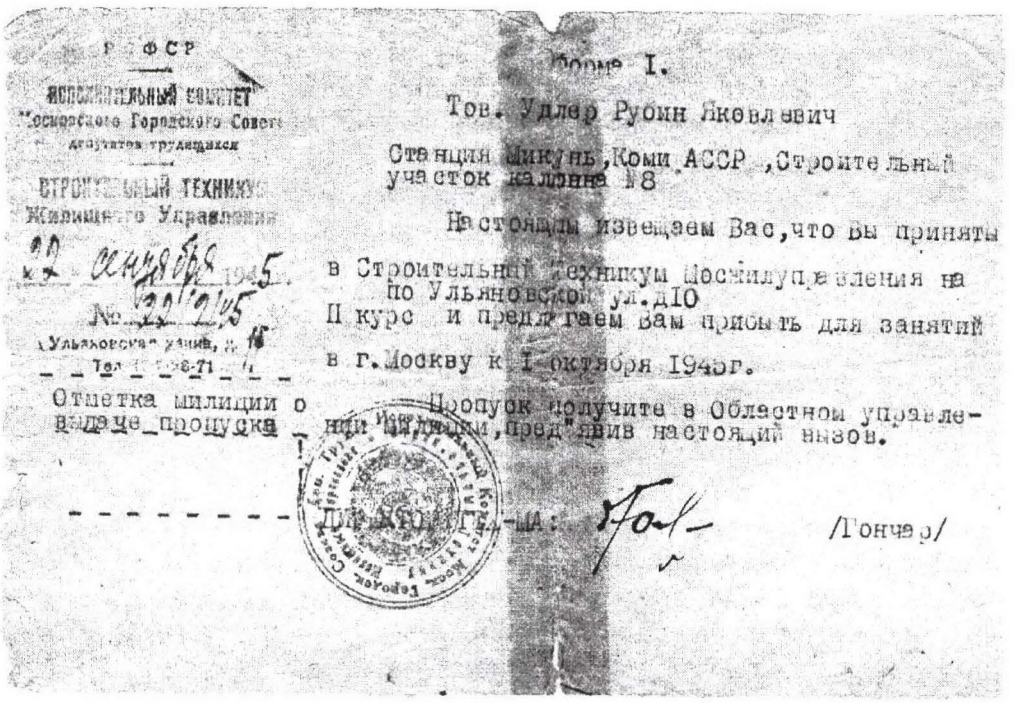
Счастливейшим днем для меня стал день 27 сентября 1945 года, когда получил вызов на учебу. Формой 1, за подписью директора строительного техникума Московского жилищного управления тов. Гончара, меня извещали о том, что я принят на второй курс, мне предлагалось прибыть для занятий в Москву к 1 октября 1945 года. Пропуск я должен был получить в областном управлении милиции, предъявив этот вызов. Форма 1 была выписана 22 сентября. Вызов сохранился в папке моих документов до сих пор.

Этот вызов взбудоражил всех. Я был, наверное, первый трудармеец, который подлежал демобилизации для продолжения учебы в Москве.

Посоветовавшись с доктором, которому хорошо были известны порядки в нашей колонне, и с Дубовенко, моим непосредственным шефом на домостроительном заводе, я одно заявление написал на имя начальника колонны и второе – на имя директора завода. Со мной поговорили очень доброжелательно, и на следующий день утром я получил нужные справки для предъявления в милицию. Еще через день мне выдали пропуск. Оставалось только получить расчет на заводе, свои вещи из коптерки и купить билет на поезд.

Маргулис, Лисицкий и Ковалев простились со мной тепло, как с родным человеком, пожелали мне успеха в учебе, счастья в жизни и постараться поскорее забыть год, проведенный в трудармии. В свою очередь, я пожелал этим добрым людям здоровья, счастья и полной свободы. Прощание с Дубовенко было трогательным. Обняв меня, он шепнул мне на ухо: «Уезжай побыстрее!» Искренне дружеским было и расставание с начальником мельницы и его доброй и милой женой. Меня усадили за стол, угостили чаем с домашним пирогом. Им не верилось, что меня отпускают на учебу. Они читали и перечитывали вызов из техникума. Вертели в руках пропуск, выданный милицией. Радовались моей удаче и, как и старый их друг Дубовенко, советовали не задерживаться. Они мне дали толстый конверт с письмом к их дочери и просили отправить его из Москвы. Видно, они еще опасались местной цензуры. Я им оставил адрес тети Иды. На всякий случай. Поблагодарил их за все, что они сделали для меня. Мы обнялись и попрощались. Я им пожелал скорого возвращения домой и встречи с детьми. Они стояли в дверях квартиры и смотрели мне вслед, пока я не скрылся за углом.

Коптерщик, добродушный человек средних лет, ждал меня. По списку он выдал все мои личные вещи. У меня было почти новое солдатское обмундирование. Здесь же я оставил то, что получил в лагере. Этот почти незнакомый мне человек как-то по-хорошему

Форма I.

Тов. Удлер Рувин Яковлевич

Станция Микунь, Коми АССР, Строительный участок железнодорожная 18

Настоящим извещаем Вас, что Вы приняты в Строительный техникум Мосжилуправления на I курс и предлагаем Вам прибыть для занятий по Ульяновской ул. д.10 в г. Москву к I октября 1945г.

Пропуск получите в Областном управлении милиции, предъявив настоящий вызов.

Отметка милиции о выдаче пропуска

/Гончар/

Вызов на учебу в строительный техникум

посмотрел на меня, пожал руку и пожелал счастья. Подумалось, что, наверное, нечасто приходилось ему выдавать людям их вещи.

Вечером в комнате, где я жил, собрались мои старые друзья-трудармейцы, вместе с которыми я прибыл из Одессы – Розенберг, Абрамович, Супрович и Хаид. Мы уже давно работали в разных местах, но после работы и в выходные дни встречались и поддерживали, чем могли, друг друга. Все меня поздравляли с получением вызова на учебу, по-хорошему завидовали мне. У всех была только одна просьба: взять их письма и отправить из Москвы. Мы обменялись домашними адресами, надеясь, что когда-нибудь встретимся на свободе. По-мужски мы крепко обнялись, поцеловались и разошлись.

Было уже около восьми вечера, когда я постучался к доктору. Он читал и ждал меня. Усадил напротив и стал слушать меня. Я рассказал ему все, что я сделал после нашего последнего разговора. Доктор был удивлен оперативностью, с которой оформили все мои бумаги. Видно было, что приказ о демобилизации для продолжения учебы строго соблюдался. Я выразил доктору свою глубочайшую благодарность и признательность. Это он вернул мне жизнь. Это он избавил меня от непосильного физического труда и устроил на работу на мельницу и завод. Это он внушил мне веру в будущее.

Доктор дал мне небольшой пакет и письмо и попросил лично

передать их его жене, а также рассказать ей все: как он живет, работает, на что надеется. Я был поражен его стойкостью. Он знал, что тетя Ида живет в Москве, но ни разу не попросил, чтобы она заглянула к его семье или чем-то помогла ей. Он не хотел ставить тетю Иду под удар.

Мы обнялись, постояли молча и распрощались. У двери он мне пожелал удачи. Я ему ответил, что хочу обязательно встретиться с ним в Москве, если я буду там заниматься.

* * *

Утром я встал рано. Помылся, побрился и собрал в рюкзак свой скромный багаж. Потом пошел завтракать. Это был мой последний завтрак в лагерной столовой. Там уже никого не было. Все ушли на работу. Розенберг сытно меня накормил. Он подсел ко мне, и мы еще немного побеседовали. Фактически Розенберг постоянным подкармливанием вернул мне физические силы. Я ему обещал, что буду это всегда помнить и когда-нибудь отвечу добром на добро. Розенберг мечтал вернуться в родной город Черновцы. Он еще надеялся, что кто-то из родных остался жив.

Перед моим уходом Розенберг вынес мне заранее приготовленный вещевой мешок, полный продуктов. С серьезным видом он меня уверял, что это положенный мне сухой паек.

В 9 часов 30 минут я уже был на вокзале. После предъявления пропуска из милиции мне выдали билет до Москвы. Я вышел на перрон станции Микунь. Там никого не было. Стояла холодная сырая погода. Я сел на скамейку, прислоненную к стене здания, и стал ждать поезда на Москву. Перебирал в памяти пережитое в Коми АССР. Это был тяжелейший период моей жизни. Первые пять месяцев были сущим адом: один среди чужих людей, в холодных краях, в зоне рядом с заключенными, частые вызовы в НКВД. Истощенный тяжким физическим трудом, постоянно голодный, больной, потерял надежду выжить и вернуться к родным. Но Бог не покинул меня. Добрые люди помогли уцелеть и окрепнуть.

Мое пребывание в Коми, в трудармии, длилось 15 месяцев, с 5 июля 1944 года по 30 сентября 1945 года. И вот, менее чем через час я уеду в Москву. Первый из многотысячного отряда трудармейцев. И это было явное, истинное божье чудо!

Гудок паровоза усилил мое душевное волнение. Я заторопился к путям. Едва поезд остановился, я поднялся в почти пустой вагон. Стоя у окна вагона, я в последний раз посмотрел на станцию Микунь. Там, в трудколонне, оставались неизвестно на какой срок мои добрые друзья.

Кроме дежурного на перроне никого не было. Никто здесь не сошел с поезда. Короткие минуты стоянки мне казались очень длинными, очень долгими. Я хотел поскорее уехать. Наконец, раздался гудок паровоза, и поезд медленно двинулся. Станция Микунь скрылась за лесом. Я был свободен, здоров. Я ехал учиться. Я ехал к своим.

Примечания

[1] Под Сталинградом было взято в плен 72 000 румынских военнослужащих. 16 сентября 1943 года состоялось совещание представителей всех лагерей для румынских военнопленных. Оно обратилось с просьбой к Советскому правительству о создании на территории СССР румынских добровольческих частей для участия их в войне против Германии. 4 октября 1943 года Госкомитет Обороны СССР принял постановление о формировании 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии. Формирование этой дивизии началось 4 октября 1943 года в селецких лагерях, недалеко от Рязани, и закончилось в конце марта 1944 года. Дивизия была укомплектована в основном из числа румынских солдат и офицеров, взятых в плен в октябре–декабре 1942 года в районах Серафимовичей, Клетской и Перелазовской. Численность дивизии на 28 марта 1944 года составляла 9855 человек. Весь командный состав дивизии состоял из румынских офицеров. Командиром дивизии был назначен подполковник Н. Камбря. При всех румынских офицерах имелись советские офицеры-инструкторы, знающие румынский язык. Дивизия была названа именем предводителя народного восстания 1821 года Тудора Владимиреску. Прежде он участвовал в войне против Турции, командовал отрядом румынских добровольцев в составе русской армии в 1806–1812 годах и был награжден русским орденом Святого Владимира с мечами.

На завершающем этапе Ясско-Кишиневской операции получила боевое крещение 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия им. Тудора Владимиреску. Она входила в состав 33-го советского стрелкового корпуса. Части 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии им. Т.Владимиреску в составе 53-й армии 2-го Украинского фронта 31 августа 1944 года вступили в Бухарест. Дивизия им. Т. Владимиреску участвовала в освобождении Венгрии и Чехословакии. Ей было присвоено почетное наименование Дебреценской, она была награждена советским орденом Красного Знамени и румынским орденом «Защита Родины» 1-го класса.

Дивизия им. Т. Владимиреску 20 марта 1945 года была выведена из боя и в дальнейших военных действиях не участвовала.

На территории СССР были также созданы и обучены польские, чехословацкие, югославские части и соединения. RDRM, p. 544; MAMA, vol. II, p. 341; vol. III, p. 310; АБСР, с. 51–54, 116, 119, 136, 142, 177, 179, 262; ЗНА, с. 177–180, 182.

[2] D, IX, p. 348, 625–626. Р. Иоанид, цитируя немецкого историка Андреаса Хиллгрубера, отмечает, что только в боях под Одессой Румыния потеряла 70 000 человек убитыми и 100 000 ранеными, а во всей войне против Красной Армии – примерно 300 000. IS, p. 196–197; MAMA, vol. II, p. 232, 243; vol. III, p. 125. По подсчетам генерального штаба, румынская армия потеряла на

восточном фронте 624 740 солдат, офицеров и унтер-офицеров. ППВ, с. 101; MAMA, vol. II, p. 286-292, 327-332; vol. III, p. 95, 144–146, 243–245.

[3] ММ, p. 64, 94, 134, 171; АБСР, с. 40, 272; ЗНА, с. 200.

[4] ЛЯМ, с. 80–81, 98–99.

[5] Rosen M. Alți actori, aceeași piesă. RCM, nr. 769 din noiembrie 1993, p. 8; Rosen M. Fascismul un pericol comun. RCM, nr. 761–762 din iunie-iulie 1993, p. 1; Rosen M. Târgoviște – O comemorare simbolică: Martiri și Eroi. RCM, nr. 759 din mai 1993, p. 1; Rosen M. Spuneți adevărul, domnule ministru! Deschideți arhivele! RCM, nr. 757 din aprilie 1993, p. 3; см. выше, с. 147–163.

[6] ППВ, с. 65–107.

[7] СМ, с. 39; АБСР, с. 98.

[8] MCA, p. 185, 191, 192, 200–201.

[9] ИКПСС, с. 452.

[10] D, V, p. 99–109, 487–489, 515; D, VIII, p. 463–469; MAH, p. 73; RDRM, p. 371.

[11] D, VIII, p. 468–473; PPGD.

[12] RDRM, p. 500.

[13] MCA, p. 222–223.

[14] ИКПСС, с. 368–372, 377–381, 383–392, 396–410, 415–418, 437–438, 452–456, 467 и др.; Т, с. 234–241, 250–257, 259–265, 292; БКК, с. 62–67, 70–74, 76–79, 91, 102–108, 112–114, 144–145, 158–160, 163, 167, 170–174.

[15] БКК, с. 85; НТЖ, с. 231; GARH, p. 131, 132.

МОСКВА

В моем вагоне было всего несколько человек в военной форме очевидно, они находились в служебной командировке. Группами по два-три человека они коротали время – беседовали, играли в карты или ели. Я предпочитал оставаться один у окна. Пока я ехал по той же дороге, по которой прибыл в Коми: Микунь – Котлас – Киров. За окном был осенний северный пейзаж. Небо покрыто темно-серыми тучами. Шел густой нудный дождь. Стволы деревьев, почти черные, мрачные, были окружены лужами. На разъездах не было видно ни людей, ни животных. Платформы маленьких станций были пусты. Поезд делал короткие остановки даже на узловых станциях. Потом в наш вагон подсело еще несколько человек.

После Кирова мы повернули на юго-запад в сторону Горького. Долгая езда меня утомила. Я сложил свои вещи в ящик под полкой, подстелил шинель и лег. Было уже около полуночи, но уснуть я не мог. Разные мысли одолевали меня. О тете Иде и Грете я знал только по рассказам папы, Гени и бабушки Малки. Как они меня примут? Смогу ли я жить у них, или мне придется искать угол в чужой семье, или добиваться места в общежитии? Где я возьму деньги для оплаты жилья и на пропитание? Смогу ли я заниматься на втором курсе техникума после четырехлетнего перерыва в учебе? Да еще с моим русским языком в московском техническом учебном заведении? Материально мне никто не мог помочь. Фира содержала себя и маму, а папа был в трудармии. Придется мне учиться и работать. Маму и Фиру я смогу видеть только во время каникул, и то, если у меня будут деньги на билет и, главное, если получу пропуск на въезд в Белгород-Днестровский. А папу? Кто знает, когда он будет демобилизован?

Усталость и мерное покачивание поезда меня усыпили. Спал я крепко и долго. Когда открыл глаза, то увидел, что все места вокруг меня заняты. Мы подъезжали к Горькому.

Я привел себя в порядок и сел завтракать. Взял у проводника два стакана сладкого чая. Из вещевого мешка достал только хлеб. Мне было неудобно под наблюдающими за мной взглядами пассажиров вынуть еще что-нибудь из мешка. Я лишь увидел, что Розенберг снабдил меня из лучших запасов кухни едой на целую неделю.

После Горького поезд шел очень быстро. Мы делали остановки только в Дзержинске, Коврове, Владимире, Лакинске, Петушках, Орехово-Зуеве, Павловском Посаде. Может быть, я пропустил какие-то крупные станции, так как немного поспал.

Был уже вечер, около шести часов, когда наш поезд подъехал к Москве. По радио передавали патриотические песни и сведения о столице Советского Союза городе-герое Москве.

Пассажиры засуетились, начали собирать багаж, снимать с полок чемоданы, корзины, сундучки, одеваться. Многие толпились у окон вагона. Видны были огни Москвы.

Я знал, что тетя Ида живет в Большом Ивановском переулке, дом 5, квартира 6, это в районе площади Ногина, рядом с началом известной улицы Солянка. Молодой пассажир-москвич вызвался посадить меня на автобус, который довезет до площади Ногина.

Вместе с волной приезжих меня фактически внесли в здание Казанского вокзала и оттуда вынесли на привокзальную Комсомольскую площадь. Пропустив два автобуса, битком набитых людьми, я, наконец, сел в третий.

После Коми АССР и Транснистрии Москва произвела на меня сильное впечатление. Ярко освещенные улицы и витрины магазинов, много людей и автомобилей, высокие дома – все, что я видел из окна автобуса, меня поражало. Сама площадь Ногина с огромным парком, массивными зданиями, в окнах которых горел свет, с непрекращающимся потоком транспорта меня ошеломила.

С этой площади я легко нашел Солянку и Большой Ивановский переулок. Напротив высокой стены то ли крепости, то ли монастыря в глубь темного двора вела длинная асфальтная дорога, упирающаяся в квадратный садик, внутри которого возвышался двухэтажный кирпичный дом. В подъездах горели лампочки, и в одном из них, на первом этаже, я нашел нужную мне квартиру.

Я поправил шинель и шапку и нажал на кнопку звонка. Из-за двери услышал вопрос: «Мама, это ты?» Я промолчал. Тот же голос, но уже с тревогой спросил: «Кто там?» Тогда я себя назвал и осведомился, здесь ли живет Ида Ароновна Долинко.

Дверь тут же открылась. Передо мной стояла Грета. Мы рассмеялись и обнялись. Так я познакомился с моей двоюродной сестрой. Тети Иды не было дома. Она еще не вернулась с работы.

* * *

В длинном узком коридоре стояли старинная вешалка с зеркалом и огромный кованый сундук, видно, царских времен. Грета мне велела повесить здесь шинель и шапку-ушанку. В гостиной находились

большой стол и стулья, обитые темно-зеленым плюшем, с фарфоровыми овальными медальонами, антикварный буфет с хрустальными стеллажами для посуды, книжный шкаф, дверцы которого удобно опускались, образуя полки, и складной диван с подушками, накрытый такого же цвета плюшевым покрывалом. На столике в углу были радиоприемник и телефон.

Мы сели за столом друг против друга. Я отвечал на Гретины вопросы о том, как отреагировало трудармейское начальство на мой вызов на учебу, как отнеслись ко мне в милиции, как путешествовал и т.п. Она сразу же отметила, что я говорю по-русски с акцентом и с не свойственными русскому языку падежными окончаниями и согласованиями. Я расстроился, подумав, что мне трудно придется в техникуме. Грета заметила это и добавила, что мои языковые ошибки преодолимы. Она будет заниматься со мной культурой речи. Я буду находиться в русской языковой среде, читать русскую литературу, и все наладится.

Грета предложила мне принять ванну, а сама в это время приготовит ужин, извинилась за отсутствие деликатесов, подобающих такому случаю. Когда я стал доставать из вещевого мешка то, что мне дал Розенберг, она успокоилась. Там были мясные и рыбные консервы, сало, сахар, печенье, конфеты и две буханки хлеба. Я еще раз про себя поблагодарил Розенберга, настоящего друга.

В ванне я нежился, как дома до войны. Я себя чувствовал по-настоящему хорошо. Потом стал помогать Грете накрывать на стол. Она мне рассказывала о своей работе военным следователем в Череповце, о тех людях из разных слоев общества, с которыми она по долгу службы встречалась, об отношениях между работниками военной прокуратуры и о многом другом. В Москве она нашла себе работу в Министерстве угольной промышленности СССР, близко от дома, но оставалось уточнить ее должность.

Вдруг раздался звонок. Грета пошла открывать дверь. Я остался в гостиной. Это была тетя Ида. Я услышал, как она спрашивает Грету, кто у них в гостях. Она заметила в коридоре шинель, шапку и сапоги. Грета, в свою очередь, ее что-то спросила, но не ответила на ее вопрос.

В дверях показалась тетя Ида с портфелем, туго набитым книгами и тетрадями. Увидев меня, она выпустила из рук портфель и воскликнула: «Рубинка, ты уже здесь?! Ну, вылитый Яшенька!» Мы обнялись и расцеловались.

Тетя Ида была приятно удивлена обильным по тем временам столом, накрытым Гретой. Она достала откуда-то бутыль с вишневой настойкой, и мы чокнулись в честь моего прибытия из Коми. Мне пожелали успеха в учебе. Я поблагодарил тетю Иду и Грету за все, что они сделали для меня и для нашей семьи.

За столом мы говорили обо всем. О наших мучениях в осажденной Одессе и гетто, о моем пребывании в трудармии, о папе, маме и Фире, об ее женихе, о тете Гене, дяде Исидоре и Лене, о покойной бабушке Малке, о трудностях, перенесенных тетей Идой в Москве в 1941–1945 годах, об эвакуации Греты вместе с Институтом прокуратуры в Среднюю Азию, Алма-Ату и т.д. В нашем разговоре было много грустного, но было и много радостного. Мы с уверенностью смотрели в будущее.

Тетя Ида решила, что завтра утром, так как нет занятий в школе, пойдет вместе со мной в техникум.

Сытые и довольные, но усталые, мы встали из-за стола. Тетя Ида повела меня во вторую комнату и показала диван, где я буду спать. Она и Грета ушли убирать со стола и приготовить все на утро.

Спальня была меньше гостиной, но довольно просторная. У одной стены, на которой висел красивый восточный ковер, стояла железная широкая кровать тети Иды. У второй стены стояло открытое пианино с нотами. У третьей, за дверью, стояли зеркальный платяной шкаф и диван. У четвертой стены между двумя широкими и высокими окнами стояли большой письменный стол, на котором было установлено трюмо (трехстворчатое высокое зеркало), и удобное кресло, рядом зубоврачебное кресло. На окнах висели тяжелые темно-зеленые плюшевые гардины, как и в первой комнате.

На всей обстановке квартиры была печать 20-х годов. За последние десятилетия здесь ничего не изменилось.

Я лег на диван, покрытый белой свежей простыней, укрылся теплым одеялом и сразу же уснул.

* * *

Утром 2 октября тетя Ида и я, в солдатской форме, направились на Ульяновскую улицу, 10, где находился строительный техникум. В двухэтажном кирпичном здании размещались аудитории, лаборатории, мастерские, библиотека, спортзал и другие помещения техникума.

Когда мы пришли, был перерыв. В коридорах было шумно. Преобладали девушки. Среди ребят я увидел несколько парней в шинелях.

Директор техникума И.П. Гончар не заставил нас долго ждать. Он по-приятельски поздоровался с тетей Идой, подал мне руку и пригласил садиться. Поздравил меня с демобилизацией и выбором руководимого им техникума для продолжения учебы. Сказал, что страна остро нуждается в грамотных строителях, что при приеме предпочтение отдается демобилизованным из армии молодым

мужчинам, и предложил выбрать любое отделение. Добавил, что, если я закончу техникум с отличием, смогу поступить в строительный институт без вступительных экзаменов. В техникуме я буду получать стипендию, размер которой зависит от того, как я буду успевать. В общежитии все места уже заняты, но если произойдет отсев, я среди первых получу койку.

Тут же, фактически под его диктовку, я написал заявление с просьбой о зачислении на второй курс техникума и о выделении места в общежитии.

И.П. Гончар наложил резолюцию и послал меня, вместе с секретаршей, в отдел кадров. Кадровик попросил меня написать автобиографию, сказав, какие основные моменты должны быть отражены. На меня было открыто студенческое дело. В папку он положил мое заявление и автобиографию. Мне же он дал справку о том, что я зачислен студентом, для предъявления в военкомат, где я должен был стать на военный учет, и вторую справку для райисполкома, где я должен был получить временную прописку в Москве на жилплощади тети Иды.

Когда я вернулся в кабинет директора, то застал тетю Иду и Гончара оживленно беседующими. Через несколько минут мы расстались с тем, чтобы я поскорее стал на военный учет, прописался и приступил к занятиям.

По дороге домой тетя Ида мне рассказала, что директор техникума был долгие годы другом Мойсея Рувимовича Долинко, покойного мужа тети Иды, в его бытность председателя ЦК профсоюза работников просвещения.

На углу Большого Ивановского переулка я опустил в почтовый ящик письма моих добрых друзей из Микуня. Тетя Ида уверяла меня, что из Москвы письма точно дойдут до адресата.

* * *

Эйфорическому настроению скоро пришел конец. Я столкнулся с советским бюрократизмом, где главное внимание уделяется бумажке, справке, но не логике вещей и человеку.

В домоуправлении тетя Ида получила справку о том, что в ее квартире в 42 квадратных метра прописаны она и дочь, всего два человека. С этой справкой мы пошли в райисполком, приложив заявление тети Иды о том, что она просит прописать временно меня, ее племянника, студента строительного техникума, на ее лишнюю жилплощадь, и справку, полученную мною в техникуме. Нам велели прийти через несколько дней.

Когда мы явились во второй раз, нас направили в горисполком,

так как только он вправе рассмотреть мой вопрос. Дело в том, что прописка в Москве лимитирована даже для тех, у кого в Москве есть родственники, и при наличии нужных метров.

После того как мы выстояли несколько часов в длинной очереди, работник горисполкома категорическим тоном заявил, что я, как демобилизованный из трудармии и не бывший житель столицы, не имею права жить в Москве. Я должен выбрать любой населенный пункт дальше радиуса в 100 км, там прописаться и стать на военный учет.

Настроенные по-боевому, мы записались на прием к одному из заместителей председателя горисполкома. В назначенный день и час я пришел вместе с Гретой. Она была в форме военного следователя, с погонами и звездочками. После долгого ожидания нас приняли. Мы представились, предъявили все документы, и Грета объяснила убедительно и логично ситуацию. По такому-то приказу меня демобилизовали для продолжения учебы, я принят в строительный техникум Жилищного управления Московского горисполкома, у родной тети есть лишняя кубатура, позволяющая меня прописать временно, пока найдется место в общежитии, следовательно, нет причин для отказа. Грета просила учесть и тот факт, что я бывший узник гетто.

Высокопоставленный чиновник вежливо, но сухо разъяснил нам положение. В Москву хлынуло много народа. Она перенаселена, имеются трудности со снабжением, транспортом, больницами, школами и т.п. Среди прибывающих много нежелательных и даже опасных элементов. Принятые властью решения правильны и призваны обеспечить безопасную жизнь москвичей, улучшить их быт и материальное положение и т.д. Он не может преступить закон и в моем конкретном случае советует выбрать город Верея, к юго-западу от Москвы, всего в 25 км от железной дороги. Через год – два, может быть, условия изменятся и тогда будут приняты новые правила прописки.

Мы вышли из горисполкома очень расстроенные. К кому я пропишусь в чужом городе? Где возьму деньги, чтобы платить за квартиру? Как ежедневно ездить в оба конца поездом и автобусом?

Вечером мы посоветовались с тетей Идой, обсудили разные варианты и решили, что нужно ехать в Верею. Поездку назначили на ближайший понедельник.

* * *

В воскресенье утром я пошел по данному мне адресу к жене доктора. Грета мне очень хорошо объяснила, где находится эта улица.

Девушка лет 15, высокая, чуть сутулая и худенькая, с белокурой косой, в школьной форме, открыла дверь и спросила, кто мне нужен.

Видно, ее насторожила моя солдатская форма. К ним такие не приходили. Я ей ответил, что приехал из Коми АССР и хотел бы увидеть ее маму. Из одной из комнат вышла ко мне женщина в теплом байковом халате, невысокого роста, с правильными чертами лица и умными усталыми глазами. На мой взгляд, ей было не больше 45. Она, наверно, слышала мой разговор с дочкой. Она меня окинула взглядом и пригласила в дом.

Я ей отдал пакет и письмо от мужа. В ее взгляде блеснули одновременно надежда и страх. Не раскрывая конверт, она тихо спросила, здоров ли он и как живет. Она была явно взволнована, нервничала. Я был первый посланец от мужа за восемь лет его заключения. Я успокоительно ответил на эти и другие вопросы. Потом мать удалилась в другую комнату.

Дочка, оставшись наедине со мной, попросила описать отца, как он выглядит, как говорит, какой у него голос, во что одет. Ей хотелось знать, живет ли он один или в бараке с преступниками, с кем общается, не обижают ли его, где он работает и многое другое. Когда забрали отца, ей было всего семь лет, и она его плохо помнила. Я описал ей отца таким, каким я его знал: умным, добрым, порядочным, честным. Дочь была довольна. Она мне сказала, что брат в июне кончает десятилетку и хочет стать врачом, как мать и отец. Он подрабатывает, чтобы помочь семье. Они живут очень скромно, хотя мать работает в двух больницах.

Вскоре мать вышла к нам. Она была заплакана, но как-то спокойна. В письме доктор, очевидно, что-то написал и обо мне, потому что теперь она смотрела на меня и обращалась ко мне по-иному.

Жена доктора спросила меня, что я намерен делать дальше. Пришлось ей рассказать о непредвиденных для меня трудностях с пропиской. Она тоже прошла через бюрократические барьеры при размене общей квартиры, когда к ним подселили семью дебоширов, на две отдельные. Она пошла на этот проигрышный обмен и для того, чтобы уйти из двора, где все соседи смотрели на них как на семью врага народа – с явной неприязнью и подозрительностью.

За чашкой чая мы посидели еще примерно час. Я постарался их подбодрить, сказав, что доктор надеется по окончании срока, года через два, вернуться домой, а может быть, и раньше, по амнистии.

Перед моим уходом вернулся сын. Парень был очень похож на отца. Его особо интересовал один вопрос – моральное состояние отца. Я его успокоил. Отец стойко перенес все трудности первого периода заключения, а теперь работает по специальности, всем помогает, его уважают и его друзья – приличные люди. И тут же добавил, что доктор вернул меня к жизни, и я никогда не забуду его.

Мы тепло простились. Мать благодарила за доброе слово о муже, за услугу. Она просила меня приходить к ним.

* * *

В понедельник утром вместе с Гретой мы отправились в путь. Купили билеты на поезд до станции Можайск. По карте мы нашли, что это ближайшая станция к Верее.

Была середина октября. Стояла сухая холодная погода. Мы оба были в шинелях, шапках и зимних перчатках. В вагоне у Греты замерзли ноги. Она их подняла на скамейку под себя и накрыла шинелью.

Попутчики нам сказали, что от Можайска до Вереи автобус ходит редко и нерегулярно, поэтому он всегда набит битком. Люди добираются на попутном транспорте.

Вскоре мы сами убедились в этом. На привокзальной площади в Можайске автобуса долго не было. Вместе с другими людьми мы залезли в кузов военной грузовой машины. В открытом кузове стояли на ногах, держась друг за друга. Солдат-шофер и старшина перед выездом собирали плату за проезд – 30 рублей красной бумажкой или пол-литровая бутылка водки с человека. Люди знали эту таксу и торопливо протягивали заготовленную плату. Грета попыталась отдать тридцатку за двоих, так как я солдат, а она командированная, но военные были неумолимы. У машины стоял целый хвост желающих ехать.

От Можайска до Вереи не было шоссейной дороги. По хорошо накатанной проселочной дороге мы ехали целый час. Солдаты нас высадили на окраине Вереи, опасаясь военной автоинспекции или комендантского поста.

Город Верея, как мне помнится, был большой деревней. Улицы, по которым мы шли к центру, не были мощены. Тротуаров не было. Дома одноэтажные, деревянные. На просторной главной площади возвышался побеленный известью квадрат торговых рядов – много мелких лавочек. На дверях одних висели огромные замки. В других чем-то торговали. Людей было мало.

Мы легко нашли горисполком. Немолодая женщина, к которой нас направили, выслушала Грету, рассмотрела все мои документы и спокойно сказала, что нам нужно сначала найти квартиру, потом стать на учет в горвоенкомате, а затем вернуться к ней. Она посоветовала зайти в аптеку, спросить заведующую, которая обязательно нам порекомендует хозяйку.

В почти пустой аптеке, где лекарств было мало и только одна покупательница, за прилавком в белом халате и толстой шестяной шали на голове сидела заведующая. Она внимательно выслушала нас и сказала, что она сама может сдать мне комнату, так как живет одна – мужа убили на фронте, а сын служит в армии. Она назначила небольшую квартирную плату, но я должен был принести свое постельное белье, колоть дрова и топить печку. Втроем мы пошли

смотреть комнату. В доме было чисто. В выделенной мне комнате были кровать, стол и два стула. Мы дали предварительное согласие.

В горвоенкомате нас ожидала другого рода встреча. Военком, капитан лет 55, списанный из действующей армии по ранению, контузии или возрасту, обрушился на меня с вопросами, не желая даже выслушать до конца мои ответы. Почему так долго отсиживался в оккупации и не пытался прорваться к нашим, как делали многие другие истинные советские патриоты? Почему не просился на фронт, а околачивался в тылу, в трудармии, когда лучшие сыны Родины на фронтах войны клали свои головы? И почему я должен учиться? Пусть учатся те, кто кровь проливал, а меня он пошлет на их место служить, познать воинскую житуху. Он постепенно завелся и стал повышать голос. Ему не нравилось, как я ему отвечаю, как стою перед ним и т.п. Его неприязнь стала явной.

Грета, которая долго молчала, вернула его к делу. Мы пришли, чтобы стать на учет. Он задумался и, наконец, буркнул, что ему нужно время, чтобы разобраться. Велел приехать через неделю.

Расстроенные, мы вернулись к заведующей аптекой. Отложили начало договора о найме комнаты. Она подтвердила наше впечатление о военкоме.

Мы возвратились в горисполком и рассказали об отсрочке, взятой, по-нашему, незаконно военкомом. Мы поблагодарили женщину за совет обратиться к заведующей аптекой. Служащая горисполкома успокаивала нас, мол, все образумится, закон будет соблюден.

Огорченные и голодные, мы заглянули в местную столовую и что-то поели.

После долгого ожидания мы сели в попутную машину, заплатили еще 60 рублей и вернулись в Можайск. Около восьми вечера мы пришли домой.

Так безрезультатно закончилась наша поездка в Верею.

* * *

Деньги, заработанные мною в Коми, постепенно таяли. Тетя Ида, как я уже писал, работала в двух местах – в школе и каком-то ПТУ. Помимо зарплаты она получала продуктовые карточки и талоны на обед. В последнее время этим она содержала себя и Грету, сбережения которой давно были потрачены. Я ежедневно на ближайшем Пятницком рынке, если я не забыл его название, покупал картошку, хлеб, крупу и другие продукты по списку, составленному Гретой. Иногда мы вместе шли за покупками. Помнится, однажды я поехал с Гретой в Загорск, откуда вернулись с двумя большими мешками картошки. Там она стоила намного дешевле, чем в Москве.

В таком стесненном положении жили не мы одни. Вся Москва сидела на картошке, каше или постных щах.

Голод в разной степени мучил людей и в гетто, и в трудармии, и в послевоенной Москве. Утоляли его всюду в основном картошкой – спасительным продуктом миллионов людей.

* * *

У тети Иды были свободные от работы вечера. Обычно она сидела в кресле у письменного стола, а я рядом полулежал в зубоврачебном кресле. Часами я слушал ее рассказы о прожитых годах, и вместе мы рассматривали фотографии из старых альбомов. У тети Иды была отличная память, и излагала она свои мысли в увлекательной форме, прекрасным русским языком. Она была талантливым педагогом.

Тетя Ида была старше моего отца на четыре года. В Аккермане в начале XX века все еврейские дети, мальчики и девочки, обучались еврейской грамоте в течение нескольких лет. В некоторых семьях образование детей, в особенности девочек, на этом заканчивалось. Ида отлично училась, была очень способная и по настоянию бабушки Малки поступила в Аккерманскую женскую гимназию. В этом престижном для того времени светском учебном заведении занимались дети русских чиновников и помещиков, русской и еврейской интеллигенции и богатых купцов. Способных девочек из бедных сословий было совсем мало. Преподаватели гимназии были высококвалифицированные, требования серьезные, и ученицы получали глубокие знания.

В 1912 году, когда Ида занималась в восьмом, последнем, классе гимназии, она познакомилась с Мойсеем Рувимовичем Долинко, преподавателем Талмуд-Торы. Через некоторое время они поженились и жили вместе с семьей Иды, то есть с дедушкой Ароном, бабушкой Малкой, Геней и папой. У дедушки был большой собственный дом по Михайловской улице, в центре Аккермана.

* * *

О дяде Мойсее тетя Ида рассказывала с большим уважением и любовью. Он был лет на десять старше ее, родом из Литвы. Его родители были состоятельные купцы. От природы умный и талантливый, эрудированный в области иудаизма, он не захотел стать раввином. Поступил учиться в один из университетов Прибалтики. Вскоре увлекся марксизмом, философией, политической экономией, изучением истории рабочего движения. Он порвал отношения со своей семьей и стал профессиональным революционером. Его много

раз арестовывали, судили и даже приговорили к смертной казни. Чудом он был спасен влиятельной дворянкой, восхищенной его умом и смелостью. Во время одного допроса ему выбили правый глаз. Скрываясь от преследований полиции, Мойсей Рувимович, под фамилией Долинко, оказался в Аккермане.

В 1913 году по партийному поручению Долинко переехал в Одессу. Тетя Ида занималась на зубоврачебных курсах. Материально молодая пара жила трудно. Бабушка Малка помогала им деньгами, часто тайком от дедушки Арона.

В годы первой мировой войны дядя Мойсей стал одним из руководителей одесской партийной организации.

В 1918 году Бессарабию присоединили к Румынии. Днестр стал границей. С этого времени тетя Ида была оторвана от родного дома, от семьи.

В 1920 году дядя Мойсей переводится на работу в Харьков. Он член коллегии Наркомпроса Украины.

16 июля 1921 года появилась на свет Грета. Через несколько лет, в 1925 году, Мойсея как опытного организатора вызывают в Москву. Дядя Мойсей, занимавший тогда пост председателя ЦК профсоюза работников просвещения, получил квартиру в центре Москвы, в Большом Ивановском переулке. Тетя Ида работала зубным врачом. Кресло, в котором я сидел, было куплено в то далекое время.

В начале 20-х годов страна переживала большие трудности. В Москве было плохо с питанием, одеждой да и со многим другим. У тети Иды не было материала для работы. Сильно сократилось и количество пациентов.

В 1925 году, когда Грета немного подросла, тетя Ида пошла учиться на исторический факультет Педагогического института им. К. Либкнехта. Окончила его в 1930 году.

В те годы в квартире Долинко бывали интересные люди. Из семейного альбома тетя Ида достала фотографии, на которых были запечатлены их друзья и приятели: народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский, венгерские революционеры Бела Кун и Матиас Ракоши, болгарский политический деятель Георгий Михайлович Димитров и другие.

Грету определили в элитную 25-ю образцовую школу-десятилетку, где учились дети самых высокопоставленных лиц. Она была одноклассницей Василия Сталина, Тимура Фрунзе, Юры Холмогорова, а также Лидии Толстой (графского рода). В этой школе учились и Светлана, младшая дочь Сталина, Марья (Марфа) и Дарья Пешковы, внучки Максима Горького, Софья Радек и др. Нетрудно себе представить уровень преподавания в этой школе.

В 1931 году Мойсей Рувимович был направлен на работу в город Куйбышев (бывшая Самара), где нужно было укрепить областной

отдел народного образования, руководящие работники которого были арестованы и казнены как враги народа. Он был назначен заведующим областным отделом народного образования.

Вскоре после переезда дяди Мойсея в Куйбышев наступил семейный разлад. Тетя Ида не нашла нужным раскрыть мне его причины. К концу 1931 года они оформили развод.

Дядя Мойсей по делам службы часто приезжал в Москву и встречался только с Гретой. Он покупал ей платья, пальто, туфли и др., давал деньги и дарил подарки. Он ее любил. Он никогда ничего плохого о матери не говорил и не рассказывал, почему оставил их.

В 1933 году, в один из своих приездов в Москву, он сказал Грете, что женился и что у Греты есть братик Валентин. Грета расплакалась и убежала.

Тетя Ида терпеливо ее успокаивала. Так оно и должно было случиться.

* * *

Тете Иде и Грете с каждым годом жилось все труднее. Одной зарплаты было мало, чтобы содержать семью. Все вещи поизносились. Грете уже было 14–15 лет. Просить помощи у отца они не хотели.

О своих бедах и нужде тетя Ида писала бабушке Малке, Гене и папе. Помочь им немедленно денежными переводами или посылками было невозможно. По сути между Румынией и Советским Союзом не было никаких отношений. Придумали другой путь, окольный, через Венгрию–Австрию–Чехословакию–Польшу. У последней в то время были дипломатические и экономические отношения с СССР. Тетя Ида добилась вызова для своей матери, якобы одинокой, старой женщины, застрявшей в буржуазной Румынии, а тетя Геня и папа получили для бабушки Малки заграничный паспорт и спешно стали снаряжать ее в дорогу.

В 1936 году бабушка выехала из Брэилы. До Вены, где ей предстояло сделать пересадку, ее провожала тетя Геня. Багаж занимал целое купе. Она везла подушки, одеяла, простыни, наволочки, пальто, платья, кофты, обувь, перчатки, чулки, сахар, крупу, макароны и т.д., – все, в чем нуждались тетя Ида и Грета, чего нельзя было достать в то время в Москве. Бабушку Малку снабдили также валютой и драгоценностями, которые можно было бы продать или обменять.

Из Вены тетя Геня позвонила тете Иде и сказала ей точное время прибытия поезда, номер вагона и купе.

Бабушку встретили Ида, Грета и их друзья на служебной машине. Так, спустя почти 20 лет бабушка Малка увиделась со своей старшей дочерью и внучкой.

Бабушка Малка Удлер (Москва, 1936)

Тетя Ида мне показывала привезенные бабушкой Малкой одеяла, подушки, пальто и т.д., которыми она и Грета пользовались до сих пор, уже около десяти лет.

Бабушка сильно облегчила им жизнь и поддержала их морально и материально. Она сидела с Гретой, когда тетя Ида была на работе, гуляла с Гретой в выходные дни, готовила им вкусные блюда, шила и перешивала платья, блузки, рубашки, вязала кофты и шарфы. По утрам бабушка часами стояла в очередях за молоком, хлебом, мясом.

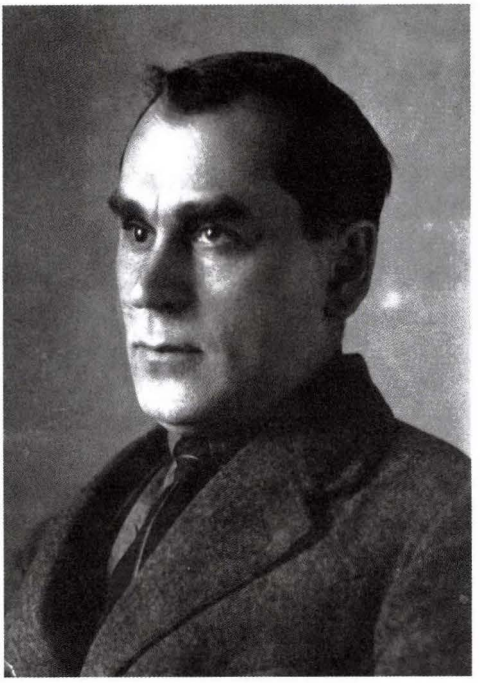
У бабушки появились подруги, с которыми она сидела во дворе на скамейке, где обсуждали всякие события и новости.

В один из приездов, ставших редкими в последнее время, дядя Мойсей встретился с бабушкой. Они долго беседовали. Дядя Мойсей сожалел о случившемся, признал за собой какую-то вину, но считал, что уже невозможно что-то исправить. Он расспрашивал бабушку о Гене, папе, нас всех, о жизни в Румынии. Бабушка нашла его очень постаревшим и подавленным. Они тепло простились, и Грета пошла провожать отца.

Однажды вечером, это было в 1937 году, пришли двое мужчин

Тетя Ида Долинко (Москва, 1936)

Дядя Мойсей Долинко (Куйбышев, 1936)

из НКВД с ордером на обыск квартиры врага народа, меньшевика и троцкиста, М.Р. Долинко. Тетя Ида впустила их в квартиру и показала свидетельство о разводе, датированное 1931 годом. Это их не остановило. Они произвели обыск, но ничего компрометирующего не нашли. Тете Иде и Грете повезло, что Мойсей Рувимович оставил их и вторично женился. Особая тройка при НКВД присудила дяде, без суда и следствия, высшую меру наказания, и приговор был немедленно приведен в исполнение. Рая Белозерова, вторая жена, была осуждена на восемь лет и выслана в Казахстан, в женский лагерь. Четырехлетний мальчик Валька был отдан в детский дом.

Тетя Ида и Грета были уверены в том, что Мойсей Рувимович, как и десятки тысяч старых революционеров, отдал все свои силы и знания коммунистическому идеалу и никогда не был врагом народа[1]. Он оказался жертвой очередного террора, охватившего всю страну. Судьбами и жизнями невинных людей распоряжались оберпалачи Ежов, Берия и их подручные Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский, Абакумов и многие другие.

* * *

Утром 15 октября Грете позвонили из Министерства угольной промышленности СССР и попросили ее прийти к 12 часам. Министерство размещалось в высотном здании на площади Ногина, недалеко от нашего дома. Чтобы дойти туда, было достаточно и десяти минут, но Грете не терпелось узнать, что ей предложат, и она ушла намного раньше. Все документы (копия диплома, трудовая книжка, характеристика из Череповецкой прокуратуры, автобиография и др.) были оставлены ею в министерстве во время предыдущего посещения. Грета взяла с собой только паспорт со штампом о московской прописке.

Меньше чем через час Грета вернулась домой в приподнятом настроении. С ней беседовали ее будущие непосредственные начальники и кто-то из отдела кадров. На них произвели хорошее впечатление ее отличный диплом и характеристика из военной прокуратуры. Ей предложили руководить юридическим отделом и хороший оклад. Завтра, 16 октября, она должна была приступить к работе.

Тетя Ида и я поздравили Грету и порадовались за нее. С августа, два с половиной месяца, она была без работы, переживала из-за вынужденного бездействия и отсутствия денег. Теперь мы ликовали.

* * *

С 16 октября я оставался дома один. Утром, до 10 часов, я справлялся с покупками, потом читал. Вся библиотека тети Иды и Греты была на русском языке. Преобладала историческая литература. В годы войны, когда многие друзья и коллеги тети Иды эвакуировались из Москвы, они ей отдали на выбор хорошие книги. Среди них были и изданные до революции многотомные трактаты по истории России, альбомы, посвященные трехсотлетию дома Романовых и, что меня особо привлекло, иллюстрированные книги о развитии рабочего движения в России, первых марксистских кружках, первых съездах и конференциях РСДРП, зарождении Советской власти.

Со страниц этих книг на меня смотрели еврейские лица. Я не знал, что среди теоретиков партии, организаторов новой государственной власти, сотрудников «Искры» и старой «Правды», в эмиграции в окружении В.И.Ульянова-Ленина, среди военачальников Красной Армии и т.д. было так много евреев. В книгах, опубликованных в те далекие годы, рядом с настоящими фамилиями указывались псевдонимы и партийные, конспиративные, клички, например: Цадербаум (Мартов) Юлий Осипович, Пиккер (Мартынов)

Александр Самойлович, Свердлов Яков Михайлович, Ратнер (Урицкий) Михаил Соломонович, Бронштейн (Троцкий) Лев Давидович, Радомысльский (Зиновьев) Григорий Евсеевич, Розенфельд (Каменев) Лев Борисович, Собельсон (Радек) Карл Бернардович, Каганович Лазарь Мойсеевич, Каганович Михаил Мойсеевич, Свердлов Вениамин Михайлович, Иегуда (Ягода) Генрих Григорьевич, Бриллиант (Сокольников) Григорий Яковлевич, Шацкий Лазарь, Залкинд (Землячка) Розалия Самойловна, Мехлис Лев Захарович, Валлах (Литвинов) Максим Максимович, Варшавский (Бронский) Мечислав Генрихович, Якир Иона Эммануилович, Гляссер Мария Игнатьевна, Каннер Григорий и др.

Вечерами, когда я делился с тетей Идой и Гретой моими впечатлениями о прочитанном, мы снова брали с полки ту или иную книгу и обсуждали привлекшие мое особое внимание параграфы. И я был поражен, узнав от тети Иды, что большинство из этих людей были объявлены Советской же властью врагами народа и расстреляны, сосланы или выставлены из СССР (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Якир, Свердлов Вениамин, Каганович Михаил, Шацкий, Ягода и др.)[2].

Массовые репрессии усилились в 1938 году, когда Берия стал наркомом внутренних дел. Страх сковал весь народ. Партийное и советское руководство в Москве и на местах было полностью сменено. В обстановке ужаса, разобщенности и безмерной нужды жили все. Зарплаты были ничтожно малы. В столице не хватало еды и одежды.

После казни дяди Мойсея в постоянном страхе жили тетя Ида, Грета и бабушка Малка. Ведь часто были случаи, когда арестовывали, сажали в тюрьмы и высылали всех родственников, близких и далеких, стариков и детей так называемых предателей, изменников, вредителей, саботажников – одним словом, врагов народа.

* * *

Бабушка Малка в иносказательной форме писала тете Гене и папе об условиях жизни в Москве и об общей атмосфере в стране. Она им дала понять, что ей нужно вернуться в Брэилу. Тете Иде было тяжело расстаться с матерью. Однако удерживать ее она не могла. Никто тогда не был уверен в собственной безопасности.

В конце 1938 года, после того, как благодаря усилиям министра иностранных дел Николая Титулеску отношения между СССР и Румынией несколько улучшились[3], тете Гене и папе удалось получить разрешение на краткий приезд их матери в Брэилу. К этому времени бабушка Малка получила советское гражданство. Вскоре она выехала из Москвы. Тетя Ида и Грета простились с ней навсегда. Она

возвращалась кратчайшим путем, через пограничные пункты Тирасполь-Тигина (Бендеры). На румынской стороне ее ожидала тетя Геня. У бабушки был только один маленький чемоданчик.

Я был тогда мальчиком, но хорошо запомнил бабушку Малку. Она вернулась худой, но подвижной, здоровой и энергичной. По ее словам, русские долгие и холодные зимы, спартанский образ жизни и ежедневная активность пошли ей на пользу. Лишения ее закалили.

Тетя Ида и Грета с улыбкой вспоминали наставления и советы, которые им давала бабушка Малка все время, даже на перроне Киевского вокзала перед самым отправлением поезда.

* * *

В воскресенье вечером, закончив все дела по дому, тетя Ида, Грета и я сели обсуждать мое положение. Было ясно, что прописаться в квартире тети Иды мне не удастся. Получить прописку в Верее и жить у тети Иды было рискованно, потому что участковый милиционер мог меня обнаружить и после одного-двух предупреждений нам пришлось бы заплатить штраф и иметь большие неприятности. Жить в Верее и ежедневно ездить на занятия в техникум было нереально по ряду причин. У меня не было денег для оплаты проезда. Я должен был бы тратить много времени на дорогу. Мне бы пришлось пропускать занятия, которые проводились вечером. Как нам казалось, был только один выход – попросить И.П. Гончара прописать меня в общежитии с тем, чтобы я мог находиться и в общежитии, и у тети Иды. К тому же в техникуме была столовая, где цены были очень низкие. Мы так и решили. В ближайшее свободное утро тети Иды мы снова пошли к директору техникума.

* * *

Как и в первый раз, И.П. Гончар принял нас очень хорошо. Он думал, что я уже получил прописку и собирался нас поздравить. Наш рассказ его явно огорчил. Он согласился с нами, что я не смогу учиться, живя в Верее. И.П. Гончар позвонил коменданту общежития и пригласил его к себе. Оказалось, что общежитие забито до предела и категорически запрещено прописывать мужчин без того, чтобы они стали на военный учет. Так рухнул и этот наш вариант.

Директор разрешил мне, в порядке исключения, посещать занятия. Он представил меня руководителю отделения и сообщил ему свое решение. И.П.Гончар посоветовал мне подумать о другом городе за пределами стокилометровой зоны с лучшей транспортной связью. Поблагодарив его, мы ушли.

* * *

Я был доволен тем, что с завтрашнего дня смогу посещать занятия, хотя бы на правах вольного слушателя. Мне нужно было догнать группу, так как я пропустил целых три недели. Меня это не страшило. Я был полон желания учиться.

Вечером втроем мы сели изучать карту Московской области. Циркулем провели круг. За его пределами ближайшими оказались города Серпухов, Кашира и Коломна на юге, Шатура на востоке, Шаховская и Решетниково на западе от Москвы. Никто из нас никогда не был в этих городах. Мы ничего не знали о них. У нас там не было ни одной знакомой души. Решили, что для начала тетя Ида и Грета расспросят друзей и приятелей, наведут справки.

* * *

В группе, в которую меня определили, был 31 человек, их них только четыре парня. Были и городские, но преобладали приезжие. Большинство из них закончило восемь или девять классов. На первом курсе проходили в основном программу средней школы по математике, физике, химии и русскому языку. Только на втором курсе начинались специальные предметы.

В группе меня приняли дружелюбно. Я был старше всех и, по-моему, лучше подготовлен.

Если бы не проблемы с пропиской и военным учетом, я был бы счастлив.

* * *

Мы получили письма от папы и Фиры. Они поздравляли меня с прибытием в Москву и с началом учебы. Они не знали о моих трудностях.

Папа благодарил Иду за заботу обо мне. Он был здоров, работал и надеялся, что его демобилизуют по возрасту.

Фира ожидала приезда Миши до конца октября. Он сдавал дела в Софии. Мама и Фира были здоровы.

* * *

Вечерами тетя Ида продолжала рассказ о своей жизни после отъезда бабушки Малки. Ей пришлось очень трудно. На нее снова легли заботы по дому. Она работала в двух местах. Бегала из одной школы в другую. Читала лекции на разных предприятиях о состоянии дел в стране и о международном положении. Эта общественная

нагрузка входила в обязанности преподавателя-историка. С Гретой они виделись только вечерами, когда усталыми возвращались домой.

В 1939 году, после окончания средней школы, Грета поступила в престижный институт, который тогда назывался Московский институт прокуратуры. Заниматься там было нелегко даже ей, имеющей хорошую школьную подготовку.

Международные события усугубили экономическое положение страны. Вторжение японцев в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол (1938–1939 гг.), нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года и начало второй мировой войны, Советско-финляндская война (1939–1940 гг.) заставили людей затянуть еще туже ремни. Огромные средства уходили на покрытие нужд обороны Советского Союза. В состав СССР в 1940 году были включены Литовская, Латвийская, Эстонская и Молдавская ССР.

После захвата гитлеровской армией в 1940 году Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Франции, а в начале 1941 года Югославии и Греции стало ясно, что фашисты нападут и на Советский Союз[4]. В стране был введен строжайший режим экономии. Все средства направлялись на развитие промышленности, в первую очередь оборонного значения, и на увеличение численности вооруженных сил.

22 июня 1941 года, когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, простые люди оказались в состоянии шока. Им внушали, что договор о ненападении, заключенный с Германией в августе 1939 года, отведет от Советского Союза опасность войны. Тон печати и радиопередач был успокаивающим. Это был крупнейший просчет руководителей страны, правительства. И народ жестоко поплатился. В первые месяцы войны гибли не только военные. Гибло гражданское население. Огромная территория была оккупирована фашистами.

Осенью 1941 года, когда фронт приблизился к Москве, началась спешная эвакуация заводов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, музеев, театров и других культурных учреждений. Были эвакуированы даже многие партийные и правительственные организации.

Вместе с Институтом прокуратуры эвакуировалась и Грета[5]. Она не смогла уговорить тетю Иду уехать из Москвы. Тетя Ида почему-то верила, что немцы не возьмут Москву. Она не хотела, чтобы Грета голодала в осажденном городе. Не хотела, чтобы Грета пошла на фронт. Она думала о спасении Греты. Отдала лучшую теплую одежду, деньги, которые у нее имелись, и только об одном просила дочь – посылать ей регулярно письма.

Оставшись одна, тетя Ида участвовала в противовоздушной обороне города, строительстве оборонительных рубежей, помогала

Грета Долинко (Череповец, 1944)

всем, кто нуждался в ее поддержке. Тетя Ида никогда не была членом партии. Она была патриотом и сильно ненавидела немцев. К тому же тогда она считала, что в Бессарабии мы все погибли. Позже тетю Иду наградили медалью «За оборону Москвы». Она ею гордилась.

За годы войны тетя Ида наполовину похудела. Из того ничтожно малого пайка, который выдавался москвичам, и той скромной зарплаты, которую она получала в школе, она еще ухитрялась посылать Грете, у которой была только стипендия, посылки и деньги. Тетя Ида была чрезвычайно преданной матерью и любила Грету безгранично. Она всячески оберегала дочь от любых неприятностей из-за отца, оклеветанного властью.

* * *

Вечером 30 октября мы сидели за столом, собравшись вместе после нелегкого рабочего дня. Вдруг зазвенел дверной звонок. Я пошел посмотреть, кто там. В дверях стоял, широко улыбаясь, молодой офицер. «Здравствуй, Рубика! Я – Миша». Мы крепко обнялись и поцеловались. Мы радостно рассматривали друг друга. Вот он каков, Фирин избранник!

В конце коридора открылась дверь гостиной. Грета выглянула,

Миша Штейнберг (София, 1945)

чтобы посмотреть, кто пришел. Она сразу же сообразила, что это Миша. Быстро подошла, познакомилась и затащила его в дом. Наша гостеприимная тетя Ида тут же засуетилась. Она металась между кухней и гостиной. Грета снова накрыла на стол. Миша достал из чемоданчика консервы и бутылку вина. У тети Иды впервые после войны собралось так много родных людей.

Наконец, мы сели все ужинать. Подняли бокалы за встречу, за знакомство и за счастье молодых. Мы чокались с Мишей и обнимали его. Вдруг Миша заметил мой взгляд: я узнал на его руке папино золотое кольцо. Миша снял его с пальца и показал монограмму с инициалами папы и мамы на внутренней поверхности. Такое же женское кольцо мама подарила Фире в день их свадьбы. Фамильные драгоценности, сохраненные с большим риском в Транснистрии, были переданы на счастье следующему поколению.

Не было конца вопросам к Мише. Он сказал, что 27 октября Фира и он расписались в загсе и устроили очень скромную свадьбу у мамы дома. Были тетя Соня и Ева, мама, три пары сотрудников Фиры и старый друг Миши с женой. Он приехал в Москву по делам службы. Потом заедет в Белгород-Днестровский на несколько дней. 10 ноября, после октябрьских праздников, он должен будет приступить к работе в штабе Прикарпатского военного округа в Черновцах. Надеялся получить вскоре квартиру и до конца года перевезти туда Фиру и маму.

Миша рассказал о себе, родителях, о службе на фронте и в Софии, о Фире и маме, о планах на будущее.

Миша понравился тете Иде и Грете. Он был среднего роста, с правильными чертами лица, умными карими глазами, рыжей шевелюрой и холеными руками. Общительный, красиво говорил и вызывал к себе симпатию и уважение собеседников. В новой офицерской форме он смотрелся элегантно. Тетя Ида спросила Мишу, как ей казалось, тактично, сердечно и доверительно, нет ли у него друга еврея, такого, как он, жениха для Греты. Грета смутилась и заметила, что она сама выберет себе мужа.

Миша поинтересовался работой Греты и тети Иды, жизнью в Москве, общим настроением людей. Поговорили о театрах, концертах и др.

Потом Миша спросил меня об учебе, о моих планах. Я рассказал все, как есть. Миша был огорчен. Он не думал, что мои попытки стать на военный учет и прописаться в другом городе Московской области, даже если у тети Иды или Греты найдутся знакомые, увенчаются успехом. Он заключил, что мне не суждено учиться в Москве.

В тот вечер мы долго говорили.

* * *

Утром мы все разошлись по своим делам. Я был на занятиях в техникуме. Нас отпустили с последнего урока, потому что многие из моей группы участвовали в художественной самодеятельности и должны были быть на репетиции. Они готовились к торжественному вечеру 6 ноября.

Вскоре после меня пришли домой Грета и Миша. Мы быстренько перекусили и втроем пошли гулять по предпраздничной Москве.

Мы прошлись по площади Ногина, потом по узкой улице мимо зданий ЦК ВКП(б), вышли к ГУМу и Красной площади. Народа было много, в основном приезжие. Толпились у причудливого с многоцветными куполами собора Василия Блаженного, издали смотрели на Кремль, его величественные башни и стены, слушали бой курантов. Постояли у закрытого для посещения мавзолея В.И.Ленина. Оставив позади Исторический музей и гостиницу «Москва», мы пришли в скверик перед Большим театром. По улице Горького мы поднялись до Белорусского вокзала. Любовались памятниками Пушкину и Маяковскому, осмотрели здание Моссовета. Заглянули в Елисеевский магазин.

Освещенные улицы и площади, украшенные дома и витрины, огромное множество людей, куда-то спешивших, подымали настроение. Чувствовались какой-то подъем, вера в будущее. Война

закончена, фашисты разбиты. Советский Союз и его союзники победили. Снова воцарился мир.

Усталые, мы повернули обратно. Грета нас повела другими улицами. Мы вышли к ЦУМу, пошли по площади Дзержинского до улицы Кирова. Напротив Почтамта, в китайском магазине, Миша купил кофе, чай, лимоны, торт и конфеты. Бразильский кофе и греческие лимоны тогда продавались в Москве в нескольких магазинах.

Тетя Ида нашла на столе записку о том, что мы пошли смотреть Москву, но, когда мы вошли в дом, она сделала вид, что обижена тем, что мы гуляли без нее. Она полюбила нас и хотела быть подольше вместе с нами. К тому же она хорошо знала город, его достопримечательности.

Мы приятно посидели в тот вечер. Торт и чай с лимоном имели большой успех.

Мы обсудили еще раз мое положение, взвесив все за и против. Только тетя Ида верила в успешный исход моего дела. Грета, которая ездила со мной в Верею и все видела и слышала, сомневалась, что в другом городе меня встретят лучше. Я молчал. Мне хотелось учиться в Москве, но я себе не представлял, как одолеть все трудности, о которых писал выше. Правда, в душе я стремился домой.

После небольшой паузы Миша категорично заявил: «Завтра едем в Аккерман! Там или в Черновцах будешь учиться». Никто не стал возражать.

* * *

1 ноября утром Миша ушел по своим делам. Грета обещала к часу дня прийти попрощаться. Тетя Ида была свободна. Я собрал свои вещи и помогал ей по хозяйству. Тетя Ида расстроилась. За месяц она привыкла ко мне. Мы уедем, сетовала она, Грета будет все время на работе, и она снова будет сидеть одна в квартире. Я пытался ее утешить. Может быть, папу демобилизуют, и летом, во время каникул, она приедет к нам. У нас много фруктов и овощей, тепло, и мы вместе отдохнем.

Около 11 часов вернулся Миша, и мы втроем пошли за покупками. В Елисеевском магазине, стоя в разных очередях, мы купили хорошую сухую колбасу, селедку, маслины, масло, сыр, кофе, чай, апельсины, лимоны, конфеты и др. Такого рода продукты продавались только в Москве и в основном перед праздниками. Как говорили в те годы, выбрасывали к празднику. В очередях было много приезжих из Тулы, Воронежа, Орла, Ярославля, из Грузии, Армении, Литвы, Белоруссии, Украины, Узбекистана, Сибири – со всего Союза. Покупали все в больших количествах. У одних были многодетные семьи и запасались надолго, другие занимались спекуляцией.

В ГУМе Миша купил подарки Фире, маме, тете Соне и Еве. Тетя Ида выбрала себе и Грете дамские кожаные сумки – подарок от Миши.

Дома мы упаковали Мишин багаж. Вместе с тетей Идой и Гретой мы пообедали. Я от всей души поблагодарил их за все, что они сделали для меня: за письма и посылки в Коми, которые меня поддержали морально и материально в очень трудное время, за исключительную заботу обо мне здесь, в Москве. Мы крепко обнялись и поцеловались. Они тепло простились и с Мишей, с которым познакомились всего несколько дней тому назад.

Уже перед выходом я попросил тетю Иду объяснить И.П. Гончару, почему я оставил техникум, и передать ему мою глубокую признательность за вызов на учебу.

С Гретой мы шли вместе до площади Ногина. Здесь мы сердечно расстались. Она пошла на работу, а мы на площади Дзержинского спустились в метро.

* * *

На Киевском вокзале мы сели в офицерский вагон поезда Москва-Одесса. В три часа с минутами он тронулся. Мы сидели с Мишей друг против друга за маленьким столиком у окна. Миша попросил меня рассказать об условиях трудармейской жизни. Он удивлялся произволу сотрудников Смерша при рассмотрении дел людей, оказавшихся на оккупированной территории, бюрократическому подходу к их судьбам. Как евреи, подвергнутые насилию, содержавшиеся в лагерях-гетто и только чудом оставшиеся живыми, могли быть приравнены к молдаванину или украинцу, которые вместе с румынами и немцами измывались над ними?! Почему не доверяли евреям, которые в Советском Союзе видели своего единственного спасителя и в рядах Советской Армии стремились сражаться с оружием в руках, мстить фашистам за загубленные жизни своих родных?! Этих почему было много. Я убедился в том, что Миша (а таких, как он, были миллионы) понятия не имел о том, в каких условиях содержались трудармейцы, какие непосильные работы их заставляли выполнять, как они страдали от холода и голода, пухли и умирали, что они чувствовали, находясь за колючей проволокой рядом с пособниками чужеземных убийц, с преступниками разных мастей.

Мы почти не заметили, как остались позади подмосковные дачные места, города Малоярославец, Калуга и Брянск. За окном уже было темно. Проводник принес нам чай. Мы поужинали и усталые легли отдыхать. Я полез на верхнюю полку. Под монотонный стук колес я быстро уснул.

Проснулся рано утром. Я предвкушал радость встречи с мамой и Фирой. Наконец, мы будем вместе! Как долго я ждал этого дня! Может быть, так же неожиданно приедет и папа? Разные вопросы роились в моей голове, быстро сменяя друг друга. Удастся ли мне получить паспорт и военный билет? Ведь меня демобилизовали по вызову из строительного техникума. Пойти ли мне в 10-й класс в моей школе или начать работать, чтобы приобрести специальность? Останусь ли я в Белгороде-Днестровском, если Фира и Миша возьмут маму с собой в Черновцы? Что стало с моими друзьями? Живы ли они?

Миша тоже встал рано. Он был в отличном настроении. Мы привели себя в порядок и сели завтракать. У нас был зверский аппетит. Миша заметил, что в вагоне все едят. Некоторые офицеры из чайных стаканов пили водку, отмечая какие-то события. Поводов было много. Поднимали стаканы за Победу, за то, что остались живы, за то, что невеста ждала, что семья нашлась, за то, чтобы не было больше войн и люди горя не знали. От соседнего столика к нам подошел приятной наружности старший лейтенант и, обращаясь к Мише, попросил выпить за милосердие – чувство, которое помогло выиграть битву за спасение человечности. Он налил и мне сто граммов. Мы охотно поддержали его. Он подсел к нам и скупыми словами рассказал один невероятный эпизод.

Он был родом из Дальника, села на трассе Тирасполь-Одесса. В начале войны его мобилизовали. Дома остались родители, жена и сын.

В конце октября 1941 года из Одессы вышли колонны евреев, тысячи человек, гонимые румынскими солдатами и жандармами по направлению к Дальнику. Отстающих обессиленных людей добивали или расстреливали. Трупы оставались лежать на дороге.

Под вечер отец рассказчика возвращался на подводе домой. Он увидел, что к окровавленному телу убитой женщины прижалась девочка лет четырех и тихо всхлипывает. Видно, при падении мать ее прикрыла собой. Он посадил малышку на подводу, дал кусок хлеба, успокоил немного ее, велел сидеть тихо, накрыл зипуном и поехал краем села домой. Вместе с женой и невесткой они решили сохранить жизнь ребенку. Они выдавали девочку за племянницу из другого села. Постоянно передавая девочку то одним, то другим родственникам, сберегли ее.

После окончания войны старший лейтенант приехал домой на несколько дней в отпуск. Во дворе его сын играл с девочкой. Она называла его родителей мамой и папой.

Мы восхищались храбростью и добротой души этих людей. Я знал по собственному опыту, что такие люди были. Жаль только, что их было очень мало.

* * *

В Жмеринке поезд стоял долго. Мы вышли из вагона, чтобы размяться. Здание этой большой узловой станции находилось между путями. В одном из залов мы увидели выложенную из плиток свастику – символ насилия и глумления. Фашистские варвары поверили Гитлеру, что они будут владеть славянскими землями вечно. Их с позором прогнали, но их гнусные и гнетущие следы остались.

От Жмеринки мы поехали на юг по печально известной мне бывшей Транснистрии. Мы сидели у окна. Проезжали районы, где румынами были устроены лагеря-гетто, где в земле остались лежать десятки тысяч невинных евреев. Отвечая на вопросы Миши, я рассказывал ему о наших страданиях в те страшные годы.

* * *

В Одессу мы прибыли около трех часов после полудня. На привокзальной площади сели в автомобиль калымщика, который обещал доставить нас в Овидиополь за один час. Мы торопились успеть на последний паром. В машине уже сидели еще два пассажира. В то время автобусная междугородняя связь еще не была налажена, и одесские хапуги хорошо наживались.

Дорога проходила через села Большая Аккаржа, Малая Аккаржа и Барабой. Перед моими глазами стояли картины июля 1941 года: наше бегство из Аккермана от наступающих румынских и немецких полчищ, толпы людей и подвод, нагруженных домашним скарбом, с сидящими сверху больными, стариками и детьми, прохождение через немецкие колонии под молчаливыми и враждебными взглядами их обитателей, вой пикирующих самолетов, цокот осколков по брусчатому покрытию шоссе и каменным оградам и гнетущий страх.

Мы остановились на берегу Днестровского лимана. Уже шла погрузка на паром. Мы быстро рассчитались с водителем, вокруг машины которого уже собрались прибывшие из Белгорода-Днестровского люди, желающие добраться до Одессы, и по длинному понтону побежали к судну. Сели в его носовой части, чтобы лучше видеть и быть ближе к нашему городу.

Примечания

[1] В 1957 году тетя Ида и Грета получили официальное сообщение из Верховного Суда СССР о том, что М.Р. Долинко посмертно реабилитирован.

[2] БВ; НТЖ; MERSH.

[3] SH, p. 235–241, 280; DER, vol. IV, p. 206–207; MDE.

[4] ИКПСС, с. 456–467, 486–489.

[5] В Алма-Ате Институт прокуратуры объединился с Московским юридическим институтом. В 1942 году Грета ускоренно окончила институт.

БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКИЙ

Между Овидиополем и Белгородом-Днестровским лиман широкий, около девяти километров. Дул сильный и холодный ветер. Высокие волны раскачивали наше судно. Мы подняли воротники шинелей, натянули до бровей ушанки и прижались друг к другу. Долго молчали. Каждый был погружен в свои мысли. Я чувствовал, что мое терпение на пределе. Мне хотелось поскорее увидеть и обнять маму и Фиру, оказаться дома.

Стемнело. Электрические огни приближались все ближе и ближе. Прошло еще минут тридцать, и мы стали различать по правую сторону движения зубчатые контуры высоких крепостных стен и по левую – узорчатые очертания церкви и многоэтажную коробку мельницы.

Миша как будто угадал мое острое желание тут же оказаться дома. Прервав молчание, он сказал, остудив мой пыл, что в городе транспорта нет и нам придется добираться пешком.

С тяжелыми чемоданами и вещевыми мешками мы поднялись от лимана по довольно крутой горке, прошли мимо археологических раскопок перед крепостью, пересекли центральную часть города и вышли на Ново-Базарную улицу. Мы ни разу не остановились, чтобы перевести дыхание.

У дома номер 22 мы вошли во двор. В окнах горел свет. Миша постучал в окно и назвался. Фира приоткрыла ставни, увидела Мишу, распахнула дверь, и они обнялись. Потом она заметила в темноте военного и спросила Мишу, кого он привел. Тут я уже не выдержал. Шагнул вперед, обнял и поцеловал Фиру. От неожиданности она потеряла дар речи. Я тоже не мог вымолвить ни слова. А потом шумно, смеясь, мы втроем ввалились на кухню, где мама читала книгу. Мы ее окружили и, обнявшись все вместе, целовались. Мама и плакала, и смеялась. Она была беспредельно счастлива. Она никак не ожидала меня. Когда я сказал маме и Фире, что это Миша решил меня увезти из Москвы, они его обняли и горячо поблагодарили. Мама меня долго рассматривала, гладила мои волосы и лицо, заметила, конечно, шрам у левой брови и натруженные руки.

Миша достал подарки для Фиры и мамы. Он им угодил и

продуктами, которых они давно не видели. Поблагодарив за все, мама добавила, что лучший подарок, который Миша ей привез, – это я.

Мы сели ужинать. Миша и я проголодались. Мы ели и говорили. Вопросов было много. Мама обещала утром написать письмо благодарности тете Иде и Грете и еще одно письмо – папе. Для полного счастья нам не хватало только его.

Я вышел из-за стола, чтобы принести папины письма. Мои вещи были занесены в комнату Фиры. Я достал эти письма и положил их на полочку маленькой этажерки с книгами. Среди них стоял и «Petit Larousse». С нежностью я перелистывал его веленевые страницы с множеством иллюстраций, карт и таблиц, его цикламенового цвета тоненькие листы вкладыша латинских и иностранных выражений. На первой же странице я прочел: «Ad augusta per angusta» (Высокие цели достигаются преодолением многих трудностей). Это высказывание, принадлежащее В. Гюго, подходило к прошедшему недавно периоду истории. Через какие неимоверные испытания прошли миллионы евреев, чтобы сохранить и передать будущим поколениям свою суть, свою веру! Я вспомнил нашего доброго Герша Розенберга, доктора из гетто Виноградного Сада, его терпеливые объяснения изречений гениальных мыслителей, писателей, полководцев.

Со связкой писем и с «Ларуссом» я вернулся на кухню. Лицо Фиры засияло. Она была права, когда в трагические дни января 1942 года убедила папу не выбрасывать из ее мешка эту книгу. Фира верила, что мы выживем. «Larousse» был ее талисманом.

Мы перечитали папины письма. Мама с трудом сдерживала слезы. Как это после гетто папа, измученный и ослабший, мог работать в шахте? Кто смотрел за ним, когда он лежал больной? Мы все успокаивали маму, мол, все это прошло, теперь он здоров и, с Божьей помощью, вскоре приедет.

Фира и Миша удалились в свою комнату. Мама и я остались сидеть на кухне. Мы обсуждали с ней мои планы на ближайшее будущее.

* * *

Утром Миша и я пошли провожать Фиру на работу, в Госбанк. Мы радовались ясной и теплой осенней погоде, столь отличной от московской, не говоря уж о Коми.

Ново-Базарная улица почти не пострадала от войны. Здесь сохранились одноэтажные дома из котельца с широкими трехстворчатыми окнами со ставнями, с тремя ступеньками у парадного входа и небольшим двориком. Тротуары были вымощены

камнем, дорожки – из плиток. Тутовые низкие деревья, посаженные на одинаковом расстоянии друг от друга, стояли по-осеннему голые, без листьев. По мощенной брусчаткой мостовой с лязгом проехала открытая, с низким кузовом повозка, груженная бидонами с молоком. Это был старый, довоенный, запомнившийся мне город.

Трехэтажное здание Государственного банка на Софийской улице, построенное до первой мировой войны, не пострадало. У входа мы расстались. Фира должна была заблаговременно подать заявление с просьбой о переводе в Черновицкое городское отделение Госбанка в связи с переездом по месту службы мужа. Они решили зайти к управляющему, для большей солидности, вдвоем. Я же решил прогуляться.

Прошел полквартала и на углу Софийской и Николаевской, главной улицы Белгорода-Днестровского, идущей от крепости через весь город к вокзалу, остановился остолбенелый: несколько кварталов по обе стороны улицы стояли в руинах. Я прошел дальше, до Михайловской улицы, повернул направо вверх и увидел ту же гнетущую картину: разрушенные стены, обгоревшие рамы окон и дверей, груды земли, кирпича и котельца, изуродованные деревья. Раньше здесь был торговый центр Аккермана, богатые магазины и красивые особняки евреев. Я вспомнил мануфактурный магазин Малинского, книжный и писчебумажный магазин Анбиндера, ювелирный, мебельный, скобяных изделий, бакалейный и другие магазины, ресторан, ателье, мастерские и салоны. Я был в жутком состоянии. Я себе представил, как румынские солдаты и жандармы, отравленные антисемитской пропагандой легионеров, ворвавшись в этот мирный провинциальный городок, со звериной жестокостью убивали евреев – мужчин, женщин, стариков и детей, насиловали, выгоняли из домов, с улюлюканьем через весь город гнали в синагогу или в тесное гетто перед массовой казнью, как грабили, обворовывали еврейские квартиры, поджигали дома.

Полчища румын и немцев, шедших с крестом впереди против большевиков, были хуже варваров, свирепее их.

* * *

По статистике 1930 года в уезде Четатя Албэ, так назывался при румынах Белгород-Днестровский, было 11 390 евреев. В 1939 году их было зарегистрировано меньше – 11 191. Евреи составляли 3,3% от общего населения уезда. В самом городе Четатя Албэ по переписи 1930 года было 4239 евреев, или 12,3%. В 1940 году их количество увеличилось за счет репатриированных из Румынии и прибывших из СССР.

Среди репрессированных в 1940–1941 годах были и евреи. Их количество теперь не может быть установлено. По данным М. Мирку, перед началом войны в городе жили около 8000 евреев. В июне-июле 1941 года немногие евреи были мобилизованы в Красную Армию или эвакуировались в восточную часть Советского Союза[1].

5 августа 1941 года румынские воинские части вступили в Четатя Албэ[2]. Сразу же начались массовое уничтожение евреев, поджоги их домов и разграбление имущества.

Судебные документы и свидетельские показания, опубликованные Ж.Анчелем, позволяют установить, кто командовал расправой над евреями, кто непосредственные исполнители убийств и бесчинств, где происходили расстрелы ни в чем не повинных людей.

По приказу начальника жандармского легиона города Четатя Албэ майора Джеорджеску Мирча из гетто села Баирамча около 360 евреев были направлены под конвоем жандармов в город Четатя Албэ и заперты в одной из синагог. Их охраной распоряжался жандармский плутониер (старшина) Смарандаке Думитру. В другую синагогу полицейскими было согнано около 2500 евреев из числа тех, которые, спрятавшись, сумели выжить после погрома, учиненного военными в первые дни захвата города. Тысячи евреев были загнаны в гетто. Многие, как показал помощник комиссара полиции Стоматопол Атанасе, сдались добровольно властям.

Начальником гарнизона города был подполковник Антонеску Стамате, комендантом города – майор Драган Вирджил, его помощником – старший унтер-офицер (плутониер мажор) Олтяну С. Марин, командиром караульной роты – капитан Окишор Александру. Первым субпрефектом уезда был Бежан Аурел.

По показаниям свидетелей командира Бардеску Николае, помощника комиссара полиции Стоматополa Атанасе, лейтенанта Бузэ Александру, архитектора Анджелора Виорела, комиссара полиции Думитриу Георге, старшины Мариана Константина, старшины Беиличи Георге, жандармского старшины Смарандаке Думитру, Калинчука Иоана, Думитриу Амилкара и других, полковник Петала Марчел, военный претор 3-й армии, в начале августа 1941 года отдал приказ о казни всех евреев в городе Четатя Албэ. По распоряжению первого субпрефекта уезда Бежана Аурела из разных местечек и сел уезда в Четатя Албэ были пригнаны около 12 000 евреев, которых затем убили.

Подполковник Антонеску Стамате, майор Драган Вирджил, майор Беки Филип, майор Олтяну Хориа, капитан Окишор Александру, капитан Круду, старший унтер-офицер Олтяну Марин командовали карательными взводами, состоящими из жандармов, солдат второго батальона 5-го полка пограничников и отделения пожарников

35-го пехотного полка, и они лично расстреливали евреев. Особо свирепствовали капитан Окишор Александру, которого прозвали «Палач» («Călăul»), и майор Беки Филип, называвший себя «Иродом Вторым» из-за пристрастия к убийству грудных младенцев[3].

Евреев выводили из синагог группами по 30–40 человек и на закрытых грузовиках Румынского национального банка перевозили к местам казни на окраине города около армянского кладбища, в каменоломне, на берегу Днестровского лимана, у еврейской больницы. Массовые расстрелы продолжались четыре дня. По признанию капитана Окишора, убивали партиями в 900–1000 и 3500 человек[4]. Румыны уничтожали евреев и в гетто, в местах принудительных работ, на улицах, в домах, в синагогах.

Несколько тысяч евреев жандармами были переданы для истребления проходившим через город немецким частям[5].

Свидетели дали показания о зверствах и жестокости румынских палачей. Капитан Окишор лично застрелил двух дочерей уважаемого в городе доктора Бедного, 15 человек, подозреваемых в сочувствии коммунистам, ювелира Когана, ограбленного им, прикончил в постели старую больную женщину Арбид, старика Сруля Фейгина и других. Тела убитых оставались долгое время незахороненными.

Капитан Окишор и майор Олтяну после казней таскали из синагог и из квартир евреев ценные вещи. Перед расстрелом румынские изверги заставляли всех – мужчин, женщин, стариков – сдавать золото и драгоценности, снимать одежду и обувь.

Поджогами, грабежами и убийствами занимались и более мелкие чины, например, старший унтер-офицер Казаку Ион, рядовой 35-го пехотного полка Агопша Георге и др.[6], а также местные антисемиты и хулиганы.

Побудительными причинами преступных действий румынских солдат и офицеров, а также разных административных чинов были их политические и расовые убеждения и в неменьшей мере безграничная жажда наживы.

* * *

В пустом городском саду я сел на скамейку вконец измученный. Мне нужно было успокоиться, прийти в себя.

Через сад, срезая дорогу, ученики торопливо шли в школу. Я пошел за ними. Зародилась мысль, надежда, что в школе найду кого-то из моих бывших сотоварищей.

В классах шли занятия. По знакомой мне широкой лестнице я поднялся на второй этаж, где в 1940–1941 годах занимались старшеклассники. Двери комнат для занятий выходили в большой

светлый зал, где во время перемен одни ученики резвились и звонко смеялись, а другие серьезно что-то обсуждали, о чем-то спорили. В этом зале проводились и вечера художественной самодеятельности, и танцы по случаю праздников. И в этот день зал имел торжественный вид. Школа собиралась отметить очередную годовщину Октябрьской революции.

Я стал у окна напротив двери 10-го класса. Раздался звонок. После минуты полной тишины из распахнувшихся дверей начали выходить, а то и выбегать, мальчики и девочки. Я сосредоточенно смотрел на ребят из 10-го. Не увидел ни одного знакомого лица. В классе осталось несколько человек. Я вошел и стал рассматривать их. И вдруг услышал: «Рубин, это ты?» Я повернулся на голос и увидел девушку из бывшего 7-го класса Иду Зеф. И тут я сообразил: ведь прошло четыре года! Мои одноклассники, если они живы, должны уже быть студентами! Мы обнялись и вышли. Ида отпросилась у молоденькой учительницы.

Мы шли по давно знакомым улицам Аккермана. Ида вместе с семьей успела эвакуироваться. В Средней Азии им было материально тяжело. Они недавно вернулись. В живых не нашли никого из остававшихся здесь родственников. Я ей коротко рассказал свою историю. А потом мы вместе вспоминали наших коллег: Шмиля Мильмана и Раю Миссонжник, Перлис Шуру и Трейвуш Марию, Штейнберг Рузю и Абрамович Берту, Белопольского Гедеона и Гольденберг Асю, Краснянскую Соню и Еву Зак.

На днях приехала в город Соня Краснянская с больной матерью. В эвакуации умерли ее отец и младшая сестренка. Вернулся с фронта калекой Маклер Сеул. Обморозил ноги. Ампутировали ступни. Ходит на костылях в 19 лет. Занимается в медицинском институте. За ним смотрит старая мать. Из Узбекистана приехала вместе с семьей Анна Стрелец. Бухгалтером в Военторге работает Аля Ярославская. Об остальных Ида ничего не знала. У каждого своя судьба. Одни могли быть убиты в Аккермане, другие – в Одессе или в гетто Транснистрии. Самые счастливые эвакуировались в глубь страны.

С нами учились и русские, украинцы, молдаване, болгары и гагаузы. Мы вспомнили Дмитрия Абрамогло, Игоря Брагу, Валентину Балтага, Павела Балтажи, Василия Зверенчука, Николая Иордакиева, Константина Идрибержиева, Зину Коровинскую, Павла Маслова, Александру Незовибатько, Игоря Попова-Толмачева, Петра Петрушина, Владилена Павлова, Алешу Яцкова, Елену Будянскую. Среди них были и местные, из города и из сел области. Эти, наверное, разъехались по домам. Но были, правда, немного, ребята, приехавшие в 1940 году вместе с родителями из Советского Союза. Эти, по всей вероятности, эвакуировались в первую очередь. Их

родители были партийные работники, учителя, офицеры и т.д. Александра Незовибатько, Игорь Попов-Толмачев, Владилен Павлов, Алеша Яцков и Павел Маслов держались как-то вместе и были общественниками школы.

Теперь в школе не было никого и из наших соучеников-неевреев. Ида еще надеялась, что кто-то объявится и расскажет, что случилось в городе во время оккупации.

Мы вспоминали и наших учителей – Сергея Илларионовича Гонтарева, Елену Васильевну Василеву, Анну Ильиничну Шклярук, Лангину Петровну Добжанскую, Марию Иосифовну Берман, Николая Максимовича Чернова, Дору Израйлевну Гольдман, Александра Максимовича Мулиса и других. Ни один из них не вернулся.

Нам было грустно. Война безжалостно уничтожила наш старый мир. Между нашим детством, прошлым, и юностью, настоящим, образовалась пропасть, поглотившая столько добрых и невинных людей, разрушившая наши мечты, надежды и чувства.

Я проводил Иду домой и обещал приходить к ней. Мы надеялись, что, может быть, кто-то из наших соучеников еще появится в родном городе.

Домой я вернулся в ужасном настроении. Я увидел своими глазами, во что превратили город румынские захватчики. Сердцем я чувствовал, что в сырой земле лежат и Ева Зак, и Шмиль Мильман, и Шура Перлис, и Рузя Штейнберг и другие ребята, с которыми я дружил.

* * *

Пообедав с мамой (Фира еще была на работе, а Миша пошел навещать тетю Соню и Еву), я пошел в горвоенкомат. К моему приятному удивлению, меня приняли спокойно, по-деловому. Начальнику соответствующего отдела я коротко рассказал, что отсюда в июле 1941 года мы эвакуировались, были в осажденной Одессе, потом румыны нас погнали в гетто, в марте 1944 года Советская Армия нас освободила, больше года был в трудармии, демобилизовался для продолжения учебы, здесь живут моя мать и сестра, у них есть лишние метры жилплощади (показал домовую книгу), сестра работает в Госбанке и что в этом городе я буду учиться. Я ответил на несколько вопросов начальника, после чего он мне велел явиться 10 ноября за временным военным билетом.

В горисполкоме и потом в домоуправлении меня также нормально приняли. Мне дали заполнить листки прибытия и с другими нужными справками, с документом о постановке на военный учет и с домовой книгой сказали прийти к ним уже после праздников.

После хождений по мукам в Москве и Верее местные работники госучреждений мне показались ангелами. Позже я узнал, что органами власти было принято решение о беспрепятственной прописке бывших жителей города, возвращавшихся из эвакуации или из армии.

* * *

Вечером, когда вся семья собралась, я объявил, что в среднюю школу № 2, в мою школу, я не пойду учиться. Мне тяжело быть одному без моих ровесников. К тому же мне уже исполнилось двадцать лет, а у меня нет специальности. Тогда Фира мне посоветовала пойти в недавно открывшийся учительский институт. Курс обучения рассчитан на два года. При недоборе меня могли бы зачислить на первый курс. С предложением Фиры все согласились.

Фира и Миша были довольны беседой с управляющим Госбанком, который подписал заявление Фиры с просьбой об увольнении по семейным обстоятельствам и обещал помочь с устройством в Черновицкий Госбанк в порядке перевода. Он был лично знаком с управляющим Черновицким городским отделением. Он напишет рекомендательное письмо и даст хорошую характеристику Фире, так как знал ее с 1940 года. Управляющий еще раз поздравил Фиру и Мишу с началом семейной жизни.

Миша повторил нам, что выедет поездом 9 ноября утром, чтобы 10-го быть на службе. Когда ему выделят квартиру, как обещали, Фира возьмет маму с собой, и они вместе поедут в Черновцы. Если к тому времени вернется папа, то Миша вызовет и нас. В противном случае я останусь на время здесь.

* * *

Утренняя почта принесла нам радостное письмо от папы. Он сообщал, что здоров, даже немного поправился, так как не работал физически тяжело и чуть подрабатывал, что ходят упорные слухи о том, что до конца года или в крайнем случае в начале следующего трудармейцев его возраста демобилизуют. Папа спрашивал, когда приедет из Софии Фирин жених Миша Штейнберг и договорились ли они о дне свадьбы. Он выражал свое горячее желание быть вместе с мамой на этом семейном торжестве. Далее папа писал маме, что ей не нужно беспокоиться обо мне, так как я нахожусь у его сестры, тети Иды, и приступил к занятиям. Наш любимый отец не знал, что Фира и Миша уже расписались и я уже дома – он не успел получить наши письма.

Папино письмо подняло нам настроение. Мы благодарили Бога, что все здоровы, что вскоре, может быть, приедет папа и мы все будем снова вместе, что Фира вышла замуж за порядочного человека и они любят друг друга.

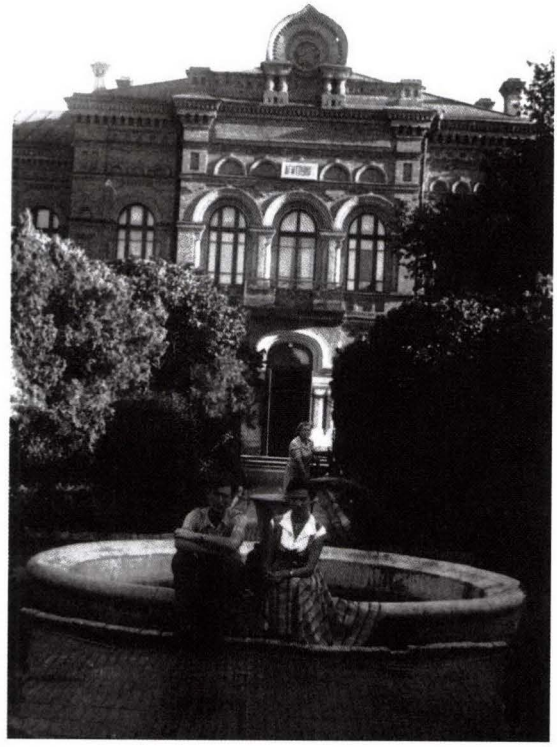
* * *

Около 9 часов утра я уже стоял у железных ворот Белгород-Днестровского учительского института. Он размещался в двухэтажном добротном здании, построенном еще в царское время, бывшей городской мужской гимназии. В стороне от главного корпуса находилась двухэтажная постройка общежития. В одной половине огромного двора была оборудована спортивная площадка. Вдоль забора росли стройные тополя и густые кусты сирени. От ворот до парадного входа по обеим сторонам широкой дорожки, выложенной плитками, стояли скамейки. Недалеко от главного входа дорожка раздваивалась вокруг широкого бассейна с фонтаном в центре.

Здание гимназии не пострадало от войны, она его не коснулась. В огромном холле начиналась широкая лестница на второй этаж. На стенах были развешены портреты и лозунги. Само помещение и подчеркнутая чистота внушали чувство пиетета.

После короткого разговора с замдиректора мы зашли к директору. Я впервые оказался в кабинете директора института. Мебель – резной письменный стол, книжный шкаф, длинный стол для заседаний и кресла, обитые кожей темно-коричневого цвета, огромный ковер и хрустальная люстра – видно, осталась здесь с давних времен. На небольшом столике рядом с письменным столом стояли новый радиоприемник и телефон.

Директор, интеллигентного вида мужчина лет 50, внимательно выслушал нас, потом задал мне несколько вопросов автобиографического характера. Обращаясь только ко мне, сказал, что школы области очень нуждаются в учителях, институт готовит преподавателей для 5–8-х классов, лучшие студенты смогут потом поступать в педагогические институты и университеты. Что касается моей просьбы о зачислении на первый курс, то он мне советует другое. Поскольку я закончил только 9 классов и у меня перерыв в учебе четыре года, он предлагает мне поступить на подготовительный курс в институт, тем более, что с начала учебного года уже прошли два месяца. На подготовительном курсе занимаются мои ровесники, пропустившие по разным причинам несколько лет учебы. Там проходят в основном программу 10-го класса и в июне студенты сдают экзамены на аттестат зрелости. С документом о полном среднем образовании слушатели

Белгород-Днестровский учительский институт

подготовительного курса допускаются к сдаче вступительных экзаменов, и им отдается предпочтение при зачислении в институт. С аттестатом зрелости можно поступать и в любой другой институт, если профессия учителя не понравится.

В отличие от школьников студенты подготовительного курса получают стипендию, могут питаться в студенческой столовой и жить в общежитии.

Я согласился с предложением директора института. На моем заявлении он тут же наложил резолюцию о зачислении. 10 ноября я уже должен был явиться на занятия и, по мере получения, принести военный билет, паспорт с отметкой о прописке, справку из школы об окончании 9 классов и некоторые другие документы.

Поблагодарив директора за чуткое отношение и поздравив его с наступающим праздником, я вышел вместе с замдиректора, поблагодарил и его и буквально побежал домой. Я был безмерно рад. За два дня все мои проблемы были решены, и 10-го числа я приступлю к занятиям среди взрослых людей.

Дома была только мама. Она радовалась моей радости. Ведь мы

так мечтали о том, чтобы вернуться в Белгород-Днестровский, быть всем вместе, чтобы я учился.

* * *

7 ноября 1945 года вся страна отмечала 28-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В Белгороде-Днестровском на Михайловской улице, названной недавно улицей Ленина, проходила демонстрация населения города. На тротуаре, недалеко от сооруженной трибуны для руководителей города, мама и я нашли себе место среди домохозяек, стариков и детей. С музыкой, флагами и транспарантами шествовали коллективы учреждений и предприятий, учебных заведений и больниц и т.д. Это был единственно возможный случай увидеть сразу всех жителей города. Все здоровые люди были обязаны участвовать в демонстрации. К тому же многие пришли, чтобы повидать друзей и знакомых. Мы еще надеялись, что в этом скоплении народа встретим кого-нибудь из старых аккерманцев, из друзей родителей, из моих соучеников. Я думал, что, может быть, кто-то из моих товарищей бросил учебу и пошел работать, или поменял школу, или, кто знает, приехал сюда на праздники из Одессы или из других мест, чтобы навестить родных.

Мы простояли более трех часов, перед нами прошли тысячи людей. Среди них еврейских лиц было мало и ни одного из тех, кого мы так хотели увидеть. Мы вышли из толпы. Разочарованные и усталые, направились домой. Мы шли среди руин бывших еврейских кварталов. Нам не верилось, что еврейская жизнь города навсегда ушла в прошлое, что никогда больше мы не услышим идиш, речь наших предков.

Проклятые годы оккупации Бессарабии и Северной Буковины и погромов, чинимых здесь румынами, окаянные годы истощенных и обессиленных, чудом уцелевших душ, сорванных с мест и ссылаемых нескончаемыми колоннами в Транснистрию на верную смерть под конвоем свирепых легионеров в форме военных и жандармов, годы страданий от голода, холода, болезней и издевательств румынских палачей в гетто и принудительных трудовых лагерях – эти годы бедствий, унесшие сотни тысяч жизней ни в чем не повинных людей и искалечившие дальнейшее существование, участь считанных единиц, спасшихся волею судьбы, останутся в памяти народов как годы сурового, беспощадного испытания прочности и непоколебимости духа еврейства.

* * *

К списку безвременно погибших в гетто моих родственников, о которых я писал с болью на страницах этой книги воспоминаний, прибавлю имена близких моему сердцу родных, ушедших из жизни позже:

Исидор Гельберг (8. 04. 1959)
Геня Гельберг (27. 08. 1966)
Миша Штейнберг (13. 04. 1970)
Дина Удлер (17. 08. 1973)
Яков Удлер (29. 06. 1975)
Мотя Глейзер (2. 08. 1975)
Ида Долинко (24. 01. 1976)
Леня Гельберг (27. 04. 1985)
Дора Глейзер (28. 02. 1989)
Грета Долинко (18. 02. 1994)

Мир их праху! Вечная им память!

* * *

9 ноября, рано утром, мы проводили Мишу до лимана. Его поезд Одесса–Черновцы уходил в полдень. Мы ему пожелали успеха в работе на новом месте и в создании очага своей молодой семьи.

10 ноября, в 8.30 утра, я уже слушал первую лекцию в аудитории института. Я перевернул новую страницу своей жизни.

Подготовительный курс учительского института (я во втором ряду, первый справа) (Белгород-Днестровский, 1946)

Миша, Фира, я, папа, мама, Саша (Фирин сын), Дора, Мотя, маленькая Фира и Юна (Черновцы, 1949)

Дядя Исидор, Леня и тетя Геня Гельберг (Бухарест, 1953)

Мама, я и папа (Черновцы, 1951)

Мама, Фира и я с нетерпением ждали скорого возвращения папы, что означало для нас восстановление полноценной, благополучной и защищенной жизни.

30. 11. 1992 г. – 14. 02. 1996 г.
Питсбург

Примечания

[1] MPB, p. 6; D, X, p. 53-54. По данным переписи населения 1942 года, в городе Четатя Албэ и в уезде не осталось ни одного еврея. PESCM, p. 90–91.

[2] CM, с. 39; КЛ, с. 163–173.

[3] MPB, p. 9; D, VI, p. 214–218. Майор от жандармерии Беки Филип командовал свирепыми, кровавыми расправами над тысячами евреев во всех городах и селах Оргеевского уезда.

[4] БТ; D, VI, p. 214, 215.

[5] D, VI, p. 216.

[6] D, VI, p. 141, 298–300.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга профессора Рубина Удлера «Годы бедствий» – правдивый рассказ о пережитом им, его семьей и близкими родственниками в годы второй мировой войны и Катастрофы на оккупированной немецкими и румынскими фашистами территории Советского Союза. Он и его семья были узниками гетто и лагерей Транснистрии, по счастливой случайности остались живы в октябрьские дни 1941 года во время известной кровавой бойни в Одессе, на себе испытали все тяготы и издевательства во время депортации в лагеря смерти на берегу Южного Буга.

В довоенное время на географической карте мира не было административно-территориального образования под названием Транснистрия. Нет его и в наши дни. По предварительной договоренности между Гитлером и И.Антонеску губернаторство Транснистрия было создано 19 августа 1941 года. Согласно статье 7 «Соглашения об обеспечении безопасности, администрации и экономической эксплуатации территории между Днестром и Бугом (Транснистрия) и Бугом и Днепром (область Буг – Днепр)», подписанного 30 августа 1941 года в Бендерах между представителями немецкого и румынского командования (так называемое «Соглашение Хауффе – Тэтэреану»), предусматривалась организация в Транснистрии концентрационных лагерей и гетто, в том числе для евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины.

Губернаторство Транснистрия прекратило свое существование 18 марта 1944 года, но в истории Холокоста название «Транснистрия» осталось навечно, ее территория усыпана могилами сотен тысяч евреев, погибших от рук фашистских палачей. Не случайно среди названий мест наиболее массовых истреблений европейского еврейства, высеченных на мраморных плитах в Иерусалиме в Национальном институте памяти Катастрофы и героизма (Яд-Вашем) и в Вашингтоне в Мемориальном Музее Холокоста, значится и Транснистрия.

О Катастрофе написаны тысячи произведений различного жанра. Имеются специальные исследования, посвященные трагедии евреев в Транснистрии, эта проблема в разной степени рассматривается в

обобщающих работах о Холокосте евреев Европы. К сожалению, сравнительно мало мемуаров написано и издано бывшими узниками фашистских лагерей и гетто Транснистрии, пережившими Холокост. Между тем без таких работ трудно вообразить себе весь кошмар еврейской трагедии.

Малочисленность мемуарных источников объяснима. Вплоть до падения коммунистической диктатуры, в силу проводимой политики государственного антисемитизма, тема Катастрофы была фактически запрещена в СССР. Достаточно вспомнить участь «Черной книги» под редакцией И.Эренбурга и В.Гроссмана, увидевшей свет на русском языке только в 1981 году в Израиле. Доступ к богатым фондам Чрезвычайной государственной комиссии СССР, республиканских, городских и районных комиссий по расследованию злодеяний фашистских захватчиков на оккупированных ими территориях был крайне ограничен, писать можно было только об их зверствах и грабежах, касающихся советских граждан, не упоминая, что значительное количество жертв – евреи. Не было в СССР музеев Холокоста, нельзя было воздвигать памятники евреям в местах их массовых расстрелов. Стоит ли после этого удивляться, что еврейская молодежь и даже многие люди среднего возраста ничего не знали или имели весьма смутное представление о том ужасе, что пережили их соплеменники в годы Катастрофы.

Политика запрета освещения Холокоста продолжалась десятки лет. Большинство узников гетто и лагерей ушло из жизни, так и не оставив своих воспоминаний о пережитом. Тем ценнее для нас появление каждой новой книги мемуаров, принадлежащей перу вчерашнего узника фашистских концлагерей. В бывших республиках СССР книги воспоминаний стали появляться только в 90-х годах прошлого столетия.

Мемуары Рубина Удлера – одно из немногих таких произведений. В годы войны и Катастрофы ему было 16–19 лет – довольно зрелый возраст для восприятия того, что происходило вокруг. Великолепная память позволила ему сохранить подробности, детали пережитого. Богатый жизненный опыт, полученный в последующие годы, дал возможность ученому и исследователю Рубину Удлеру глубоко осмыслить случившееся в то страшное время. Дневниковые записи, привлечение документального материала, хорошее знание внутриполитической жизни Румынии, а также нравов, царивших в этой стране, жителем которой он являлся до лета 1940 года, позволили автору мемуаров нарисовать правдивую картину событий тех лет.

Излагая историю своей семьи накануне и в годы войны, Р. Удлер

в своих мемуарах предоставляет исследователям Холокоста прекрасный материал для ответа на ряд кардинальных вопросов. Почему многие евреи Румынии, даже неплохо обеспеченные материально, побросав все, покинули ее летом 1940 года и перебрались в СССР? Почему десятки тысяч евреев Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии не избежали Катастрофы, оказались на оккупированной фашистами территории и стали жертвами геноцида? Какие обстоятельства позволили определенной части евреев – узников гетто и лагерей Транснистрии – выжить в этом аду? Почему антисемитские правители тогдашней Румынии, долгое время полностью разделявшие взгляды Гитлера относительно «окончательного решения еврейского вопроса» в духе нацизма, в какой-то момент отказались от отправки евреев из Старого Королевства в Транснистрию и в лагеря смерти, созданные гитлеровцами в оккупированной Польше? В какой мере развитие событий на фронтах второй мировой войны повлияло на политику диктатуры Антонеску в «еврейском вопросе»? Мемуары Рубина Удлера опровергают вымыслы некоторых современных румынских авторов, которые, став на путь реабилитации маршала Антонеску и его режима, возрождают всю «аргументацию» обанкротившегося румынского фюрера в оправдании политики геноцида, проводимой им по отношению к евреям Бессарабии, Буковины и Транснистрии.

Рубин Удлер рисует портреты людей, с которыми ему пришлось встречаться, работать и жить в годы фашистского плена. Были среди них отпетые антисемиты и мерзавцы, были просто охотники поживиться за счет еврейского добра. Но были среди неевреев – украинцев, русских, молдаван и даже румын – такие, которые понимали и ценили жизнь и труд евреев и старались уберечь их от произвола фашистских убийц, или просто добрые, сердечные люди, осуждавшие политику национализма и антисемитизма, и порою с риском для собственной жизни и жизни своих родных помогали евреям выжить, прятали и спасали их от смерти. Автор мемуаров с особой теплотой и признательностью пишет о них.

Так уж случилось, что после изгнания из Транснистрии немецких и румынских войск бывший узник Р. Удлер оказался в Коми АССР, в самой северной автономной советской республике, на территории которой было немало лагерей пресловутого Гулага. Он был не политзаключенным, а всего лишь трудармейцем, но выполнял такую же работу, что и «враги народа», отсидевшие и неотсидевшие свой срок. Попал молодой Удлер туда не случайно. Бдительные чиновники из военного комиссариата и Смерша узрели в нем, еврее, пережившем ужасы фашистских лагерей, подозрительную личность, поскольку он родился в Румынии, а последняя была союзницей

Германии в войне против СССР. Ради страховки они упрятали его на север, в царство снегов и холода. Автор мемуаров с присущей ему наблюдательностью описывает этот год тяжелых испытаний в трудармии. И здесь пришлось встречаться с разными людьми. Среди них были убежденные сталинисты, а также порядочные, добрые и отзывчивые люди, зачисленные по велению «вождя народов» в разряд антисоветчиков, шпионов, саботажников и пособников империалистов. Именно эти «враги народа», уже накопившие богатый опыт выживания в условиях советских лагерей, помогли молодому Удлеру выжить в этих суровых условиях. В какой-то мере ему помог и собственный опыт выживания, приобретенный в фашистском лагере. Читая воспоминания о жизни в Коми АССР, можно заключить, что гитлеризм и сталинизм – это две стороны одной медали, имя которым диктатура.

Мемуары Рубина Удлера написаны доступным языком и будут интересны не только людям, пережившим Холокост и годы кровопролитной войны, но и молодому поколению, особенно в нынешней обстановке разгула антисемитизма и терроризма.

Изяслав ЛЕВИТ,
доктор исторических наук,
профессор (Форт Ли, Нью-Джерси)

БИБЛИОГРАФИЯ

Adameșteanu Gabriela. Extremismul românesc îngrijorează Statele Unite. Cazul Antonescu. RCM, nr. 771–772 din decembrie 1993.

Ancel Jean. The Jassy Syndrome (I). RJS, 1987, vol. 1, nr. 1 (AJS).

Aroni Samuel. Memories of the Holocaust. Kishinev 1941–1944. Los Angeles, 1995 (AM).

Așezările evreilor din România. Memento statistic. București, 1945, vol. 1; 1947, vol. 2 (AER).

Baranga Aurel. Ninge peste Ucraina. București, 1946 (BNU).

Benjamin Lya. Ne plângem martirii... RE, nr. 9 din 16–31 iulie 1995.

Boldur Al. Românii și strămoșii lor în istoria Transnistriei. Iași, 1943 (BR).

Butnaru I.C. Holocaustul uitat. Considerațiuni istorice, politice și sociale cu privire la antisemitismul românesc. Tel Aviv, 1985 (B).

Butnaru I.C. The Silent Holocaust. Romania and its Jews. New York–London, 1992 (BS).

Calafeteanu Ion, Covaci Maria. Situation of the Jews in Bessarabia, Bukovina and «Transnistria» in the 1941–1944 Years. Bukarest, 1983 (CC).

Calafeteanu Ionel, Simion Aurică. The Condition of the Jews Living Within the Romanian State During the Years of the Military-Fascist Dictatorship. Bucharest, 1983 (CS).

Carp Matation. Cartea neagră. Suferințele evreilor din România. 1940–1944. București, 1946-1947, vol. I–III (C).

Călinescu George. Scrinul negru. București, 1968 (CSN).

50 de ani de la martiriul evreilor din România (București, 1–3 iulie 1941). RCM, nr. 717 din iunie 1991.

The Chronological Atlas of the World War II. Ed. by Barrie and Frances Pitt. Toronto, 1989 (CAWWII).

Constantiniu Florin. Desfășurarea evenimentelor din 21–23 ianuarie 1941. CN din 20 ianuarie 1996.

Dallin Al. Odessa, 1941–1944. Santa Monica, 1957 (DO).

Dicționar enciclopedic român. București, 1966, vol. IV (DER).

Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry During the Holocaust. Selected and edited by Dr. Jean Ancel. Jerusalem-New York, 1981–1986, vol. I–XII (D).

Dorian Emil. The Quality of Witness. A Romanian Diary 1937–1944. Philadelphia, 1982 (DQW).

Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1972, vol. 10, 14, 15 (EJ).

Encyclopedia of the Holocaust. New York–London, 1990, vol. 3, 4 (EH).
Evacuarea Basarabiei, 1940. ALA, nr. 274 din 25 iunie 1995.
Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. I. Legislația antievreiască. București, 1993 (LA).
Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. II. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniștri. București, 1996 (PESCM).
Fătu Mihai, Spălățelu Ion. Garda de fier – organizație teroristă de tip fascist. București, 1971 (FS).
Fisher Julius S. Transnistria: The Forgotten Cemetery. New York-London, 1969 (F).
Florin Andrei. Transnistria, 1941–1943. Odessa, 1943 (FT).
Funderburk David B. Un ambasador american între Departamentul de Stat și dictatura comunistă din România. 1981–1985. București, 1994 (FAA).
Gilbert Martin. Atlas of Russian History. 1985 (GARH).
Gilbert Martin. The Macmillan Atlas of the Holocaust. 1982 (MAH).
Giurescu C.C. Istoricul orașului Brăila. București, 1968 (G).
Hancock Ian. The Pariah Syndrome. Ann Arbor, 1987 (HPS).
Historical Atlas of the Holocaust. New York, 1996 (HAH).
The Holocaust in the Soviet Union. Ed. by L. Dobroszycki and J. Gurock. New York, 1993 (HSU).
Ideea care ucide. Culegere de studii elaborate de Alexandru Florian și a. București, 1994 (IU).
Ioanid Radu. Evreii sub regimul Antonescu. București, 1997 (IE).
Ioanid Radu. Sabia Arhanghelului Mihail. București, 1994 (IS).
Jagendorf Siegfried. Jagendorf's Foundry. Memoir of the Romanian Holocaust 1941–1944. New York, 1991 (J).
Kareţki A., Covaci M. Zile însângerate la Iași (28–30 iunie 1941). București, 1978 (KC).
Kenrick D., Puxon G. Gypsies under the Swastica. 1995 (KPG).
Lecca Radu. Eu i-am salvat pe evreii din România. București, 1994 (RL).
Litani Dora. Transnistria. Tel Aviv, 1981 (L).
Ludo I. Ultimul batalion. București, 1960 (LUB).
Lupu Șerban. Românii, mareșalul Antonescu și evreii. ALA, nr. 280 din 6 august 1995 și nr. 281 din 13 august 1995.
Magherescu George. Adevărul despre mareșalul Antonescu. București, 1991, vol. I–III (MAMA).
Mailat Ioan. Transnistria. București, 1942 (MT).
Marcus Israel. Din nou șapte momente. 1987 (MD).
Martiriul evreilor din România. 1940–1944. Documente și mărturii. București, 1991 (MER).
Messenger Charles. The Chronological Atlas of World War Two. New York, 1989 (MCA).
Mezincescu Eduard. Mareșalul Antonescu și catastrofa României. București, 1993 (MM).
Mic dicționar enciclopedic. București, 1972 (MDE).
Mircu Marius. Iar o dată șapte momente. 1988 (MI).
Mircu Marius. Pogromurile din Basarabia. București, 1947 (MPB).

Mircu Marius. Pogromurile din Bucovina și Dorohoi. București, 1945 (MPBD).
Mircu Marius. Pogromul de la Iași. București, 1947 (MPI).
Mircu Marius. Treizeci și șase de stolpi ai lumii. 1994 (MTȘ).
The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Ed. by J. L. Wieczynski. Gulf Breeze, Fl., 1985 (MERSH).
Nestorescu I.A. Transnistria noastră. Buzău, 1942 (NTN).
Netea Vasile. Transnistria. București, 1943 (NT).
Nicolai, Mitropolitul Banatului. Discriminare, rasism și antisemitism. RCM, nr. 720 din august 1991.
Nistor I. Aspecte geografice și culturale din Transnistria. București, 1942 (NA).
Nistor I. Vechimea așezărilor românești dincolo de Nistru. București, 1939 (NV).
Oișteanu Andrei. Stigmatul etnic. RE, nr. 20–21 din ianuarie-februarie, 1996.
Oișteanu Andrei. Cine să strige că a uita înseamnă a repeta? RE, nr. 30-31 din iunie-iulie 1996.
Palty Sonia. Evrei, treceți Nistrul! Însemnări din deportare. Tel Aviv, 1989. Ed. II (P).
Pelin Mihai. Introducere, note și indice de nume în Sioniștii sub anchetă. București, 1993 (PS).
Pelin Mihai. Legendă și adevăr. București, 1994 (PLA).
Popovici Traian. Prigoana, ghettoul și deportarea. Cernăuți, 1941 (PPGD).
Popp N. M. Românii din Basarabia și Transnistria. BSRR, tomul LX. București, 1942.
Popp N. M. Transnistria. Încercare de monografie regională. București, 1943 (PT).
Preda Marin. Delirul. București, 1975 (PD).
Procesul mareșalului Antonescu. Documente. Ediție prefațată și îngrijită de Marcel-Dumitru Ciucă. București, 1995, vol. I–II (PMAD, I–II).
Remember. 40 de ani de la masacrarea evreilor din Ardealul de Nord sub ocupația horthystă. București, 1985 (RAN).
România în anii celui de-al doilea război mondial. București, 1989, vol. I (RDRM).
Rosen Moses. Primejdii, încercări, miracole. București, 1990 (R).
Rosen Moses. Spuneți adevărul, domnule ministru! Deschideți arhivele! RCM, nr. 757 din aprilie 1993.
Rosen Moses. Târgoviște – O comemorare simbolică: Martiri și Eroi. RCM, nr. 759 din mai 1993.
Rosen Moses. Fascismul un pericol comun. RCM, nr. 761–762 din iunie-iulie 1993.
Rosen Moses. Alți actori, aceeași piesă. RCM, nr. 769 din noiembrie 1993.
Rosen Moses. Noi nu suntem asasini, noi am fost asasinați. RCM. Ediție specială din 8 februarie 1994.
Safran Al. Les Juifs en Roumanie. Les Juifs en Europe. 1939–1945. Paris, 1949 (SJ).
Schafferman I. Drumuri fără întoarcere. Ierusalim, 1979 (SD).
Schechtman Iosif. Transnistria. RCM, nr. 766 din septembrie 1993.
Sebastian Mihail. De două mii de ani... București, 1995 (SDMA).
Sebastian Mihail. Cum am devenit huligan. București, 1995 (SMH).

Shachan Avigdor. Burning Ice. The Ghettos of Transnistria. New York, 1996 (SBI).
Sima Horia. Articole politice. 1950–1963. Madrid, 1967 (SAP).
Sima Horia. Doctrina legionară. București, 1995 (SDL).
Sima Horia. Histoire du mouvement legionnaire. Rio de Janeiro, 1972 (SH).
Stănescu C. Cele mai multe minciuni le spun oamenii emoționați. ALA, nr. 276 din 16 iulie 1995.
Stephani Claus. Observații târzii asupra Holocaustului din România. RCM, nr. 731 din februarie 1992.
Șafran Al. Înfruntînd furtuna. Ierusalim, 1987 (ȘÎ).
Șafran Alexandru. Un tăciune smuls flăcărilor. București, 1996 (ȘTF).
Șerbănescu Ion. Pentru a respecta adevărul integral... ALA, nr. 276 din 16 iulie 1995.
Udler Rubin. Face of Terror. F, Spring 1993.
Udler Rubin. În iadul Transnistriei. RE, nr. 5 din mai 1995.
Udler Rubin. The Cursed Years. – «Shattered! 50 Years of Silence». Scarborough, 1996 (UCY).
Udler Rubin. Noi date despre capitolul transnistrian al Holocaustului. – «Jaloane pentru o viitoare istorie». București, 1999 (UND).
Udler Rubin. The Skull with the Golden Plait. – «Memories of the Scribes». Pittsburgh, 1995 (USGP).
Udler Rubin. A Saintly Person. – «Memories of the Scribes». Pittsburgh, 1995 (USP).
Verenca Olivian. Administrația civilă română în Transnistria. Chișinău, 1993 (VAT).
Voicu Ștefan. Vremuri, oameni... București, 1980 (VVO).
Volovici Leon. Ideologia națională și «problema evreiască» în România anilor '30. 1995 (VIN).
Volovici Leon. Romanian Intellectuals – Jewish Intellectuals During the Dictatorship of Antonescu. RJS, 1987, vol. I, nr. I (VR).
World Almanac of the Soviet Union from 1905 to the Present. Ed. by Warren Shaw and David Pryce. New York, 1990 (WASU).

Антииудаизм или пещерный мир. Составитель Ефим Ткач. Кишинев, 1998 (АПМ).
Антосяк А.В. В боях за свободу Румынии. Москва, 1974 (АБСР).
Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Франция, 1980 (БВ).
Бачинський А.Д. Трагедія євреїського населення українського Подунав'я: 1941. ОУ, № 21 от 15 октября 1991 (БТ).
Берия: конец карьеры. Составление и общая редакция В.Ф. Некрасова. Москва, 1991 (БКК).
Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. Москва, 1994 (БМО).
Большая Советская Энциклопедия. Москва, 1974, т. 16, 18; 1975, т. 22 (БСЭ).

Боровой С.Я. Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации. – В сб.: Історичні зошити. Академія наук України. Інститут історії України. Київ, 1991, № 4 (Б).

Василевский А. Дело всей жизни. Москва, 1975 (В).

Визель Э. В защиту мертвых. Фр, № 31.213 от 4–10 декабря 1998 (ВЗМ).

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Москва, 1969 (Ж).

Зарождение народных армий стран-участниц Варшавского договора. 1941–1949 гг. Москва, 1975 (ЗНА).

История Коммунистической партии Советского Союза. Москва, 1969 (ИКПСС).

Ковальджи К. Лиманские истории. Москва, 1970 (КЛ).

Лазарев А.М. Я – молдаванин. Тирасполь, 1995 (ЛЯМ).

Лебедев Н.И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. Москва, 1968 (Л).

Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей-гетто. – В сб.: Вестник Госархива Черновицкой области. Черновцы, 1994, вып. III (ЛОЛ).

Неделчук В. Республика Молдова. Кишинев, 1992 (НРМ).

Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов. Москва, 1995 (НТЖ).

Попович К. Память времени. Кишинев, 1986 (ППВ).

Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982 (СМ).

Стародинский Д.З. Одесское гетто. Одесса, 1991 (Ст).

Троцкизм – враг ленинизма. Москва, 1968 (Т).

Черная книга. Под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Иерусалим, 1980 (ЧК).

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ

ALA – Adevărul literar și artistic. București.
BSRR – Buletinul Societății Regale Române. București.
CN – Curierul național. București.
F – Forum. Pittsburgh.
RCM – Revista cultului mozaic. București.
RE – Realitatea evreiască. București.
RI – Revista istorică. București.
RJS – Romanian Jewish Studies. Jerusalem.
RL – Românul liber. București.
М – Молва. Одесса.
ОГ – Одесская газета. Одесса.
ОУ – Одеський університет. Одесса.
Фр – Форвертс (Russian Forward). Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
5
ОДЕССА, 1941 год
9
БРЭИЛА
33
АККЕРМАН
51
И СНОВА ОДЕССА
75
ДОРОГА В ГЕТТО
86
ВИНОГРАДНЫЙ САД
93
ГРАЖДАНОВКА
147
ВОВХОВО
159
ОДЕССА, 1944 год
173
ПУТЬ НЕВЕДОМО КУДА
217
КОМИ АССР
227
МОСКВА
277
БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКИЙ
303
ПОСЛЕСЛОВИЕ
317
БИБЛИОГРАФИЯ
321
СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ
326

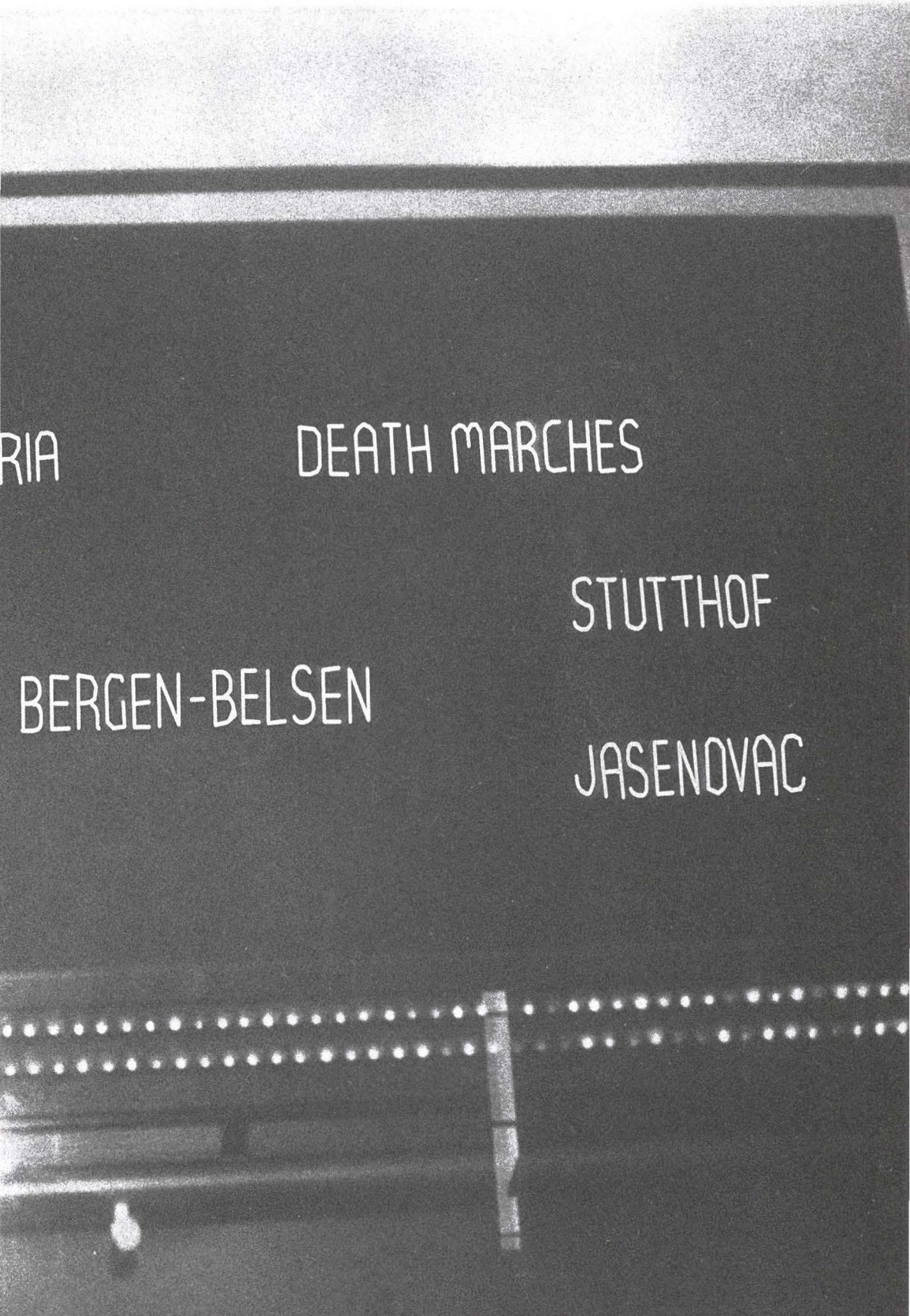
ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Выражаю глубокую благодарность доктору исторических наук, профессору Владиславу Якимовичу Гросулу (Москва) и доктору исторических наук, профессору Изяславу Ильичу Левину (Форт Ли, Нью-Джерси), высококвалифицированным специалистам по истории Молдовы, Румынии и по Холокосту, внимательно ознакомившимся с книгой и написавшим «Предисловие» и «Послесловие» к ней.

Признателен доктору экономических наук, профессору Иосифу Давидовичу Белоусу, выполнившему ответственную работу с издательством в качестве моего уполномоченного, и технологу Любовь Ильиничне Красс.

Я весьма благодарен Президенту Объединенной Еврейской Федерации г. Питсбурга господину Говарду М. Ригеру за всестороннее содействие и дружеское внимание.

Хочу выразить особую признательность за постоянную моральную поддержку, ценные замечания и советы первым читателям воспоминаний моей жене Мире Ильиничне, сыну Артуру и дочке Анджеле.

RIA
DEATH MARCHES
STUTTHOF
BERGEN-BELSEN
JASENOVAC